

ВВЕДЕНИЕ

Императорская археологическая комиссия (1859–1917 гг.) сыграла очень важную роль в деле изучения российских древностей, в том числе и в области античной археологии. В этой области знания, как известно, особое значение принадлежало и до сих пор принадлежит изучению древностей Боспора Киммерийского – одного из главных центров греческой колонизации северного берега Чёрного моря (рис. 1). Нельзя сказать, что в наше время заслуги сотрудников комиссии игнорируются или недооцениваются. Вместе с тем, в специальных работах внимание обычно акцентируется на том факте, что археологи XIX в. не стремились к исследованиям древних поселений, предпочитая им раскопки погребений, прежде всего курганных комплексов, поскольку именно в них можно было найти драгоценные произведения античного искусства. С этим, в принципе, спорить невозможно. Что касается деятельности российских археологов по изучению курганов Восточного Крыма и Таманского полуострова, то в современной научной литературе она обычно оценивается двояко. С одной стороны, признаётся, что ими был добыт огромный фактический материал, обогативший науку ценнейшими материалами, характеризующими культуру Боспора, но, с другой стороны, подчёркивается то, что несовершенство методики раскопок, отсутствие должной полевой документации, пренебрежение рядовыми находками и т.д. снижали значение сделанных тогда открытий [см., к примеру, Масленников, 1981, с. 7]. С такой оценкой, конечно, тоже невозможно поспорить, но для истории археологической науки в высшей степени важно знать, как же сами учёные того времени оценивали результаты своих исследований, какие ставили задачи, какой видели перспективу изучения боспорских древностей.

Деятельность Императорской археологической комиссии охватывает почти 60 лет. По существу, это целая человеческая жизнь! К тому же этот период в истории России, начавшийся с Великих реформ императора Александра II и закончившийся потрясениями первых десятилетий XX в., отличался огромной сложностью. В связи с этим следует признать, что на различных исторических срезях подходы к изучению памятников древности менялись, наполнялись новым смыслом, появлялись новые приоритеты и т.п. В бурном море российской

истории Императорская археологическая комиссия, конечно, совсем не всегда была островком стабильности.

Самостоятельное научное значение имеет изучение взаимоотношений, складывавшихся между структурными подразделениями Археологической комиссии. Прежде всего это касается взаимоотношений между петербургским руководством и Керченским музеем древностей. Вполне понятно, что взаимопонимание служило важным фактором в успешной деятельности Комиссии и, наоборот, возникновение всякого рода конфликтных ситуаций могло сказаться на ходе археологических работ самым негативным образом.

Для ответа на поставленные вопросы принципиальное значение имеют документы, хранящиеся в архивах России и Украины, прежде всего в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН (С-Петербург). Бытует мнение, что материалов о деятельности Археологической комиссии, в частности о её первом председателе С.Г. Строганове, дошло не очень много [Гурулёва, 2005, с. 163]. С этим мнением никак нельзя согласиться! Напротив, материалы, характеризующие деятельность ИАК, в том числе и под руководством С.Г. Строганова, сохранились в большом количестве, но многие из них, к сожалению, до сих пор не введены в научный оборот, и суждения археологов былых времён, даже некоторые из подготовленных ими программных сочинений, для современных исследователей остаются почти неизвестными. С этой несправедливостью, наконец, следует покончить, и не просто охарактеризовать ход археологических работ на берегах Керченского пролива, осуществлявшихся под руководством Археологической комиссии, но, так сказать, дать возможность исследователям давно ушедшей эпохи «высказаться» по поводу того, что и как они хотели сделать. Первая попытка такой работы была предпринята мною в рамках проекта «Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания» (СПб, 2009) [Виноградов, 2009а]. Данная публикация является её расширенным и исправленным вариантом, хотя и она, конечно, не может претендовать на полное и окончательное решение всех научных вопросов, связанных с ролью Императорской археологической комиссии в изучении боспорских древностей.

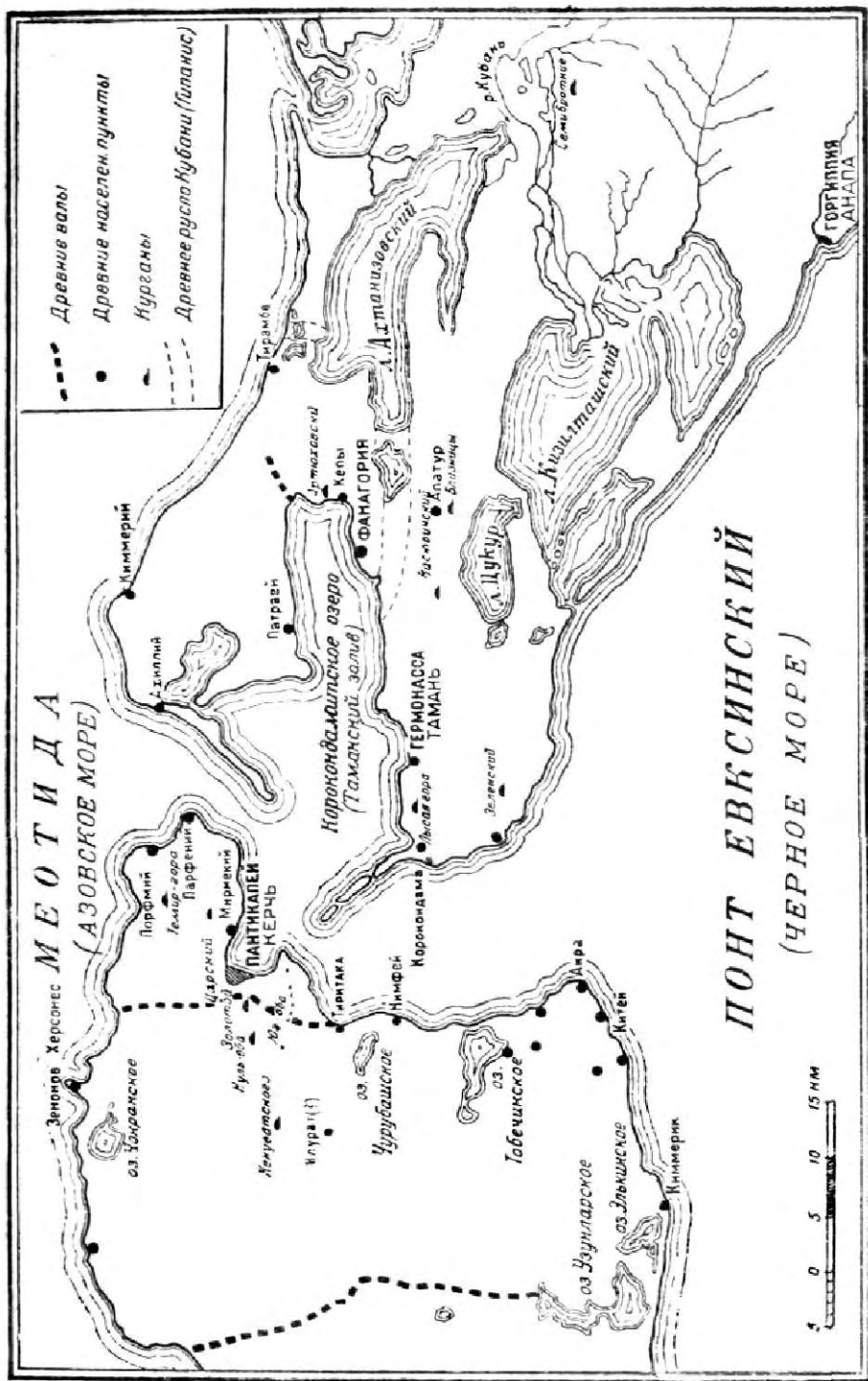

Рис. 1. Карта Боспора Киммерийского (Гайдукевич, 1949).

Глава I.

НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1.1. Античная археология в России в середине XIX в.

Императорская археологическая комиссия, созданная согласно положению, утвержденному 2 февраля 1859 г. Александром II [Охрана памятников 1978: 63-68, № 33; Медведева и др., 2009, с. 10-11], в развитии российской античной археологии сыграла очень важную роль. Это нововведение сразу стало рассматриваться как одно из проявлений мироощущения, характерного для времени Великих реформ, призванных примирить идеи, выработанные западной наукой и западным опытом, с идеями чисто русскими, глубоко лежащими в истории нашего Отечества [Данилов, 1886, с. 3; ср.: Фармаковский, 1921а, с. 1-7; Жебелев, 1923, с. 107-108; Пескарёва, Рябинин, 1984, с. 299 сл.; Лебедев, 1992, с. 89-91; Васильева, 2000; Длужневская, 2006].

Однако античная археология в России, как хорошо известно, начала формироваться ранее этого срока и к середине XIX в. уже достигла немалых успехов [см.: Тункина, 2002]. Г.С. Лебедев, оценивая ситуацию того времени, пришёл к заключению, что в области классической археологии петербургская наука «достигла общеевропейского уровня и вела исследования мирового уровня» [Лебедев, 1992, с. 156]. В столице были созданы учреждения, так или иначе контролировавшие раскопки античных памятников Северного Причерноморья. Руководство археологическими раскопками тогда было сосредоточено отчасти в Министерстве внутренних дел и отчасти в Кабинете его императорского величества. При МВД была создана Комиссия для исследования древностей, во главе которой встал Л.А. Перовский [о нём см.: Тункина, 2002, с. 252-255; Медведева и др., 2009, с. 28], после смерти которого в 1856 г. всё руководство археологическими разысканиями в стране перешло к С.Г. Строганову [о нём см.: Тункина, 2002, с. 227-228; Гурулёва, 2005; Медведева и др., 2009, с. 31 сл.]. Свою положительную роль сыграло также и то, что на местах были открыты археологические музеи: 1811 г. – в Феодосии, 1825 г. – в Одессе, 1826 г. – в Керчи. Последний из них сразу же стал играть важнейшую роль в деле изучения боспорских древностей.

В первой половине XIX в. под Керчью были сделаны выдающиеся археологические открытия, главным образом, связанные с раскопками курганных памятников. В ряду таких открытий следует назвать курганы Патиниоти, Куль-Обу, Царский, Золотой, Змеиный, на землях мирзы Кекуватского и др.

[Марти, 1926, с. 5 сл.; Тункина, 2002, с. 220 сл., 547 сл.]. Наконец, необходимо обратить внимание ещё на одно обстоятельство: в середине века вышли первые крупные издания, авторы которых попытались подвести некоторые итоги изучения классических древностей на юге России [см.: Виноградов, 2000, с. 102-103; Тункина, 2002]. Среди вышедших к этому времени крупных публикаций следует выделить монографии Г.И.Спасского (1846), А.Б.Ашика (1848-1849), П.П.Сабатье (1851); в 1854 г. увидел свет фундаментальный труд «Древности Боспора Киммерийского», во многих отношениях не потерявший своего научного значения до сих пор.

Несмотря на имеющиеся достижения, необходимость перемен в сфере археологических исследований в России в это время ощущалась вполне отчётливо. Необходимо было реформировать систему организации раскопок, улучшить методику полевых работ, усилить требования к полевой документации, унифицировать правила составления археологических отчётов, создать печатный орган, который мог бы регулярно информировать просвещённую часть общества о результатах археологических раскопок в стране и т.д. С.Г. Строганов, к которому, как уже было сказано, руководство российской археологией перешло в 1856 г., как представляется, глубоко осознавал, что ситуация, сложившаяся в то время в стране, для осуществления этих перемен была вполне благоприятной. И дело здесь не только в общей политической конъюнктуре, нацеленности нового императора Александра II на проведение фундаментальных реформ, что само по себе, конечно, неоспоримо. В отношении понимания состояния боспорской археологии того времени необходимо помнить, что в годы Крымской войны (1854 – 1856 гг.) Керчь в 1855 г. была оккупирована англо-французскими войсками. По этой причине сотрудники Керченского музея, а также некоторые наиболее ценные коллекции и музейная документация были эвакуированы¹. После войны сотрудники Керченского музея достаточно быстро вернулись из эвакуации, в июле 1857 г. было возвращено на место и всё вывезенное музейное имущество [Ф. 14, д. 2, л. 32]. Возвращаться приходилось буквально на руины: Керченский музей был сильно разрушен оккупационными войсками, а оставшиеся в нём древности уничтожены или расхищены [Марти, 1926, с. 22]. Музей предстояло восстановить и поскорей вернуться к нормальному проведению археологических работ на берегах пролива.

Окончание войны, как нетрудно понять, стало важной вехой в истории музея, в которой волей-неволей открывалась новая страница. В связи с этим

¹ Во время эвакуации в 1855 г. в г. Екатеринослав (совр. Днепропетровск) были перевезены также некоторые коллекции и архив музея. В Екатеринославской губернии сотрудники музея должны были производить археологические раскопки. А.Е. Люценко, в частности, раскопал Александропольский курган. После того, как неприятель оставил Керчь, все они были командированы в Феодосию для производства раскопок в окрестностях этого города. Музейные вещи тоже поначалу поступили в Феодосию [Ф. 14, д. 2, л. 13].

С выводами сими нельзя согласиться. Хотя действительно, все лучшие курганы, находящиеся в Керченском градоначальстве (кроме лежащих на земле частных владельцев), давно уже разрыты, однако же это обстоятельство нисколько не препятствует находить в них вещи и гробницы, чрезвычайно важные и интересные во всех отношениях. Примерами тому могут служить известные мраморные статуи и превосходная каменная гробница, открытые в 1850 и 1854 годах: первые случайно в предместьи г. Керчи Глинище⁴, а последняя во время разысканий, произведённых на северной покатости горы Митридат, против татарской мечети⁵. Обе сии находки сделаны были в курганах, разрытых уже перед тем г. Ашиком; причём гробница оказалась глубже сделанного им раскопа, не более как на 1 аршин. Основываясь на сих примерах, я полагаю, что и в прочих курганах, разрытых на земле Градоначальства, число коих огромно, могут заключаться подобные же предметы древности, особенно гробницы, ускользнувшие от поисков прежних разыскателей. Сильнейшим подкреплением такого мнения служат:

- 1). Громадность многих из числа разрытых курганов;
- 2). Вероятность существования в них боковых гробниц, которые часто бывают важнее центральных, основанная на опытах, и
- 3). Совершенно недостаточное разрытие их, происшедшее, быть может, от ошибочных экономических соображений, вследствие коих огромные части сих курганов, могущие заключать в себе целые склепы, остались вовсе неисследованными.

Кроме того, разрезы или раскопы, сделанные в середине некоторых курганов, не всегда доводимы были до материка, как видно из приведённого выше примера. Имея в виду столь важные недостатки в разрытии упомянутых курганов, нельзя не желать тщательной проверки если не всех раскопок, произведённых около Керчи, то, по крайней мере, некоторых. Для достижения сей цели с возможным успехом я полагаю бы удобнейшим ограничить сказанную проверку одним *доследованием*⁶ сомнительных курганов, то есть раскопкой тех частей их, которые остались уцелевшими, не прибегая к позднему и дорого стоящему способу совершенного сношения их с места, о пользе которого упоминает г. Ашик во 2-й части “Воспорского царства” (§ 8)⁷, хотя ни он, ни г-н Карейша не следовали этому правилу. В сём случае

⁴ Имеются в виду две мраморные скульптуры, обнаруженные в кургане на Глинище [см.: Бич, 1958, с. 87–90; Тункина, 2002, с. 201–302].

⁵ Почти нет сомнения, что имеется в виду каменная гробница, открытая 20 ноября 1854 г., которая содержала погребение женщины с богатым набором украшений [Ф. 9, д. 40, л. 163–165]. Вероятнее всего, она относится ко времени не позднее середины IV в. до н.э. [см.: Уильмс, Отген, 1995, с. 152–158].

⁶ Здесь и далее все места, выделенные в тексте цитируемых документов курсивом, если это специально не оговаривается, в рукописи подчёркнуты.

⁷ См.: Ашик, 1848б, с. 9.

как выбор надежнейших курганов для производства помянутых исследований, так и размеры сих последних должны быть предоставлены усмотрению директора и производителей разысканий во время приступа к ним. Такой ход разысканий сделался в Керчи необходимым с тех пор, как в окрестностях этого города не осталось ни одного нетронутого кургана, хотя из сотни раскопанных курганов едва ли найдётся десять разрытых порядочно. Вообще должно заметить, что прежние разыскатели, занимавшиеся здесь раскопками более 30 лет, производили их без всякой системы, думая только о том, чтобы сделать как можно более открытий, что, впрочем, не представляло в прежнее время особенной трудности по причине многочисленности курганов, никем ещё не копанных. Имея это в виду, они беспрестанно переходили с одного места на другое, оставляя без исследования те курганы, в которых, по сделании одного или двух разрезов, не обнаруживалось тотчас гробницы. Сверх того, в описаниях своих раскопок они редко определяли с точностию положение разрытых ими курганов и даже самых местностей, так что, обозревая их теперь на пространстве более 100 квадратных вёрст, невозможно судить: когда и кем они были раскопаны, что найдено было в них замечательного и все ли они расследованы как должно.

Кроме помянутых курганов, рассеянных в разных местах градоначальства в огромном числе, вблизи г. Керчи находится несколько отдельных пунктов и местностей, заслуживающих вполне самых тщательных и постоянных разысканий, несмотря на то, что они были также разрываемы неоднократно. Таковы:

- 1). Колоссальные насыпи горы Митридат, простирающиеся в высоту от подошвы ея до вершины на несколько десятков сажен и состоящие буквально из черепков древней посуды, смешанных с землёю, костями разных животных, угольем, золою и морскими ракушками⁸.
- 2). Замечательные своєю огромностию курганы: Царский с великолепным каменным склепом египетской постройки, Золотой (Алтын-Обо) с двумя склепами такой же постройки и Пепельный (Куль-Обо), разрытый случайно в 1830 году с одной восточной стороны, в котором найдена была известная царская гробница, уцелевшая от расхищения.
- 3). Бесчисленное множество впадин или углублений на северной покатости горы Митридат, позади с. Глиница и отчасти близ Каран-

⁸ В глубине сих насыпей находимы были обломки мраморных статуй, фрагменты карнизов и других архитектурных украшений, надгробные плиты с надписями, монеты и т.п. Покойный граф Лев Алексеевич намерен был расследовать их по возможности до материка, но городское гульбище, устроенное на террасах горы Митридат, препятствовало исполнению этого намерения. Теперь гульбище это почти не существует (Примечание А.Е. Люценко – Ю.В.).

тинной слободки, служащих признаками катакомб, устроенных под землёю в скалистом и глинистом материке и

- 4). Некоторые громадные насыпи в цепи курганов, идущих от Павловской батареи на запад, и отдельно лежащие в других местностях, которые разрыты весьма поверхностно.

Расследования в сих важных пунктах производились сначала по мере возможности, из общих сумм, назначавшихся на археологические разыскания около Керчи и Тамани, но, <так> как этих сумм было для того слишком недостаточно по причине обширности помянутых расследований, то г. министр⁹, желая дать им надлежащее развитие, определил в 1853 году на производство их особую сумму, приказав не смешивать его (т.е. изучение самых важных памятников – Ю.В.) с прочими раскопками. Таким образом, в означенном году расследована была за 1200 руб. значительная часть Золотого кургана, сооружённого из камней разной величины и ограждённого циклопическою стеною¹⁰. Впрочем, размеры подобных расследований чрезвычайно трудно определить вперёд даже приблизительно по причине совершенной неизвестности глубины, до которой они могут простираться в земле.

О курганах г. Феодосии можно сказать почти то же, что изложено относительно курганов, лежащих в окрестностях Керчи. Замечу только, что большая часть их состоит из насыпей каменистого свойства, требующих больших усилий и издержек для систематического их расследования.

Должно также заметить, что в пределах Керченского полуострова есть земли, принадлежащие частным владельцам, на которых рассеяно множество курганов, представляющих живой интерес для разысканий, потому что большая часть их никем еще не копана или разрыта весьма поверхностно. К сожалению, владельцы тех земель, уступая право раскопки их правительству, назначают притом условия, столько же для него затруднительные, сколько и невыгодные, как, например, раздел всех древностей, открываемых при производстве сих раскопок, пополам с ними и т.п. Кроме того, раскопки такого рода в случае значительной отдалённости их от городов и селений требуют устройства временных помещений как для рабочих, так и для чиновников, что сопряжено с немаловажными издержками. При всём том я считаю весьма полезным спросить владельцев земель, находящихся в ближайшем расстоянии от Керчи, не согласятся ли они предоставить правительству разрывать курганы их на тех условиях,

⁹ Имеется в виду министр уделов граф Лев Алексеевич Перовский (1792–1856 гг.).

¹⁰ А.Е. Люценко в данном случае не вполне прав. В 1853 г. были выделены специальные деньги не на раскопки, а на обмеры Золотого кургана и содержащейся в нём гробницы, которые были выполнены Шмаковым [Гайдукевич, 1981, с. 22].

Нимфеона – ниже Павловской батареи, между этим пунктом и Камыш-Буруном.

Тиритаки – при озере Чурубаш.

Дии – поблизости от него (т.е озера – Ю.В.).

Акры – на мысе Такиль-Бурун.

Киммерикума – у подошвы горы Опук.

Китеи – между г. Феодосиею и горою Опук.

Валов Асандра, Аккоса и идущего к Азовскому морю от Золотого кургана.

На Азиатской стороне пролива:

Фанагории – на месте станции Сенной.

Корокондамы – на месте г. Тамани.

Гермонассы – в Таманском округе.

Апатуриона – -----.

Горгишии – -----.

Абораса – -----.

Синда или Синдики – -----.

Киммерийского острова – на месте с. Фонтан.

Тирамбы – на берегу Азовского моря, в 8 верстах от Темрюка.

Киммерикума – на берегу Азовского моря, близ развалин турецкого укрепления Кизляр.

Ахиллеума – на месте казачьего кордона в начале Северной косы (Чушки).

Памятники царя Сатира – холм Куку-Обо с находящимся на нём грязным вулканом, в 12 верстах от Ахиллеума, к югу.

Патреи – у подошвы холма Куку-Обо.

Кепоса – на месте станицы Ахтанизовки.

Киммерийского вала – при оконечности Таманского лимана.

Из вышеупомянутых соображений видно, что круг археологических разысканий в восточной части Крымского полуострова и в Черномории представляет ещё обширное поприще для занятий Керченского музея, а потому я полагал бы удобнейшим не распространять его на другие места, ограничив оный только теми местностями, которые заключались в нём до войны, то есть одним Феодосийским уездом с Керченским градоначальством и Таманским полуостровом с частью восточного берега Чёрного моря от реки Кубани до укрепления Анапы. Впрочем, чем теснее этот круг, тем основательнее могут быть производимы археологические разыскания.

Размеры разысканий, при которых они могут производиться без затруднений как в надзоре за ними, так и в приискании нужных для них рабочих, с приблизительным назначением потребной для этого ежегодно денежной суммы

Археологические разыскания в Керчи и Тамани могут производить с успехом и выгодой для казны только в течение трёх весенних и трёх осенних месяцев, то есть в марте, апреле, мае, сентябре, октябре и ноябре. Летом же цена на рабочих становится в Керчи слишком высокою по причине сенокоса, разных полевых занятий и разработки озёрной соли; притом в это время чрезвычайно трудно находить здесь рабочих, а вызывать их из других губерний ещё труднее по отдалённости оных от Керченского полуострова. Здешние рабочие состоят из русских и татар, принадлежащих к сословию керченских мещан. Они нанимаются артелями от 4 до 16 человек, смотря по величине курганов, и соглашаются копать их от кубической сажени с тем, чтобы уплата заработных денег производилась им в конце каждой недели по обмеру произведённой работы, а потому, сговорившись в цене урока, весьма редко представляется надобность заключать с ними формальные условия. Обыкновенная цена за выемку одной кубической сажени земли без отвозки оной в сторону составляет 1 руб. сер. В случае же каменистого грунта, значительной глубины раскопок и отвозки вынимаемой из них земли в сторону на тачках она увеличивается до 2 руб. и более. В каждом месяце, за исключением табельных и воскресных дней, считается 20 рабочих дней; следовательно, в шести будет 120. А как в течение означенных месяцев для раскопки курганов в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове можно иметь от 40 до 60 рабочих в день, с некоторым же затруднением и более, то общее число их будет простираться до 6000 человек (человеко-дней – Ю.В.); считая же по урочному положению, на выемку каждой кубической сажени земли 2-х землекопов, оказывается, что размеры предполагаемых разысканий могут заключать в себе около 3000 кубических сажен, в том числе 1500 кубических сажен в Керчи и столько же в Тамани, на производство коих потребуются в год 3000 руб., сверх суммы, ассигнуемой ежегодно на содержание Музея и археологические разыскания, в количестве 4428 руб.; причём должно принять в соображение покупку и заготовление инструментов и проч. Впрочем, количество произведённой работы, завися вполне от твёрдости грунта, глубины раскопок и необходимости отвозить землю в сторону, может уменьшиться до половины, не изменяя потребности означенной суммы.

Такой размер <финансирования> для разысканий в Керчи и Тамани принят был в 1853 году, независимо от разработки Золотого кургана, производившейся в том году, по распоряжению покойного г. министра, из особой суммы.

В будущем году я полагаю бы произвести здесь следующие археологические разыскания:

В Керченском градоначальстве:

1. Расследовать курганы, о коих упоминается выше, разрытые недо-

статочно, по левую сторону дороги, ведущей к Карантину, позади с. Глиница и вообще в окрестностях Керчи в том количестве, какое признано будет возможным, не выходя из вышеозначенного размера разысканий, и

2. Разрыть большой курган, находящийся позади с. Глиница, в конце сада мещанина Андрея Сопина. Курган сей разрываем был г. Ашиком только с боков и притом весьма поверхностно; середина же его осталась совершенно не копанюю. Имея остроконечную вершину без малейшей впадины, он простирается в окружность до 70 сажен, а в высоту от 4 до 5 сажен и заключает в объёме своём около 500 кубических сажен. Здешние мещане уверяют, что г. Ашик открыл с западной стороны его каменную гробницу. Допуская это, я полагаю, что в нём находится не одна гробница и что в середине его может быть большой каменный склеп. Впрочем, разрытие его должно производиться с отвозкою земли на тачках.

На Таманском полуострове:

1. Доследовать курганы, разрытые недостаточно близ станции Сенной, на месте древней Фанагории, стараясь также не выходить из вышеозначенного размера разысканий, и
2. Продолжить начатые в 1853 году расследования местности близ означенной станции, возле хутора г. Семеняки, где найден был в том году случайно мраморный пьедестал с замечательною надписью, относящеюся к периоду царствования на Боспоре Перисада I¹².

Штат Керченского музея

Штат Керченского музея я нахожу возможным ограничить только двумя чиновниками, состоящими при директоре, вместо положенных трёх и одного причисленного к музею в 1854 году, а именно: помощником директора, который находится при нём в этом звании, может быть, производителем разысканий на Керченском полуострове и одним чиновником собственно для производства разысканий на Таманском полуострове под непосредственным наблюдением директора и его помощника; третьего же чиновника, назначенного по штату, я полагал бы полезным заменить письмоводителем для ведения при директоре шнуровых книг, формулярных списков и других письменных дел, отвлекающих его от главной обязанности: следить за производством разысканий; причём считаю необходимым:

- 1). Оставить при музее сторожа и трёх постоянных конных надсмотрщиков, первого для хранения древностей, с жалованием по 100 руб. в год, а последних как для надзора за работами, так и для

¹² Имеется в виду надпись [КБН, 972].

- присмотра за тайными раскопками курганов, с производством каждому из них с лошадьёю прежнего содержания по 180 руб. в год.
- 2). Оставить при нём (т.е. при музее – Ю.В.) писаря с жалованьем по 100 руб. в год.
 - 3). Разрешить нанять сторожа к казённой постройке на Таманском полуострове с жалованьем 100 руб. в год.
 - 4). Оставить отпускаемые музеем на канцелярские, рисовальные и скульптурные припасы 100 руб. в год.

В настоящее время, за увольнением от службы чиновников Линевица и Мезирова, остаются при мне только помощник мой, коллежский ассессор Бегичев и губернский секретарь Лазаревский. Находя возможным ограничить ими штат Керченского музея, я полагаю бы удобным поручить первому из них, по способности его к скульптурным и рисовальным занятиям, исполнять, кроме должности помощника директора, обязанности скульптора и рисовальщика, которых по штату не назначено. В сём предложении я считаю должным ходатайствовать о назначении г. Бегичеву дополнительного содержания исправлению означенной обязанности.

Затем я имею честь испрашивать соизволения Вашего Сиятельства на определение к музею письмоводителя с жалованьем примерно по 250 руб. в год.

Помещение музея

Относительно устройства помещения для музея, я имел честь изложить мнение моё в записке, представленной Вашему Сиятельству при рапорте от 16 минувшего сентября за № 89-м.

По неимению при делах музея копии с чертежей здания, находящегося на горе Митридат, который представлен в 1834 году в С-Петербург, я просил здешнего городского архитектора составить приблизительные соображения как о стоимости исправления помянутого здания, так и о сумме, потребной для постройки в замен его нового музея. Ныне соображения сии получены, из коих видно, что капитальное исправление первого, с уничтожением сводов, поддерживающих крыльцо, устройством окон вместо люка и заменой мраморного пола обыкновенным, простирается на сумму около 6265 руб.; постройка же последнего в один этаж обойдётся не дороже 8953 рублей.

Представляя при сём как означенные соображения ..., так и проект нового дома для помещения музея на благоусмотрение Вашего Сиятельства, долгом считаю присовокупить:

- 1). Что наём квартиры для помещения музея в частном доме при всех неудобствах и затруднениях одного относительно мраморов и других тяжёлых предметов, для которых вообще частные постройки и жилые дома служить не могут, потребует ежегодно не менее 300 руб.

- 2). Что на основании предписания покойного г. министра уделов от 21 июля 1853 года за № 288 и других, все сверхштатные расходы музея, относящиеся к отоплению здания и мелочным в нём исправлениям, к найму сторожей и писаря, выдачи чиновникам прогонных и фуражных денег, дополнительному содержанию надсмотрщиков и к канцелярским припасам, производились из 4428 руб., ассигнуемых ежегодно на содержание музея и археологические разыскания.
- 3). Что в случае несоизволения Вашего Сиятельства на исправление здания музея, находящегося на горе Митридат, можно было бы спросить здешнее лютеранское общество, не согласится ли оно приобрести его для устройства в нём церкви, которой общество это не имеет.

Средства Керченского музея

1. Фуражные или разъездные деньги

Археологические разыскания, производимые в окрестностях Керчи и Тамани на пространстве многих квадратных вёрст, не могут существовать без назначения чиновникам постоянных разъездных денег как по причине дороговизны в г. Керчи биржевых извозчиков, требующих за каждую городскую поездку для осмотра работ или открытия гробниц непомерной платы по часам, которая превышает их средства, так и по неимению к тому никаких способов в Тамани. Признавая необходимость их, покойный граф Лев Алексеевич изволил в 1853 году выдать чиновникам музея единовременно по 60 руб. на покупку верховых лошадей с сёдлами и производить <выплаты> каждому из них на продовольствие сих лошадей по 107 руб. в год, под названием фуражных денег. Такое распоряжение сохранило своё действие на основании особых предписаний г. министра и во время командировки сих чиновников из Керчи, так как занятия их продолжались в Екатеринославской губернии и Феодосии. В текущем же году я имел честь получить предписание Вашего Сиятельства от 11 мая, в котором определено произвести им выдачу фуражных денег только по день перемещения в Керчь. Вследствие чего, по возвращении в Керчь я прекратил выписку сих денег в расход как им, так и себе, что заставило нас продать помянутых лошадей, не внося в казну денег, употреблённых на покупку их; для производства же разысканий нанимать биржевых извозчиков на свой счет. По сим причинам я считаю долгом ходатайствовать о назначении директору и чиновникам музея для разъездов их по работам, вместо фуражных денег, постоянных разъездных в том количестве, в каком производились первые, т.е. по 107 руб. в год, предоставив им иметь собственных верховых лошадей и, вместе с тем, о разрешении не требовать от них денег за проданных казённых лошадей.

2. Квартирные деньги

Числясь в Кабинете Его Величества и не завися в занятиях своих от градоначальника, директор Керченского музея и находящиеся при нём чиновники могут считаться здесь в командировке, а потому я полагал бы возможным производить им постоянно в виде пособия суточные и квартирные деньги в том размере, в каком они присвоены лицам, командируемым с разными поручениями из С-Петербурга. Такое пособие могло бы значительно облегчить существование сих чиновников в здешнем крае, принимая в соображение слишком ограниченное содержание их и частые разъезды по производству разысканий.

3. Книги

Библиотека музея, спасённая от неприятеля с лучшими его древностями, сохранилась в совершенной целости и теперь приведена в порядок, но в ней не заключается многих сочинений, существенно необходимых чиновникам как для справок, так и для руководства их во время разысканий. Таковы в особенности: издание Эрмитажа Его Императорского Величества с изображением древностей, представленных Керченским музеем в С-Петербург; Записки С-Петербургского Археологического общества; известное сочинение Крейцера под названием “*Réligios de l’antiquité*” в переводе Гиньо; “*Voyage autour du Caucase*” г-на Дюбуа де Монпере, которого имеется только 5-ый том без атласа и т.п. Покойный граф Лев Алексеевич обещал мне лично выслать первое из сих сочинений, когда музей снова устроится в Керчи. Кроме того, в одном из писем своих он обещал выслать сочинения гг. Кёне и князя Сибирского, относящиеся к нумизматике Воспорского царства по выходе их в свет. Полезно было бы также разрешить выписку для музея журнала “*Révue archéologique*”.

Мнение моё относительно некоторых мест, заслуживающих археологических разысканий, и предположения о них покойного г. министра уделов

В частых разъездах моих по южным губерниям России я видел много мест, заслуживающих внимательного исследования в археологическом отношении. К сожалению, большую часть из них я мог заметить только проездом; осмотреть же в подробности не имел ни времени, ни способов. Осмеливаюсь изложить здесь общий взгляд мой на те места, которые я видел. Главнейшими были:

В Киевской губернии. Некоторые могилы или курганы, валы, городища и другие насыпи, прекрасно описанные в обозрении их, изданном по

Высочайшему повелению г. Фундуклеем в 1848 году¹³. В числе сих памятников древности, вообще любопытных, могилы заслуживают особенного внимания, тем более, что в одной из них Каневского уезда, между селениями Пищальниками и Лазурцами найдена была случайно в 1845 году превосходная глиняная урна греческого стиля с изображением пляски воина и вакханки, а в другой, Звенигородского уезда, между селениями Петриковкою и Ромейковкою – шлем изящной афинской формы и поножья или наголенники из коринфской меди. Находки эти показывают, как справедливо замечает г-н Фундуклей, что греческие колонии далеко простирались вверх по Днепру. Я видел эти вещи в Киевском музее древностей при Университете Св. Владимира и нахожу их чрезвычайно замечательными. Необходимо было бы исследовать местности, в которых они найдены.

В Херсонской губернии. Ольвийские курганы в с. Порутине графа Кущелева-Безбородко. Осматривая эти курганы в 1854 году, я заметил, что многие из них разрыты без всякой системы, но большая часть ещё не тронута. Здесь, по всей вероятности, сокрыто в земле множество исторических памятников. На песчаном берегу Ольвии находят сотни монет и тесеров, выбрасываемых волнами со дна реки. Каменные гробницы похожи на керченские с тою разницею, что некоторые из них имеют своды в виде треугольной призмы.

В Екатеринославской губернии. Бесчисленное множество курганов, рассеянных повсеместно, особенно в Екатеринославском уезде. Встречаясь по всем направлениям этого уезда, они группируются в окрестностях Екатеринослава и м. Никополя, заставляя предполагать, что на месте их или вблизи от них существовали в древности многолюдные селения. Таковы: курган Чертомлыкский на земле барона Штиглица, близ с. Покровского, имеющий в окружности до 160 и в высоту около 15 саж., и Толстая Могила, находящаяся в 8 верстах от государственного селения Александрополя, в имении г. Нечаева. Я полагаю, что курганы сии сооружены над катакомбами, устроенными в глубине материка, в которых покоятся цари или вожди скифских племён, чему служит подтверждением открытие, сделанное в последнее время в огромном Александропольском кургане¹⁴. Остаётся только желать, чтобы катакомбы эти не были разорёнными. Здесь так же, как и в Киевской губернии, с грубыми изделиями скифской работы находимы были вещи изящного греческого стиля, как например, золотые медальоны с изображением en face головы Медузы,

¹³ Имеется в виду книга И. Фундуклея, содержащая обзор археологических памятников Киевской губернии [Фундуклей, 1848].

¹⁴ В 1855 г. раскопки Александропольского кургана были проведены самим А.Е. Люценко, которому, в частности, удалось открыть в нём катакомбу [см.: Древности Геродотовой Скифии, 1866, с. 8 сл., Лазаревский, 1895, с. 29 сл.; Артамонов, 1966, с. 54-58].

совершенно сходные с найденными близ Керчи в кургане Куль-Обо, подвески от ожерелий и обломки ваз с рисунками и позолотой. Впрочем, осматривая раскопки, произведённые в этом уезде, я заметил, что многие из них не доведены до материка, в котором могут быть углубления, ведущие в катакомбы.

В Таврической губернии. Курганы, лежащие близ г. Орехова и вообще в Мелитопольском и Днепровском уездах, особенно находящиеся в верховьях речек Молочные Воды и Токмак, где, по мнению некоторых писателей, основанному на сказания Геродота, находилась страна Геррос с гробницами скифских царей. Курганы сии обращают на себя особенное внимание как многочисленностью их, так и величиною. Замечательны также большие могильные насыпи, встречаемые близ гг. Бердянска и Ногайска, и по дороге от Перекопа к Алешкам, близ станций Большие и Малые Копани.

В земле Черноморского войска. Курганы, идущие непрерывною цепью по дороге от Темрюка к Екатеринодару, с правой стороны Кубани. Какой стране принадлежат они, остаётся неизъяснимой загадкой.

Кроме означенных мест, я осматривал местоположения древнего Херсонеса, находящегося на западной оконечности Иракийского (Гераклейского – Ю.В.) полуострова, между Херсонесским мысом и Георгиевским монастырём, в 7 верстах на запад от Севастополя, и нового Херсонеса на мысу, образуемом Круглым заливом и Карантинною бухтою. Разыскания, произведённые в последнем из них графом Уваровым, привели, как известно, к важным открытиям¹⁵. Что же касается до стен и строений первого, то к необходимому исследованию их, кажется, никем ещё не было приступлено».

Приведённый документ наглядно характеризует намерения А.Е. Люценко в отношении раскопок на Боспоре по обеим сторонам пролива, а также понимание им необходимости проведения археологических исследований в других важнейших центрах греческой колонизации Северного Причерноморья – Ольвии и Херсонесе Таврическом. Наконец, необходимо отметить, что директор Керченского музея осознавал важность раскопок скифских царских курганов, а также курганов Прикубанья, отношение которых к древним народам, некогда населявшим этот регион, в то время было «неизъяснимой загадкой». Весьма ценны также соображения А.Е. Люценко о финансировании раскопок, реконструкции здания музея, сильно пострадавшего во время оккупации, а также о штате музея.

¹⁵ О раскопках А.С. Уварова в Херсонесе в 1853 г. см.: Извлечение, 1855, с. 132-173. К.Э. Гриневич считал, что это были первые раскопки городища, проведённые с научно-исследовательскими задачами [Гриневич, 1927, с. 17-18].

1.3. Задачи будущих исследований на Боспоре

Помимо этого документа, который вполне можно считать программным, А.Е. Люценко направил в С-Петербург ещё одно любопытное послание, в котором изложил результаты осмотра курганов, расположенных к югу от Керчи, на Павловском мысу [Ф. 14, д. 2, л. 66-67 об.]. Как оказалось, на одном из них французами было построено укрепление, в результате чего обнажилась часть каменной крепицы, сложенной из хорошо отёсанных блоков, обработанных рустом. Оценив прекрасное качество кладки, А.Е. Люценко высказал предположение, что под насыпью кургана скрыта гробница, подобная обнаруженной в Куль-Обе.

С.Г. Строганов, безусловно, внимательно изучил всю корреспонденцию, поступавшую из Керчи, и в ответ на неё в марте 1858 г. направил А.Е. Люценко обстоятельное письмо, в котором выразил своё мнение по поводу планов раскопок грядущего полевого сезона, а также дал археологу инструкции о том, как следует вести раскопки, фиксировать открываемые объекты, заботиться об их сохранении и т.п. Опять же приведу этот документ полностью [Ф. 14, д. 6, л. 21-23]:

«Согласно записке, представленной мне при письме Вашем от 15-го ноября прошлого 1857 года, разрешаю Вам на разыскания в Керчи в текущем году произвести расход в количестве тысячи пятисот рублей серебром. Расход этот должен быть отнесён на счёт находящейся у Вас остаточной суммы по содержанию Керченского музея, так и имеющей поступать на тот же предмет.

Если бы вследствие случайных обстоятельств, особенно таких, которые подадут повод рассчитывать на открытия, сумма эта оказалась недостаточной, Вы должны, не затрудняясь испрашивать разрешение об усилении оной.

Выбор курганов и вообще мест для исследований зависит от местных соображений, почему и предоставляю его усмотрению Вашему.

Признаю, однако же, необходимым:

- 1). Расследовать курган на Павловской батарее, в котором обнаружилась стена из огромных камней с рустиками, наподобие находящихся в Царском кургане, и
- 2). Расследовать несколько из тех земляных катакомб, в одной из которых открыт был череп макроцефала¹⁶. Причём, не ограничиваясь планами, подобными представленному мне и сделанному Вами со всею отчётливостью, помощник Ваш должен снимать с них точные рисунки.

¹⁶ Макроцефалами в то время называли человеческие костяки с искусственно деформированными черепами (Ю.В.).

При производстве же разысканий должны быть соблюдаемы следующие правила.

На имеющемся при музее плане Керченского градоначальства означать места, на которых производятся разыскания, чтобы сохранить их таким образом навсегда от забвения.

Описывать со всевозможною подробностью величину и наружный вид каждого кургана, ибо легко может быть, что они имеют отличительные признаки, характеризующие собою и разные века, и разные народы.

В случае открытия замечательных гробниц до прикосновения к находящимся в них древностям, помощник Ваш должен снимать с них точные рисунки.

Рисунки должны быть немедленно снимаемы и с таких предметов, которые на свежем воздухе могут терять вскоре же свою форму, куда относятся деревянные вещи, а также и серебряные, сильно окисшие.

Правила этого должно держаться вообще при открытии сколько-нибудь замечательных или оригинальных древностей для того, чтобы рисунки с них давали понятие: могут ли они быть помещены в музей Императорского Эрмитажа или нет.

При работе вести подённый журнал, который не позже, как по истечении каждых 3-х недель представлять ко мне не в извлечении, которое может отнимать время у Вас, а со всеми подробностями, причём прилагать и сделанные рисунки с древностей.

На каждой из находимых вещей прикреплять маленький билет, на одной стороне которого был бы означен год, когда она открыта и № гробницы, к которой она принадлежит, а на другой – №, под которым она значится в общей описи. Это даст возможность всегда легко справиться, где и при каких условиях найдена каждая из открытых в Керчи вещей. В том случае, если случайно или даже по неосторожности вещи разных гробниц перемешались между собой и вследствие этого родилось сомнение, куда их отнести, при означении № гробницы ставить знак ?. Предохраняя тех, которые захотели бы воспользоваться учёным значением керченских древностей, от ошибок, знак этот будет иметь достоинство, хотя отрицательное, свидетельствуя об учёной добросовестности дирекции музея. Без билетов номерованных могут храниться только монеты и другие, подобные им древности, которые легко могут быть описаны, а также вещи, совершенно утратившие свою форму.

Монеты, находимые окисшими, никаким образом не смешивать между собою до очистки их, так как они служат весьма важными указателями времени, к которому относятся гробницы.

Если предстояло затруднение в очистке их вследствие недостатка времени или других причин, не затрудняясь пересылать их ко мне, завёртывая в отдельные пакеты с означением на них № гробниц.

В случае открытия гробниц макрокефалов, сохранять не только черепа их, но и прочие части скелетов, как могущие представлять собою не менее замечательные уклонения в человеческом устройстве.

Для определения рас, к которым относятся древние обитатели Керчи, завести при музее коллекцию и других скелетов так, чтобы на каждый род гробниц их было по одному хорошему, а черепов и более.

Вообще вести археологические работы так же, как они были ведены при Вашем образцовом расследовании скифского кургана в Екатеринославской губ. (т.е. Александропольского – Ю.В.). Честь сделанных в нём открытий и точность описания их неоспоримо принадлежат Вам, а это даёт мне право надеяться, что при просвещённой Вашей деятельности Керченский музей, который Вам предстоит теперь вновь образовать, принесёт плоды самые вожеленные для науки».

Страсть к написанию инструкций у петербургского начальства на этом не иссякла. Весьма любопытным представляется ещё один документ, составленный С.Г. Строгановым в ответ на рапорт А.Е. Люценко по поводу открытия катакомб на Глинице. Катакомбу эту обнаружили благодаря происшедшему обвалу земли, после чего с успехом были исследованы соседние «ложбины». С.Г. Строганов счёл необходимым ознакомить керченского археолога с некоторыми приёмами археологических разведок [Ф. 14, д. 6, л. 30 об.-31 об.]:

«Принимая в соображение, что ложбины эти даже и тогда, когда они образовались от провалов, могли точно так же в прежнее время, как и при данном случае, подать повод к исследованию их, можно предполагать, что гораздо более интереса представляет отыскание тех катакомб, которые не заявили ещё подземного своего существования никакими резко выраженными признаками на поверхности земли. Отыскивание их не должно представлять собою особых затруднений, так как местность, на которой они находятся, теперь известна. Впрочем, для сокращения издержек как в денежных расходах, так и во времени можно испытать вновь предлагаемый способ для отыскания входов в катакомбы, по которому всё пространство земли, подлежащее исследованию, предварительно разведывается щупом¹⁷. Места же, где щуп покажет материк глубже или где вдруг пойдёт свободнее, чем по соседству, ошупываются внимательнее и

¹⁷ Щуп этот от обыкновенного отличается только тем, что имеет во всю свою длину от одного конца до другого ложбину с круто загнутыми боками для того, чтобы при вытягивании его оставшаяся в ней (ложбине – Ю.В.) земля показывала, через какие слои он проходил. При разведывании он опускается так, чтобы отверстия, образуемые им, находились друг от друга приблизительно в 5 четвертях аршина (примечание С.Г. Строганова).

больше и именно до тех пор, пока не определится вид и форма ямы, находящейся в материке. Какова высота насыпи над поверхностью материка, в которой находятся помянутые катакомбы, не видно из рапорта. Он представляет собою ту выгоду, что даёт возможность избежать снесения всей массы насыпи до материка, и притом такой насыпи, которая ничего в себе не заключает, тогда как бесполезная трата составляла до сих пор главные расходы при раскопках. Разведывающему щупом рабочему, независимо от договорной платы, для поощрения можно выдавать по усмотрению директора премии за каждое интересное открытие. За первую же открытую им этим способом катакомбу уговориться выдать тройную подённую плату.

На плане земляной катакомбы, составленном директором с добросовестностью истинного антиквара, случайно пропущено означение высоты её от пола до потолка, что необходимо должно быть пополнено.

На будущее время при отысканиях как катакомб, так и вообще замечательных гробниц, до приступления к расследованию их снимать с них точные виды».

Разведки с помощью металлического щупа действительно стали применяться керченскими археологами, но, как не трудно догадаться, они совсем не всегда вели к очевидному успеху, а порой вред от использования такой методики становился более чем очевидным [см.: Виноградов, 2004б, с. 92-93]. Ещё одна инструкция, направленная в Керченский музей, касалась правил составления археологических описей [Ф. 14, д. 6, л. 31 об.- 32]:

«При составлении на будущее время описей находимым древностям, не довольствуясь общими, неопределёнными их названиями (ваза, вазочка, флакон, чашечка и проч.), давать им те имена, которыми они названы в издании Эрмитажа о древностях Боспора Киммерийского, если оно уже имеется при Музее, или в сочинении Ашика или другом каком-либо, причём окончательно для избежания всякого недоразумения ссылаться и на помещённый в сочинении рисунок. Для тех вещей, которые не имеют доселе особых отличительных имён, дав оные, придерживаться на будущее время неизменно. Так, чтобы, напр., с названием «серьга из гладкой проволоки», «гладкое кольцо, колечко из проволоки, серьга из сплюсненной проволоки с разогнутыми краями, простой браслет, обыкновенный аграф» и проч. однажды навсегда соединилось известное, определённое понятие. Ни один предмет древности, имеющий своё известное назначение, свою особую известную форму не должен оставаться и без своего особого названия. Чем обыкновеннее он, чем чаще попадает, тем необходимее должен иметь имя, как пользующийся полною гражданственностью на керченском территориуме древностей. Древние вещи, которых

особенно много, можно даже подразделять. Так, напр., слезницы можно подразделять хотя <бы> на 3 рода: древней, средней и позднейшей формы; для зёрен от бус, из которых некоторые тождественны с находимыми внутри России, другие в Англии, для пряжек от поясов и проч. можно приискать тоже какие-нибудь деления, основанные хотя <бы> на внешних их признаках. Только для равнодушного, рассеянного взгляда такие вещи кажутся безразличными, на самом же деле они должны иметь особенный характер, а следовательно и значение. Если бы последнее и оставалось иногда не разгаданным в настоящее время, нельзя ручаться, чтобы оно не было разгадано в будущем».

Разумность этих предложений не может вызывать сомнений ни у кого из современных исследователей [см.: Тункина, 2002, с. 307]. Завершая характеристику переписки между А.Е. Люценко и С.Г. Строгановым на этом этапе, приведу мнение последнего о значении изучения боспорских древностей для археологической науки [Ф. 14, д. 6, л. 32 об. - 33]:

«Окрестностям Керчи неотъемлемо принадлежит честь стоять во главе других археологических разысканий в России. На классическую ниву ея древностей обратили внимание и в самую эпоху бедствий прошедшей войны народы образованные. Лицам, составляющим дирекцию Керченского музея древностей, должна принадлежать и честь первенства в России в распространении точных и полезных сведений по части археологических разысканий. Просвещённая аккуратность директора и известная добросовестность <его> дают право надеяться, что возрождённый Музей, который ему предстоит вновь образовать, принесёт плоды самые вожеленные для науки».

1.4. Раскопки 1858 г.

Одушевлённый столь добрыми напутствиями, А.Е. Люценко провёл в 1858 г. весьма впечатляющие по своему объёму исследования. Справедливости ради следует сказать, что Керченский музей возобновил раскопки, прерванные войной, ещё летом 1857 г.; тогда они были проведены в Керчи и на Тамани (станция Сенная), но в сравнительно небольших масштабах [Ф. 14, д. 2, л. 50-57]. В 1858 г., следуя рекомендации С.Г. Строганова, А.Е. Люценко сначала предпринял раскопки катакомб, расположенных за Глинищем. Все они принадлежат первым векам н.э. [Ф. 14, д. 2, 105 сл.; см.: ОАК, 1859, с. 15-18]. Однако основное внимание археолога, вне всякого сомнения, было уделено исследованию нескольких крупных курганов.

Прежде всего, это курган по дороге на Булганак (совр. Бондаренково), имевший высоту более 9 м. Под насыпью был обнаружен полуразобранный

вершков [там же, л. 179 об.]. Из этого неясного описания можно сделать предположение, что исследователь нашёл здесь кубики, но, вероятнее всего, это были каменные плитки размером приблизительно 18 × 18 см.

Самое замечательное археологическое открытие 1858 г. было сделано при раскопках Второго кургана на Павловском мысу [рис. 4; Ф. 14, д. 2, л. 76-84]. Не удивительно, что этот курган привлекает постоянное внимание учёных [см.: ОАК, 1859 г., с. 6-15; Шкорпил, 1918а; Марти, 1926, с. 24; Гайдукевич, 1949, с. 254-255; Гриневиц, 1952, с. 133-138; Артамонов, 1966, с. 67; Уильямс, Отден, 1995, с. 166-171; Gajdukevič, 1971, S. 274-275]. В центральной части кургана была открыта большая каменная гробница, перекрытая каменными плитами. Внутри неё находился великолепно украшенный деревянный саркофаг, содержавший погребение женщины, вероятнее всего, жрицы [Гайдукевич, 1949, с. 255; Gajdukevič, 1971, S. 275; см. также: Сокольский, 1969, с. 36; Шауб, 2007, с. 342-343]. Сопровождающий инвентарь включал немало число замечательных произведений античного прикладного искусства: золотая стленгида, золотые подвески с изображением Ники, золотые перстни с резными камнями и пр. По находке краснофигурной пелики и пантикапейской серебряной монеты этот погребальный комплекс, как представляется, следует относить к рубежу третьей и последней четвертей IV в. до н.э.

В 1858 г. было начато изучение курганов некрополя Юз-Оба, расположенного на цепи холмов, тянущихся от Павловского мыса на запад (рис. 5). Тогда А.Е. Люценко предпринял раскопки двух курганов, находящихся в восточной части некрополя и получивших название Первого и Второго Каменистых. В Первом кургане была открыта грунтовая могила, стенки которой были обложены камнем, а перекрытие состояло из деревянных брусьев. В этой гробнице находилась кремация, не содержащая особо ценных находок [Ф. 14, д. 2, л. 170-171]. Во Втором кургане были обнаружены остатки большого каменного склепа. Этот склеп был ограблен, а стены его до половины разобраны [Ф. 14, д. 2, л. 191; см.: ОАК, 1859, с. 20-21]. Как видим, первые раскопки на Юз-Обе оказались не очень удачными. Однако неудачи не обескуражили А.Е. Люценко, и в последующие годы он продолжил раскопки этого курганного некрополя, сделав здесь ряд чрезвычайно важных археологических открытий (см. ниже).

Рис. 2. Раскопки курганов Юз-Обы в 1859 г., на переднем плане Песчаный курган [Р. 1, № 691, л. 1].

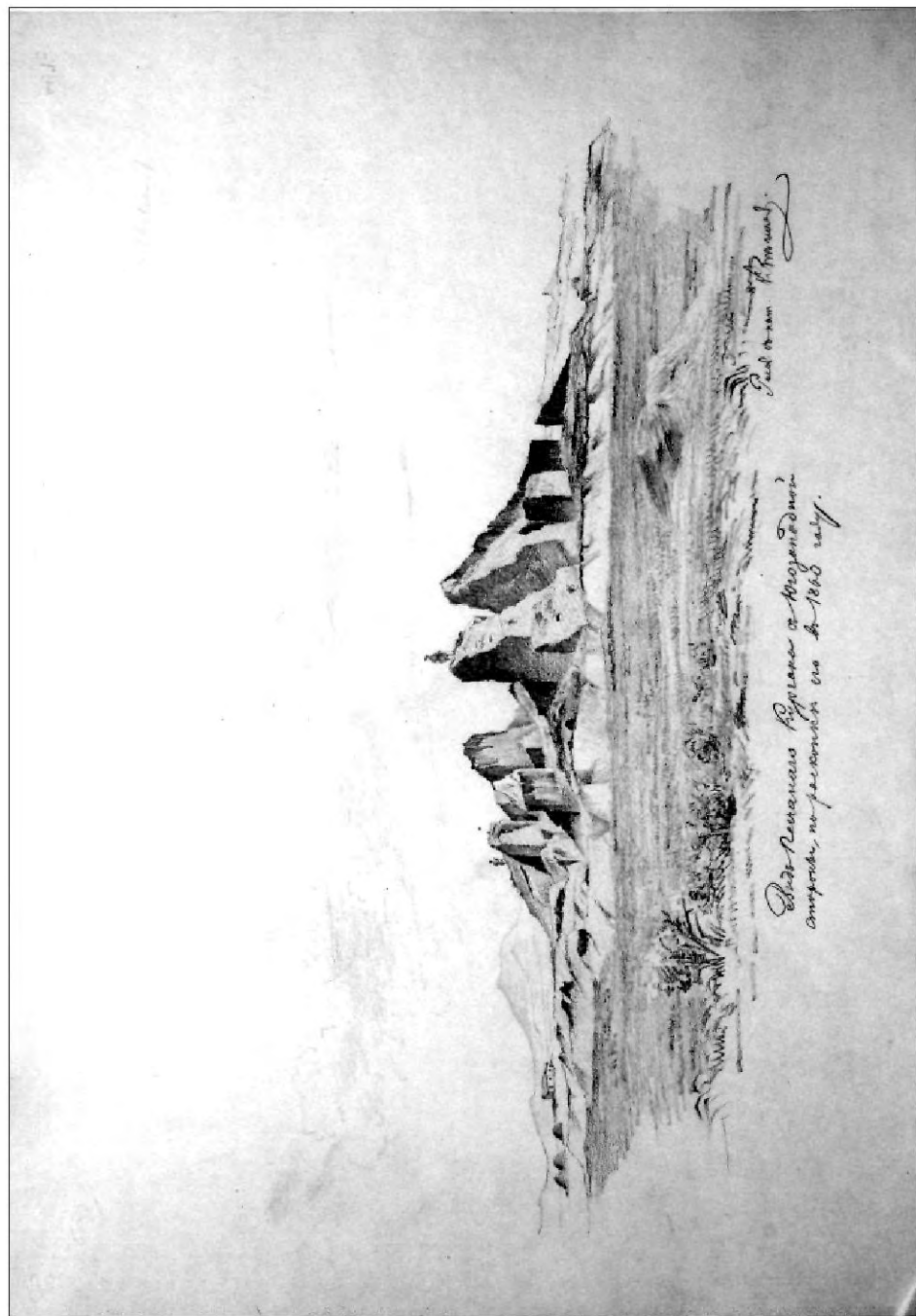

Рис. 3. Песчаный курган после раскопок 1860 г., вид с юго-запада [Р. 1, № 691, л. 14].

Рис. 4. Раскопки курганов на Павловском мысу [Толстой, Кондаков, 1889г].

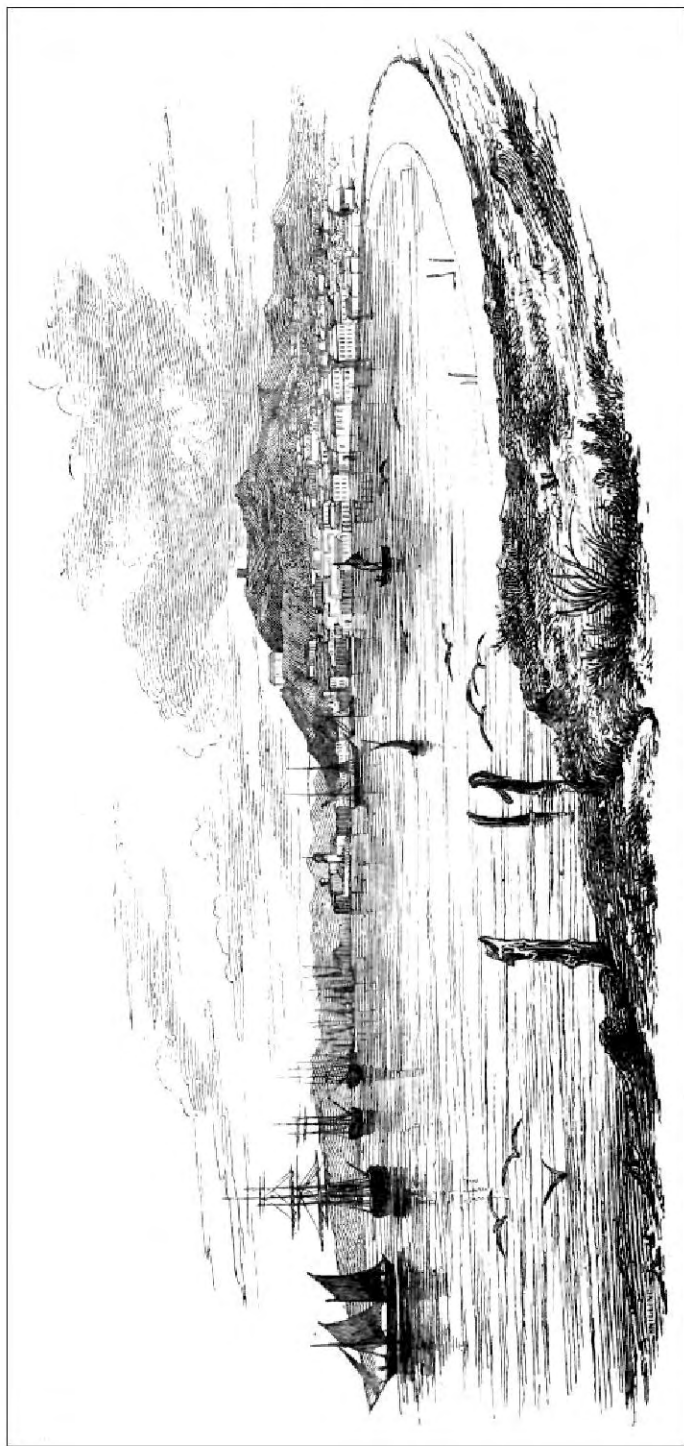

Рис. 5. Вид Керченской бухты с северо-востока. На заднем плане – курганы Юз-Обы [Толстой, Кондаков, 1889а].

Глава II.

СТРОГАНОВСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1859–1881)

2.1. Первый год работы Комиссии

Создание Императорской археологической комиссии, как уже было сказано выше, можно признать закономерным итогом и развитием наметившихся ранее тенденций. В «Положении» о её организации, которое было подписано Александром II 2 февраля 1859 г., естественно, задачи изучения памятников античности специально не оговаривались. В § 1 этого документа сказано, что Археологическая комиссия имеет целью «разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией». Нет сомнения, однако, что работа археологов, как и ранее, была ориентирована, прежде всего, на раскопки курганов юга России, обещавших открытие новых произведений античного искусства для Императорского Эрмитажа. Первый председатель комиссии С.Г. Строганов при этом считал, что археологические изыскания в Керчи являются самыми важными в России [Ф. I, 1859 г., д. 7, л. 14]¹. В кратком историческом очерке деятельности комиссии, датированном 31 декабря 1881 г. и до сих пор оставшемся не изданным, читаем [1859 г., д. 1, л. 24]:

«Археологическая комиссия с самого начала своего существования обратила главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами. Раскопки в этих местностях, произведённые ею с этою целью в течение 23-х лет, привели к открытию огромного количества любопытнейших памятников древности и обогатили Императорский Эрмитаж целым рядом замечательнейших, изящных и ценных художественных произведений древнего мира».

Немного забегаая вперёд, можно заметить, что среди главных археологических

¹ Все материалы, относящиеся к деятельности Императорской археологической комиссии, в Научном архиве ИИМК РАН выделены в Фонд I, поэтому в дальнейшем специальные указания на него будут упускаться.

открытий в процитированном документе названы такие погребальные памятники Боспора, как Большая Близница, Артюховский и Семибратние курганы. Эти же самые слова были повторены в письме, направленном С.Г. Строганову императором Александром III 13 марта 1882 г., в котором была выражена монаршая милость и благосклонность, а также благодарность председателю Археологической комиссии за проделанную работу [1882 г., д. 13, л. 5-6], то же самое читаем в очерке деятельности Археологической комиссии времени царствования Александра III [1900 г., д. 174, л. 4]. Оценивая все эти факты, можно в полной мере согласиться с исследователями, считавшими, что Археологическая комиссия занималась, главным образом, изучением античной культуры Северного Причерноморья [см.: Жебелёв, 1923, с. 108, 111; 1955, с. 14; Формозов, 1986, с. 154].

В § 3 «Положения» констатируется, что в заведовании Комиссии состоят Керченский музей древностей (музеум, как тогда ещё порой говорили) и Римская комиссия археологических изысканий. Первое учреждение, как уже говорилось, активно функционировало с 1826 г., а вот второе почти бездействовало, во всяком случае, в изучении древностей фактически не принимало участия². Не удивительно, что её порой по ошибке называли Крымской комиссией археологических разысканий [Данилов, 1886, с. 37; Миронов, 1900а, с. 258], хотя таковая никогда в реальности не существовала, но археологические исследования в Крыму всё-таки производились.

Для укомплектования всех обозначенных учреждений по штатному расписанию, конечно, не хватало квалифицированных специалистов. Система подготовки кадров для научной деятельности по этой отрасли знания в России просто отсутствовала! Императорская археологическая комиссия тоже столкнулась с этой проблемой, хотя её штат был утверждён в количестве всего 8 человек: председатель, старший член, двое младших членов, производитель дел, журналист, канцелярский чиновник и художник. Однако с замещением даже столь малого количества вакантных должностей возникли проблемы, во всяком случае, по ежегодной росписи личного состава вплоть до 1880 г. в Комиссии значились максимум пять сотрудников [1859 г., д. 1, л. 23]. П.С. Яковлев даже считал, что по этой причине деятельность данного учреждения носила «несколько официальный характер»

² Создание Римской комиссии археологических разысканий было связано с тем, что в 1846 г. русское правительство приобрело участок земли на Палатинском холме в Риме. На следующий год итальянский археолог Весковала начал производить здесь раскопки. Римская комиссия была создана для наблюдения за ними [Охрана памятников, 1978, с. 334, прим. 16]. На момент вхождения в Археологическую комиссию она состояла всего из двух человек: её заведующим был князь Г.П. Волконский, а помощником заведующего – С.А. Геденон. Последний стал во главе Комиссии в 1861 г., тогда к ней был причислен князь А.Х. Ливен. Одной из задач деятельности Римской комиссии, которая специально обозначалась в документах того времени, являлись отнюдь не археологические раскопки, а попечительство над находящимися в Риме пансионерами Академии художеств.

[Яковлев, 1888, с. 20]. В Керченском музее к тому времени трудились всего два археолога: директор А.Е. Люценко, занимавший эту должность, как уже говорилось, с марта 1853 г. [1877 г., д. 9, л. 24; об учёном см.: Лазенкова, 2001а; 2003, с. 23 сл.; Зуев, 2007], и его помощник К.Р. Бегичев [о нём см.: Лазенкова, 2003, с. 28-29].

Выше уже было сказано, что первым председателем Императорской археологической комиссии был назначен граф С.Г. Строганов. Одним из сотрудников новой организации стал П.С. Савельев, ближайший помощник С.Г. Строганова [о нём см.: Григорьев, 1861; Тункина, 2002, с. 255], но он не проработал здесь и трёх месяцев, поскольку скончался в мае 1859 г. На должность младшего члена был приглашён И.Е. Забелин, ранее трудившийся архивариусом Московской дворцовой конторы [о нём см.: Формозов, 1984; Алексеев, 2004; Панкратова, 2008а]. Производителем дел Комиссии был принят А.С. Линевич, который в 1853-55 гг. работал в Керченском музее, но ушёл оттуда по болезни и домашним обстоятельствам и проживал в С-Петербурге. Первый художник Комиссии – И.Н. Медведев. К Археологической комиссии были причислены также ещё два человека: академик Академии художеств Ф.Г. Солнцев и титулярный советник И.П. Волконский [1859 г., д. 25, л. 4-5].

Некоторые из сотрудников вскоре получили поощрения: А.Е. Люценко за успешные раскопки 1858 г. (о них см. главу 1.4) получил ценный подарок в размере 600 руб. серебром, А.С. Линевич и И.Н. Медведев за оформление археологической документации, оставшейся после смерти Л.А. Перовского, – соответственно 500 и 250 руб. серебром [1859 г., д. 7, л. 4]. Не заставили себя долго ждать и повышения званий, впрочем, за выслугу лет: И.Е. Забелин получил звание коллежского асессора, И.Н. Медведев – коллежского секретаря и А.С. Линевич – титулярного секретаря [1859 г., д. 16, л. 7].

Несмотря на довольно солидные награды, необходимо признать, что финансирование, точнее его недостаточность, сразу стало серьёзной проблемой в работе Императорской археологической комиссии. Первоначально на нужды Комиссии и Керченского музея планировалось выделять ежегодно 17 764 рубля. Фактически в эту сумму никогда не укладывались, расходы достигали 24 730 (1862 г.), 30 348 (1867 г.), 39 403 (1873 г.), 22 398 руб. (1879 г.). К 1880 г. общие расходы на археологическое ведомство Российской империи составили 533 297 руб. [1859 г., д. 1, л. 23]. Другая проблема заключалась в нехватке помещений. Несмотря на просьбы С.Г. Строганова выделить для Комиссии квартиру в одном из домов, принадлежащих Министерству императорского двора, свободных помещений в этом ведомстве не нашлось. Канцелярию, архив и библиотеку Комиссии пришлось разместить в личном доме самого С.Г. Строганова [1859 г., д. 1, л. 24; Яковлев, 1888, с. 21]³.

³ Адрес Строгановского дворца в С-Петербурге хорошо известен. В XIX веке он писался следующим образом: Санкт-Петербург, Невский проспект у Полицейского моста, № 17.

Все эти трудности, конечно, мешали нормальному функционированию учреждения, но не они в данном случае должны привлекать наше особое внимание. Попытаемся проанализировать деятельность Императорской археологической комиссии на первом году её истории. Имеющийся очерк этой деятельности в известном смысле носит формальный характер [Мионов, 1900б, с. 240-245], она, безусловно, заслуживает более серьёзного внимания. Трудно спорить с тем, что в «началах» всегда заложен некий важный смысл, определяющий очень многое в судьбе как отдельных личностей, так и организаций, и даже целых государств. Попытаемся взглянуть на эту проблему без всякого романтического тумана, без идеализации того времени, которое вошло в историю России, как эпоха Великих реформ.

Взаимодействие двух обозначенных структур – Комиссии в Петербурге и Музея древностей в Керчи – согласие в их действиях или же отсутствие такового для истории изучения боспорских древностей, как уже говорилось, имело принципиальное значение. В этом отношении следует признать, что со стороны сотрудников Керченского музея очень быстро обозначилось определённое непонимание и недовольство новым положением дел. Выражением такого недовольства стало письмо С.Г. Строганову от К.Р. Бегичева, написанное 27 апреля 1859 г. Из этого послания становится понятным, что керченский археолог в связи с происшедшими переменами ожидал улучшения своего материального положения, но эти надежды оказались напрасными. Для того чтобы лучше понять суть начавшегося было конфликта, приведу текст письма полностью [1859 г., д. 7, л. 11-12]:

«Простите за смелость, с которой я обращаюсь к Вашему Сиятельству. Меня вынуждает к тому крайность, о которой Ваше Сиятельство, конечно, не извещены, но которая ставит меня в положение близкое к отчаянию. Находясь при Керченском музее 15 лет в качестве рисовальщика, скульптора и разыскателя древностей, я получал постоянно одно и то же жалованье 572 рубля. Недостаток этого содержания был для меня всегда чувствителен и требовал особенных усилий и трудов с моей стороны для поддержания себя. Окончив дела по службе, я принимался за частную работу, *не зная почти никогда, что такое свободное время и покой.* Таким образом прошли 15 лет, я трудился, жил и надеялся – мне казалось неестественным, чтобы судьба моя наконец не изменилась и чтобы хоть на старости лет мне не дали содержания, которое обеспечило бы моё существование без всяких посторонних трудов, для которых здоровье моё не может больше служить мне.

Полученные здесь на днях новые штаты лишили меня этой надежды – новыми штатами мне определены всё те же 572 рубля, тогда как в Керчи по её исключительному положению относительно цен на все жизненные потребности нужно *по крайней мере втрое больше.*

При таком положении дел мне остаётся или искать другое место, или просить об улучшении моей участи. Я предпочитаю последнее, потому что я свыкся здесь с моею обязанностью и могу быть здесь полезен более, чем где-нибудь.

По положению новой Императорской археологической комиссии от Вашего Сиятельства все зависит, и я всепокорнейше прошу Вас дать мне другое назначение, какое бы то ни было; я надеюсь оправдать себя, *но* (подчеркнуто двумя чертами – Ю.В.) с высшим содержанием или же, если это окажется невозможным, дозволить мне просить у Вашего Сиятельства отпуска в С-Петербург с сохранением содержания для приискания какого-либо места по другому ведомству».

Директор музея А.Е. Люценко в письме, направленном С.Г. Строганову 5 мая [1859 г., д. 7, л. 10], полностью поддержал своего помощника. Он подчеркнул, что считает просьбу К.Р. Бегичева «уважительной и положение его заслуживающим участия». Более того, А.Е. Люценко назвал своё собственное денежное содержание крайне недостаточным. Он напомнил С.Г. Строганову, что при Л.А. Перовском сотрудникам музея периодически выплачивались пособия, без которых в Керчи прожить просто невозможно. По этой причине директор Керченского музея просил председателя Археологической комиссии оказать ему материальную поддержку или же уволить со службы по расстройству здоровья. Из-за острой нужды в средствах он даже просил заменить выделенный ему подарок деньгами, что, кстати, было незамедлительно исполнено. Конечно, можно понять огорчение керченских археологов, не получивших в результате происшедших организационных перемен никаких материальных выгод, но для нас гораздо важнее иные моменты, содержащиеся в другом письме А.Е. Люценко, написанном С.Г. Строганову через две недели после первого, 18 мая того же года. Приведу из него некоторые отрывки [1859 г., д. 7, л. 7-8]:

«Успехи археологических разысканий в окрестностях Керчи и Тамани ... вполне зависят от успешного за ними надзора. Окрестности Керчи представляют на пространстве около 140 квадратных вёрст бесчисленное множество разрытых и полуразрытых курганов, но чем далее они находятся от города и чем они громаднее, тем менее оказываются раскопанными и тем более подают надежды на открытие в них нетронутых гробниц. Таковы, например, курганы Куль-Оба, Золотой и лежащие на каменных кряжах, направляющихся от Павловской батареи к западу и от Еникале к северо-западу. Очевидно, что прежние разыскатели затруднялись в раскопках их по недостатку средств к учреждению за ними необходимого надзора и караула. Заметив это, покойный граф Л.А. Перовский предоставил Керченскому музею милость в своём распоряжении постоянно 3-х конных надсмотрщиков с жалованием по 100 руб. в год и на продовольствие собственных их верховых лошадей по 80 руб. каждому, причём в обязанности их включа-

лось не только присматривать за работами и за открываемыми гробницами, но и наблюдать непрерывно, чтобы никто из жителей не смел производить в пределах Керченского градоначальства тайных раскопок, следствием которых было появление за границей многих драгоценных вещей, добытых из керченских гробниц. Кроме того, общий надзор за раскопками, производящимися от казны, был усилен назначением в помощь директору трёх чиновников: Линевича, Лазаревского и Мазирова, из коих первый уволен в 1855 г., а последние оставили службу в 1856 и 1857 годах».

О введённом новом штате, подробнее о котором будет сказано ниже (см. главу 2.2), А.Е. Люценко заметил, что в музее остался всего один надсмотрщик. Далее он писал: «Такое ограничение надзора, если оно касается раскопок, лишает нас возможности следить за ними во всех случаях. Я убеждён по опыту, что без настоятельных и благонадёжных надсмотрщиков, которых в Керчи чрезвычайно трудно найти, нельзя производить раскопки с желаемым успехом в местах, удалённых от города на несколько вёрст».

В конце письма директор Керченского музея обратился к С.Г. Строганову с двумя просьбами:

1. Позволить ему оставить при музее хотя бы двух конных надсмотрщиков, получающих жалованье 60 рублей, что не превышает обычной стоимости простого чернорабочего без лошади – 50 коп. в день.

2. Разрешить на прежних основаниях выделять деньги на фураж для верховых лошадей по 107 руб. в год, определить жалованье сторожу музея и писарю в размере 100 руб., выделить на письменные и чертёжные принадлежности 100 руб. и, наконец, на квартиры для сотрудников музея – 250 руб.

Письмо К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии оставил без ответа, точнее, ответом на все три керченских корреспонденции стало его послание А.Е. Люценко, датированное 4 июня 1859 г. [1859 г., д. 7, л. 14-15]. В нём граф выразил надежду, что А.Е. Люценко, несмотря на высказанные недовольства, продолжит службу на посту директора музея, а его старания, естественно, не останутся без вознаграждения, тем более что просьба о материальной поддержке уже исполнена выделением ценного подарка. Далее он внёс ясность в вопрос взаимоотношений директора музея и его помощника. Главная обязанность последнего, как оказалось, состоит в подготовке нужных рисунков, а также, по усмотрению директора, в оказании помощи руководству музея. В отношении самого К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии писал:

«Что касается до докладной госп. Бегичева, то, имея полное уважение к Вашему ходатайству, я не могу перевести его на другое высшее место с высшим содержанием, по неимению для него мест ни в Археологической комиссии, ни в Римской.

Если же, как он излагает в своей докладной записке, для его потребности на этом месте нужно ему получать по крайней мере втрое больше теперешнего его содержания и он полагает искать себе место в другом ведомстве, то я не нахожу к последнему никаких препятствий, но не разрешаю ему для этого отпуска с содержанием в Петербург, особенно в настоящее время, когда для Вас должен быть нужен помощник. В том случае, когда он останется при своих желаниях или будет уклоняться от исполнения своих обязанностей, покорнейше прошу Вас от моего имени предложить ему подать просьбу об отставке».

Новый штат Керченского музея С.Г. Строганов считал оптимальным, представляющим для директора «особые удобства». Разъясняя свою точку зрения, он отмечал:

«Одно уже это обстоятельство, что окрестности Керчи представляют на пространстве 140 кв. вёрст бесчисленное множество курганов, свидетельствует о недопустимости меры иметь для надзора за ними 3-х конных надсмотрщиков, почему они и исключены из штата. Полагаемые же надсмотрщики по новому штату определяются исключительно для надзора во время археологических разысканий и отсюда видно, что назначать лошадей для таких служителей было бы неуместно».

Нетрудно понять, что после такого послания керченские археологи приняли своего рода холодный душ. В результате К.Р. Бегичев до конца своих дней довольствовался содержанием в 572 руб., правда, в январе 1861 г. он получил звание надворного советника [1861 г., д. 3]. В марте того же года, когда у К.Р. Бегичева стала быстро прогрессировать чахотка, А.Е. Люценко выхлопотал ему 200 руб. материальной помощи [1861 г., д. 6, л. 1, 7], но этих средств могло хватить разве что на оплату квартиры за год [1861 г., д. 6, л. 2], для достойного лечения их явно не хватало. В марте 1862 г. болезнь свела К.Р. Бегичева в могилу, и на его место был принят Ф.И. Гросс.

А.Е. Люценко тоже напрасно рассчитывал на прибавку к жалованью, а об увеличении штата музея приходилось разве что мечтать. Конные надсмотрщики, которые могли бы сыграть положительную роль в охране керченских древностей от грабительских раскопок, новому археологическому начальству показались ненужными. Логика С.Г. Строганова, исключившего их из штата, в общем, непонятна. Действительно, если иметь трёх надсмотрщиков по причине обширности района и насыщенности его археологическими памятниками «недопустимо», то почему бы не допустить увеличение их числа на несколько человек. К тому же А.Е. Люценко, знавший положение на месте явно лучше С.Г. Строганова, считал, что, в крайнем случае, для этого хватило бы двух слу-

жащих. Начальство, однако, всегда и везде всё знает лучше, руководствуясь в своих действиях исключительно так называемыми высшими интересами и, по большей части, мелочной экономией финансовых средств. Справедливости ради следует отметить, что организация охраны памятников древности непосредственным образом не вменялась в обязанности Археологической комиссии [Охрана памятников, 1978, с. 10, 63-68], и С.Г. Строганов поначалу имел полное право не особенно утруждать себя этой проблемой.

Для А.Е. Люценко такое положение представлялось явно недопустимым, и в своём письме от 22 сентября 1859 г. он вновь обратил внимание С.Г. Строганова на необходимость заботы об охране памятников. По этому поводу А.Е. Люценко, в частности, писал [1859 г., д. 12, л. 71-72]:

«В тех же случаях, когда гробница открывается в кургане, значительно удалённом от города и всяких жилых мест и караульному ея представляется опасение оставаться в поле одному в ночное время, надсмотрщики соглашаются на это с трудом и требуют обыкновенно найма к ним в товарищи кого-нибудь из посторонних или из самих рабочих на курганах. Как в том, так и в другом случае мера эта не может почитаться верною и удовлетворительною. А потому мне было бы весьма желательно получить приказание Вашего Сиятельства относительно охранения гробниц вообще, открываемых при вышеупомянутых обстоятельствах, и в особенности таких гробниц, которые по важности предполагаемого в них открытия потребуют караула из вооруженной силы для устранения всякого покушения со стороны людей злоумышленных, противу которых одного надсмотрщика, даже при нескольких обыкновенных караульных окажется недостаточно».

Ответ С.Г. Строганова не заставил себя долго ждать [1859 г., д. 12, л. 64]:

«Меры для охранения открываемых гробниц, которых расследование по разным причинам должно быть продолжительно, вообще зависят от Вашего усмотрения. Вы можете также к штатным надсмотрщикам нанимать и временных караульных, а в случае экстренном обратиться за содействием к местному начальству для принятия с его стороны полицейских мер к охранению вверенных Вам казённых интересов. Если на присланных от него сторожей или часовых нужно будет сделать какие-либо расходы от музея, то они не могут быть для него (музея – Ю.В.) обременительны, так как в содержании большого вооруженного караула при нынешнем мирном положении Керченского градоначальства не может быть надобности».

В общем, начальство требовало принять все меры «к ещё большему усилению осмотрительности при разысканиях», но дополнительных средств на это выделить

не желало или, скорей, не имело возможности. Такое положение, естественно, наносило немалый вред делу охраны памятников Боспора Киммерийского.

Тем не менее, археологические раскопки этого года в районе Керчи начались 21 апреля, они проходили достаточно успешно и завершились 20 декабря 1859 г. В кратком отчёте о проделанных работах А.Е. Люценко отметил, что в этом сезоне раскопки курганов проводились в семи местах. Выбор пунктов для производства работ определялся не задачами изучения какого-то могильника или микрорайона, а сохранностью курганов, «меньшей степенью их разрытия». В общей сложности было изучено 58 грунтовых и каменных гробниц, некоторые из которых оказались непо потревоженными [1859 г., д. 12, л. 73-74; ОАК, 1859 г., с. VIII]. За этими сухими, хотя и весьма впечатляющими цифрами кроется ряд очень важных археологических открытий.

Здесь и далее по ходу изложения нет смысла давать последовательную характеристику всем раскопанным объектам, тем более что информация об этом содержится в томах «Отчетов Императорской археологической комиссии». Важнее обозначить общее направление хода работ, понять логику исследователей и, используя документы архива Императорской археологической комиссии, хранящиеся в ИИМК РАН, по возможности понять, какие задачи ставили перед собой археологи позапрошлого века и как они сами оценивали свою деятельность. Что касается раскопок 1859 г., то прежде всего следует отметить, что большое внимание было уделено изучению курганов на хребте Юз-Оба (Сто холмов) под Керчью (рис. 6-7). В одном из курганов, который в отчетах значится как Большой Каменистый, был открыт неразграбленный каменный склеп «египетской конструкции» [1859 г., д. 12, л. 41; ОАК, 1859, с. IX-X]. Тогда так называли склепы с уступчатым перекрытием погребальной камеры. Здесь был обнаружен деревянный саркофаг, а среди сопровождающего инвентаря найдены две замечательные краснофигурные вазы, бронзовое зеркало, золотые украшения и пр. Юз-Оба всё более представляла перед исследователями как некрополь боспорской знати IV в. до н.э. [Виноградов, 2005, с. 272-273].

Среди других важных открытий следует назвать гробницу второй половины IV в. до н.э., обнаруженную в небольшом кургане на северном склоне горы Митридат (рис. 8), в которой наряду с прочим инвентарём была найдена любопытная деревянная пластина [рис. 9; 1859 г., д. 12, л. 1-2, 11-12, 122-123]. Она почти не привлекла внимания учёных, а, между тем, эту находку можно трактовать как основу седла [Сокольский 1971, 227, 286, табл. XXXIV, 2; Виноградов, Никоноров, 2009; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 88-89]. В таком случае деревянная пластина из керченского кургана, раскопанного в 1859 г., имеет принципиальное значение для понимания ранних стадий генезиса так называемых твёрдых седел в степях Евразии.

В этом же сезоне А.Е. Люценко начал раскопки Кара-Обы [1859 г., д. 12, л. 5, 41; ОАК, 1859, с. XI], самого крупного среди курганов в окрестностях Керчи

(рис. 10). Его высота достигала 25,60 м, а диаметр насыпи – около 120 м; масштабность памятника ещё более усиливалась от того, что курган был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, ведущей от Керчи на запад, в открытую степь. Курган раскапывался А.Е. Люценко ещё два года (рис. 11-12; ОАК, 1860, с. VI; 1861, с. V), при этом ему удалось выяснить одну любопытную особенность конструкции памятника – наличие здесь двух мощных крепид. Несмотря на все усилия, керченскому археологу не удалось найти здесь царскую гробницу. Однако в октябре 1861 г. приблизительно в 13 м от центра кургана была открыта могильная яма, обложенная камнями, о которой А.Е. Люценко сообщил С.Г. Строганову, что она была наполнена «человеческими костями как бы изрубленными на части». Среди них находилось множество обломков от простых амфор, медный наконечник стрелы, а также обломок железного меча или ножа [1861 г., д. 16, л. 37; 43 об. – 44]. Оценивая это «неважное открытие», исследователь заметил [там же, л. 37 об. – 38]:

«Не вероятно, чтобы упомянутая земляная гробница была единственной в этом кургане. За всем тем, решительное отсутствие под громадную его насыпью следов каменной гробницы наводит на мысль: не был ли он сооружён в ознаменование какой-либо битвы, происходившей в близком от него расстоянии»⁴.

Исследования, проводившиеся здесь в 60 гг. XX в. под руководством П.Н. Шульца, привели к открытию ещё одной любопытнейшей особенности – курган, скорее всего, имел форму ступенчатого конуса [Шульц, 1968, с. 143; 1971, с. 59-60]. Сделанные при раскопках находки позволяют предполагать, что Кара-Оба была сооружена во II в. до н.э., может быть, даже во второй его половине [Шульц, 1971, с. 62]. Обычно считается, что в кургане кроется захоронение одного из боспорских царей, но такое предположение не очень убедительно. Более логичной представляется точка зрения А.Н. Щеглова, который, следуя А.Е. Люценко, полагал, что грандиозная уступчатая насыпь была насыпана над могилой воинов понтийского царя Митридата VI Евпатора, погибших в боях за покорение Боспора в конце II в. до н.э. [см.: Виноградов, 2004а, с. 152-154; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 134-135].

Помимо членов Императорской археологической комиссии в 1859 г. раскопками на юге России, точнее, на Таманском полуострове, изъявил желание заняться доцент Московского университета К.К. Гёрец [о нём см.: Малеин, 1912].

⁴А.Е. Люценко предполагал, что где-то в окрестностях Кара-Обы в 310/9 г. до н.э. произошла битва на реке Тапсис (Фат), в которой сошлись сыновья царя Перисада I, боровшиеся за власть над Боспором [1861 г., д. 16, л. 38]. О событиях этой борьбы рассказал Диодор Сицилийский [Diod. XX, 22-24], но из его повествования следует, что она развернулась совсем не на Керченском полуострове, а, как представляется, в Прикубанье [см.: Гайдукевич, 1949, с. 73; Виноградов, 2003, с. 81-82].

С.Г. Строганов воспринял такое желание с полным пониманием, отметив, что археологические исследования здесь «могут привести к открытию замечательных памятников древности и вместе с тем послужить для объяснения истории этого края» [1859 г., д. 11, л. 4]. Начинающему археологу тогда было предложено на время проведения работ поселиться в станице Сенной в казённом доме, принадлежащем ведомству Императорской археологической комиссии. Естественно, ему были даны указания по поводу мест раскопок, а также инструкция о правилах их проведения. Главным объектом археологического изучения должна была стать Фанагория, где в 1853 г. была найдена каменная плита с посвящением Афродите Урании [КБН, 972]. Подобные находки привлекали очень большое научное внимание, и, соответственно, раскопки были ориентированы на поиски новых эпиграфических документов. Наиболее перспективным для изучения местом городища была признана прибрежная часть, где находился древний порт и мол. Помимо того, К.К. Гёрцу рекомендовалось, если представится возможность, провести исследования в других местах Таманского полуострова, в числе которых названы [1859 г., д. 11, л. 4-5]:

1. Большой курган у с. Фонтана, на котором уже велись раскопки, но гробница не была выявлена.
2. Местность на берегу Ахтанизовского лимана, где в 1818 г. была найдена надпись, посвящённая Артемиде Агротере [КБН, 1014].
3. Оконечность мыса, известного под названием Дубового Рынка, где видны остатки древних поселений.

Инструкция по проведению раскопок, написанная С.Г. Строгановым, в чём-то повторяет данную ранее А.Е. Люценко (см. главу 1.3), но она настолько интересна, что и этот документ следует привести полностью. Инструкция состояла из восьми очень важных пунктов [1859 г., д. 11, л. 5-6]:

- «1. При производстве раскопок не оставлять работы без надзора во время Вашего отсутствия для того, чтобы открываемые вещи не подвергались расхищению.
2. Археологическим раскопкам вести подённый журнал, в котором бы виден был весь ход их со всею подробностью. Так, при исследовании, напр., кургана должно быть сначала описано топографическое его положение, наружный вид и величина. Затем свойство насыпи его, в каких её слоях какие попадались вещи, наконец, при открытии в нём гробницы, устройство её, положение в ней погребённого и расположение около него вещей. Таким образом, чтобы в случае надобности можно было бы реставрировать гробницу в том виде, в каком она была открыта, перенеся её в музей.
3. К журналу должен быть присоединён план с рисунками, которые

могли бы служить для наглядного объяснения замечательнейших в нём мест.

4. В том случае, когда при разысканиях на месте древнего поселения открыты будут остатки древнего сооружения или даже покажутся сначала одни архитектурные фрагменты, то не сдвигать их с места до тех пор, пока не объяснится относительное положение их друг к другу, чтобы оно могло быть описано и срисовано.
5. В случае открытия замечательных гробниц, до прикосновения к находящимся в них древностям, снимать с них точные рисунки. Также снимать рисунки с тех вещей, которые, будучи вынуты из земли на свежий воздух, приходят в быстрое разрушение.
6. На всех находимых вещах должны находиться номера, по которым все сведения о них можно было бы отыскать в журнале. Без номеров могут оставаться:
 - a). Монеты совершенно ясные и уже известные, которые могут быть описаны в журнале, и
 - b). Вещи, утерявшие совершенно свою форму.

Что же касается до монет окисленных, то они в особенности не должны быть смешиваемы между собой, так как по очистке они послужат весьма важным указателем времени.

7. Черепа человеческие должны быть сохранены, также как и самые вещи, для определения по ним племени, к которому принадлежали погребённые. Если скелет найден в гробнице, особенно важной в архитектурном отношении, то он должен быть сохранён в целости, а чтобы кости сохранить от разрушения, напитывать их раствором из простого клея.
8. О ходе работ и открытиях доносить мне, предоставляя и самые найденные вещи.

Об оказании Вам содействия со стороны местного начальства по возложенному на Вас поручению я отнёсся к г. наказному атаману Черноморского войска, а также предписал директору Керченского музея древностей оказывать Вам со своей стороны содействие».

Положения приведённой инструкции вполне логичны и понятны, они созвучны с идеями, высказанными к тому времени П.С. Савельевым [Савельев, 1859] и, в общем, понятны современному археологу. Обращает на себя внимание также, что председатель Археологической комиссии настаивал на строгой фиксации всех открываемых объектов, нацеливал полевых исследователей на сохранение древних гробниц для размещения их в музеях, проявлял заботу о сохранении антропологического материала и т.д. Несколько смущает, правда, его отношение к древним монетам в хорошем состоянии, которым можно было

не давать инвентарных номеров, что закономерно должно было приводить к их перемешиванию. Странно, но такого перемешивания не допускалось для окислившихся экземпляров, которые необходимо было подвергать очистке⁵.

На проведение раскопок К.К. Гёрцу было выделено 3400 руб. Рабочих в то время можно было набрать только в Керчи, поскольку Таманский полуостров был населён ещё очень слабо. Прибыв в Керчь, К.К. Гёрц ознакомился с раскопками А.Е. Люценко на хребте Юз-Оба, а затем приступил к набору рабочих, число которых сначала было небольшим (7 человек), а потом достигло 40 и даже 50. Раскопки проводились непосредственно на городище Фанагория, в районе так называемого центрального вала. К.К. Гёрц довёл свои исследования до материка, обнаружив строительные остатки каких-то сооружений [Гёрц, 1870, с. 77-79; см. также: Кобылина, 1956, с. 6-7; Паромов, 1993, с. 120; Тункина, 2010, с. 44-47]. Важным результатом этих раскопок стало открытие эпиграфических документов: посвящение царице Динамии [КБН, 979] и надпись царя Реметалка [КБН, 976]. Одновременно велись работы на курганах, точнее, на 35 из них.

Надо признать, что во время своих исследований К.К. Гёрц пытался следовать данной ему инструкции: он снимал планы местности, вёл журнал археологических изысканий, в котором давал краткие описания исследуемых объектов и зарисовки некоторых вещей [1859 г., д. 11, л. 49-139]. Записи эти, к сожалению, составлены таким небрежным почерком, что прочтение их если и возможно, то требует огромных усилий. Составление отчёта о раскопках, естественно, требовало очень большой работы, ведь одних курганов было раскопано больше трёх десятков. Г.С. Строганов всячески торопил К.К. Гёрца, просил его как можно скорей прислать информацию для публикации в «Отчёте Императорской Археологической комиссии», но время проходило, а необходимый отчёт не поступал. Объясняя задержку, К.К. Гёрц в письме С.Г. Строганову от 13 февраля 1862 г. (почти через три года после проведения раскопок!) жаловался, что не успевает подготовить отчёт по причине большого количества и сложности добытого материала [см.: Малеин, 1912, с. 85-86]. Так уж получилось, что подробное описание полевых работ в Фанагории 1859 г. в ОАКе вообще не было опубликовано, там можно найти лишь краткую информацию, составленную на основании рапортов исследователя, посланных им в ИАК [ОАК, 1859, с. XII-XIV], а полный отчёт увидел свет лишь в магистерской диссертации К.К. Герца – «Археологической топографии Таманского полуострова» [Гёрц, 1870, с. 76-87, 88-98], защищённой в 1870 г. [Малеин, 1912, с. 110]. Одного полевого сезона хватило, чтобы московский археолог охладел к раскопкам на Таманском полуострове, во всяком случае, в мае 1864 г. он говорил И.Е. Забелину, что тамошняя почва слишком бедна древ-

⁵ То же самое требование содержится и в инструкции, данной председателем Археологической комиссии А.Е. Люценко (см. главу 1.3).

ностями и что надо обладать особым везением, чтобы рассчитывать на успех [1864 г., д. 14, л. 8].

Документация о раскопках под Керчью, надо признать, была составлена на достаточно хорошем для своего времени уровне. В связи с общим подходом археологов к фиксации раскапываемых объектов, прежде всего курганов, немалый интерес представляет рапорт К.Р. Бегичева, поданный на имя А.Е. Люценко 10 декабря 1859 г., а затем переправленный С.Г. Строганову [1859 г., д. 12, л. 106-107]. Выше было сказано, что К.Р. Бегичеву, как помощнику директора музея, вменялось в обязанности составление всякого рода рисунков; в 1859 г. в Императорскую археологическую комиссию было направлено семь его рисунков с изображениями керченских курганов. По этому поводу исследователь писал, что главное требование к зарисовкам курганов заключается в том, «чтобы впоследствии с рисунком в руках можно было отыскать требуемый курган на месте». Для этого, естественно, необходимо самое подробное и точное изображение всех деталей. К.Р. Бегичев специально отметил, что «все керченские курганы в сущности имеют одну и ту же форму: более или менее плоскую, более или менее острую, но всегда коническую, и различаются только по величине. Притом нет почти ни одного кургана, который бы сохранил свою первобытную форму. На каждом из них заметны более или менее глубокие следы древней или новой раскопки, обезображивающие иногда совершенно форму кургана». Иногда насыпи обезображены до такой степени, что представляют собой «неправильные груды земли, разбросанной по разным направлениям». В связи с этим археолог поставил перед начальством два вопроса:

1. «Следует ли изображать курган, предназначенный для раскопки, до начала его раскопки и в таком только виде, в каком он представляется в натуре, или же представить такой курган по окончании его раскопок?».
2. «Нужно ли изображать каждый курган, подвергнутый исследованию, какой бы он формы и величины не был и где бы не находился, или же срисовывать только те курганы, которые по наружному их виду, величине и особому положению интересны сами по себе или по сделанным в них открытиям?».

Ответ на такие вопросы, казалось бы, должен быть один: зарисовок необходимо делать как можно больше, при этом с различных направлений. Однако руководство Археологической комиссии в те годы рассуждало несколько иначе. С.Г. Строганов в письме директору Керченского музея от 26 февраля 1860 г. [1859 г., д. 12, л. 81] отметил, что рисунки К.Р. Бегичева «найжены совершенно удовлетворительными». По поводу поставленных вопросов он заключил, что «на будущее время вид с кургана (рисунок самого кургана – Ю.В.) должен быть

снимаем вообще один раз, именно до раскопки; после же ее, вторично его следует снимать только в тех случаях, когда в них будет обнаружена замечательная постройка или сделаны важные открытия». Зарисовки курганов, не отличающихся своеобразием формы (а такие под Керчью, как писал К.Р. Бегичев, составляют абсолютное большинство) и ничем не замечательных, по мнению С.Г. Строганова, делать вообще не следовало.

Так прошёл первый год работы Императорской археологической комиссии. Он, конечно, не был простым: давали себя знать проблемы с финансированием, формированием штата научных сотрудников, фактически возник конфликт руководства Комиссии с сотрудниками Керченского музея древностей. В этой ситуации решения Г.С. Строганова, к сожалению, не всегда отвечали задачам изучения и сохранения археологических памятников Боспора, какими они представляются на сегодняшний день. Всё это так, но первый, очень нелёгкий шаг Археологической комиссией был сделан, и в этом заключается главный итог 1859 г. в развитии боспорской археологии.

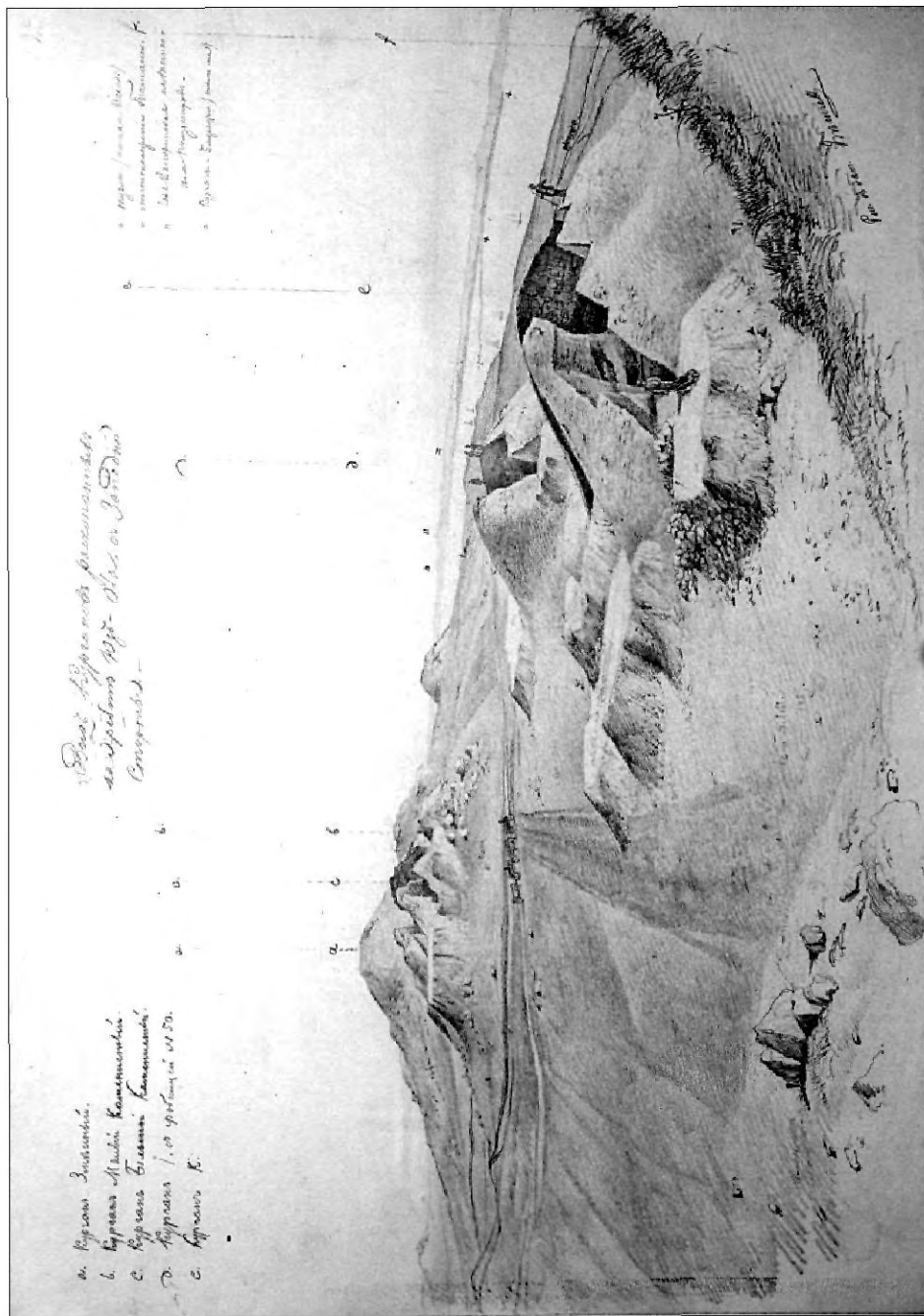

Рис. 6. Раскопки курганов Юз-Обы, вид с запада [Р.1, № 691, л. 2].

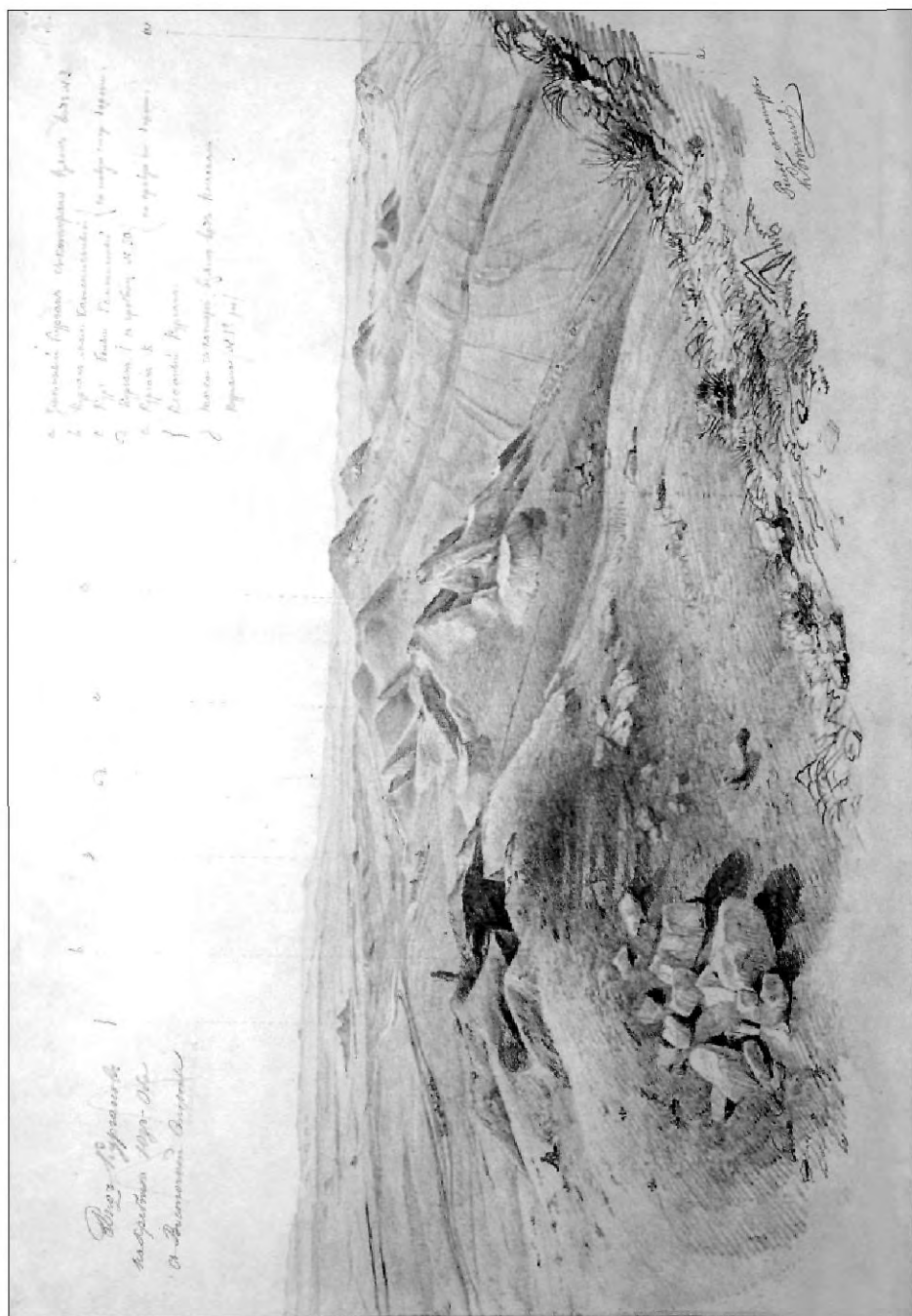

Рис. 7. Раскопки курганов Юз-Обы, вид с востока [Р. 1, № 691, л. 3].

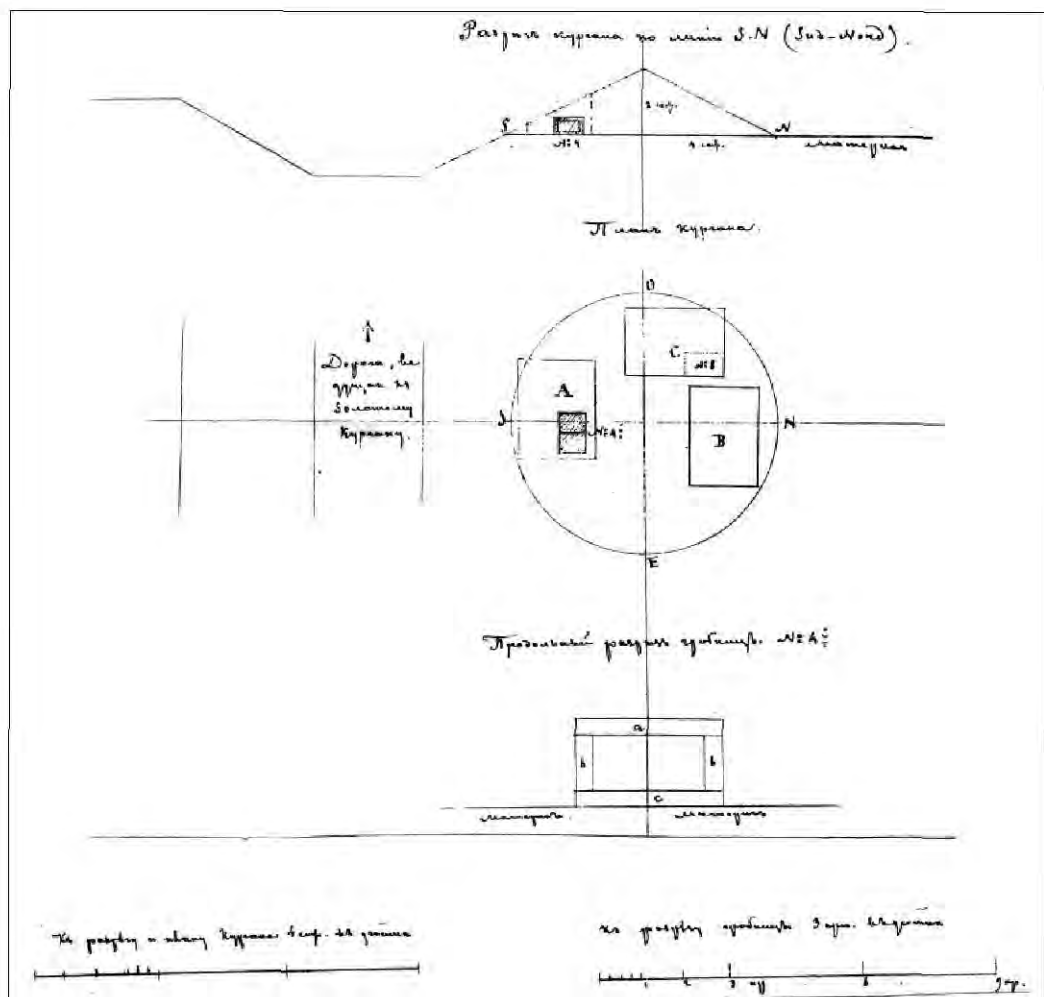

Рис. 8. Керченский курган 1859 г., в котором была найдена деревянная основа седла [1859 г., д. 12, л. 83].

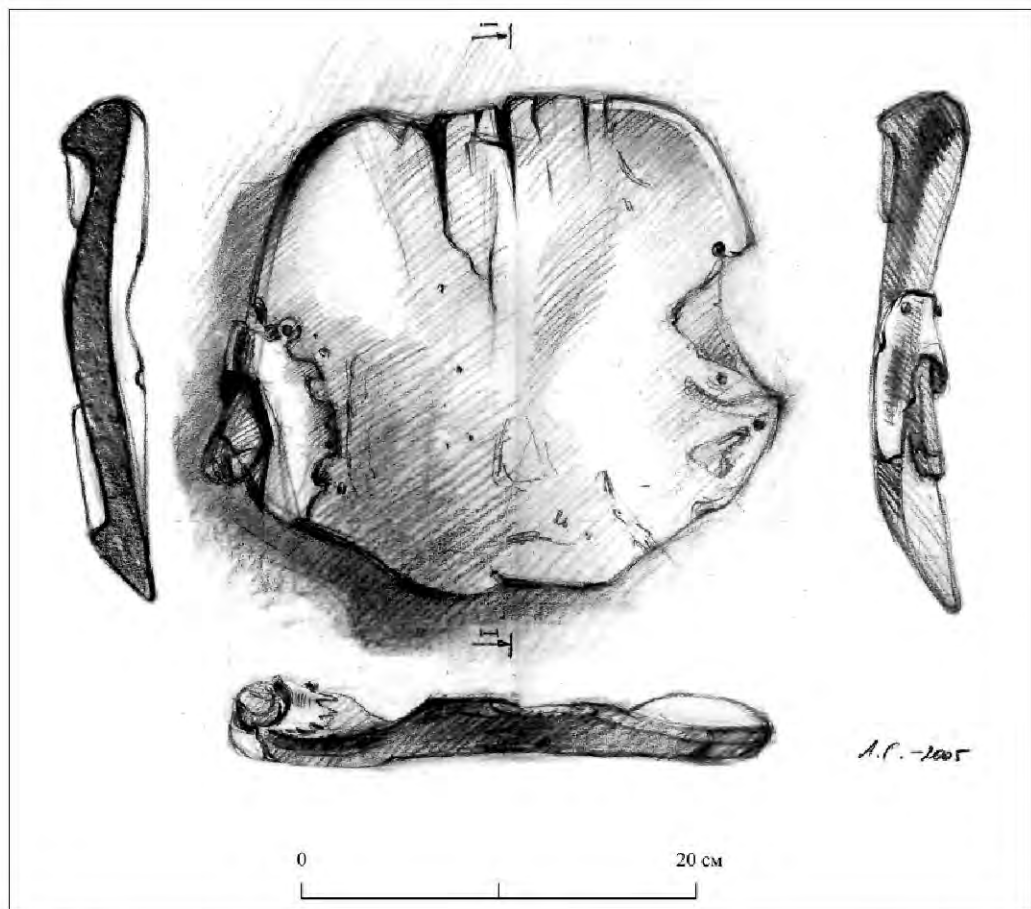

Рис. 9. Деревянная основа седла из кургана 1859 г. [ГЭ, Отдел культуры античного мира; П., 1859, 1].

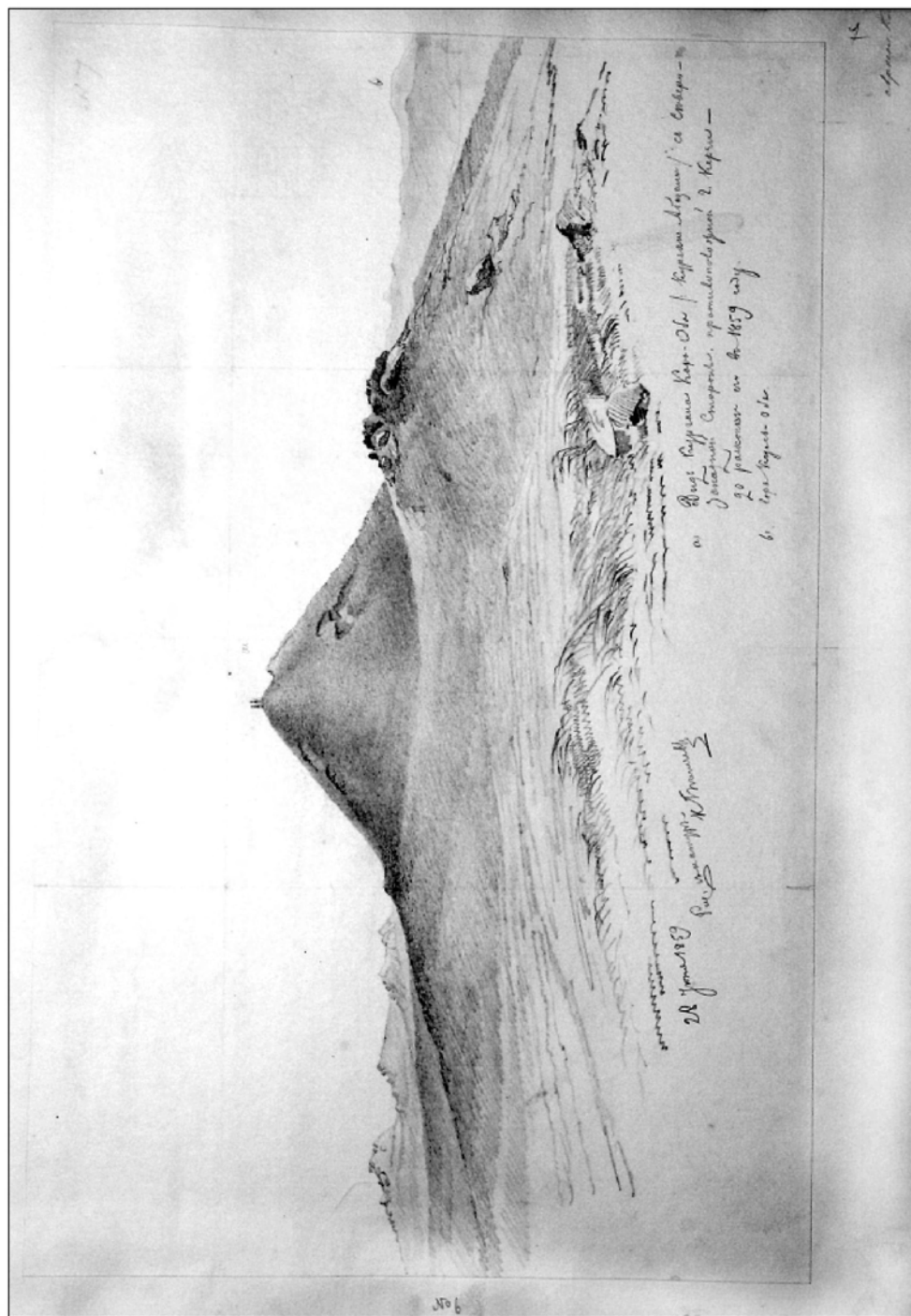

Рис. 10. Курган Кара-Оба до раскопок, вид с севера [Р. 1, № 691, л. 7].

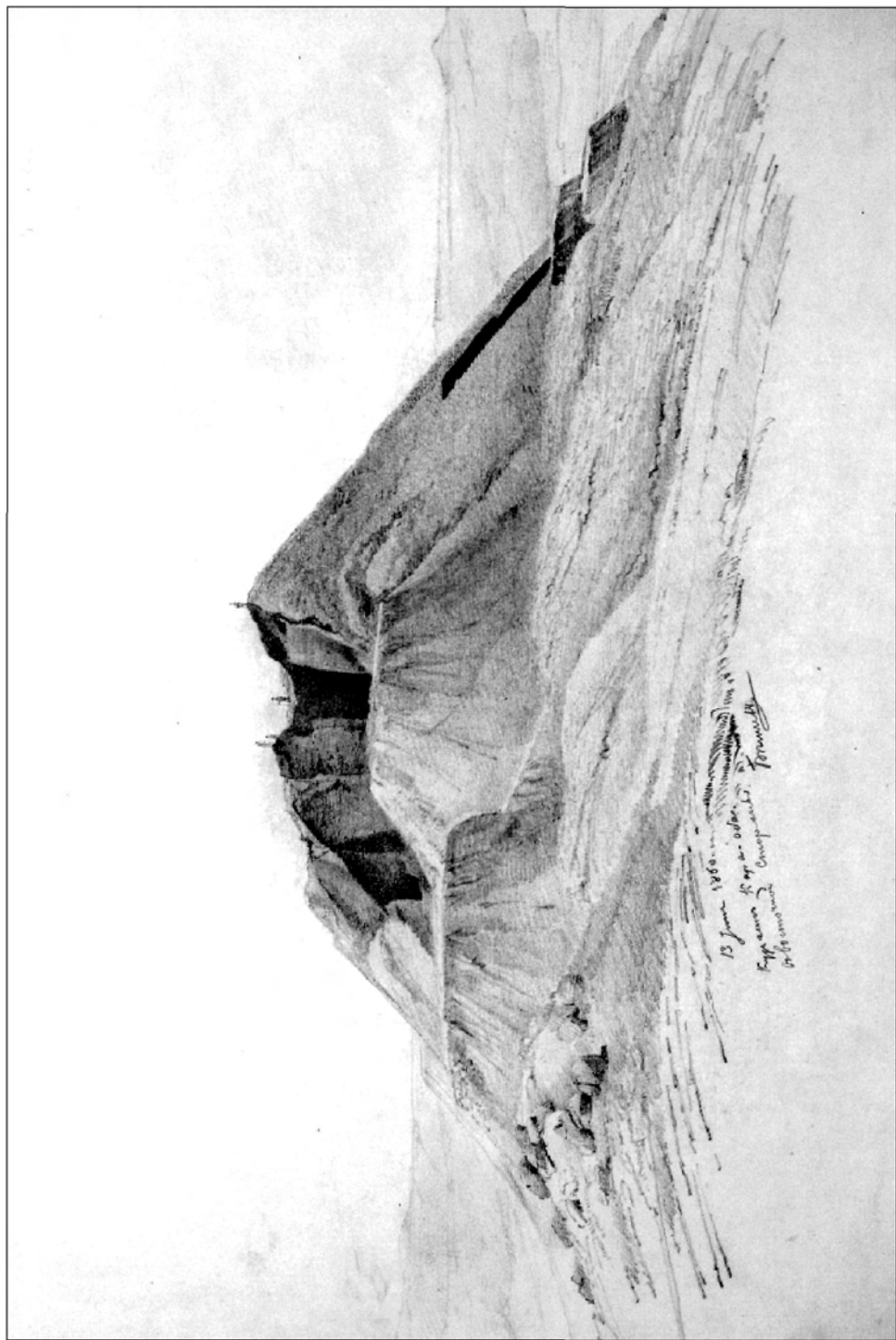

Рис. 11. Курган Кара-Оба после раскопок 1859 г. [Р. 1, № 691, л. 16].

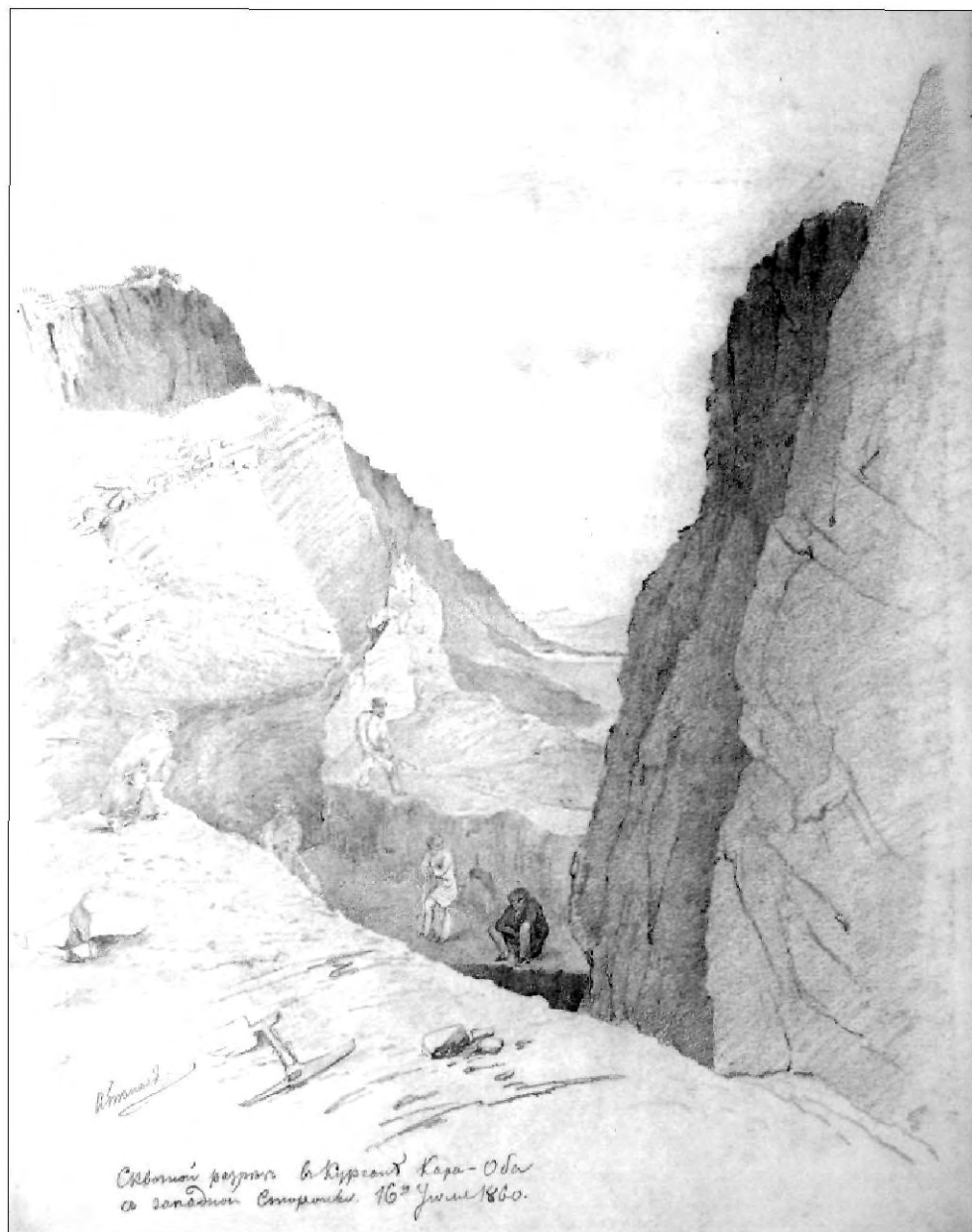

Рис. 12. Курган Кара-Оба, сквозной разрез насыпи [Р. 1, № 691, л. 17].

2.2. А.Е. Люценко и С.Г. Строганов об организации археологических исследований на Боспоре

Приведённая выше переписка между С.Г. Строгановым и А.Е. Люценко, имевшая место в 1857 г. (см. главу 1.2–1.3), прекрасно характеризует состояние боспорской археологии накануне создания Императорской археологической комиссии. После создания этой организации необходимо было выработать некую программу археологических раскопок, определить их цели, акцентировать внимание на важнейших задачах археологического изучения Боспора и т.д. Частично об этом, а также о возникшем тогда немалом непонимании между петербургским руководством и керченскими археологами, частично было сказано выше (глава 2.1). В Архиве ИИМК РАН, однако, имеются и другие в высшей степени важные документы, позволяющие лучше понять ситуацию, сложившуюся в то время.

Прежде всего 20 мая 1859 г. С.Г. Строганов направил А.Е. Люценко «Положение» об Императорской археологической комиссии, а также документы о её штате и, естественно, о штате Керченского археологического музея. По последнему вопросу в этом документе говорится [Ф. 14, д. 6, л. 24-25]:

«...предоставляю на Ваше распоряжение распределить расходы из 614 р., положенных по штату ... в добавок к содержанию директора и его помощника. Для соображения же Вашего уведомляю Вас, что при назначении этой суммы имеются следующие расчёты:

На содержание сторожа при Музее и 2-х надсмотрщиков – 300 р.

На переписку бумаг и канцелярские расходы директору – 150 р.

На расходы директора и его помощника или ныне на фураж 2-х казённых лошадей для них – 214 р.

<Всего>: 664 р.

Если, соображаясь с временными обстоятельствами, Вы признаете более удобным определить теперь только одного надсмотрщика, то остающееся денежное содержание его Вы можете употребить для того, чтобы иметь при музее одну лошадь для употребления её при розысках, независимо впрочем от тех двух лошадей, которые ныне имеются для директора и его помощника и которые им необходимы для их собственных разъездов по раскопкам.

В том случае, когда ход земляных работ при разысканиях будет таков, что постоянных служителей Музея для присмотра будет недостаточно, Вы должны нанимать временных служителей, относя расход на них на счёт суммы, которая будет ежегодно мною Вам отпускаема на археологические разыскания.

Расходы по найму помещения для Музея 250 р. в год и по содержанию Казённого дома в Черномории будут Вам возмещены особо».

Смета расходов Керченского музея, как видим, отныне составляла всего 664 руб. в год. Вполне понятно, однако, что А.Е. Люценко предполагал совсем другое. Напомню, что в записке «О продолжении занятий Керченского музея» 1857 г. (см. главу 1.2) он надеялся, что музейные писарь и сторож будут получать по 100 руб., три конных надсмотрщика – по 180 руб., письмоводитель – 250 руб., разъездные деньги для директора и его заместителя – по 107 руб. в год, расходы на канцелярские принадлежности – 100 руб. В общей сложности получается 1214 руб., т.е. почти в два раза больше, чем позволял циркуляр из С-Петербурга. К этому необходимо добавить ещё одну специальную задумку А.Е. Люценко, считавшего возможным, что ему и К.Р. Бегичеву будут постоянно выплачиваться суточные и квартирные, как и сотрудникам ИАК из столицы, командированным в Керчь. О последнем теперь не стоило даже мечтать!

В ответ на предписание от 20 мая А.Е. Люценко 7 июня 1859 г. направил в ИАК свои «Соображения о средствах к производству археологических разысканий около Керчи». Этот документ следует привести полностью [Ф. 14, д. 6, л. 34-40 об.]:

«Цель разысканий. Открытие около Керчи сколь возможно большего числа памятников древности замечательных в историческом или художественном отношениях⁶.

Местные обстоятельства. Окрестности Керчи представляют всюду следы бывших разрытий, большею частью неизвестного происхождения. За всем тем, многие места или местности подают ещё надежду на открытие в них уцелевших гробничных памятников. Таковы курганы и насыпи, лежащие на высоком скалистом кряже, направляющемся от Павловского мыса к северо-западу и по левую сторону его, близ Старого Карантина; в цепи скалистых холмов, идущих в западном направлении от подошвы горы Митридат к Золотому кургану и к холму Куль-Оба; в обширной лощине между селениями Глинище, Катерлес, Булганак и Гаджи-Мушкай; на холмистой возвышенности по левую сторону дороги, ведущей к Новому Карантину, и на высотах, господствующих над крепостью Еникале. К сожалению, места сии находятся в дальнем расстоянии от города, простирающемся иногда в один конец на 7 вёрст и более, что не только затрудняет надзор за производством в них разысканий, но вместе с тем делает почти невозможным самый осмотр их, особенно в тех случаях, когда в один день открывается несколько гробниц⁷. Имея это в виду, для *разыскателя* было бы *всегда удобнее*

⁶ К этому месту на полях рапорта сделано замечание: «Не одна же эта». Здесь и далее все замечания по документу сделаны рукой В.Г. Тизенгаузена.

⁷ Приписка: «В разных концах не следует производить раскопки».

сосредоточить раскопки на одной какой-нибудь местности вблизи от города и ограничиться одним надсмотрщиком⁸, но к чему привело бы такое сосредоточение раскопок? К открытию нескольких сот бедных гробниц, как случилось в 1853 году, не стоящих одной замечательной. Хотя вообще в археологических разысканиях всё зависит от счастья, однако же нельзя отвергать, что есть местности, в которых тщетно старались бы открыть что-нибудь замечательное. Поэтому успех или удача разысканий зависит от выбора пунктов раскопок и от числа сих последних, несмотря на значительные между ними расстояния.

Способ производства раскопок. Раскопки производятся *по урокам*⁹ партиями рабочих. Настоящая справочная цена землекопу 60 коп. в день; плата же определяется не выше справочных цен от кубической сажени вынутой земли, то есть от 1 до 1 р. 50 коп. и более за выемку 1 кубической сажени, смотря по крепости грунта и глубине копки, без отвозки земли на тачках или с отвозкой. Деньги выдаются *артельщикам*¹⁰ по обмеру работ в конце каждой недели. Усердные рабочие приобретают в день от 70 коп. до 1 рубля, производя работу от восхода солнца до сумерек. Партии рабочих ночуют в поле возле курганов, по праздникам же и воскресным дням всегда возвращаются в город. Конные 2 надсмотрщика наблюдают за ними непрерывно, каждый в своём участке, переходя от одного пункта на другой¹¹; причём в сумерки возвращаются домой, заезжая к директору для получения приказаний. В случае же открытия гробниц ночуют в поле вместе с рабочими. Директор осматривает работы ежедневно в сопровождении означенных надсмотрщиков, снабжённых железным щупом, мерительной лентой и компасом, вскрывает с помощью их гробницы и назначает новые пункты для раскопок. Нередко случается, что он остаётся на раскопках целый день, возвращается домой поздно вечером с заметками для журнала, который составляется ночью, потому что вести его на месте оказывается весьма неудобным. Что же касается до служебной переписки и шнуровых книг, то они ведутся большею частью по праздникам. Таким образом, в продолжении разысканий директор постоянно бывает занят и не имеет никакой возможности принимать многочисленных посетителей музеума, которые часто изъявляют претензии на его отсутствие¹².

Успех производства раскопок. Успех раскопок в отношении к числу пунктов или местностей, избираемых для расследования, и к количеству

⁸ Приписка: «Так и должно быть». Слова «вблизи города» заключены в скобки и к ним поставлен знак вопроса.

⁹ На полях рапорта к этому слову поставлен знак вопроса (Ю.В.).

¹⁰ Приписка: «Они отвечают и за то, чтобы рабочие не расхищали».

¹¹ Приписка: «Должны директор и его помощник».

¹² Приписка: «А что делает помощник директора?»

работ зависит от суммы, ежегодно ассигнуемой на производство их, и в особенности от средств, определённых для ближайшего за ними надзора, *то есть*¹³, от разрешения иметь для сего постоянно, по крайней мере, двух благонадёжных конных надсмотрщиков, которых в Керчи не легко найти с жалованьем даже по 180 рублей в год каждому, приспособить к делу, требующему навыка, и удержать на службе. Сумма 3000 рублей, назначенная в сём году на раскопки, превышает все прежние ассигнования. Постоянные же средства к надзору за раскопками, ограниченные двумя пешими надсмотрщиками с жалованьем каждому из них по 100 рублей в год – слишком недостаточны. Хотя разница между 2-мя пешими и 2-мя конными надсмотрщиками составляет не более 160 рублей в год, однако же она лишает возможности не только следить одновременно за *всеми раскопками, производимыми в местностях удалённых одна от другой на значительное расстояние*¹⁴, но и наблюдать за целостию открываемых при том памятников древности. С какой бы заботливостью не производились разыскания, директор и его помощник могут иметь за ними только общий присмотр; частный же или непрерывный надзор должен быть вверяем постоянным надсмотрщикам, которые, находясь при раскопках безотлучно, заменяют особых чиновников, назначаемых на сей предмет по штатам. В 1853 году частный надзор за раскопками около Керчи на меньшую сумму вверен был чиновнику Линевичу¹⁵, получавшему в год 350 рублей содержания, независимо от денежных пособий, которые оказывались ему ежегодно по моему ходатайству, 107 рублей, назначенных на фуражное продовольствие верховой его лошади и особых пеших надсмотрщиков. Сравнение этих средств с вышеозначенными показывает, что наём 2-х постоянных конных надсмотрщиков предоставляет значительные выгоды для казны при отмене чиновников. Впрочем, конные надсмотрщики избираются из людей способных, трезвых и испытанной честности. К сему не лишним считаю присовокупить, что для успеха разысканий около Керчи в течение года, необходимо иметь разрешение о приступе к ним, по крайней мере, в конце февраля каждого года, потому что удобнеее время к производству их в здешнем крае есть весна и осень, как я имел честь изъяснить в докладной записке моей от 17-го ноября 1857 года¹⁶.

Средства к надзору за раскопками. Конные надсмотрщики по раскопкам, производимым в разных пунктах на обширных местностях более или менее разрытых, необходимы для успешного за ними наблюдения. Они

¹³ Приписка: «Надзор принадлежит директору».

¹⁴ Приписка: «Этого не должно быть».

¹⁵ Приписка: «А теперь ещё помощник Бегичев».

¹⁶ Примечание: «Раскопки должны производиться и летом».

помогают директору следить за точным выполнением уроков, назначаемых партиям рабочих; в случае же открытия гробниц, требующих немедленного расследования, тотчас посылаются в город за рычагами, канатами, молотами и другими вспомогательными средствами, нужными для вскрытия их до наступления сумерек, что всегда бывает сопряжено с большими затруднениями в степи или на хребтах гор, где нет никакого жилья. Когда директор отправляется верхом с одного пункта раскопок на другой, надсмотрщик не может сопровождать его пешком без потери времени, вредной для успеха разысканий. К тому же в жаркое время года пешие надсмотрщики часто заболевают от утомительных переходов, а весной и осенью страдают от сильных дождей и грязи, требующих частой перемены одежды и обуви.

Содержание надсмотрщиков. Осмелюсь утвердительно доложить, что в настоящее время в Керчи невозможно найти для раскопок постоянного надсмотрщика за 28 копеек в день (100 руб. в год). Доказательством тому служит беспрестанная перемена сторожей музеума, которые, прослужив 2 или 3 месяца, являются к директору с просьбами об увольнении их от службы, жалуясь на недостаточное содержание. Чтобы удержать на службе настоящего сторожа, я вынужден был прибавить ему 20 рублей в год от себя, так как он присматривает и за казёнными лошадьми, на которых, кроме фуражных денег, ничего не отпускается. Между тем, должность надсмотрщика за раскопками несравненно труднее обязанности сторожа музеума. Для исполнения оной *нужно иметь особенный навык и большую расторопность*.¹⁷ Кто же согласится за 28 копеек присматривать за раскопками, когда простой землекоп зарабатывает в день с помощью лопаты и кирки не менее 60 коп. Притом я избегаю найма дряхлых, ленивых и в особенности нетрезвых служителей, которые при недостатке рук и дороговизне средств к пропитанию поступают в артели вольнонаёмных рабочих. Если так трудно находить в Керчи постоянных служителей за умеренную плату, то ещё труднее иметь временных. В сём случае необходимо беспрестанно приискивать, нанимать и увольнять их, определять таковых несколько и платить им, если не более, то, по крайней мере, столько же, сколько получают конные надсмотрщики, что весьма невыгодно и крайне затруднительно при непрерывном ходе разысканий. Я сомневаюсь в пользе временных служителей, тем более, что к ним нельзя иметь доверия ни в каком отношении. Нанимаясь на время, они пренебрегают своею обязанностью и всегда готовы сказать – “рассчитайте нас, мы идём на сенокос, на ломку соли или камня, на Павловскую батарею или на пристань” – и увлечь за собою целые партии рабочих, которые, окончив урочные свои

¹⁷ К выделенному месту на полях поставлен знак вопроса (Ю.В.).

раскопки, не обязываются приступать к другим без нового соглашения в цене. Что же касается до рассыльной лошади, то она бы была для музеума совершенно лишним бременем без верхового, о котором вовсе не упоминается в предписании, ибо единственный пеший надсмотрщик, оставляемый в распоряжении директора, не может отлучаться от раскопа¹⁸.

По сим соображениям я полагал бы необходимым оставить в распоряжении музея, по крайней мере, 2-х конных надсмотрщиков вместо 3-х, определённых прежним штатом, с отпуском каждому из них дополнительного содержания по 80 рублей в год из археологической суммы, назначенной на раскопки. Затем я не нахожу другого способа распределить положенные по штату 664 р. кроме того, который изложен в предписании Вашего Сиятельства, а именно:

На жалованье сторожу музеума, при всём недостатке его в настоящее время – 100 р.

На жалованье 2-м конным надсмотрщикам, кроме испрашиваемых особо 160 р., – 200 р.

На жалованье приходящего писаря – 100 р.

На разъезды директора и его заместителя или на фураж 2-х казённых верховых лошадей по 107 р. на каждую, с ремонтом их и жалованьем конюшему – 21 р.

На канцелярские расходы директору, то есть на бумагу, перья, карандаши и проч. – 40 р.

На рисовальные и скульптурные припасы помощнику – 40 р.¹⁹

Всего 664 р.

Чтобы не останавливать разысканий в текущем году, я решил производить двум конным надсмотрщикам Савелию Малому и Игнату Опошняну дополнительное содержание 160 рублей из собственных моих денег, не выводя оно с 1-го мая по шнуровым книгам впредь до получения разрешения Вашего Сиятельства, ибо означенные надсмотрщики объявили мне решительно, что они находят гораздо выгоднейшим оставаться на службе с жалованьем по 100 рублей в год; других же благонадёжных служителей за эти деньги я никак не надеюсь найти.

Осмеливаюсь просить Ваше Сиятельство обратить внимание на скудные средства для рисовальных и скульптурных припасов, остающиеся от распределения 664 рублей, и указать на источник для *покрытия некоторых мелочных расходов*, как то: на поездку мою и помощника моего в

¹⁸ Приписка: «При нём может быть и лошадь, за которой не больше ухода, как и за верховой его собственной».

¹⁹ Приписка: «Но особо, ибо расходы могут быть весьма <различными?>, находясь в зависимости от того, сколько и каких рисунков сделает помощник».

Тамань для принятия от г. Семеняки казённой постройки, которая вопреки обещания его до сих пор не окончена по случаю какого-то поручения, возложенного на него войсковым начальством, на исправление казённой мебели, спасённой нами от неприятеля, на отправку древностей в Москву или в С-Петербург и т.п. За наём дома для помещения музея я плачу 300 рублей и на отопление его издерживаю в год около 70 рублей; по штатной же книге выписываю только 250 рублей, пользуясь квартирою в означенном доме. Не следует ли помянутые 250 рублей выписывать вместо штатной книги по археологической впредь до возмещения оных²⁰?

Расхищение керченских гробниц. Обширные мещанские слободки по левую сторону Карантинной дороги, на Глинище и на северной покатости горы Митридатовой лежат на курганах и могильных насыпях, которые находятся почти у каждого мещанина, владельца отведённой земли, в означенных слободках; причём многие из сих мещан, устроив свои жилища вокруг курганов, поместили на вершинах их ветряные мельницы. При рытье рвов, ограждающих участки земель, они часто находили гробницы и, несмотря на закон, воспрещающий вскрывать таковые без ведома начальства, расхищали их тайным образом, утверждая потом, что они были найдены ими разорёнными, чему противоречило появление древних золотых вещей в руках некоторых городских жителей, перекупщиков и самих мещан. *Поводом к учреждению конных надсмотрщиков за курганами служило открытие известных мраморных статуй,*²¹ сделанное мещанином Щербиной на Глинище, во дворе своего дома, о чём он тогда же донёс начальству. С тех пор тайные раскопки, по-видимому, прекратились, и мещане стали приходить к директору с просьбами об освидетельствовании открываемых ими случайно гробничных или других построек, что и было немедленно исполняемо. Опасение встретить конного надсмотрщика обуздывало своеволие мещан. Из сего видно, что конные надсмотрщики были не совсем бесполезны и по цели их учреждения».

Ответ на эти вполне логичные «соображения» был направлен из Археологической комиссии 14 октября 1859 г. В нём директору Керченского музея предписывалось при производстве археологических работ руководствоваться следующими соображениями [Ф. 14, д. 6, л. 41]:

«Археологические разыскания имеют целью объяснение быта и вообще истории древних народов по сохранившимся от них памятникам. Открытые с такою целью памятники, конечно, всегда будут иметь большую или

²⁰ Приписка: «Да».

²¹ К выделенному месту на полях поставлен знак вопроса (Ю.В.).

меньшую важность, но ни один из них не останется без значения. Таким образом, самый курган, как памятник, имеет такое же значение, как найденные в нём постройки и вещи, и столько же, как они, характеризует собою народ, которому принадлежит, почему и должен быть описываем с возможною подробностью.

Кроме того, при раскопках курганов нужно также постоянно не упускать из вида и то, что в нём могут быть открыты гробницы и вещи.

1. Древнее самого кургана и не имеющие с ним тесной исторической связи: гробницы, которые были сделаны прежде на том месте, на котором он был впоследствии насыпан, и вещи, попавшие в него случайно, как, напр., находившиеся в той насыпи, которая была взята для его насыпки.
2. Вследствие народных обычаев сделанные в одно время с главной гробницей другие гробницы, составлявшие такую же ей принадлежность, не более как и самая курганная насыпь. Сюда относятся гробницы, напр., наложниц, рабов, погребённых вместе со своим господином, иногда в одной с ним гробнице, иногда над ней в насыпи, а также при сооружении кургана засыпанные в нём вещи, вследствие таких же обычаев, как, напр., при совершении жертвоприношений над могилой погребённого.
3. Относящиеся к этому же самому разряду гробницы и вещи, не попавшие в курган или, когда весь он или значительная часть его была уже воздвигнута, как, напр., при отправлении на могиле годовщины в память погребённого.
4. Гробницы, сделанные в курганах впоследствии, но находящиеся с первой в нём гробницею в тесной исторической связи, куда относятся семейные склепы.
5. Случайно попавшие в курган гораздо новее его как вещи, к разряду которых относятся, напр., простые клады, так и могилы, опущенные в его насыпь.

А потому при открытии гробниц и вещей определять по возможности, к какому из подобных разрядов они могут относиться.

Если в кургане будут попадаться жжёные кости, то непременно нужно определить, человеческие они или нет. В случае недоразумения при решении этого вопроса, доставлять кости эти вместе с вещами ко мне в Комиссию.

Для производства археологических разысканий в Керчи посредством земляных раскопок Вам будет ассигновано в начале года сумма в размере по моему усмотрению, а вместе с тем выдаваться и приходорасходные книги, которые как в нынешнем, так и в будущих годах должны быть Вами по истечении года представляемы ко мне в Комиссию для обревизования.

В том случае, когда предписание о назначении той суммы или получении ея Вами по каким-либо причинам замедлится, а между тем представятся благоприятные обстоятельства для начатия раскопок и в распоряжении Вашем будут находиться какие-либо свободные суммы, Вы должны на счёт сих последних, не теряя времени, приступить к работам, производя их в размерах не свыше года предшествующего и доносить мне об этом.

Чтобы надзор за разыскателями мог быть <надлежащим – Ю.В.>, раскопки, будь ли они вблизи от Керчи или в отдалении от неё, не должны быть производимы в одно и то же время в местах, разделённых друг от друга значительными пространствами, а всегда сосредотачиваемы в одной какой-либо местности, и только по окончательному и непременно систематическому расследованию ея переносимы на другую. Исключение из этого места допущено только тогда, когда или случайно обнаружатся в разных местах памятники, которых расследование было бы неудобно откладывать, или отчасти когда расследуются курганы весьма значительной величины, в насыпи которых не встречается частых гробниц.

В новый штат Керченского музея введены 2 надсмотрщика для исполнения при раскопках разных мелких послуг, требующих однако же некоторого доверия к их исполнению. В представленном Вам соображении Вы полагаете и для этих надсмотрщиков назначить также верховых лошадей, но как экономии из суммы, назначенной Высочайше утверждённому штату Музея, на которую бы мог быть отнесён назначенный на это расход, не предвидится, то он и не может быть допущен постоянно. В уважение же Вашего представления и принимая в соображение, 1) что ход производимых ... Вами разысканий может быть таков, что надсмотрщикам необходимо иметь лошадей и 2) что вследствие ныне существующей в Керчи дороговизны положенного им по штату содержания, может быть, не достаточно, я разрешаю Вам временно, впредь до усмотрения производить дополнительные расходы на содержание надсмотрщиков согласно представлению Вашему до 160 р. в год, производя его из сумм, назначенных на разыскания и показав его с 2 февраля сего года.

Расходы на скульптурные и рисовальные припасы весьма не определены, находясь в зависимости от количества и качества подобных работ, по мере же действительной в них надобности они будут Вам удовлетворяемы без затруднения, вследствие Ваших ко мне о том представлений.

Вы должны также испрашивать моего разрешения и по всем другим экстренным расходам».

Как видим, доводы А.Е. Люценко в конце концов повлияли на петербургское начальство. С.Г. Строганов вынужден был пойти на некоторые уступки и допустить, пусть на временной основе, содержание лошадей для двух надсмотрщиков.

Это правильное решение облегчало задачу контроля за производством раскопок, в особенности, когда они имели место на большом расстоянии от города. Нераскопанных курганов в ближайших окрестностях Керчи, как нетрудно понять, к тому времени оставалось не очень много.

2.3. Записка А.Е. Люценко о боспорских курганах

Уже неоднократно говорилось, что боспорская археология начинала становление как археология курганная. Её состояние на момент начала работы Императорской комиссии наглядно характеризует один документ, хранящийся в Научном архиве ИИМК РАН, это рапорт А.Е. Люценко «О причинах перевода раскопок, производимых около Керчи, с одной местности на другую», направленный С.Г. Строганову в феврале 1860 г. [1860 г., д. 6, л. 3 сл.]. Этот рапорт послужил ответом на требование председателя Императорской археологической комиссии, сводящееся к тому, что раскопки «не должны быть производимы в одно и то же время в местах, разделённых друг от друга значительным пространством, а всегда сосредотачиваемы в одной какой-либо местности и только по окончательному и непременно систематическому расследованию ее переводимы на другую» [1860 г., д. 6, л. 3; см. также главу 1.3]. Это требование сейчас можно признать абсолютно разумным, но директор Керченского музея был с ним не вполне согласен, и, прежде всего, в своём ответе он обрисовал, так сказать, общую картину изученности боспорских курганных памятников, какой она представлялась на тот момент. Эта картина в высшей степени любопытна, и по этой причине заслуживает подробной характеристики.

«Классическая почва Керченского градоначальства, – по мнению А.Е. Люценко, – есть почва могильная». Далее он писал: «Верхний слой ея (этой почвы – Ю.В.), за некоторыми исключениями, состоит из *сплошных насытей* (здесь и далее в этом документе выделено мною – Ю.В.), хотя нередко и смежных с курганами, но занимающих гораздо более пространства и менее возвышенных..., почему и нельзя считать их курганами; скорее же можно назвать их кладбищами беднейшего и потому самого многочисленного народонаселения древней Пантикапеи. В глубине их заключаются, большею частию, так называемые земляные, черепичные и жжёные гробницы с костями покойников, при которых находятся самые обыкновенные вещи... Кладбища эти раскопаны весьма поверхностно, и там, где они тронуты более, груды земли, выброшенной из ям, покрывают нераскопанные места. К числу их можно отнести значительные *присыпки*, лежащие у подножья скалистых холмов, но здесь встречаются уже каменные гробницы довольно замечательной постройки» [1860 г., д. 6, л. 3-4].

В этой части рапорта описание керченских памятников, получивших название

сплошных могильных насыпей, и их интерпретация представляется вполне понятной. Затем А.Е. Люценко охарактеризовал совсем другие памятники:

«Нельзя также считать курганами *валообразные насыпи с коническими и сферическими вершинами*, прилегающие к поверхности горы Митридат на всём её протяжении, особенно же с западной стороны. Они состоят из бесчисленного множества черепков битой посуды, смешанных с землёю, угольями, золою и морскими ракушками, между коими попадаются амфорные ручки, обломки мрамора и черепицы, весовые глиняные гирьки пирамидальной формы, кости различных животных и медные монеты, относящиеся к различным временам существования Боспорского царства. Глубина сих насыпей в некоторых местах изумительна. Железный бур длиной около 3-х сажень (6,40 м – Ю.В.) не достигает материка, на котором они лежат. Никто не решался копать их, опасаясь чрезмерных издержек, сопряжённых с подобными предприятиями, и потому о них вовсе не упоминается в прежних раскопках. Англичане пытались в 1855 году углубиться в них минами, направленными от подошвы к центру, но безуспешно. Вероятно, в основании этих насыпей, известных под названием *пепелищ*, находятся фундаменты разрушенных стен Пантикапеи» [1860 г., д. 6, л. 4].

Почти нет сомнения, что А.Е. Люценко описал здесь памятники, которые современные археологи именуют зольниками. Боспорские зольники – одно из любопытнейших явлений материальной и, вероятно, духовной культуры местного греко-варварского населения. В научной литературе часто дискутируются вопросы интерпретации зольников Китея, Мирмекия или Илурата [см.: Гайдукевич, 1965; 1987, с. 65 сл.; Виноградов, 1992, с. 110-113; Молева, 1995; 2002, с.16-23; Бутягин, 2005; Бутягин, Чистов, 2007], а вот о близких им «пепелищах» Пантикапея почти не упоминается [см.: Айбабин, Ачкинази, Голофаст, 2003; Власов, 2003].

Наконец, А.Е. Люценко перешел к главному:

«Затем следуют *курганы* разной величины, рассеянные на поверхности означенной почвы по всевозможным направлениям, лежащие рядами на хребтах окрестных гор, группирующиеся в равнинах и стоящие, подобно Царскому, отдельно от прочих. Величественные эти памятники, имеющие постоянно коническую форму и заключающие в себе роды гробниц, могли бы одни удовлетворить вышеизложенной цели разысканий²², если бы

²² Имеется в виду указание С.Г. Строганова на то, что «археологические разыскания имеют цель объяснение быта и вообще истории древних народов по сохранившимся от них памятникам» [1860 г., д. 6, л. 3].

они были не тронуты. К сожалению, ни один из них не уцелел совершенно. Находящиеся на поверхности их старинные впадины, приписываемые генуэзцам, и глубокие завалившиеся ямы, сделанные в наше время, положительно свидетельствуют о неоднократном раскрытии их. Но, не говоря о старинных раскопках – когда, кем, в какой мере и с какими результатами произведена была большая часть относящихся к нашему времени – остаётся загадкой, потому что в описаниях многочисленных раскопок Ашика, Карейши и преемников их невозможно приурочить из всего числа курганов, раскопанных около Керчи, *даже одной десятой доли*. Так не ясно определяли они положение разрываемых ими курганов, величину их и размеры своих разысканий²³. Кроме того, производя раскопки в курганах большею частью на перевал, без отвозки земли в сторону, они загромождали ею не только расследованные части их, но и те, которые остались нетронутыми. А как в прежнее время, кажется, вовсе не думали об окончательном их расследовании, то городские жители и мещане, имевшие надобность в камне, глине и песке для своих построек, стали добывать их из упомянутых курганов, чем обезобразили сии последние ещё больше; при добывании же тех материалов нередко находили уцелевшие гробницы, которые и расхищали. Таким образом, на замечательных могильных насыпях и курганах, дурно раскопанных вблизи от Керчи, устроились из означенных материалов целые слободки, оградившие себя каменными стенками и рвами.

Что же касается *колоссальных курганов*, занимающих вдали от города отдельные пункты и лежащих в разных местах группами, то многие из них дурно разрыты, быть может, по недостатку средств и терпения у прежних разыскателей, или вследствие тогдашнего обилия нетронутых курганов, побуждавшего их переходить с одной местности на другую, но, как бы они не были разрыты, одно то, что громадные эти насыпи уже тронуты неизвестно кем и с какими шансами в отношении к открытиям, заставляет колебаться в приступе к систематическому их расследованию» [1860 г., д. 6, л. 5-6].

Задача археологов по исследованию курганов, сконцентрированных в какой-либо местности, по мнению А.Е. Люценко, заключалась в следующем:

- «1. Очистить в ней все нерасследованные части от огромного количества земли, набросанной из полуразрытых курганов, особенно там, где они группируются; в случае же надобности снести некоторые избы и ветряные мельницы, препятствующие производству разысканий. Меры эти необходимы тем более, что к подошвам

²³ К этому месту А.Е. Люценко сделал примечание: «В этом упрекнуть меня, кажется, нельзя».

многих курганов прилегают плоские насыпи, заключающие в себе гробницы.

2. Подвергнуть *сплошному расследованию* все находящиеся в той местности курганы и плоские насыпи, не исключая значительно раскопанных, ибо, судя по одним завалившимся в них ямам и впадинам, заросшим травой или бурьяном, нельзя ручаться, что прежние разыскатели всегда доводили раскопки свои до поверхности материка, в глубине коего могут быть гробницы и другие памятники, ускользнувшие от их внимания. Старые артельщики говорят, что в прежнее время не редко смешивали плотно улежавшуюся насыпь с материком» [1860 г., д. 6, л. 6].

Поставив эти задачи, директор Керченского музея добавляет:

«Хотя научная польза подобных расследований (сплошных раскопок курганных групп – Ю.В.) не подлежит никакому сомнению, однако же, принимая в соображение обширность могильных местностей, лежащих около Керчи (некоторые из них простираются в длину от 3-х до 4-х вёрст и более), нельзя не согласиться, что каждое из них (расследований – Ю.В.) может достигнуть циклопических размеров и потребовать для окончания его слишком много времени, чрезвычайных издержек и соразмерного с ними числа рабочих, в которых ощущается здесь крайний недостаток. Притом, успех сплошного расследования местностей в отношении к открытиям зависит от шансов совершенно гадательных. Сколько раз, окончив разрытие двух или трёх надежных курганов²⁴, лежащих в одной какой-либо местности, я приступал к дорогостоящей раскопке прочих, находящихся в той же местности, и приходил к открытию уже разорённых или обысканных гробниц, которого по теории вероятностей и следовало ожидать в курганах с глубокими впадинами. Такие печальные результаты едва ли могут служить к объяснению быта и истории древних народов» [1860 г., д. 6, л. 7].

Наконец, А.Е. Люценко делает заключение:

«Вот почему, заботясь о сколь возможно полезном употреблении вверенной мне археологической суммы и соображаясь с числом находящихся у меня рабочих, я переводил раскопки с одной местности на другую, предоставляющую более надежды к открытию в ней нетронутой гробницы, или производил их на двух и трёх местностях (одновременно – Ю.В.).

²⁴ Надёжными курганами А.Е. Люценко называл те, которые казались неограбленными.

Одним словом, в лабиринте курганов, раскопанных более или менее около Керчи, я выбирал надёжнейшие и старался разрывать их систематически, не позволяя себе спешных исследований, которые могли бы завести меня в область мечтательных поисков и вовлечь в напрасные издержки. Если сделанный мною выбор курганов редко был удачен, то я утешаю себя, по крайней мере, тем, что хотя бы в одном из них открыта была гробница, достойная внимания...²⁵ Наконец, я должен упомянуть, что к числу причин, побуждающих меня переводить раскопки с одной местности на другую относится наступление холодного осеннего времени, когда рабочие не соглашались продолжать их там, где нет никакого жилья, чтобы укрыться от непогоды и ночевать» [1860 г., д. 6, л. 7-8].

Ознакомившись с этим любопытнейшим документом, нетрудно понять, какая сложная, можно сказать, неприглядная ситуация сложилась в области изучения боспорских курганов на время начала работы Императорской археологической комиссии. Большинство курганов тогда так или иначе уже были раскопаны, но кто и когда это сделал, оставалось абсолютно непонятным. Археологи были вынуждены буквально метаться среди этих насыпей, обезображенных старыми отвалами, в поисках более-менее «надёжных» памятников. Научная методика требовала от них сплошного исследования курганных могильников, но такие масштабные работы могли привести к весьма плачевным результатам, каковыми они понимались в то время. Нетрудно представить, что, раскопав все курганы в какой-то местности, исследователь не обнаружил в них ни одной неогрabenной гробницы. Спрашивается, чем он мог отчитаться перед петербургским начальством? Только точностью соблюдения инструкции? Вряд ли за это он был бы удостоен похвал!

Показательно, что председатель Археологической комиссии в ответе на этот рапорт А.Е. Люценко отозвался о его содержании весьма одобрительно, но настаивал, чтобы раскопки не проводились в различных местностях одновременно. При исследованиях сплошных могильных насыпей, как ему представлялось, не могло быть правильного надзора. С.Г. Строганов подчеркивал, что более важные результаты обещают дать раскопки больших курганов [1860 г., д. 6, л. 21]. В Петербурге явно ждали открытий новых произведений античного искусства, и обозначенное противоречие между чистотой научной методики и реалиями археологических раскопок, нацеленных на подобный практический результат, по большому счёту, никогда не было преодолено. Да, в 60-х гг. XIX в. отечественным археологам действительно казалось, что одни неогрabenные курганы (и только они одни!) могут дать материал для «объяснения

²⁵ Имеется в виду гробница, открытая в кургане на Павловской батарее в 1858 г., о которой говорилось выше (см. главу 1.4).

быта и вообще истории древних народов». Для осознания недостаточности такого подхода, естественно, требовалось время.

2.4. Несколько замечаний о методике раскопок курганов в XIX в.

Для любого человека, который хотя бы немного знаком с правилами раскопок курганов в интересующее нас время, вполне очевидно, что исследования тогда проводились тремя возможными способами. Во-первых, с помощью колодцев, которые закладывались приблизительно посередине насыпи; во-вторых, с помощью траншей, которые могли быть сквозными, т.е. пересекающими всю насыпь, или глухими, т.е. доведёнными до середины кургана или даже того меньше; в-третьих, путём заложения мин или галерей (тоннелей), которые чаще всего шли от траншей. Все три способа, естественно, не приводили к полному изучению кургана [Самоквасов, 1908, с. 157], но, в общем, позволяли обнаружить главную гробницу. Чаще всего археологи закладывали траншею и, если она не достигала гробницы, то от неё в разных направлениях делались минные галереи. В боспорских курганах с их помощью можно было выйти на каменные стены склепов или хотя бы на скопления каменных «отёсков», которые справедливо рассматривались как важный указатель на близость сооружённой здесь каменной гробницы. К месту, где фиксировалось скопление «отёсков», немедленно закладывалась очередная более или менее широкая траншея. Все траншеи и мины фиксировались на плане, по этой причине планы крупных курганов, подвергавшихся многолетним раскопкам (Кара-Оба, Большая и Малая Близницы и др.), выглядят нагромождениями прямоугольников, овалов и пунктирных линий.

В качестве типичного примера можно привести историю открытия склепа в Мелек-Чесменском кургане (см. также главу 1.4). В насыпи этого кургана, которая состояла из плотного грунта, А.Е. Люценко заложил мину. По признанию археолога, с её помощью удалось сократить время на исследование, а также «сохранить кургану его вид». Заложённая мина была оценена как «образец современного искусства в обыскивании насыпей» [ОАК, 1859, с. 23]. С её помощью действительно достаточно быстро удалось выйти на каменную стену погребальной конструкции. Из стены сразу же были извлечены две плиты, через образовавшееся отверстие раскопщики вошли в дромос, соединённый со склепом. Таким варварским на взгляд современных археологов способом был открыт знаменитый склеп Мелек-Чесменского кургана [Гайдукевич, 1949, с. 250, 252-253; 1981, с. 48-49; Савостина, 1986, с. 95, № 9].

В случае обнаружения гробницы снимался её план, давались необходимые разрезы, в особых случаях производился рисунок погребальной камеры, так сказать, заменяющий современную фотографию. Фотографирование раскопанных объектов стало активно применяться к концу XIX в. Часто, но не во всех

случаях, на плане гробницы обозначалось положение погребённого, расположение сопровождающего инвентаря и т.д. Отдельные находки из погребений и тризн зарисовывались, при этом порой делались рисунки, казалось бы, совсем непримечательных керамических сосудов (лекифов и пр.), терракотовых статуэток, обломков расписных ваз и пр. Эти рисунки, сделанные К.Р. Бегичевым и Ф.И. Гроссом и сохранившиеся в Научном архиве ИИМК РАН, стали неоценимым подспорьем для современных исследователей, поскольку большинство боспорских курганов до сих пор не изучено, да и материалы, происходящие из них, полностью не опубликованы.

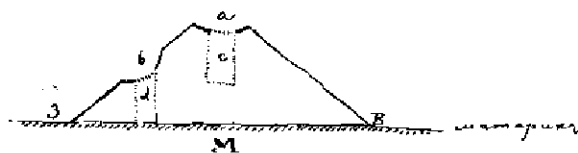
Раскопки, производившиеся с помощью траншей и минных галерей, были трудоёмкими, дорогостоящими и, надо признать, весьма опасными, к тому же они совсем не гарантировали открытия неогрбленных гробниц. Археологи, естественно, старались по возможности разрешить постоянно возникавшие в связи с этим проблемы. А.Е. Люценко считал, что выход из трудной ситуации заключается в предварительном проведении разведок на курганах, после которых можно было бы принять решение о проведении раскопок. С просьбой о разрешении таких разведок он обратился к С.Г. Строганову, тот против них, естественно, не возражал. Разъясняя свою позицию, А.Е. Люценко 9 августа 1860 г. направил председателю Археологической комиссии письмо, для наглядности снабдив его схемой абстрактного кургана (рис. 13) [Ф. 17, д. 2, л. 38-39]:

«Разрешение делать предварительно разведки в керченских курганах до приступления к систематическому их расследованию будет принято мною к неременному руководству на будущее время, и я надеюсь, что оно принесёт значительную пользу разысканиям, представляя возможность сосредоточить раскопки только в тех курганах, которые окажутся разрытыми поверхностно или в виде одних попыток. Осмелюсь пояснить эту пользу примером. Положим, что в каком-нибудь кургане М находятся две видные или завалившиеся ямы а и в. С помощью разведок с и d я постараюсь предварительно удостовериться, доведены ли означенные ямы до поверхности материка. Если, судя по слоям насыпи, они не доведены до материка или достигли его не приведя к открытию гробницы, то очевидно, что курган М можно считать вполне надёжным для расследования. В противном случае лучше перейти к другому кургану, чем останавливаться на этом. В сём случае, для убеждения, что в нём не заключается боковых гробниц, достаточно сделать вокруг него ров шириною не более одной сажени (2,13 м – Ю.В.). Ров этот непременно перережет где-нибудь слой отёсков, ведущих к боковой гробнице, если она находится в кургане М».

Приведённые соображения керченского археолога представляются вполне разумными, применение их на практике действительно могло сократить время

на поиск «надёжных» курганов (порой их даже называли «благонадёжными») и, соответственно, сберечь некоторое количество выделенных на раскопки денежных средств. Более того, следует обратить внимание, что подобные приёмы изучения курганных насыпей, связанные с выявлением в них грабительских раскопов или зондажей более раннего времени и пр., являются неотъемлемой частью современной методики исследований таких памятников. А.Е. Люценко понимал значение данного правила не совсем так, как это обычно делается сейчас, но винить его за это, конечно, недопустимо.

помощью. Смысл: выяснить эту насыпь курганом. Помощью, это в каком-нибудь кургане M находится для выработки или зондирование линии a и b

С помощью раскопки a и b , я постараюсь предварительно удостовериться: доведём ли означенные линии до поверхности материка. Если, судя по своим наблюдениям, они не доведутся до материка,

Рис. 14. Раскопки некрополя Юз-Оба в 1860 г., вид с востока [Р. 1, № 691, л. 18].

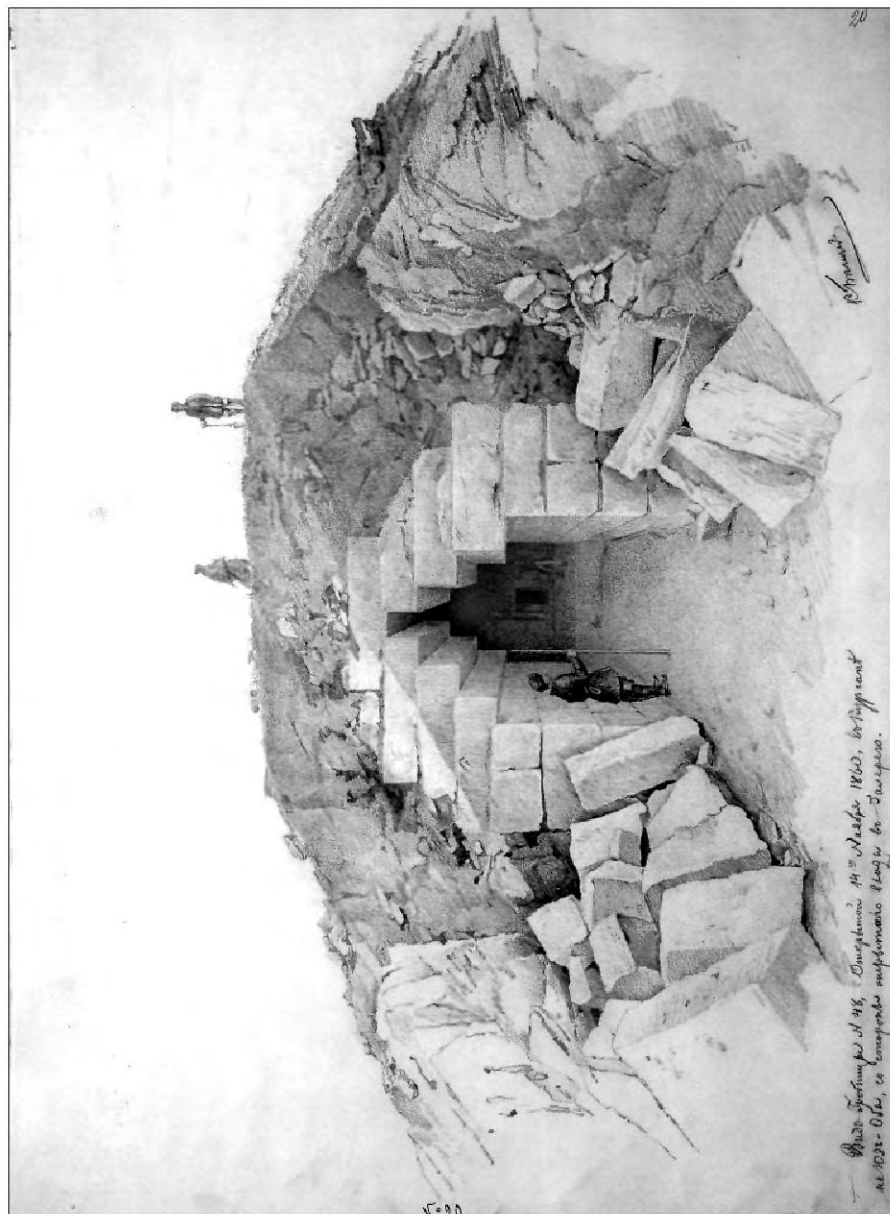
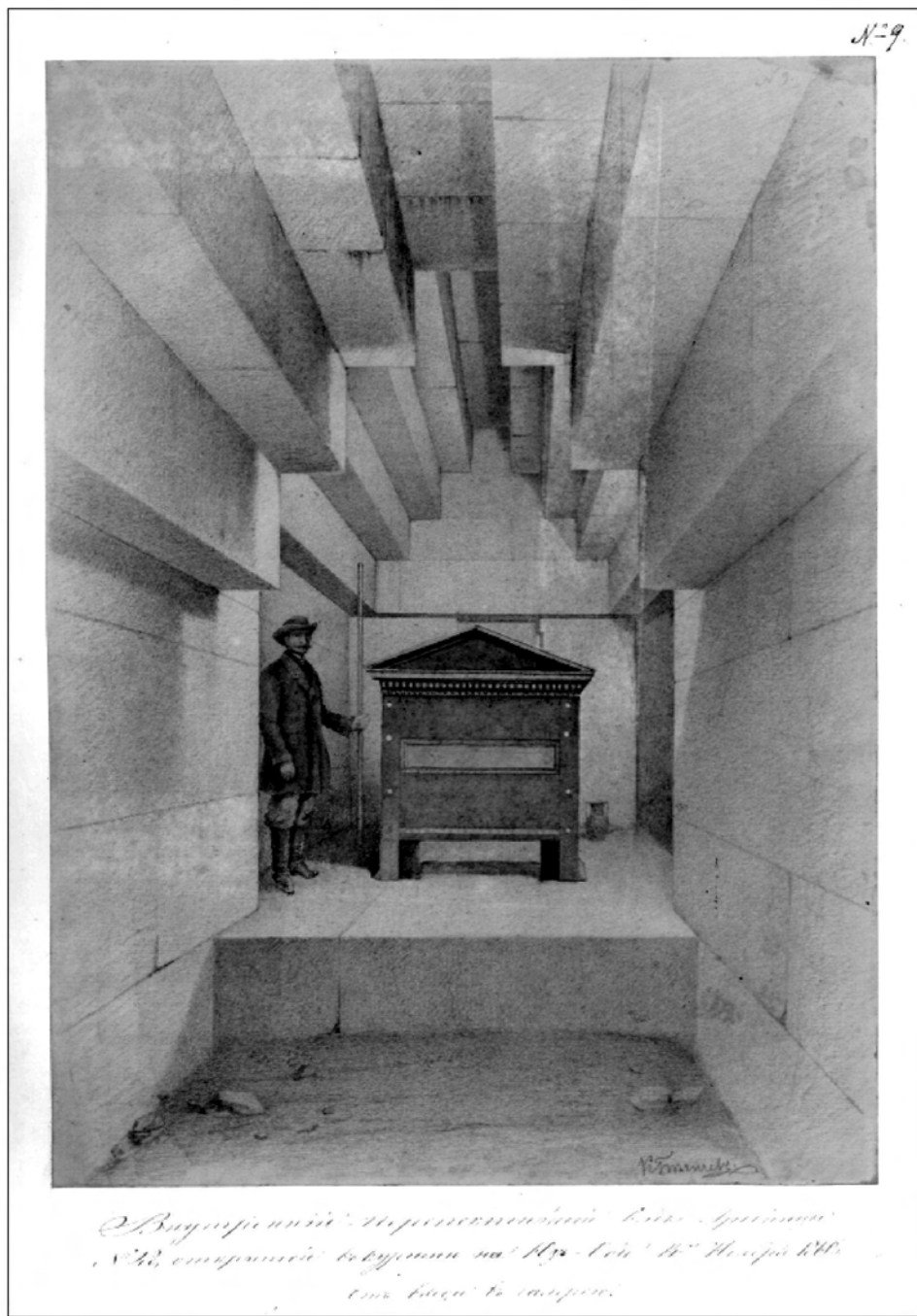

Рис. 15. Юв-Оба, вход в гробницу № 48 [Р. 1, № 691, л. 20].

*Внутренний отдел гробницы Юз-Оба
№ 48, содержащий в себе саркофаг
с надписью в фризе.*

Рис. 16. Юз-Оба, гробница № 48 [Р. 1, № 691, л. 22].

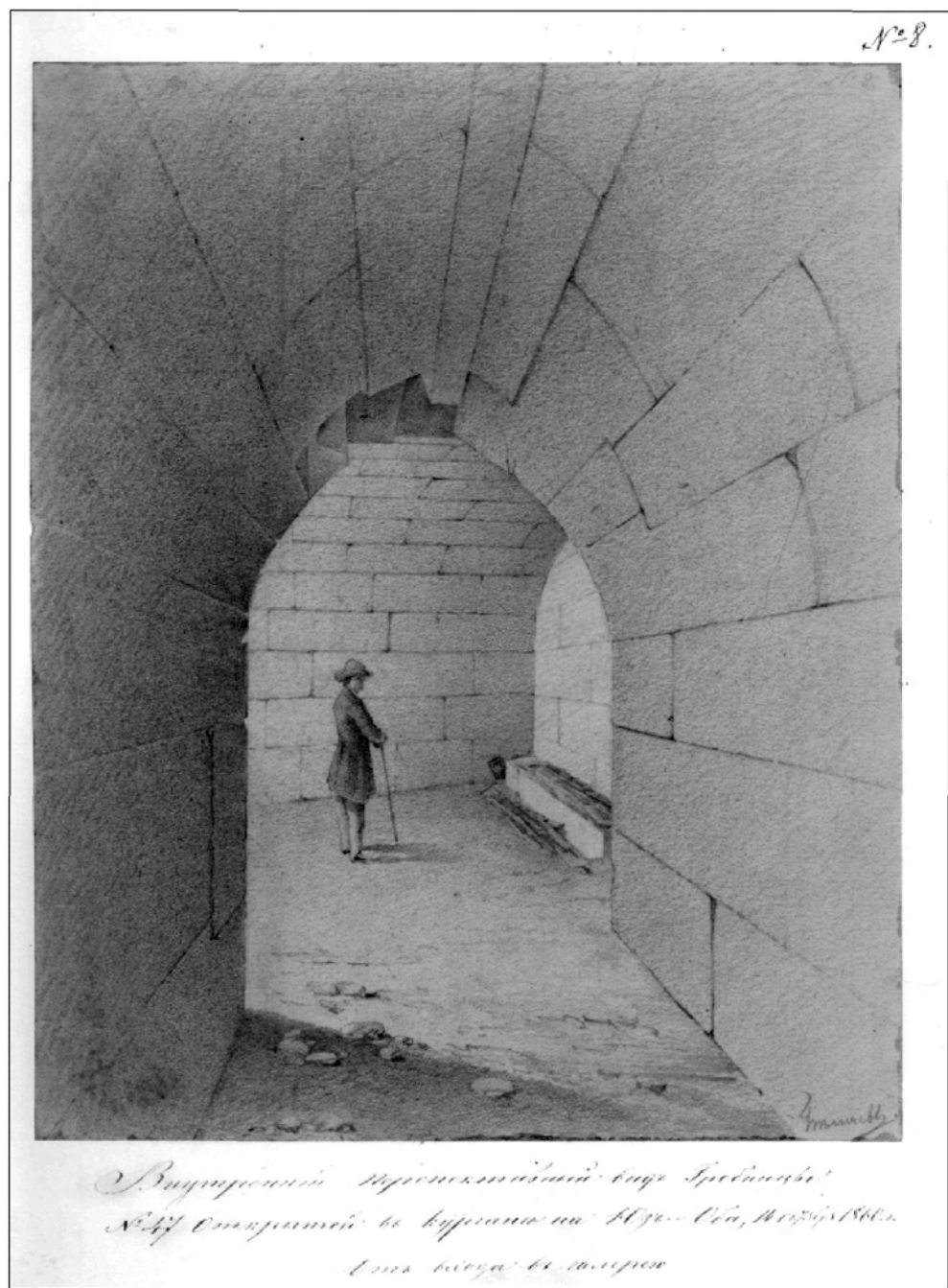

Рис. 17. Юз-Оба, гробница № 47 [Р. 1, № 691, л. 21].

Вещи, найденные в гробнице, с 17го, открытой в южной части некрополя на горе Юз-Оба около гробницы мавританской 8ой с Севера 1863 года.

Ссылка на публикацию в журнале

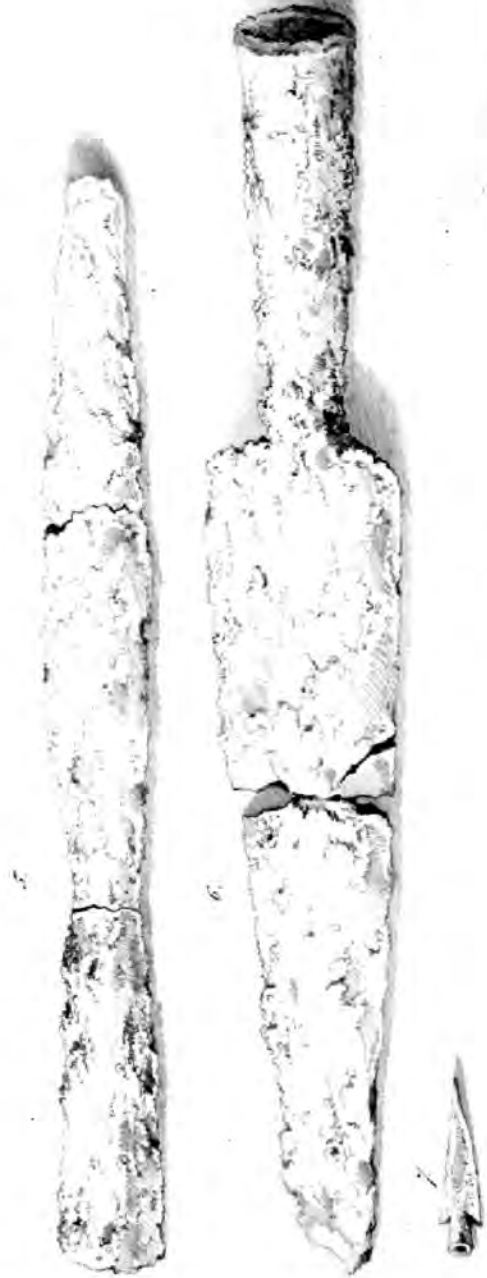

Рис. 18. Юз-Оба, вещи из гробницы № 7, открытой в 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 2 об.].

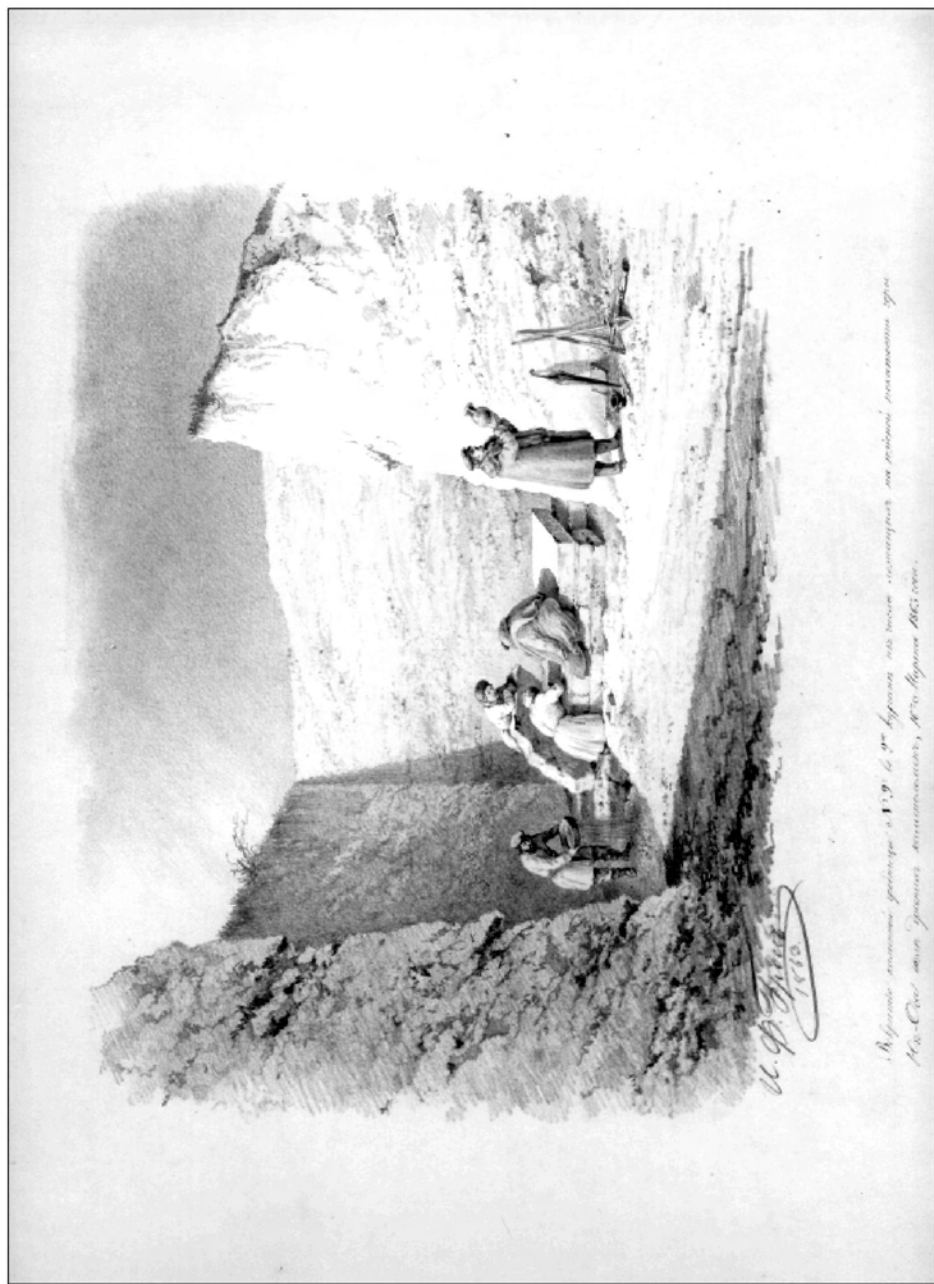

Рис. 19. Юз-Оба, открытые гробницы № 9 в 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 5].

Рис. 21. Вид Острога кургана с юго-западной стороны в начале его раследования [Р. 1, № 691, л. 29].

2.5. Изучение боспорских курганов (от Юз-Обы до Большой Близницы)

После раскопок *Павловского кургана* в 1858 г. и сделанных здесь прекрасных находок, о чём говорилось выше (см. главу 1.4), С.Г. Строганов настоятельно рекомендовал А.Е. Люценко продолжить изучение курганов на Павловском мысу [1860 г., д. 6, л. 22]. Однако сделать это было совсем не просто, поскольку здесь возводились укрепления, предназначенные для защиты Керчи в случае военного конфликта на Чёрном море. События Крымской войны продемонстрировали насущную необходимость такого строительства. Руководитель работ на мысу инженер-полковник А.А. Нат обычно с пониманием относился к просьбам керченских археологов, но в данном случае вынужден был отказать, поскольку курганы оказались не просто внутри крепости, но их насыпи использовались в качестве деталей новой фортификационной системы [1860 г., д. 6, л. 39, 47]. А.Е. Люценко продолжил раскопки в других местах, при этом, несмотря на требование председателя Археологической комиссии, часто в нескольких пунктах одновременно. Тем не менее, как уже частично говорилось выше, основное внимание, начиная с 1858 г., он уделял исследованиям на гряде *Юз-Оба* [рис. 6-7; 14-20; ОАК, 1859, с. IX-X; 1860, с. III-VI; 1861, с. VI; 1862, с. V; 1863, с. X; 1864, с. XVIII]. Директор Керченского музея оставил следующее описание этого курганного некрополя [1860 г., д. 6, л. 40-41]:

«Холмы с остроконечными насыпями тянутся непрерывною цепью от Павловского и Ак-Бурунского мысов на северо-запад, группируясь в 3-х верстах от батареи на хребте горы Юз-Оба и простираясь дальше. Вероятно, они служили некрополисом важнейших сановников Пантикапеи, живших до Р.Х., ибо в гробницах, открываемых в насыпях, лежащих на этих холмах, не случалось находить стеклянной посуды. К сожалению, все они тронуты более или менее, и расследование их, особенно систематическое, сопряжено с большими затруднениями по причине скал».

Последнее обстоятельство постепенно вынуждало А.Е. Люценко прекратить исследования на Юз-Обе и «заняться отысканием других мест, более благоприятных для разумного употребления суммы, ассигнуемой на производство раскопок около Керчи [1862 г., д. 13, л. 9]. В рапорте, датированном 6 июля 1862 г., керченский археолог сделал ещё ряд важных замечаний [1862 г., д. 13, л. 9]:

«Из числа 15-ти больших курганов, расследованных на горе Юз-Оба²⁶, только в 6-ти оказались нетронутые гробницы., в остальных девяти

²⁶ На самом деле в журнале раскопок А.Е. Люценко имеются описания, касающиеся исследований не 15, а 17 курганов Юз-Обы [1862 г., д. 13, л. 16].

курганах найдены гробницы, уже расхищенные в прежнее время; при этом каждый из них заключал не более одной гробницы в виде склепа или сожжённого костра, в которых *никогда не попадались стеклянные вещи*, – обстоятельство весьма замечательное и особенно характеризующее эту местность».

Необходимо особо подчеркнуть, что исследователь совсем не случайно акцентировал внимание на отсутствии в погребениях стеклянных сосудов, поскольку для археологов к тому времени стало вполне очевидно, что они принадлежат римскому времени [Муральт, 1850, с. 306-307; Виноградов, 2000, с. 104]. Более того, надо признать, что наблюдение А.Е. Люценко полностью подтвердилось: Юз-Оба – это действительно некрополь боспорской знати, принадлежащий доримской эпохе, вероятнее всего, IV в. до н.э. [Ростовцев, 1914а, с. 99 сл.; 1925, с. 188-189, 192, 194, 217; Гриневич, 1952; Виноградов, 2005, с. 271-273].

Из всех курганов, изученных им на Юз-Обе, А.Е. Люценко выделял *Острый* (рис. 21), даже считал его загадочным по причине отсутствия в нём каменной гробницы [1862 г., д. 13, л. 9; ОАК, 1861, с. VI]. Курган действительно очень необычен. Высота его достигала 17 м; вдоль основания он был окружён восьмиугольной каменной оградой, некоторые части которой имели форму лестниц (рис. 22). Монументального каменного склепа здесь действительно не было обнаружено, но, тем не менее, гробница в этом кургане была открыта, но она представляла нетипичную для Восточного Крыма катакомбу (рис. 23). В эту катакомбу вела шахта, обложенная по краям каменными блоками с рустами (рис. 24). Оценивая это открытие, директор Керченского музея заметил: «Катакомбы, устроенные в глубине скалистых оснований курганов, с помощью спусков или галерей, пробитых у подошвы их, принадлежат к числу редких открытий в Керчи» [1861 г., д. 16, л. 69; ОАК, 1861, с. VII; см. также: Толстой, Кондаков, 1889а, с. 23]. Казалось бы, такое редкое открытие должно было привлечь особое внимание современных исследователей, однако лишь Г.А. Цветаева по его поводу заметила, что катакомба Острого кургана может служить прототипом для боспорских катакомб первых веков новой эры [Цветаева, 1957, с. 242, прим. 80]. Такая интерпретация представляется очень спорной, правильнее, на мой взгляд, усматривать здесь связь со скифскими катакомбами [Виноградов, 2005, с. 273; 2011, с. 49-54].

В 1862 г. А.Е. Люценко обратился к раскопкам курганов, лежащих на мысу *Ак-Бурун*, т.е. на южной оконечности Керченской бухты [см.: Виноградов, 2001; Стародубцев, 2004; 2005]. Впрочем, двумя годами ранее он обратил внимание, что военное ведомство разрывает здесь до основания один большой курган. Исследователь очень опасался, что в результате этих работ без ведома чиновников музея будет открыта гробница, но его просьбы, обращённые к военным властям, естественно, не были для них обязательными [1860 г., д. 6, л. 46]. Тем не

менее, археологов сюда всё-таки допустили, и А.Е. Люценко описал это место следующим образом [1860 г., д. 6, л. 40-41]:

«Будучи увенчан рядом огромных курганов, он (мыс Ак-Бурун – Ю.В.) входит в проект береговых укреплений Павловской батареи. *Первый курган* (здесь и далее в этом документе выделено мною – Ю.В.) этого мыса в западном его направлении совершенно снесён с места по распоряжению строителя укреплений²⁷. Инженеры нашли в нём каменный склеп, оказавшийся уже разорённым прежде. *Второй курган*, особенно громадной величины, заключает в себе небольшой склеп с цилиндрическим сводом, открытый французами и англичанами посредством минной галереи, направленной к центру насыпи с северо-восточной стороны. Впрочем, они нашли его, кажется, также разорённым в прежнее время. В *третьем кургане* средней величины открыта, быть может, ими же посредством минной галереи, боковая каменная гробница с плоской крышкой. В *четвёртом* находился большой склеп, служивший нам в 1855 году пороховым погребом, который был взорван. Что же касается до *пятого*, т.е. последнего кургана, лежащего на самой оконечности мыса, то, хотя он значительно раскопан вокруг подошвы, однако же, никому не известно, была ли в нём когда-либо открыта гробница».

Особый интерес археолога вызвали второй и пятый курганы. Военно-инженерное ведомство пошло ему навстречу, позволив исследовать насыпи без их удаления, т.е. с помощью минных галерей. Изучение второго кургана не дало результатов, в пятом же, в его центральной части, была открыта плитовая гробница с плоским перекрытием, оказавшаяся полностью разграбленной, и скелеты двух лошадей, на одном из которых находился богатый убор, исполненный в зверином стиле [1862 г., д. 13, л. 34-35; ОАК, 1862, с. XIV]. Этот набор в высшей степени интересен (рис. 25); он датируется не позднее середины V в. до н.э. [Яковенко, 1970, с. 59; 1974, с. 105] и позволяет считать, что в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун был погребён представитель местной племенной знати [Виноградов, 2005, с. 249].

Несмотря на очевидные успехи в изучении больших керченских курганов, А.Е. Люценко всё больше казалось, что «замечательные открытия» сделать здесь очень трудно, поскольку все самые крупные курганные насыпи уже не раз подвергались раскопкам. В июле 1863 г. он писал, что в большей степени можно надеяться на исследования небольших курганов или сплошных насыпей, по этой причине археолог предлагал перенести работы с Юз-Обы в район Глиница, Арестантских казарм и Карантинной слободки [1863 г., д. 5, л. 12]. Раскопки в

²⁷ Вероятно, это тот курган, о котором А.Е. Люценко писал в 1860 г. [1860 г., д. 6, л. 46].

этих местах, а также в сплошных могильных насыпях горы Митридат были продолжены весьма активно и, можно сказать, традиционно, пусть со скромным, но постоянным успехом.

Новая страница в изучении боспорских курганов была открыта старшим сотрудником Археологической комиссии И.Е. Забелиным [о нём см.: Фомозов, 1984; Алексеев, 2004; Панкратова, 2008а], который обратился к раскопкам памятников Таманского полуострова. И.Е. Забелин в донесении, присланном в Императорскую археологическую комиссию, отметил особое значение по величине на Таманском полуострове двух курганов, «именуемых Близницами или Двумя Братьями» (иногда их именовали также Стеблеевскими Близницами – Ю.В.). Далее он писал [1864 г., д. 14, л. 4]:

«Уже одно их местоположение на высоком хребте, с которого открываются далёкие виды от северной стороны на Керчь-Еникальский берег Крыма, а с южной на широкий разлив Кубани, Кавказский горный берег и Чёрное море, давало несомненное удостоверение, что эти насыпи в сравнении с другими должны иметь исключительно важное значение, ибо могли принадлежать лицам царственного происхождения».

И.Е. Забелину вторил директор Керченского музея древностей, который, глядя на Близницы с другой стороны пролива, заметил, что эти курганы «столь огромны, что в ясную погоду видны из Керчи» [1864 г., д. 14, л. 35].

Раскопки 1864 г., по выражению И.Е. Забелина, были счастливыми [1864 г., д. 14, л. 4]. Он раскопал несколько курганов около Фанагории [Паромов, 1993, с. 120], но главный успех ждал его на *Большой Близнице* (рис. 26). Прежде всего, И.Е. Забелину удалось обнаружить крупное кострище, а в 8,50 м от него – каменный склеп (№ 1), оказавшийся совершенно не потревоженным. В нём находилось погребение знатной женщины, одежда которой была расшита золотыми бляшками, а голову украшали золотая стленида и золотой калаф с изображением битвы варваров с грифонами. Любопытной особенностью этого погребального комплекса является наличие четырёх конских уборов, в состав которых входили колокольчики, лунницы, бронзовые бляхи (фалары) и пр. [см.: ОАК, 1864, с. IV сл.; Ростовцев, 1914а, с. 10-12; Артамонов, 1966, с. 68-70; Уильямс, Огден, 1995, с. 184-195].

В конце лета и осенью того же года раскопки Большой Близницы продолжил А.Е. Люценко. Ему повезло меньше, чем И.Е. Забелину, открытый им склеп (№ 2) оказался полностью разграбленным, но именно это сооружение сохранило великолепную роспись [рис. 27, 28; ОАК, 1864, с. VIII сл.; Ростовцев, 1914а, с. 15 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 286; Ернштедт, 1955, с. 254-255; Артамонов, 1966, с. 73, рис. XVI]. Особенно замечательна верхняя плита сооружения, «на внутренней стороне которой изображена яркими красками *прямолично* (так в тексте

отчета – Ю.В.) женская голова колоссальных размеров с частью рук, поднятых кверху; волосы ее убраны цветами, шея – ожерельем, а левое ухо – серьгой; в правой руке у нея находится букет из цветов, в левой – конец повязки или ленты, спускающейся с головы» [1864 г., д. 14, л. 39]. А.Е. Люценко датировал это сооружение IV в. до н.э., что, в целом, верно. Ему также принадлежит очень важное наблюдение, что Большая Близница состоит из нескольких отдельных курганных насыпей, объединённых в единую по причине сделанных к ним присыпок [1864 г., д. 14, л. 38].

Летом 1865 г. раскопки Большой Близницы были возобновлены под руководством А.Е. Люценко (рис. 29). Тогда в насыпи кургана был обнаружен ещё один каменный склеп (№ 3), в котором находился деревянный саркофаг с мужским остовом. Мужчине принадлежали семь копий, железный меч и кинжал, бронзовый панцирь и поножи, от которых сохранилось несколько обломков, а также разломанный на две части бронзовый шлем «особой формы в виде фригийской шапки с заметными следами позолоты» [рис. 30; 1865 г., д. 9, л. 6]. В погребении было найдено большое количество (почти сотня) золотых штампованных бляшек, украшавших одежду, и другие ценные предметы [см.: ОАК, 1865, с. IV сл.; 1866, с. 5 сл., 67 сл.; Ростовцев, 1914а, с. 13-14; Артамонов, 1966, с. 73]. В том же году в насыпи Большой Близницы, рядом с открытым тогда жертвенником, были обнаружены обломки рельефного лекифа с изображением Европы на быке (рис. 31; см.: ОАК, 1865, с. IV; 1866, табл. II, 33; Ростовцев, 1914а, с. 12; Шауб, 2007, с. 385 сл.).

В 1868 г. исследования были продолжены, в результате чего был открыт ещё один каменный склеп (№ 4), возведённый не на материке, а в насыпи кургана [1868 г., д. 41, л. 24-25; см.: ОАК, 1868, с. V-VII; Тизенгаузен, 1869, с. 42 сл.; Ростовцев, 1914а, с. 14; Артамонов, 1966, с. 71-72]. Он содержал женское захоронение, очень сходное с захоронением в склепе № 1. Погребённая имела золотую стлениду и золотой калаф, пектораль с изображениями животных и другие украшения. Очень большое научное значение имеет происходящий из погребения набор терракотовых статуэток; он состоит из трёх десятков предметов, которые заслуженно стали хрестоматийно известными [Передольская, 1962].

Забегая немного вперёд, следует сказать, что в 1883 г. С.И. Верebrюсов в юго-восточной части кургана открыл гробницу (склеп № 5), сложенную из каменных плит и перекрытую деревом [1883 г., д. 3, л. 4-6, 20-25, 46 сл.; о ней см.: Ростовцев, 1914а, с. 14; Артамонов, 1966, с. 72-73; Уильямс, Огден, 1995, с. 180-183]. Внутри неё находился деревянный саркофаг, содержавший женское погребение (третье по счёту). В этом погребении, помимо различных керамических сосудов, был найден ряд ювелирных изделий, семь любопытных терракотовых статуэток и пр. С.И. Верebrюсов признавал при этом, что обнаруженный им комплекс не является главной, «центральной» гробницей кургана [1883 г., д. 3, л. 25], т.е. исследования здесь следовало продолжать.

Открытие комплексов Большой Близницы, безусловно, стало важнейшей вехой в изучении курганов Боспора Киммерийского. Практически нет сомнений, что здесь совершались захоронения представителей знатного боспорского рода, занимавших видное положение в религиозной жизни государства. Погребенные здесь женщины, как представляется, выполняли весьма ответственные жреческие функции [Передольская, 1962, с. 46; Артамонов, 1966, с. 68-74; Шауб, 2007, с. 359; Gajdukevič, 1971, S. 297 ff.]. Единой трактовки этих выдающихся по научной значимости комплексов пока не существует, но местные особенности культа, связанные с почитанием великого женского божества, проявляются здесь весьма отчётливо [см.: Шауб, 1987, с. 27 сл.; 2007, с. 370-385]. Относительная хронология комплексов Большой Близницы пока ещё чётко не разработана, но, вероятнее всего, они были сооружены в пределах довольно узкого отрезка времени. В.И. Пругло полагает, что наиболее поздним среди них является склеп № 4, который она датирует концом IV или концом IV – началом III вв. до н.э. [Пругло, 1974, с. 77]. Выводы А. Шварцмайер, проделавшей специальное изучение всех погребений, в принципе, не противоречат этой точке зрения. Эта исследовательница считает, что самым ранним комплексом Большой Близницы является так называемое погребение жрицы Деметры (№ 1), совершенное около 330 г. до н.э., все остальные погребения были произведены позднее, вероятно, в начале III в. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137; ср.: Pfrommer, 1990, S. 270-274].

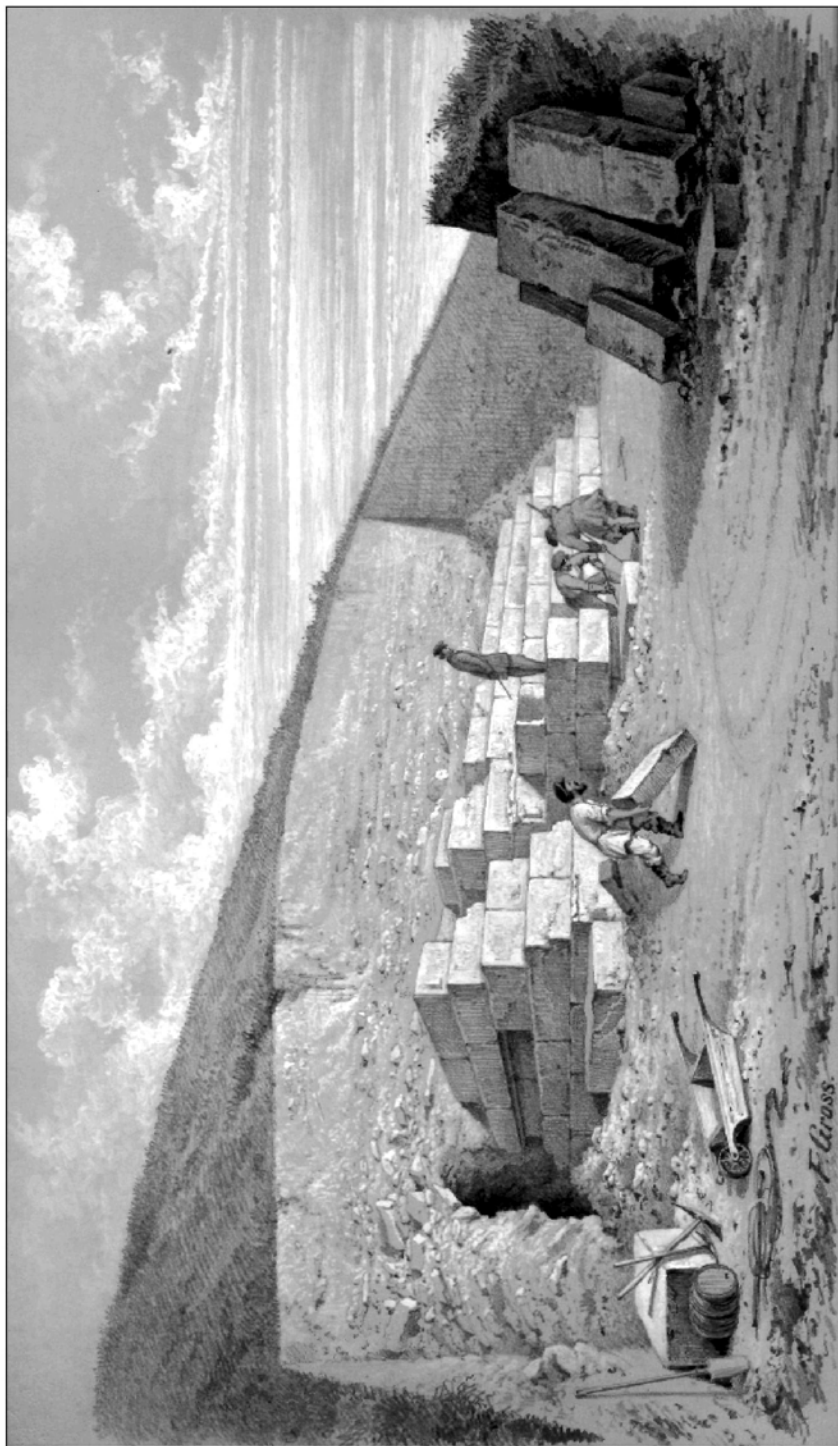

Рис. 22. Вид стены, окружающей Острый курган, с восточной его стороны. Раскопки 1862 г. [Р. 1, №. 691, л. 32].

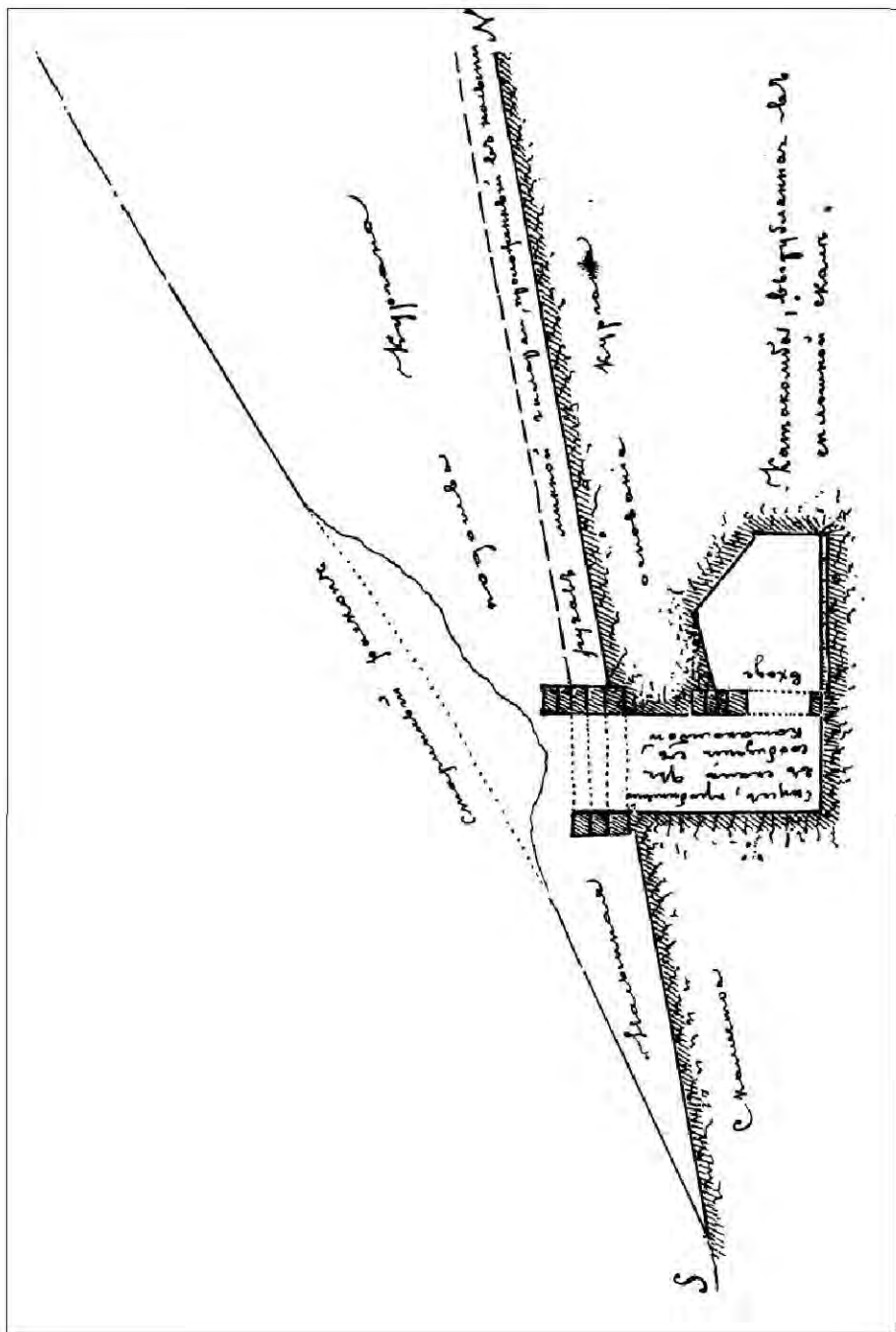

Рис. 23. Катакомба Острога кургана, разрез [1861 г., д. 16, л. 68].

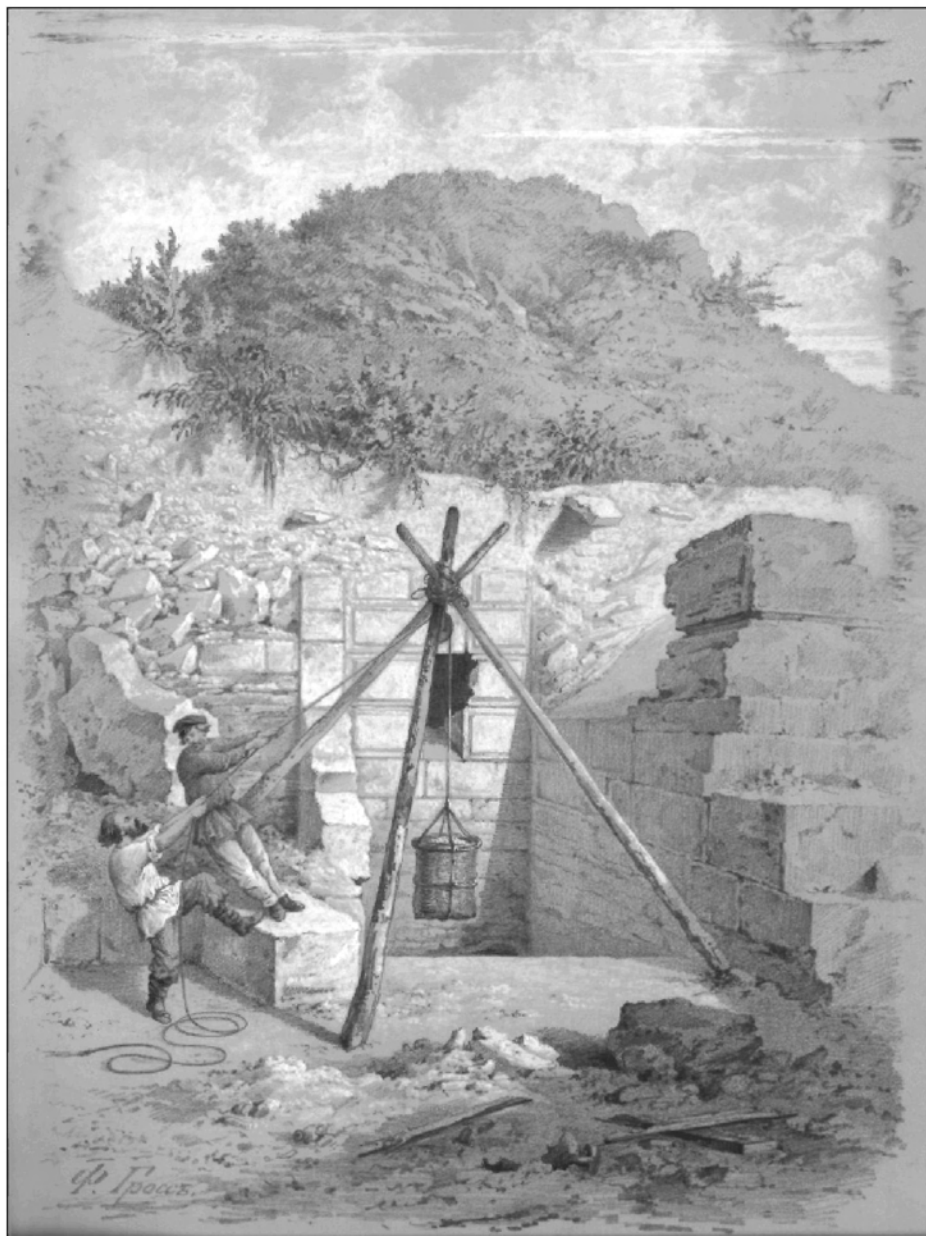

Рис. 24. Вид шахты, ведущей в катакомбу Острога кургана, во время раскопок [Р. 1, № 691, л. 30].

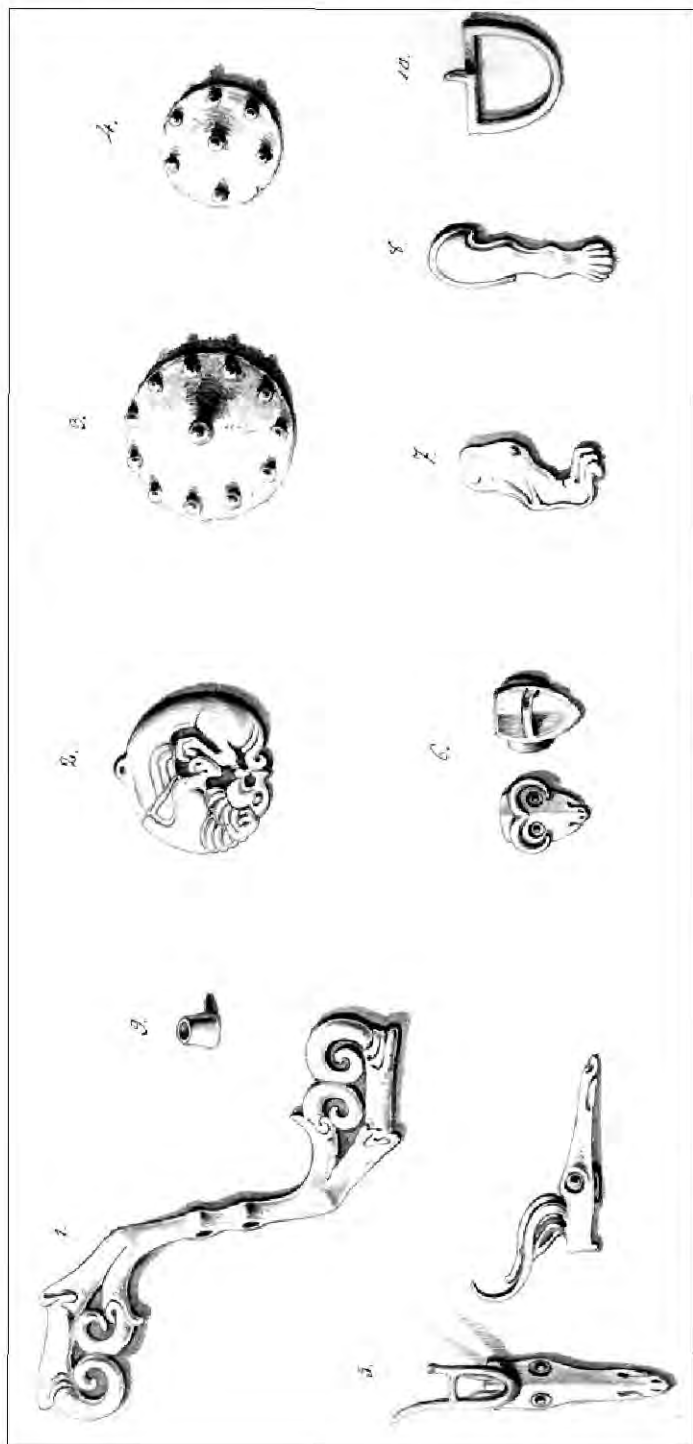

Рис. 25. Ак-Бурун, 1862 г. Находки из конского захоронения [Р. 1, № 691, л. 39 об.].

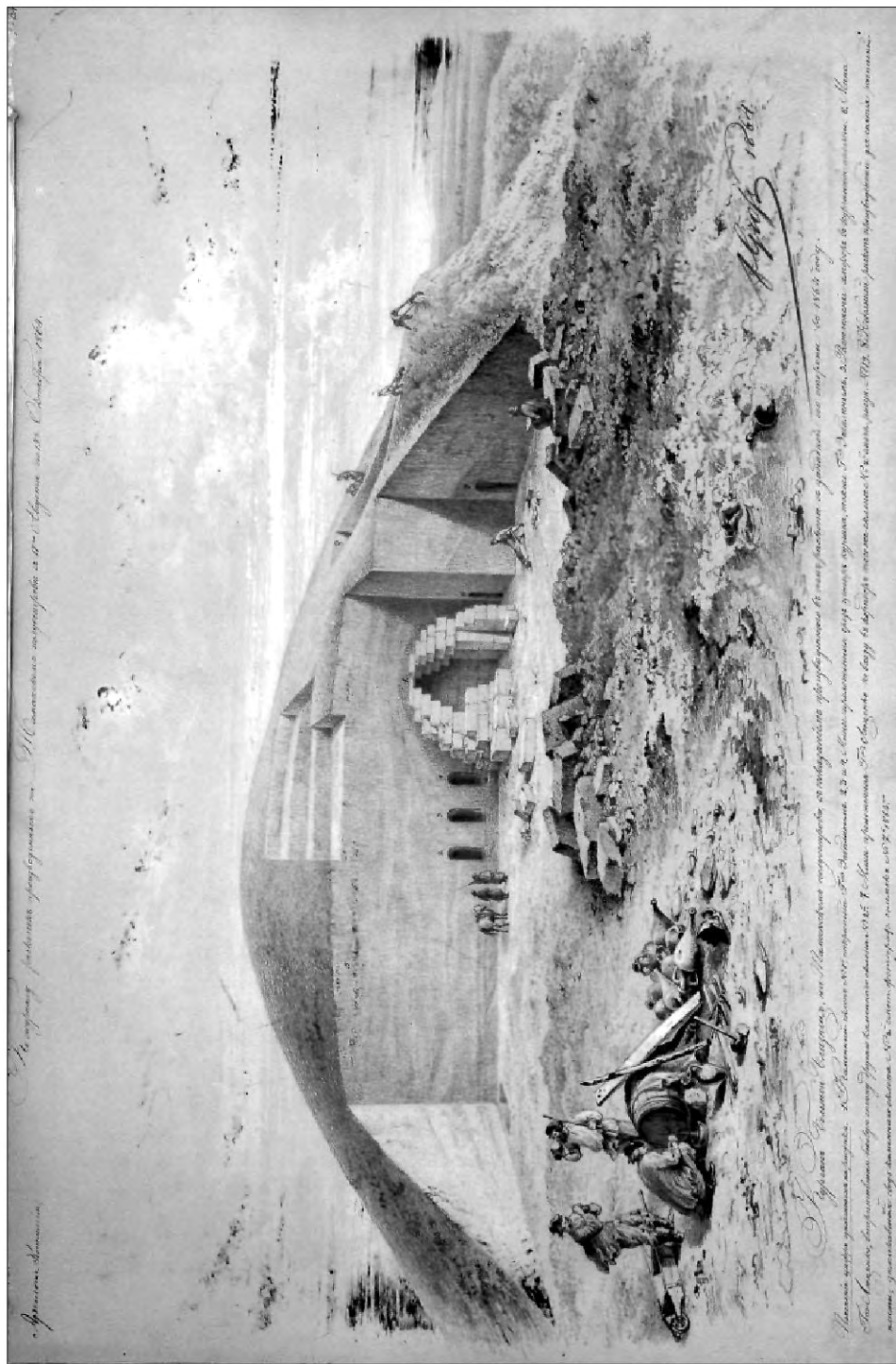

Рис. 26. Большая Близница, раскопки 1864 г. [Р. 1, № 564, л. 21].

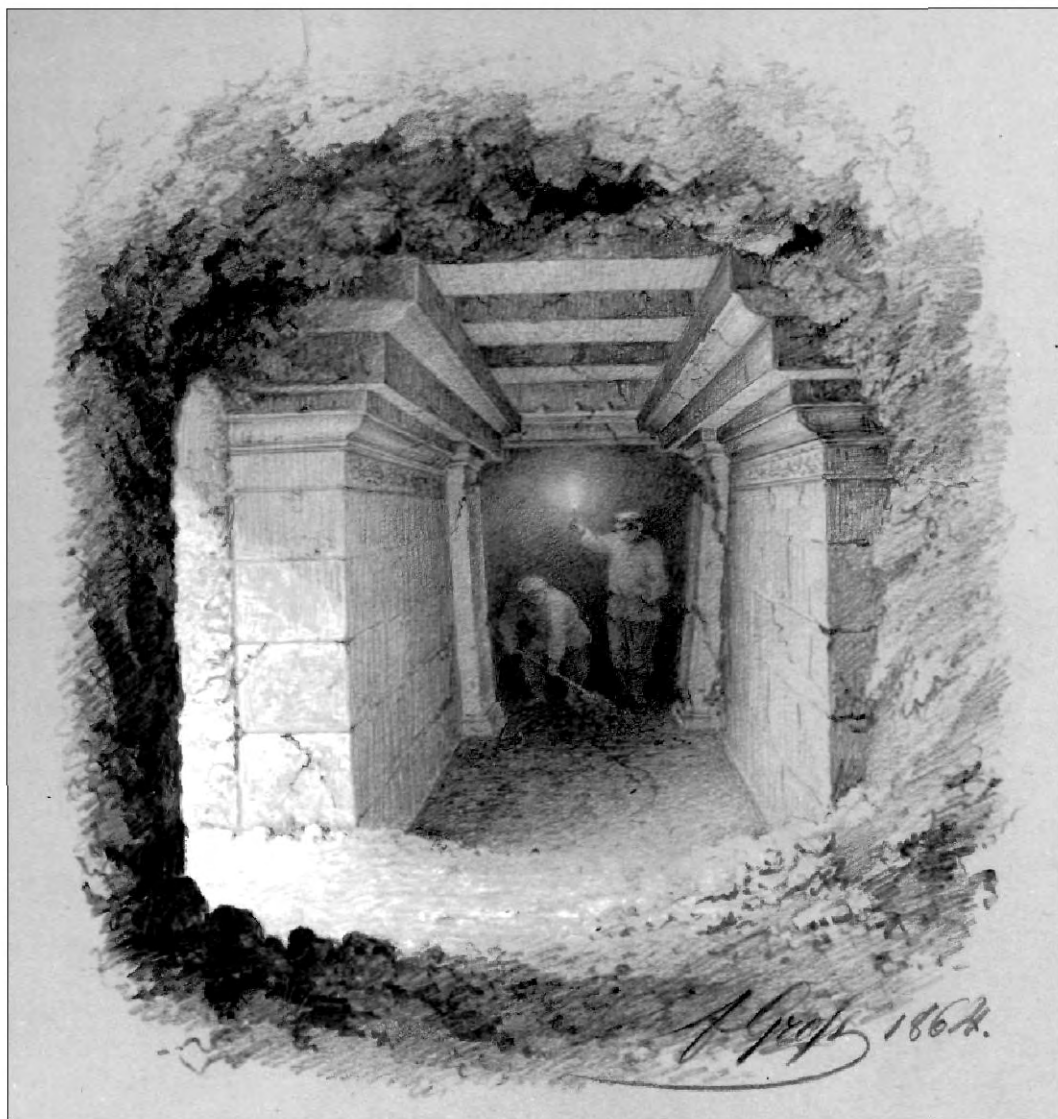

Рис. 27. Большая Близница. Вид дромоса во 2-м склепе [Р. 1, № 564, л. 22а].

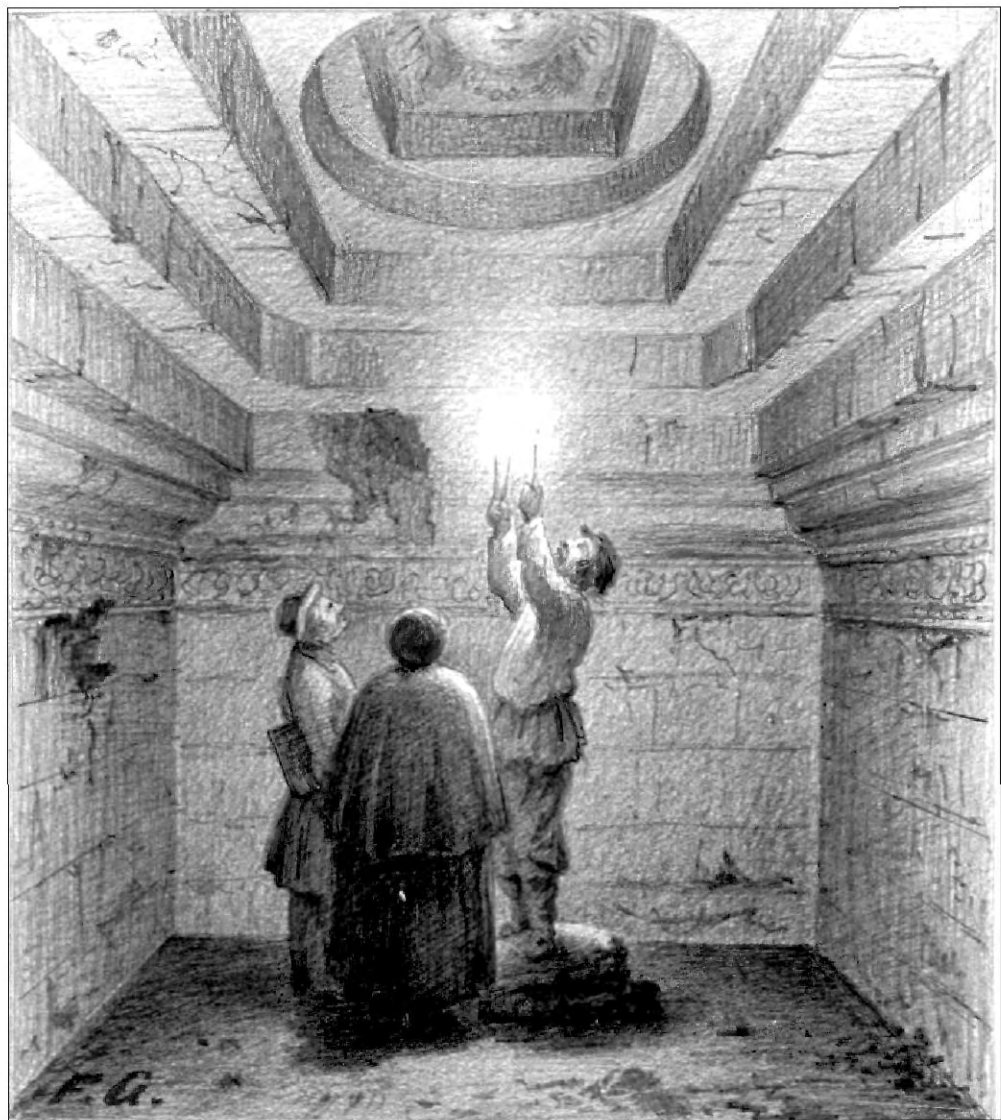

Рис. 28. Большая Близица. Внутренний вид погребальной камеры во 2-м склепе [Р. 1, № 564, л. 226].

Рис. 29. Большая Близница, раскопки 1865 г. [Р. 1, № 692, л. 3].

Рис. 31. Большая Близница, рельефный лекиф с изображением сцены похищения Европы [Р. 1, № 692, л. 11 об.].

2.6. Записка И.Е. Забелина об археологических памятниках Таманского полуострова

После успешных раскопок Большой Близницы 3 сентября 1864 г. И.Е. Забелин направил С.Г. Строганову обширное послание, в котором обобщил свои наблюдения относительно древностей Таманского полуострова, а также относительно насущных задач их изучения в будущем. Этот документ настолько интересен, что будет уместно привести его почти полностью [1864 г., д. 14, л. 8-11]:

«Вследствие раскопок, произведённых там (на Таманском полуострове – Ю.В.) в давние времена гг. Ашиком, Карейшей и другими, не представивших особенно счастливых открытий, составилось постепенно мнение, что таманская археологическая почва слишком бедна и что необходимо обладать особенным счастьем, чтобы сделать какое-либо достойное трудов и расходов открытие. Такие отзывы мне приходилось слышать не один раз; в этом же уверял меня К.К. Гёрц, когда в мае месяце я отправился туда на разыскания. Действительно, значительная часть таманских курганов раскопана или археологами, или же в незапамятные времена искателями кладов. Но ближайшее знакомство с делом обнаруживает, что положительно никак нельзя сказать, чтобы те и другие совсем уже истощили почву любопытных и важных открытий. Напротив, археологическое богатство полуострова, даже на поверхностный взгляд, так ещё велико и так ещё мало обследовано, что подаёт несравненно больше надежд, чем доказательств о бесплодности новых разысканий. Даже и раскопанные и, видимо, обысканные курганы не следует оставлять без внимания, ибо после искателей кладов, производивших раскопы неправильно и торопливо с одною целью поскорей обобрать золото, всегда можно надеяться открыть очень примечательные памятники... Раскопки же, произведённые с археологическою целью, сделаны большею частью ещё в то время, когда полагали, что гробницы находятся собственно в насыпи, а не в материке, поэтому у многих курганов, раскопанных археологами, как выражаются местные жители, побиты только головы, т.е. раскопы произведены только в вершинах, воронкообразно, с выкидом земли по сторонам. Очевидно, что таким способом изыскания исследователи не могли составить себе отчётливого понятия о том, что находится в материке и даже на материке, ибо они редко достигали материка, так что необходимо некоторые из подобных курганов снова переисследовать. К тому же большая часть раскопанных курганов находится вблизи предполагаемого древнего городища Фанагории, т.е. вблизи станции Сенной и хуторов гг. Семеняки и Чижевского. Чем больше удаляемся от этого пункта в разных направлениях, тем больше встречается курганов, которые подают сравнительно больше надежд для счастливых открытий. Особенное

же внимание обращают курганы, расположенные на высоких горах и вообще по возвышенностям полуострова. К числу таких принадлежат и Близницы, из которых одна доставила нынешнее открытие. Другая также, судя по всем признакам, должна хранить не менее интересную гробницу. Верстах в трёх от этих Близниц к северо-западу – курган на Круглой или Васюринской высокой горе, по тем же признакам заслуживает неотлагательного расследования. Затем возвышенности, идущие от Близниц далее к западу до Тамани, к востоку до урочища Дубовый Рынок и к северу вблизи селения Ахтанизовки, также изобилуют примечательными курганами и ожидают исследователя. Если бы даже подобные курганы, которыми так богат полуостров, были уже обысканы, то всё-таки нельзя покидать их без археологического расследования, ибо в их полах могут быть открыты богатые жжёные гробницы, почти всегда по своему местоположению ускользавшие от грабительских поисков.

Но на полуострове не одни курганы важны для исследователя. Там много древних городищ, расследование которых представляет общеисторический интерес. Относясь к эпохе киммерийских мраков истории, эти городища тем самым возбуждают ещё большее любопытство в исследователе. Время от времени и большею частью случайно, помимо археологических розысков, в их насыпях открывали очень замечательные надписи, уяснившие несколько любопытных исторических фактов. Между тем, учёное расследование их ещё и не начиналось.

Главная причина, которая отвлекала внимание изыскателей от подобных насыпей и вообще от расследования исторических местностей, заключается в том, что археологи, вследствие разных обстоятельств, направляли свою *исследовательность* (так в источнике – Ю.В.) исключительно на одни гробницы, а в гробницах на одно золото, сделавшееся чуть ли не единственной целью раскопок и без которого открытия всегда представляли очень мало интереса. Археологические поиски устремлялись только на одни роскошные и изящные памятники древнего искусства, оставляя почти с пренебрежением всё то, что по своему характеру и значению мало приближалось к искомым предметам.

Столько же существенный и важный вопрос, именно вопрос об определении исторического значения местности, о раскрытии характера цивилизации и культуры угасшего населения посредством раскрытия и объяснения разнородных, хотя бы и ничтожных на взгляд памятников древней гражданской жизни, – этот всегда оставался в стороне, как дело совершенно постороннее и мало пригодное для главной цели.

Очень понятно, что при таком взгляде на цель разысканий, эти разыскания ни в каком случае не могли быть ведены систематически, с целями в точном смысле научными. Они зависели от случайных указаний, от

случайных соображений об археологическом значении той или другой группы курганов, той или другой местности. Оттого, несмотря на неоднократные раскопки, произведённые на полуострове, мы всё-таки до сих пор не имеем ясного, сколько-нибудь определённого понятия об этой Киммерийской стране, о её замечательных местностях, когда-то густо населённых, теперь пустынных и загадочных; мы с точностью не можем указать даже местность знаменитой Фанагории.

Таким образом, если иметь в виду не одни только роскошные и художественные памятники, какие доставляют иногда древние греческие гробницы, но вместе с тем и следовать за задачами истории и археологии в более обширном и прямо учёном смысле, то Таманский полуостров, вопреки составленному мнению, представляет в этом отношении такое археологическое богатство, которое трудно будет истощить в целые десятилетия. Необходимо только руководиться при раскопках каким-либо общим планом, необходимо идти в разысканиях последовательно, шаг за шагом, не смущаясь относительной бедностью находок и кажущейся бесплодностью исследований местности до тех пор, пока не составитя полное и отчётливое понятие о её археологическом и историческом значении; а для этого было бы необходимо, прежде всего, составить подробную карту всех археологических местностей полуострова, действительно существующих, а не воображаемых, в замене тех именно карт, которые выработаны не по указаниям самой местности, а на основании одних лишь книжных справок. Такая карта в значительной степени облегчила бы труд исследователя и должна способствовать устранению излишних расходов на раскопки, так как при помощи её указаний всегда можно было бы избирать для расследования местности наиболее примечательные».

Записка И.Е. Забелина примечательна во многих отношениях. Конечно, не он первым обратился к описанию курганов Таманского полуострова [см.: Лазаревский, 1861], но внимательный взгляд учёного выделил здесь, так сказать, главные объекты будущих полевых исследований. Помимо того, И.Е. Забелин обратил внимание на важность изучения древних городищ и, наконец, отметил насущную необходимость составления точных археологических карт. Не удивительно, что дальнейшие исследования курганов осуществлялись почти точно по намеченному И.Е. Забелиным плану: Малая Близница, курганы Васюринской горы, Ахтанизовский курган. Изучение *Малой Близницы*, правда, началось в один год с Большой, но оно производилось очень долго, тяжело и, можно сказать, мучительно: 1865, 1868, 1881-1883, 1907 и 1915 гг. [см.: Виноградов, 2004б]. Основным погребением кургана, скорее всего, следует считать кремацию с богатым набором инвентаря, обнаруженную в 1882 г. (см. главу 3.2).

2.7. Изучение курганов Таманского полуострова. От Васюринской горы до Артюховского кургана

С появлением на Боспоре И.Е. Забелина исследования курганов стали производиться с определенным креном в сторону Таманского полуострова. В 1868 г. в изучение классических древностей Таманского полуострова к тому же активно включился ещё один член Императорской археологической комиссии – барон В.Г. Тизенгаузен [о нём см.: Тихонов, 2007]. Тогда он провёл раскопки городища Гермонасса (см. ниже), исследовал курган, расположенный недалеко от Тамани, в котором был обнаружен каменный склеп, содержащий великолепно украшенный деревянный саркофаг (рис. 32). В саркофаге находилось женское захоронение с весьма богатым набором сопровождающего инвентаря, о котором автор раскопок оставил довольно подробное (в стиле А.Е. Люценко) описание [1868 г., д 40, л. 4-5; см. также: ОАК, 1868, с. X-XI; Тизенгаузен, 1869, с. 40-42; о саркофаге см.: Сокольский, 1969, с. 22-24, № 12]. После этого открытия археолог провёл раскопки четырёх курганов на западном берегу Цукурского лимана [ОАК, 1868, с. XIII], но они оказались очень неудачными, что побудило В.Г. Тизенгаузена перенести работы на *Васюринскую гору* [рис. 33; 1868 г., д. 40, л. 6; ОАК, 1868, с. XIII-XIV].

Он приступил к раскопкам самого большого из пяти расположенных здесь курганов, но в 1868 г. до конца их не довёл и попросил продолжить исследования А.Е. Люценко. Директору Керченского музея удалось открыть в этом кургане каменный склеп с так называемым полуциркульным сводом, стены и потолок которого были украшены росписью [рис. 34; Ростовцев, 1914а, с. 30 сл.; Власова, 2004, с. 159-164]. Сооружение оказалось ограбленным, из крупных предметов в нём сохранились стол и скамья, изготовленные из белого мрамора (рис. 35). Склеп был соединён с дромосом, в который сверху вела каменная лестница. К верхней части лестницы примыкали каменные ящики, в которых находились конские захоронения с богатыми украшениями сбруи. М.И. Ростовцев считал, что их было четыре [Ростовцев, 1914а, с. 31]. Эти конские захоронения были исследованы В.Г. Тизенгаузенем в 1869 г.; к сожалению, никаких отчётов об этом открытии не сохранилось, и, надо полагать, что они вовсе не были составлены, имеется лишь опись сделанных тогда находок [1869 г., д 4, л. 84].

В 1871 г. во втором, среднем по размерам, кургане Васюринской горы был открыт каменный склеп (рис. 36-37), очень схожий по устройству с описанным выше, но без росписи [1871 г., д 16, л. 11-13, 33-36; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXIV-XXXVII; Ростовцев, 1914а, с. 43 сл.; Власова, 2004, с. 165-168]. Он тоже был полностью ограблен, найти удалось лишь три мраморные ножки от стола, обломки мраморной доски и фрагменты желобчатой глиняной вазы. В склеп опять же вела лестница, по сторонам которой находились захоронения лошадей. Два из них, устроенные в каменных гробницах, оказались разграбленными, в третьей,

вырытой в земле, вместе с конскими костяками были обнаружены обломки железной колесницы, украшенной бронзовыми пластинами с изображением цветов, женскими статуэтками и пр.

В этом среднем кургане было открыто несколько впускных погребений. В октябре 1870 г., т.е. ещё до начала раскопок, в его южной части местные жители обнаружили и разграбили плитовую гробницу с большим количеством золотых вещей. По крайней мере, часть из этих предметов была выкуплена и поступила в Эрмитаж [1870 г., д. 23, л. 2 сл.; см.: ОАК, 1870-71, с. XVII-XVIII; Ростовцев, 1914а, с. 42-43; Власова, 2004, с. 168-169]. М.И. Ростовцев датировал этот комплекс первыми десятилетиями III в. до н.э. [Rostowzew, 1931, S. 331], но М.И. Максимова, указывая на близость некоторых находок к вещам из Артюховского кургана (см. ниже), допускала возможность более поздней атрибуции [Максимова, 1962, с. 130, прим. 5]. Любопытно, правда, что в описи обнаруженных тогда вещей упомянута монета с изображением головы Пана вправо на одной стороне и передней части грифона на другой [1870 г., д. 23, л. 9]. Об этой находке исследователи кургана почему-то почти не вспоминают, а она, возможно, представляет определённый интерес для понимания хронологии комплексов Васюринской горы. Д.Б. Шелов считал, что такие монеты относятся к 330–315 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, табл. V, № 57]; В.А. Анохин датирует их в пределах 314–310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 140, №№ 111, 112].

В южной части того же среднего кургана была обнаружена гробница, сложенная из известняковых плит, в которой был погребён юноша в богато вышитой золотом парчовой одежде, от которой уцелели только золотые нити [1871 г., д. 16, л. 12; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXV; Власова, 2004, 169-170]. Среди сделанных здесь находок представлены сотни бляшек, сделанных из листового золота, и различные амулеты, часть из которых датируется III в. до н.э. [Неверов, 1988, с. 181, №№ 495, 497].

Рядом с этой гробницей в насыпи кургана располагалась могила ребёнка, в которой были найдены: три медные монеты, два кувшинчика из простой глины и терракотовая статуэтка всадника с двумя собаками [1871 г., д. 16, л. 12; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXV-XXXVI; Власова, 2004, с. 170]. Местонахождение найденных здесь вещей не известно, но статуэтка, представляющая скачущего всадника [рис. 38], позволяет относить этот комплекс ко II–I вв. до н.э. или даже к более позднему времени [см.: Пругло, 1977; Денисова, 1981, с. 63-64; Диатроптов, 2001, с. 88; Масленников, 2006, с. 109-110, табл. 26; 151, табл. 69, д].

Третий курган средней величины на Васюринской горе раскапывался А.Е. Люценко в 1871–1872 гг. В нём была обнаружена разорённая гробница и расположенная рядом с ней тризна, в которой среди углей и золы было найдено большое количество предметов из листового золота, обломки железных мечей и копий, более 60 фрагментов от «массивной кольчуги

или брони» и т.д. [1872 г., д. 30, л. 53; см.: ОАК, 1872, с. IX-X; Ростовцев, 1914а, с. 57; Власова, 2004, с. 171-172]. В западной части насыпи был найден большой, раздавленный на части бронзовый котёл с четырьмя массивными ручками [рис. 39; 1871 г., д. 16, л. 13]. Происходящие из этого кургана родоские амфорные клейма относятся к 180–150 гг. до н.э. [Власова, 2004, с. 171].

Выше говорилось, что на Васюринской горе было расположено пять курганов, раскопки трёх из них в большей или меньшей степени документированы. Ещё о двух курганах, имевших сравнительно небольшие размеры, нам практически ничего не известно, кроме того, что центральные гробницы в них были ограблены [Ростовцев, 1914а, с. 58].

Хронология погребальных комплексов Васюринской горы, к сожалению, до сих пор остаётся не вполне ясной. М.И. Ростовцев датировал большой курган, исследованный в 1868-1869 гг., по чернолаковой пиксиде и прочим находкам не позднее середины III в. до н.э. [Ростовцев, 1914а, с. 40; Rostowzew, 1931, S. 332]. Что касается обнаруженных здесь конских захоронений, то уже сам М.И. Ростовцев сомневался, что все они относятся к обозначенному хронологическому отрезку, в связи с чем высказывал предположение о разновременности данных комплексов. Так, он обратил внимание, что здесь представлены сравнительно поздние вещи (фалары со стеклянными вставками и пр.), близкие находкам из причерноморских степных памятников конца II в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 373].

Средний курган 1871 г. он относил приблизительно к тому же самому времени на основании стилистических особенностей украшений колесницы [Ростовцев, 1914а, с. 53 сл.]. Эта атрибуция была принята целым рядом исследователей без всяких поправок [см.: Гайдукевич, 1949, с. 293 сл.; Масленников, 1981, с. 79; Gajdukevič, 1971, S. 301; Pfrommer, 1987, S. 101, 184, 261; ср.: Mordvinceva, 2001, S. 73]. Как уже говорилось, М.И. Максимова омолодила дату плитовой гробницы, открытой в 1870 г. [Максимова, 1962, с. 130, прим. 5], и эта тенденция находит продолжение в трудах современных исследователей [см.: Полин, 1992, с. 63-64]. Тем не менее, Е.В. Власова, изучившая все материалы, происходящие с Васюринской горы, пришла к заключению, что она использовалась как место для неоднократных захоронений, по крайней мере, в III–II вв. до н.э. [Власова, 2004, с. 172]. С этим выводом в целом можно согласиться, однако хронологические рамки васюринских комплексов всё-таки следует расширить. О.В. Шаров, изучивший четыре конских захоронения, открытые в Большом кургане в 1869 г., достаточно убедительно показал, что два наиболее ранние из них относятся к III в. до н.э., третье – к началу II в. до н.э., а вот четвёртое – к концу II – первой половине III в. н.э. [Шаров, 2009].

В 1870 г. И.Е. Забелин продолжил раскопки на холмистой гряде, идущей от Фанагории в глубь Таманского полуострова, к востоку от Большой и Малой Близниц. Здесь он провёл исследования крупного кургана, вошедшего в научную литературу как *Буерова могила*. Его высота достигала 12,80 м, а окруж-

ность основания – более 275 м [ОАК, 1870-71, с. IX-XII]. В южной части кургана было открыто конское захоронение с богатым уздечным набором, состоящим из бронзовых, покрытых серебром и позолотой блях, наносника и пр. К северо-западу от захоронения лошади была открыта гробница, сложенная из тесаных известняковых плит. Около её северной стены лежал человеческий костяк головой на восток, на черепе находился золотой лавровый венок с круглой пластинкой, украшенной изображением Гелиоса на колеснице. В углу были положены ещё два таких венка, справа от костяка у стены находились пять мечей, ножны и рукояти которых были украшены золотом. Серебряные и бронзовые сосуды были сложены возле ног; по всей длине южной стены были расположены обломки панциря, состоящие из кованых железных продольных пластин, такие же пластины, вероятно, от щита, обломки бронзового шлема с наушниками, 6 копий и куча железных наконечников стрел. Относительно этой гробницы было сделано заключение, что она «представила погребение полускифское, полугреческое и, быть может, указывает, что и самый курган, как фамильное кладбище, такого же происхождения» [ОАК, 1870-71, с. XII].

В 1871 г. изучение кургана было продолжено [ОАК, 1870-71, с. XXXI-XXXIII]. Тогда было выяснено, что вся насыпь кургана, как и в Большой Близнице, сверху состояла из поздних присыпок, под которыми было скрыто раннее сооружение. В поле кургана с западной стороны был обнаружен большой «жжёный точёк», с юга и севера от которого находились две гробницы, заглублённые в материк всего на 0,35 м. Это были кремации, содержавшие пережжённые человеческие кости, обломки керамических сосудов, в том числе от расписных ваз, бронзовые наконечники стрел и т.д. В центре кургана была открыта большая каменная гробница, имевшая, вероятно, так называемый полуциркулярный свод; И.Е. Забелин назвал его «призматическим». К сожалению, погребение в этой гробнице было полностью разграблено, и на полу камеры, покрытом широкими каменными плитами, археологи обнаружили лишь обломки деревянного саркофага, бронзовые и железные гвозди, фрагменты алабастра и т.д.

Буерова могила, безусловно, имеет очень большое значение для изучения истории и культуры Боспора. Вполне очевидно, что основной здесь была ограбленная гробница, обнаруженная в 1871 г., вероятнее всего, принадлежащая IV в. или началу III в. до н.э. Гораздо больший научный интерес, однако, представляет неограбленная гробница 1870 г. Этот комплекс вслед за М.И. Ростовцевым обычно датируют III–II вв. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 550]. Более точная его хронологическая атрибуция в настоящее время почти невозможна, поскольку богатейший инвентарь этой гробницы, за исключением отдельных предметов, ещё не опубликован [см.: Ростовцев, 1918, табл. II, 5, 7, 8; III, 4; Максимова, 1969, с. 58, рис. 18].

Наряду с раскопками этих крупных курганов, весьма интенсивно продолжалось изучение курганного некрополя *Фанагориш* (о нём см.: Ростовцев, 1925,

с. 264-272; Паромов, 1993, с. 121 сл.; 2004а). В 1869 г., к примеру, были проведены работы на 21 кургане, в них было открыто 14 «жжёных» гробниц (т.е. кремаций), 5 земляных и 4 каменных гробницы, но все они были разорены почти дочиستا [1869 г., д. 4, л. 9]. По этому поводу И.Е. Забелин писал 12 августа 1869 г., что «многочисленные курганы древнефанагорийского городища, как уже обысканные в древнее время, не могут доставить особенно счастливых открытий, однако прежние мои находки, сделанные в тех же курганах в 1864 г., не отнимают надежды, что при других, более счастливых изысканиях, возможно ещё открывать и здесь, даже в обысканных уже гробницах, памятники высокого достоинства» [1869 г., д. 4, л. 9-10]. И, надо признать, он вновь оказался прав – в том же году около Фанагории В.Г. Тизенгаузенем была обнаружена земляная гробница, содержащая фигурные сосуды (в том числе сосуды в виде сфинкса, Афродиты, рождающейся из моря, и т.д.) и другие художественные изделия [об этих находках см.: ОАК, 1869, с. V-VII; 1870-1871, с. 5 сл.; Фармаковский, 1921б; Передольская, 1936; Паромов, 2004б; Виноградов, Шауб, 2007]. К сожалению, в архиве ИИМК отсутствует документация об этих раскопках, имеется лишь опись найденных тогда вещей [1869 г., д. 4, л. 84-85]. Это печальное обстоятельство стало причиной серьёзных обвинений в адрес В.Г. Тизенгаузена, высказанных Б.В. Фармаковским. Последний посчитал, что В.Г. Тизенгаузен в момент открытия вообще отсутствовал на объекте, вероятно, поручив раскопки могил кому-нибудь из своих десятников [Фармаковский, 1921б, с. 10]. Если это действительно было так, то необходимо признать, что по вине археолога была утеряна ценнейшая информация об одном из выдающихся памятников боспорских древностей²⁸. Есть основания полагать, что к комплексу с фигурными сосудами принадлежит ещё одна замечательная находка, которая не привлекла внимания учёных. Речь идёт о краснофигурной ойнохое, рисунок которой имеется в Рукописном архиве ИИМК РАН (рис. 40). В отчёте о раскопках 1869 г. говорится, что в этой гробнице была обнаружена расписная ваза, на которой изображена группа актёров с масками [ОАК, 1869, с. VI]. Если высказанное предположение справедливо, то следует признать, что изображения на этой вазе несут совсем не театральную, а культовую символику, скорее всего, связанную с представлениями о потустороннем мире.

Исследователи, писавшие об открытии гробницы 1869 г., почти не обратили внимания на то, что после В.Г. Тизенгаузена этот курган исследовал А.Е. Люценко. В его насыпи тогда были найдены обломки расписного кратера, а в южной стороне кургана – две женские гробницы, в которых находился весьма любопытный инвентарь: «обломки от крышки небольшого глиняно-

²⁸ Казалось бы, такая ситуация должна была вызвать соответствующую реакцию Императорской археологической комиссии. И реакция была, но совсем другого рода – барону В.Г. Тизенгаузену была пожалована денежная награда в размере 400 рублей [1870 г., д. 7].

го сосуда с рельефным изображением двух женских фигур и две карикатурные глиняные статуэтки» [1870 г., д. 23, л. 23, 35; см.: ОАК, 1870-71, с. XVI]. Практически нет сомнения, что этот фанагорийский курган, как и Большая Близица, принадлежал знатной жреческой семье.

В ряду открытий, сделанных В.Г. Тизенгаузенем под Сенной в 1869 г., почти незамеченным специалистами остался один склеп. Его описание не сохранилось, но на рисунке, сделанном самим исследователем (рис. 41), можно видеть любопытную особенность конструкции. В плане этот склеп имел четырехугольную форму, а его свод, вероятнее всего, был круглым. Во всяком случае, именно об этом могут свидетельствовать заметные в углу диагональные выступы, которые можно сопоставить с пандативами Царского кургана [ср.: Гайдукевич, 1949, с. 248-251, рис. 41; 1981, с. 43, рис. 21]. Из современных исследователей лишь И.В. Тункина обратила внимание на этот рисунок, но даже она не придала никакого значения конструкции изображённого на нём склепа [Тункина, 2010, с. 58, рис. 38]. В связи с данным открытием стоит обратить внимание, что совсем недавно при исследованиях некрополя Фанагории был обнаружен круглый склеп с уступчатым перекрытием свода, аналогичный Золотому кургану под Керчью, но, конечно, значительно скромнее его по размерам [Кузнецов, 2004; 2007, с. 10; Фанагория, 2008, с. 52-56; Виноградов, 2007, с. 14]. Есть основания полагать, что подобную «уменьшенную копию» в Фанагории имел и знаменитый Царский курган, и эту «копию» открыли ещё 140 лет назад.

В 1870 г. около хутора Пивнева В.Г. Тизенгаузену удалось обнаружить большую каменную гробницу, «покрытую лубком и толстым слоем морской травы». В ней находилось очень любопытное погребение воина, положенного в деревянный раскрашенный гроб, на котором местами сохранилась позолота. В изголовье погребённого стояла расписная ваза с изображением похищения Европы, с левой стороны находились поножи, копья, меч, колчан со стрелами, имевшими бронзовые наконечники, и точильный брусок, с правой – копьё, стригиль и алабастр. На голову был надет «бронзовый позолоченный венчик», во рту лежала окислившаяся серебряная монета, а на левую руку был надет золотой перстень с изображением грифона «с петушьим хвостом и на петушьих ногах» [ОАК, 1870-71, с. XV]. Смешение греческих и варварских черт в погребальном обряде и инвентаре в описанном комплексе представляется столь необычным, что невольно возникает сомнение, правильно ли В.Г. Тизенгаузенем была проведена его фиксация.

В 1871 г. изучение фанагорийских курганов продолжил А.Е. Люценко. Наряду с прочими насыпями, ему вновь пришлось доследовать большой курган, который был частично раскопан В.Г. Тизенгаузенем в 1870 г. А.Е. Люценко, как и его предшественнику, не удалось обнаружить здесь признаков каменной гробницы, на основании чего археолог сделал осторожное предположение, «что он (курган – Ю.В.) чисто скифского происхождения и что под насыпью его

в глубине материка находится земляная катакомба с ведущим в неё спуском или ходом» [1871 г., д. 16, л. 10, 30]. Большой полевой опыт исследователя, разумеется, давал основание для такого заключения.

В 1872 г. В.Г. Тизенгаузен провёл очередной сезон раскопок фанаторийских курганов, но отчётов о них мы вновь не имеем. В архиве сохранилась опись сделанных тогда находок, где кратко указывается, откуда они происходят. Иногда эти указания довольно точны – «в земляной гробнице песчаного кургана близ почтовой станции», а иногда просто вопиюще небрежны – «в другой земляной гробнице другого кургана» [1872 г., д. 15, л. 12]. Следует полностью согласиться с И.Л. Тихоновым, что археология для барона В.Г. Тизенгаузена не была настоящей наукой, она сводилась лишь к раскопкам и доставлению находок в Археологическую комиссию [Тихонов, 2007, с. 240].

О районах дальнейших полевых исследований В.Г. Тизенгаузена можно узнать из рапорта, направленного им С.Г. Строганову 6 августа 1874 г. В нём, в частности, говорится [1874 г., д. 11, л. 2]:

«Неоднократные неудачные попытки мои по части расследования курганов и городищ Таманского полуострова в таких местностях, которые значительно удалены от Сенной станции, как, напр., у Цукурского лимана и на так называемом Фонтане, побудили меня в нынешнем году приняться опять за раскопку курганов в ближайших окрестностях этой станции, где, по крайней мере, можно было надеяться, что среди бесчисленного множества ограбленных и разорённых может отыщутся, как это случалось в прежние годы, хотя одна или две нетронутые гробницы, обыкновенно вознаграждающие исследователя за остальные неудачи» [ср.: ОАК, 1874, с. XVI-XVII].

Эти надежды, однако, на сей раз не оправдались, что заставило исследователя сделать следующее заключение [1874, д. 11, л. 4; ср.: ОАК, 1874, с. XXI]:

«Нельзя, конечно, утверждать положительно, что дальнейшие раскопки около Сенной станции не могут больше повести к каким-либо интересным открытиям: по всей вероятности, кое-где ещё случайно уцелела гробница, в которой заключаются замечательные вещи, но, во всяком случае, опыт позволяет догадываться, что таких гробниц чрезвычайно мало, и что шансы на удачный результат раскопок в этих местах всегда будут весьма сомнительными».

Сделав такое заключение, В.Г. Тизенгаузен обратил внимание на курганную группу Семь Братьев, расположенную около станицы Варениковской, и на важность проведения археологических разведок около Анапы, Новороссийска и вообще по восточному побережью Чёрного моря [1874 г., д. 11, л. 5].

Вообще же, предложение о проведении раскопок на Семи Братях впервые было сделано С.Г. Строганову в октябре 1873 г., после раскопок В.Г. Тизенгаузена в Ольвии [об этом см.: Виноградов, Мусин, 2009, с. 492-493]. Эти раскопки оказались исследователю не перспективными, и он писал председателю Археологической комиссии [1873, д. 16, л. 26 об. – 27]:

«Если Вашему Сиятельству угодно будет одобрить моё предложение *об уменьшении раскопок* в Ольвии, то другой член Комиссии²⁹ мог бы заняться раскопками одного из чрезвычайно больших курганов, находящихся на Таманском полуострове, за Кубанью, близ Варениковской станицы и известных под названием Семи Братьев. Курганы эти, осмотренные Забелиным и мною в прошлом году, и по внешнему своему виду подающие надежду на интересные открытия, находятся, сколько мы могли узнать в то время, на частной земле, так что на разрытие их предварительно нужно будет получить согласие того лица, на землях которого они лежат. К раскопке их ... необходимо будет приступить весною, так как в это время меньше всего придётся страдать от комаров, которые в таманских камышах водятся летом в несметном количестве».

Раскопки *Семибратних курганов* были начаты в 1875 г., при этом первоначально предполагалось, что ими будет руководить И.Е. Забелин, но поскольку тот как раз в это время заболел, то проведение работ было поручено В.Г. Тизенгаузену [1875 г., д. 3, л. 9-10]. В первый же год он предпринял исследования на всех семи насыпях [рис. 42-43; ОАК, 1875, с. IV сл.] и, закончив сезон, рапортовал в Археологическую комиссию об открытии двух неогрбленных мужских гробниц с замечательными вещами полугреческого-полуварварского облика [1875 г., д. 3, л. 19]. В дальнейшем Семибратние курганы изучались В.Г. Тизенгаузеном в 1876 и 1878 гг. [ОАК, 1876, с. III сл.; 1878-79, с. III сл.]. В результате этих исследований археологическая наука обогатилась выдающимися памятниками, которые большинство учёных считают погребениями царей Синдики [см.: Ростовцев, 1925, с. 351 сл.; Коровина, 1957; Артамонов, 1966, с. 36-39; Анфимов, 1987, с. 92 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 128-131; Виноградов, 2005, с. 252-254; Власова, 2005; Горончаровский, 2011]. В целом, эти курганы можно датировать серединой V – первой четвертью IV вв. до н.э. [Силантьева, 1967; Буягин, 1996; Виноградов, 2005, с. 254].

Курганный некрополь Гермонассы отличается весьма солидными размерами, хотя и уступает в этом отношении фанагорийскому [Ростовцев, 1925, с. 280-290; Паромов, 2002а, с. 192-193]. В 1868 г. раскопки на нём были проведены

²⁹ Очевидно, имеется в виду И.Е. Забелин, проводивший в 1873 г. раскопки на Ольвийском городище.

В.Г. Тизенгаузен, о чём частично говорилось выше. В 1869 г. к западу от Тамани предпринял раскопки П.И. Хицунов³⁰, но исследовавшиеся им курганы оказались разграбленными [1869 г., д. 4, л. 24-25; ОАК, 1869, с. IX-X].

Первый период изучения курганного некрополя Кеп приходится на 1870–1880 гг., он был увенчан открытием выдающегося памятника позднеэллинистического времени – *Артюховского кургана* [Максимова, 1979; Паромов 2002б: 274]. На самый большой курган, расположенный в группе у хутора сотника Артюхова, первым обратил внимание Н.П. Кондаков в 1878 г. [1878 г., д. 11, л. 9-10; ОАК, 1878-79, с. XI]. В 1879 г. раскопки здесь провёл В.Г. Тизенгаузен, обнаруживший две гробницы с замечательными вещами [ОАК, 1878-79, с. XLIV-XLVIII]. Весьма нелестную характеристику его работ на кургане оставил Д.Я. Самоквасов [Самоквасов, 1908, с. 158], М.И. Максимова обвинила последнего в ряде неточностей [Максимова, 1979, с. 5-6], но, в общем, её замечания не меняют главного – В.Г. Тизенгаузен в очередной раз провёл раскопки в высшей степени небрежно.

С.И. Веребрюсов, продолживший изучение Артюховского кургана, составил весьма подробное описание своих работ и сделанных находок, прежде всего, выявленной им здесь ещё одной неограбленной гробницы [1879 г., д. 6, л. 40-44; ОАК, 1878-1879, с. XLVIII-LI]. М.И. Ростовцев очень высоко оценил значение сделанных тогда открытий для понимания своеобразия культуры Боспора в эпоху эллинизма [Ростовцев, 1925, с. 272-280]. Изучив все материалы, добытые исследователями Артюховского кургана, М.И. Максимова отнесла его к середине

³⁰ Отставной надворный советник П.И. Хицунов в то время был уже человеком не молодым и проживал в Таганроге. Документов о нём в Научном архиве ИИМК РАН содержится очень немного. В частности, сохранилась записка П.И. Хицунова [1868 г., д. 41, л. 11], в которой он сообщает о себе, что в 1839 г. закончил филолого-исторический факультет Главного педагогического института, где изучал греческую и римскую словесность, а также прослушал курс классических древностей. Затем П.И. Хицунов работал старшим учителем и библиотекарем в Кавказской областной гимназии, служил инспектором образовательных учреждений. В 1850 г. по состоянию здоровья оставил службу и в 1851-57 гг. прошёл курс медицинских и естественных наук в Медико-хирургической академии С-Петербурга. Вернувшись на юг России, он проявил интерес к археологии. В марте 1868 г. П.И. Хицунов просил А.Е. Люценко хлопотать за него в ИАК на предмет определения хранителем Феодосийского музея [Ф. 1, 1868 г., л. 10]. А.Е. Люценко выполнил эту просьбу, но ответ из ИАК был отрицательным, поскольку музей не входил в структуру Комиссии, а принадлежал Одесскому обществу истории и древностей [Ф. 1, 1868 г., д. 35]. Есть основания считать, что между А.Е. Люценко и П.И. Хицуновым сложились деловые, может быть, даже дружеские отношения. Во всяком случае, в письме от 7 февраля 1869 г. А.Е. Люценко писал в ИАК, что П.И. Хицунов будет полезен для археологической науки «как человек достаточно образованный в классических науках, трудолюбивый, добросовестный, вполне благонадёжный и наглядно ознакомившийся с приёмами моими при раскопках» [1869 г., д. 7, л. 3 об.]. Более того, А.Е. Люценко даже надеялся, что тот «легко и скоро» примет от него заведование Керченским музеем древностей [там же]. В общем, П.И. Хицунов оставил заметный след в боспорской археологии, но директором Керченского музея всё-таки не стал. Руководству ИАК более подходящей для этого представлялась кандидатура Ф.И. Гросса.

II в. до н.э. и с полным на то основанием назвала самым показательным и ярким памятником культуры местной знати Таманского полуострова накануне восстания Савмака [Максимова, 1979, с. 22-23; ср.: Pfrommer, 1990, S. 263-266].

После Артюховского кургана В.Г. Тизенгаузен приступил к изучению *Анапских курганов* [о них см.: Ростовцев, 1914а, с. 109-111; 1925, с. 296-299], масштабные раскопки которых были проведены в 1881 г. [1881 г., д. 8, л. 8-14; см.: ОАК, 1881, с. IV-X]. Некоторые из курганов оказались разграбленными, но археологическое счастье не оставило В.Г. Тизенгаузена и здесь – в подошве одной из насыпей ему удалось открыть кремацию, содержащую очень богатый набор погребального инвентаря: серебряную флягу с круглым дном, серебряный алабастр, золотую стленгиду в виде волнистых, расчѐсанных на две стороны волос, золотой венок, золотой браслет и т.д. [1881 г, д. 8, л. 10; см.: ОАК, 1881, с. VI сл.; 1882-1888, с. 31 сл., табл. I; Ростовцев, 1925, с. 297-298; Pfrommer, 1990, S. 260-261]. К сожалению, археолог не обратил никакого внимания на керамические находки из этого любопытнейшего комплекса, а они, вероятнее всего, здесь имелись. По этой причине хронологическая атрибуция кремации весьма затруднена, тем не менее М. Пфроммер датировал её не ранее третьей четверти III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260-261].

В том же году на Таманском полуострове много работал С.И. Веребрюсов. Тогда он провѐл новые исследования на Большой и Малой Близницах (о них см. разделы 2.5 и 2.6), которые не дали никаких результатов [1881 г., д. 7, л. 13; см.: ОАК, 1881, с. XVI-XVII]. В связи с этим необходимо отметить, что новый директор Керченского музея обратил внимание на курганные некрополи, расположенные около станиц *Титоровская* и *Стеблиевская*. Под Титоровкой С.И. Веребрюсов даже предпринял раскопки, и полученные материалы дали ему возможность признать местные курганы скифскими [1881 г., д. 7, л. 15, 34 сл., 37; ОАК, 1881, с. XVII-XIX]. Основанием для такой этнической атрибуции стала, в частности, бедность этих погребальных комплексов, наличие в них лишь грубой посуды, а также морской травы, необработанных камней и т.д. Сейчас все эти признаки, конечно, не считаются скифскими, они скорее указывают на принадлежность курганов эпохе бронзы.

Представ. рисунок развалившегося деревянного саркофага, найденного во время археологической экспедиции 1868 года на Таманском полуострове в кургане и сохранившемся до настоящего времени в Музее в СПб.

Рис. 32. Таманский деревянный саркофаг [Р. 1, № 565, л. 6].

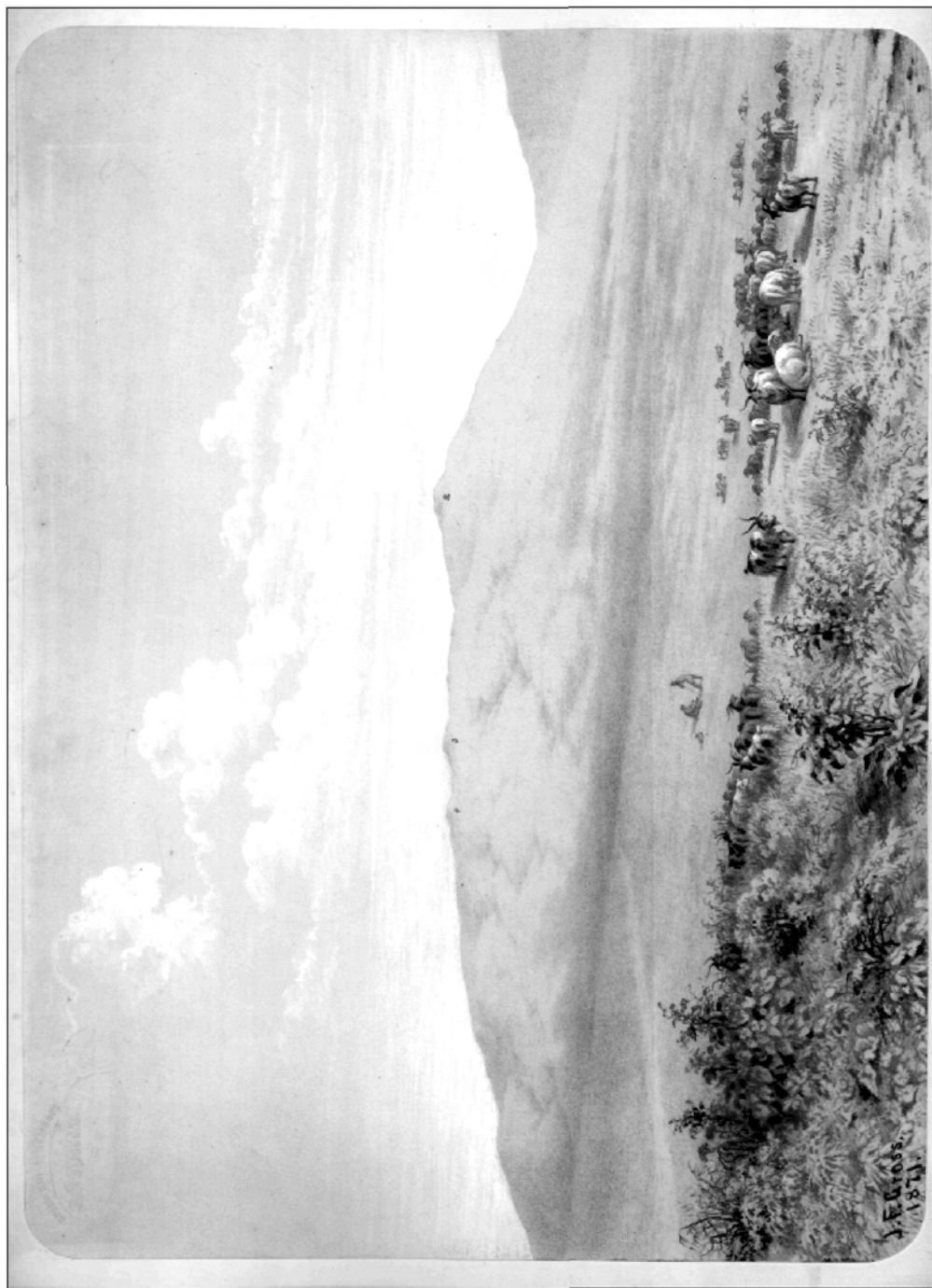
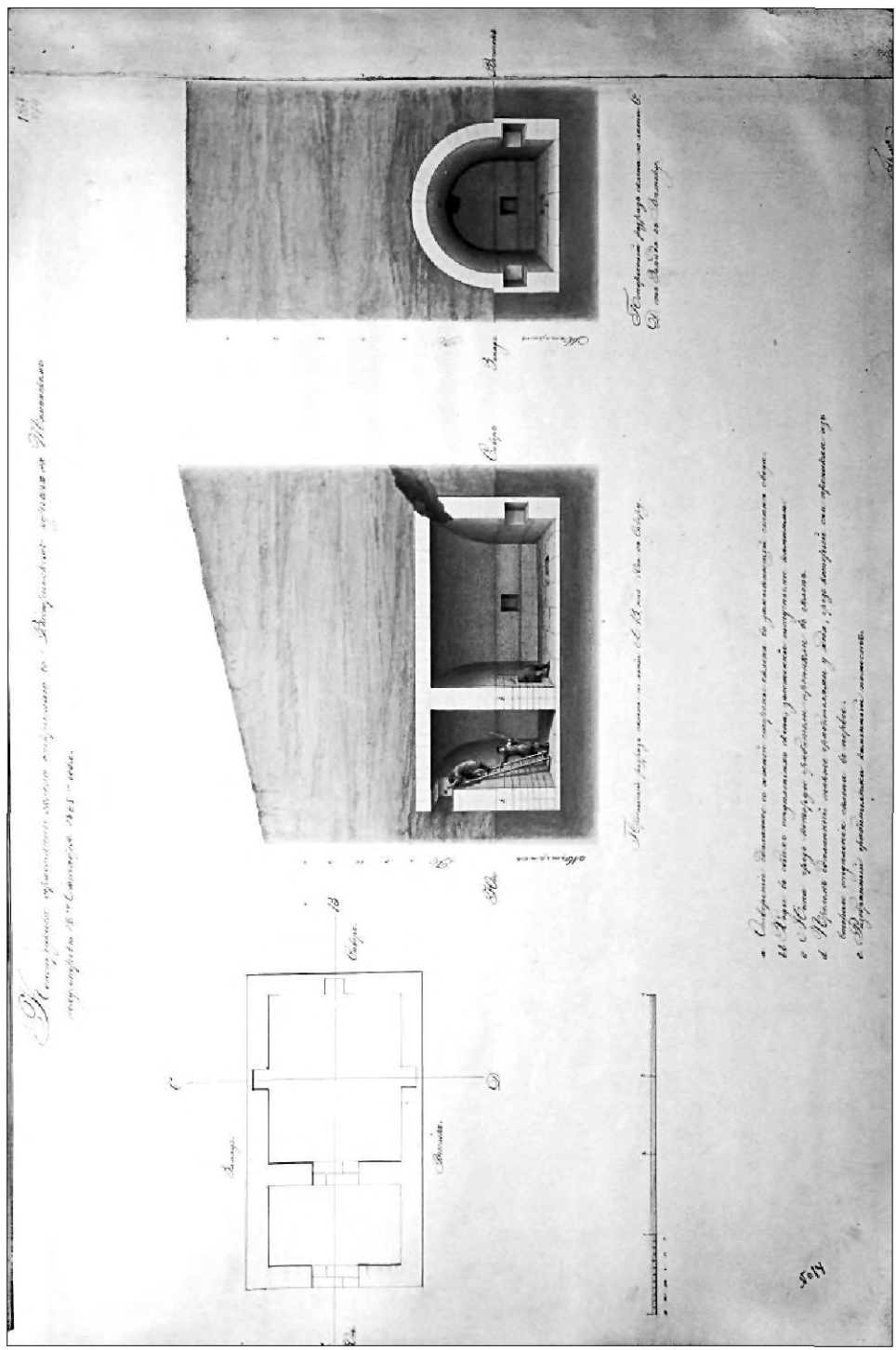

Рис. 33. Васюринская гора, вид с востока [Р. 1, № 693, л. 17].

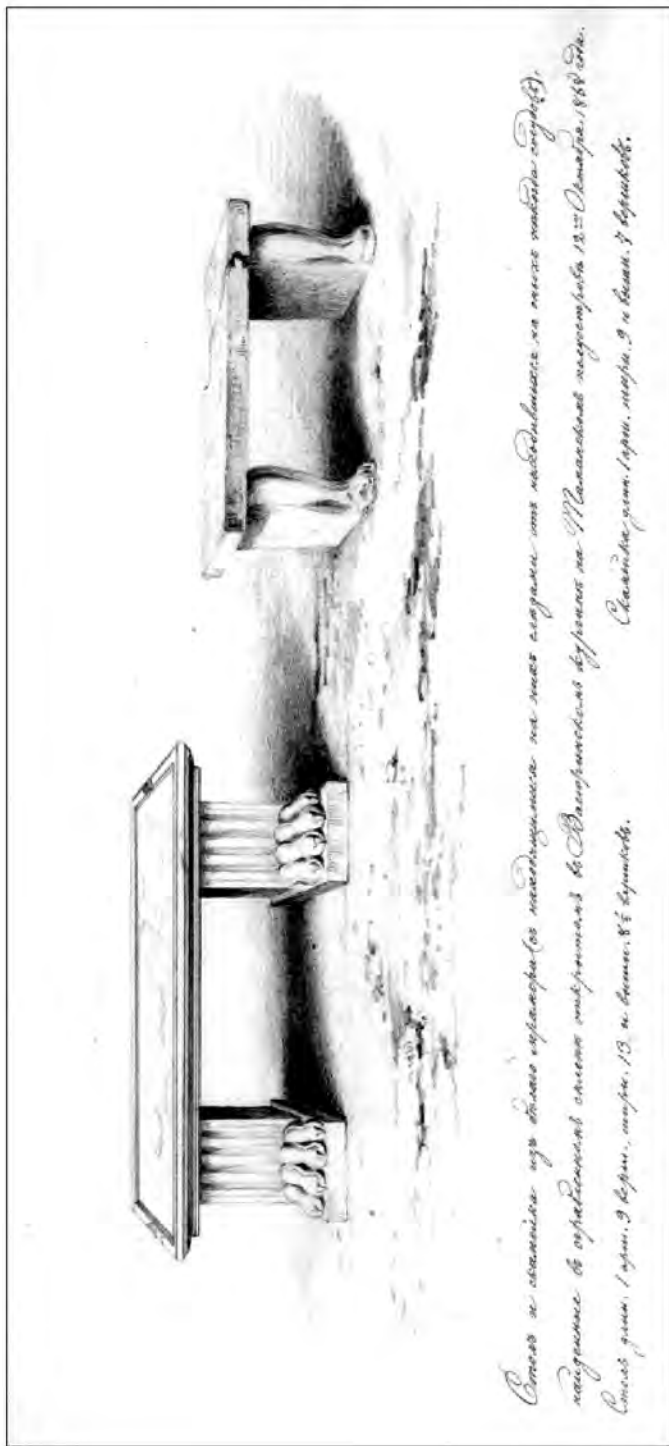
Скользящая фундаментальная основа возвышения на Восточной стороне пирамиды на Мачу-Пикчу

Восточная сторона пирамиды на высоте 60 м от уровня моря

Полный разрез пирамиды на высоте 60 м от уровня моря

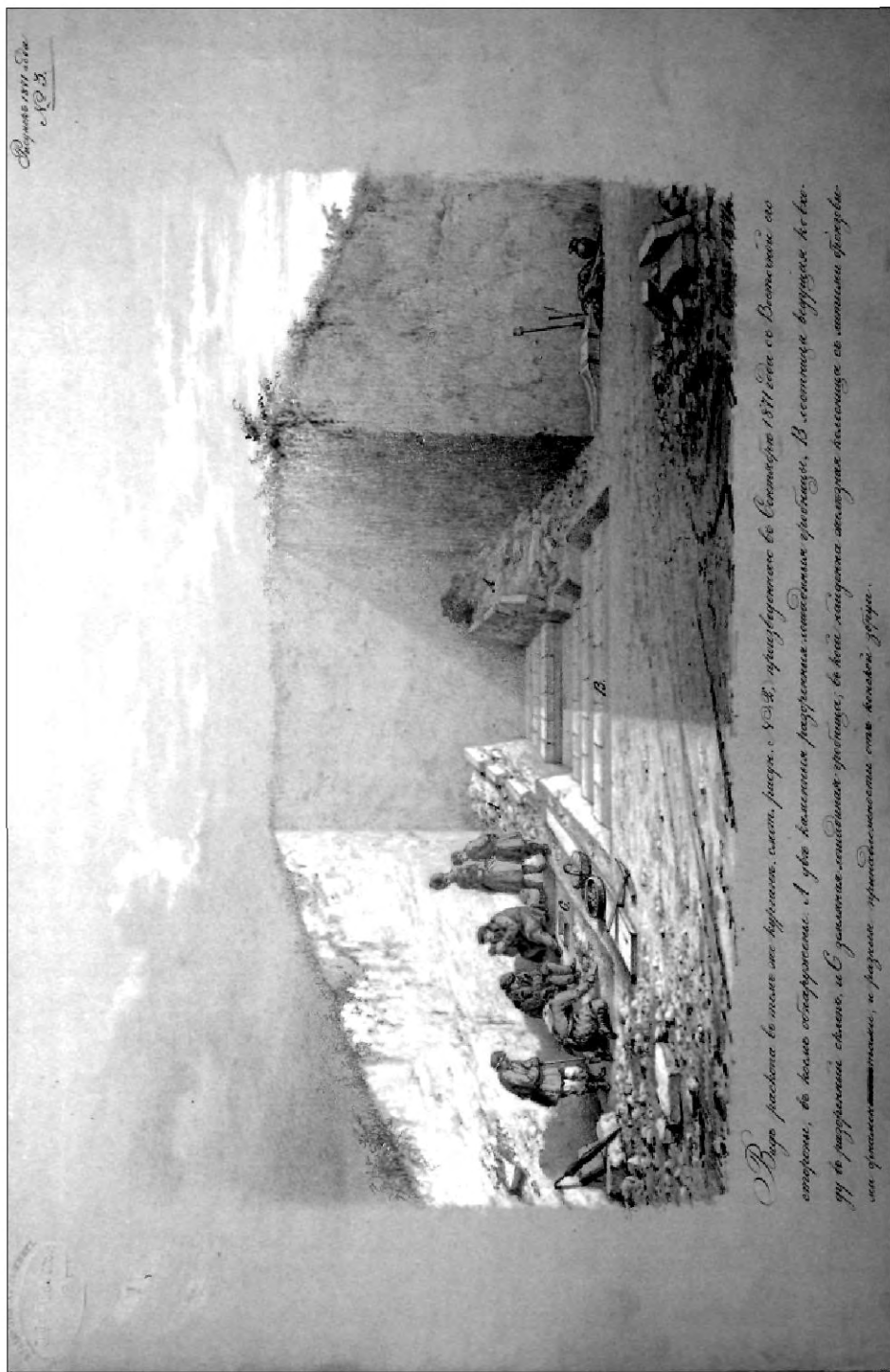
* Северная сторона пирамиды имеет форму ступенчатой пирамиды.
 ** Высота пирамиды составляет 60 м от уровня моря.
 * В центре пирамиды находится вход в камеру.
 * Высота пирамиды составляет 60 м от уровня моря.
 * Восточная сторона пирамиды имеет форму ступенчатой пирамиды.

Рис. 34. Ограбленный склеп Восточной пирамиды [Р. 1, № 565, л. 8].

Стол и скамья из белого мрамора (со скамьей) найдены на месте алтарей при каменном здании на месте находки (судя по надписи) в городище в окрестностях селения Мельнички в Восточном Крыму. Мраморная надпись № 12. 15 Октября, 1888 г. Стол: длина 1 арш. 9 верш., ширина 13 и вышина 8 1/2 вершков. Скамья: длина 1 арш. 10 верш., ширина 9 и вышина 9 вершков.

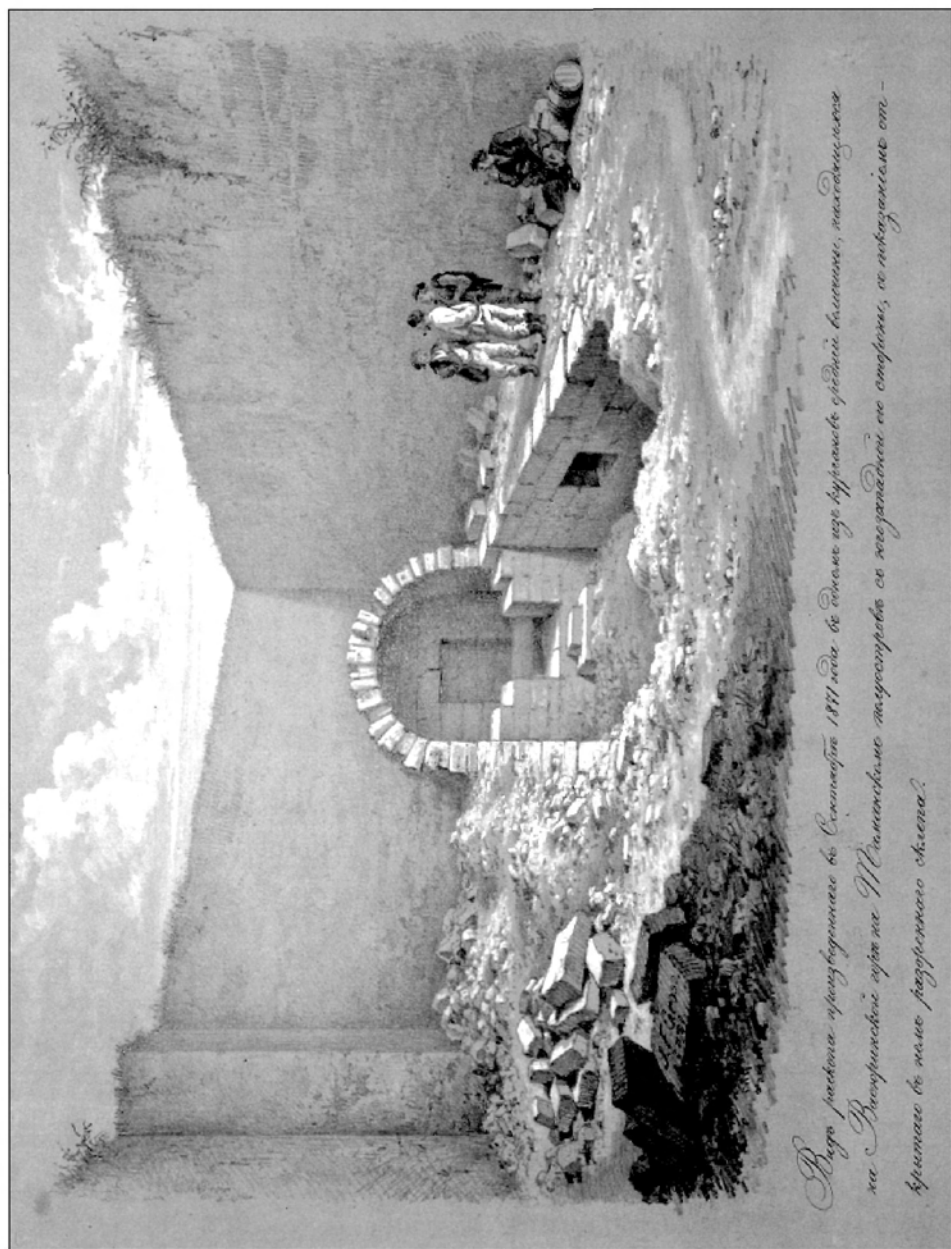
Рис. 35. Стол и скамья из белого мрамора [Р. 1, № 565, л. 10].

Васюринская гора
с. 193

Вид раскопки в толще юго-восточной стены раскопа. С. 193, ориентировочно по Северному 1871 году со Васюринской горы, во время обследования. А убои каменными раздробленными предметами, в частности вурдунки (костяной) в раздробленной стене, и в раздробленной стене, в которой найдены каменные предметы с каменными инструментами, и разрыве припадковости стая каменной дубки.

Рис. 36. Курган средней величины на Васюринской горе, раскопки 1871 г. [Р. 1, № 693, л. 14 об.].

*Видо раскопа кургана среднего в Септентрионе 1871 году в долине урзу курганов в долине восточной части
на Васюринской горе на Таманском полуострове со стороны восточной от
Крыма в долине разорванного склона.*

Рис. 37. Склеп кургана средней величины на Васюринской горе [Р. 1, № 693, л. 14].

Рис. 38. Терракотовая статуэтка всадника [1871 г, д. 16, л. 33].

Рис. 39. Ручка литой бронзы из насыпи второго кургана средней величины на Васюриной горе, 1871 г. [Р. 1, № 693, л. 16].

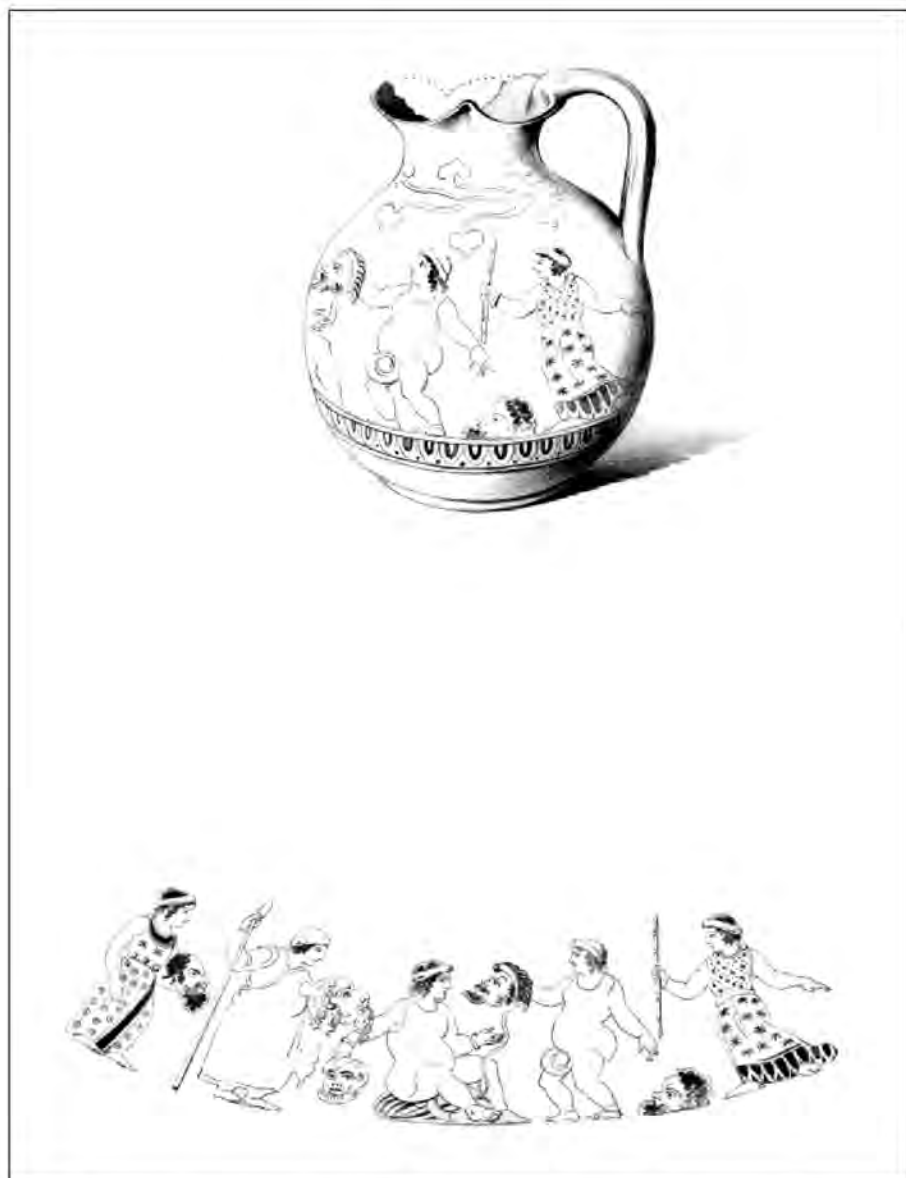

Рис. 40. Краснофигурная ойнохоя, найденная под Фанагорией в 1869 г. [Р. 1, № 693, л. 5].

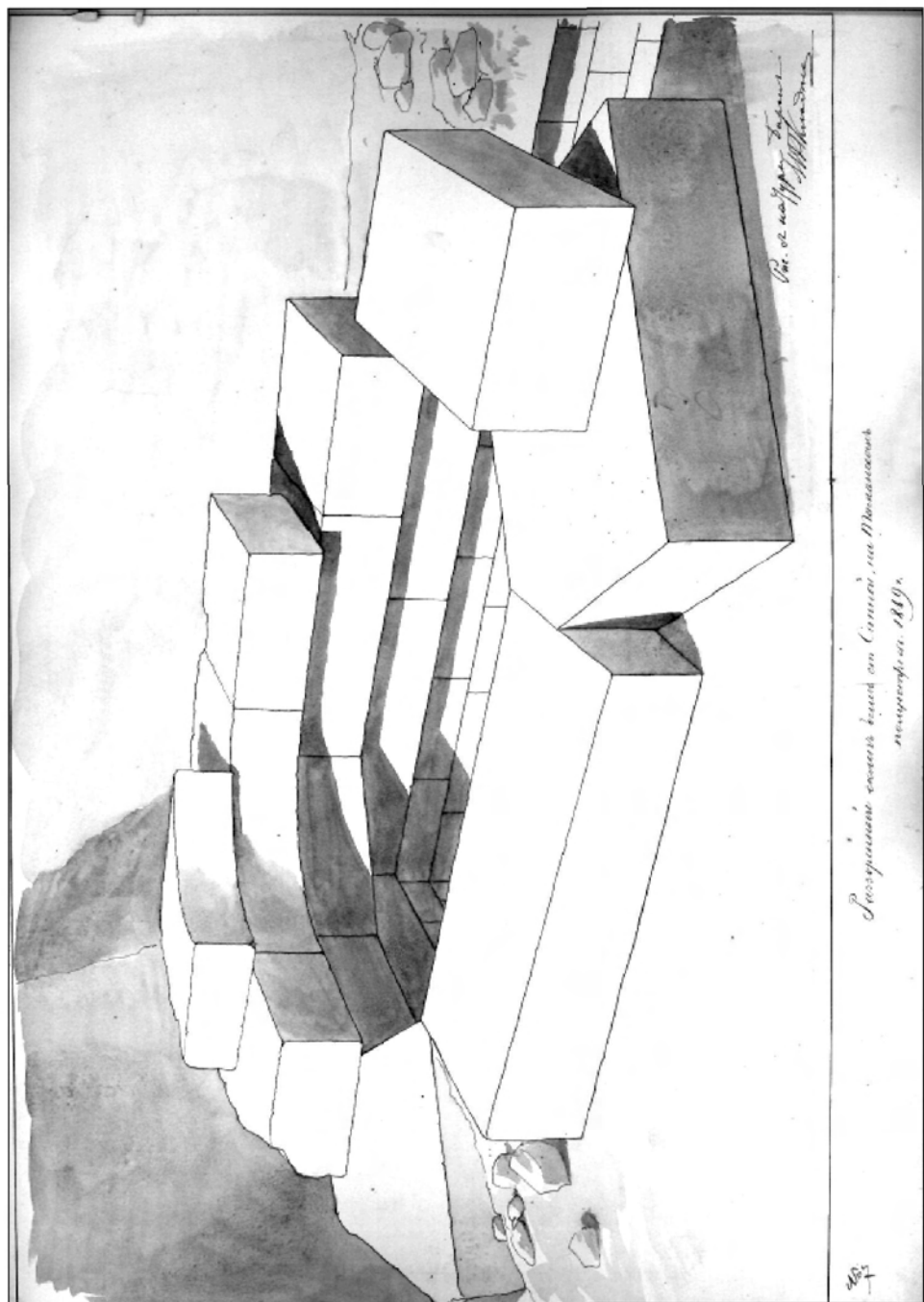

Рис. 41. Разорённый склеп, открытый В. Г. Тизенгаузеню около ст. Сенной [Р. 1, № 693, л. 4].

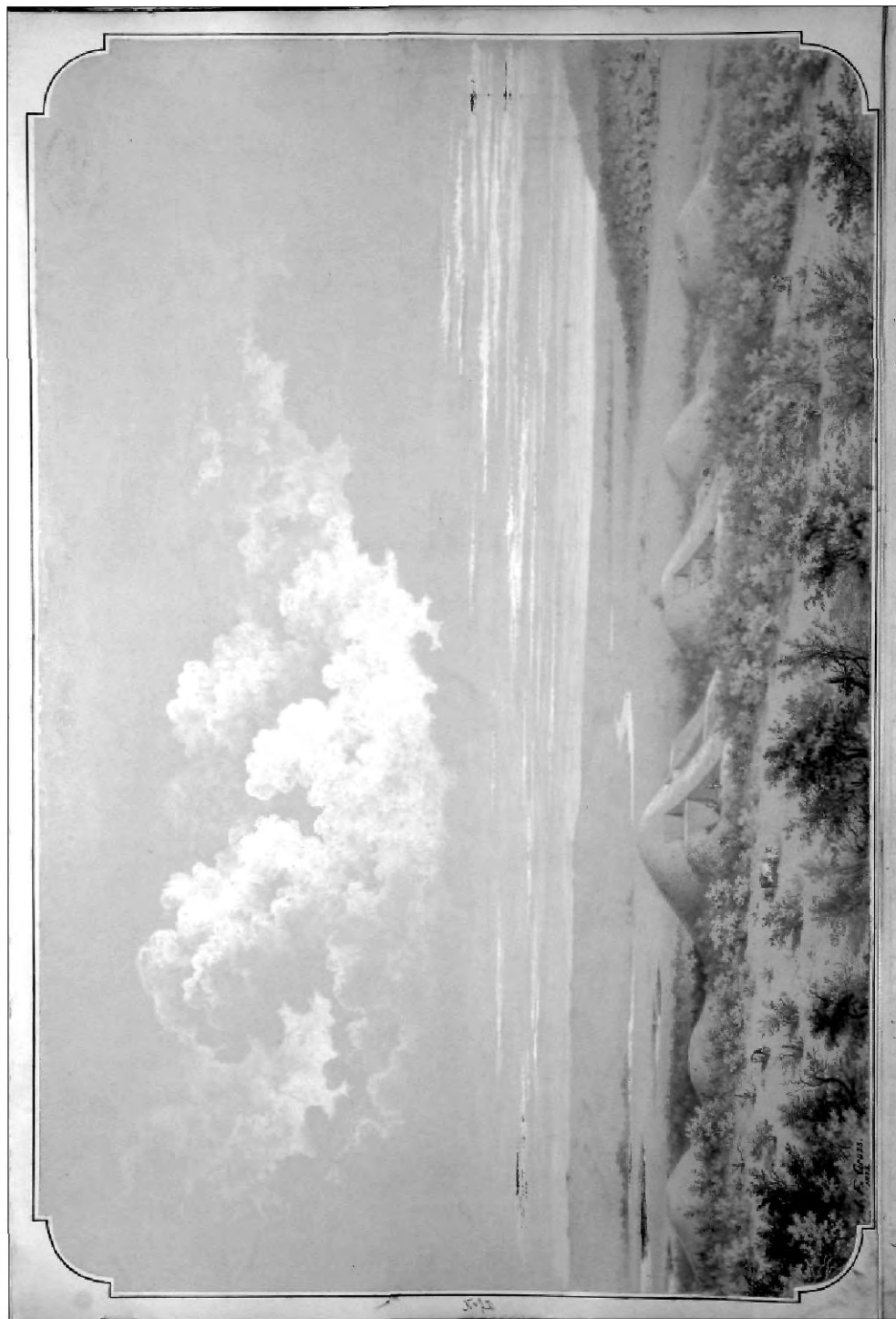
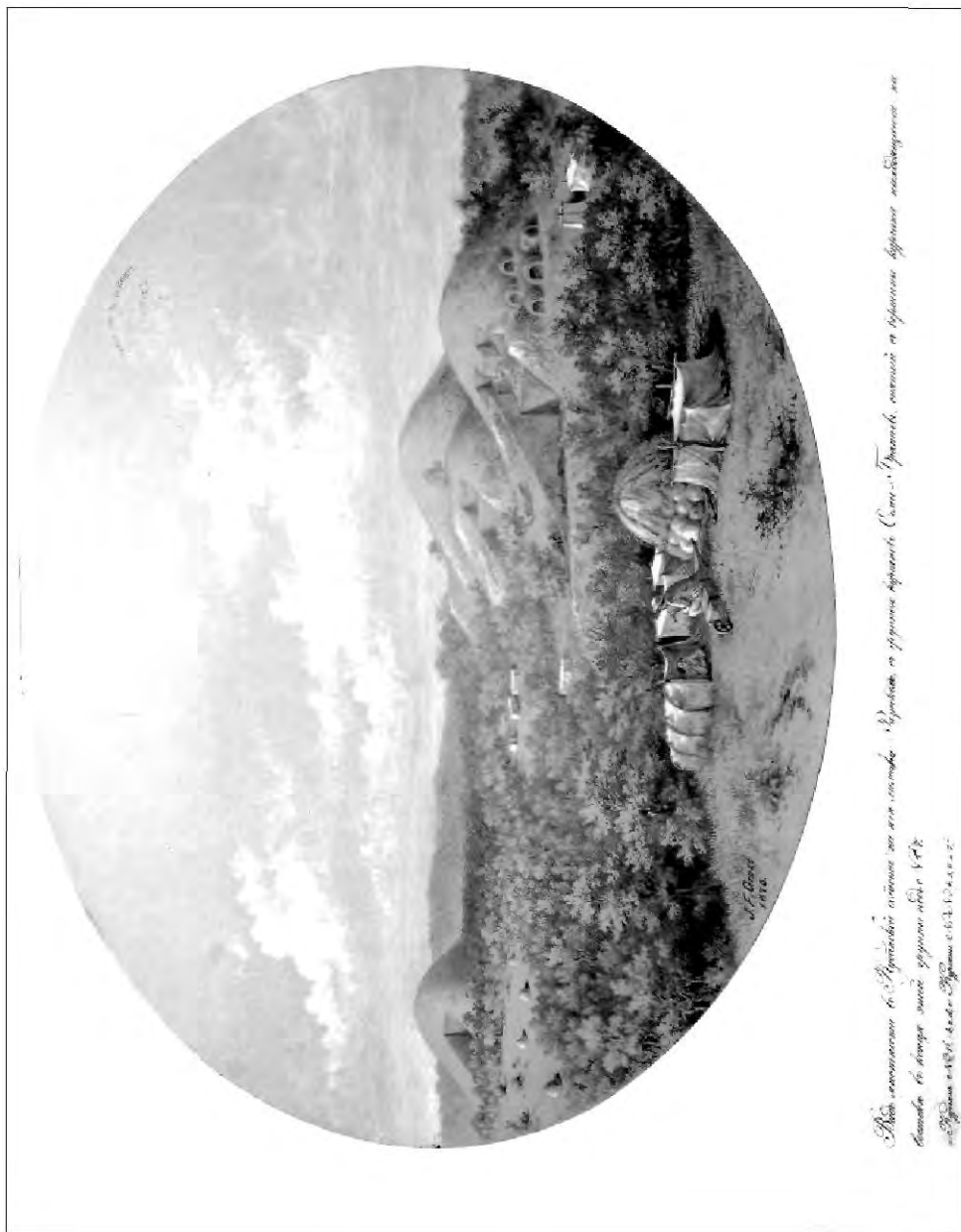

Рис. 42. Раскопки Семibrатних курганов [Р. 1, № 567, л. 19].

Вид с западной стороны в Армянский курган на юго-западе. Курганы на склоне Армянского Села. Туманы, выходящие из долины Армянского кургана.
Вид с юго-западной стороны Армянского кургана. Курганы на склоне Армянского Села. Туманы, выходящие из долины Армянского кургана.
Вид с юго-западной стороны Армянского кургана. Курганы на склоне Армянского Села. Туманы, выходящие из долины Армянского кургана.

Рис. 43. Раскопки Семибратних курганов [Р. 1, № 567, л. 20].

2.8. Изучение погребальных памятников на Керченском полуострове

Исследования на Керченском полуострове в это время находились как бы в тени выдающихся открытий на территории азиатского Боспора. Тем не менее и здесь ежегодно проводились исследования. Прежде всего, регулярно предпринимались раскопки сплошных могильных насыпей на склонах горы Митридат [рис. 44; о них см.: Ростовцев, 1925, с. 160, 176-250; Цветаева, 1951; 1957; Fless, Lorenz, 2005]. Здесь порой удавалось найти весьма любопытные погребальные памятники: вырубленные в грунте катакомбы (рис. 45), гробницы с надгробиями (рис. 46, 47) и пр. Эти раскопки периодически приносили интереснейшие вещевые находки. К примеру, в 1866 г. в одной из детских могил был обнаружен круглодонный кувшинчик с рельефным орнаментом по тулову (рис. 48). Подобные сосуды, нижняя часть которых смоделирована по типу «мегарских» чаш, очень редки на Боспоре [см.: Гжегжужлка, 2010, с. 42, 251, № 11; с. 43, 252, № 12; с. 44-45, 254, № 14; Bouzek, 1990, pl. 16, A; Vinogradov, Butyagin, Vakhtina, 2003, p. 837, pl. 7, 5].

В июне 1872 г. раскопки на Митридате велись особенно интенсивно, поскольку ожидался приезд в Керчь императора Александра II со свитой, и предполагалось, что одна из гробниц будет вскрыта в присутствии императрицы. Стремясь не ударить в грязь лицом, археологи обнаружили тогда в общей сложности 48 гробниц, но лишь две из них представлялись достойными для лицезрения августейшей особой [1872 г., д. 30, л. 20]. Так получилось, что императорский пароход прибыл в Керчь лишь в августе, к тому времени все старания керченских археологов были сведены на нет дождями, да и императрица отказалась сходить на берег [1872 г., д. 30, л. 1]. Несмотря на это досадное обстоятельство, следует обратить внимание, что именно в 1872 году была открыта гробница, в которой находилась прекрасная аттическая ваза с изображением спора Афины и Посейдона [1872 г., д. 30, л. 3-9; о ней см.: Толстой, Кондаков, 1889а, с. 73-76; Блаватский, 1953, с. 268, 270; Соколов, 1973, с. 52-53, № 37]. В следующем году раскопки здесь были продолжены с не меньшей интенсивностью, но уже совсем по другой причине. Дело в том, что значительная часть Пантикапея от часовни Стемпковского до еврейского кладбища была передана в распоряжение Инженерного ведомства для предполагавшегося сооружения здесь укреплений, установки артиллерийских батарей и пр. [1873 г., д. 34, л. 1]. А.Е. Люценко в связи с этим очень опасался, что вся территория будет засыпана грунтом и станет недоступной для археологов. Его опасения, к счастью, оказались напрасными, но «военная угроза» с тех пор на долгие годы стала существенным фактором в организации раскопок Пантикапея, о чём неоднократно будет сказано ниже.

В 1877 г. на склоне горы Митридат был открыт ограбленный склеп, на стенах которого сохранились в высшей степени любопытные росписи [ОАК, 1877, с. XIV-XV]. По имеющейся там надписи памятник вошел в науку как склеп

Анфестерия [Кулаковский, 1896, с. 8; Ростовцев, 1914а, с. 170 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 400-404; Иванова, 1953, с. 152-153].

Необходимо особо отметить, что именно тогда были проведены раскопки на *Темир-горе* (рис. 49). В 1869 г. П.И. Хицунов открыл здесь любопытную кремацию с немалым количеством золотых изделий [рис. 50; 1869 г., д. 4, л. 29; см.: ОАК, 1869, с. XII-XIII]. Э.В. Яковенко интерпретировала этот комплекс как погребение скифской царицы, датировав его концом V в. до н.э. [Яковенко, 1977; Кузнецова, 2002]³¹. В следующем году раскопки на Темир-горе предпринял А.Е. Люценко (рис. 51), оценивший их результаты как не совсем удачные, хотя и выделил среди обнаруженных им гробниц одну, в которой находился «глиняный кувшин с замечательным рисунком в архаическом стиле» [1870 г., д. 23, л. 22, 29-30; ОАК, 1870-71, с. XX]. С современной точки зрения результат был просто великолепен, поскольку этот кувшин является ойнохоей, относящейся к 40 годам VII в. до н.э. [Копейкина, 1972, с. 156] или 640-630 гг. до н.э. [Cook, Dupont, 1998, p. 36], а сама гробница стала одним из важнейших памятников для изучения скифской архаики Северного Причерноморья [Ростовцев, 1925, с. 395-396; Артамонов, 1966, с. 25; Яковенко, 1972; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 107; Мурзин, 1984, с. 19; Вахтина, 1991; 2002; 2009, с. 422-423; Кузнецова, 2002, с. 88-89; Алексеев, 2003, с. 116].

В 1875 г. А.Е. Люценко провёл дополнительные раскопки на знаменитой *Куль-Обе* [1874 г., д. 10, л. 94-95; ОАК, 1875, с. XXXI-XXXII]. Он расчистил склеп, от перекрытия которого к тому времени ничего не осталось, стены сохранились лишь на половину высоты, каменная вымостка пола была полностью разрушена. Во время этих раскопок никаких сокровищ обнаружено не было, нашли лишь два бронзовых наконечника стрел и три штампованные золотые бляшки, аналогичные уже опубликованным [см.: ДБК, табл. XX, 12; XXI, 10; XXII, 5]. В том же году Ф.И. Гроссом было сделано очень важное открытие на мысе *Ак-Бурун*. Здесь, как и ранее (см. главу 2.5), проводились работы по возведению Керченской крепости, в результате чего в одном из курганов было обнаружено и, не по вине археологов, весьма небрежно раскопанное погребение воина со знаменитым золотым «шлемом» [рис. 52; об этих раскопках см.: Виноградов, 2001; Стародубцев, 2004; 2005]. Погребение, открытое на Ак-Буруне в 1875 г., является одним из важнейших памятников времени начавшихся варварских передвижений в степях Причерноморья и связанного с этим крушения Великой Скифии [Виноградов, 1993; 2005, с. 292-294; ср.: Pfrommer, 1990, S. 260].

В декабре 1876 г. в сплошной насыпи в *Керченской крепости* при случайных

³¹ Э.В. Яковенко назвала эту кремацию погребением № 83, что не соответствует имеющейся полевой документации. Дело в том, что П.И. Хицунов вообще не дал номера открытому им погребению. В 1870 г. Е.А. Люценко обнаружил здесь два «жжёных точка», т.е. тризны, одной из которых он дал № 83 и связывал с кремацией знатной женщины [1870 г., д. 23, л. 30], но, в общем, это разные археологические комплексы.

обстоятельствах был открыт каменный склеп с уступчатым перекрытием свода (рис 53). Описание этого склепа в отчёте о раскопках под Керчью отсутствует, что, вероятно, стало причиной того, что в специальных исследованиях он даже не упоминается [см.: Гайдукевич, 1981; Савостина, 1986]. Ранее было сказано, что подобное ожидало склеп, обнаруженный в 1858 г. в кургане по дороге на Булганак [см. главу 1.4]; он тоже был забыт исследователями.

Внимание археологов, конечно, постоянно привлекали *Нимфейские курганы*, но организация раскопок на них была связана с весьма большими сложностями, поскольку некрополь находился на частных землях, принадлежавших помещикам Гурьевым. Переговоры с ними шли очень непросто. В 1868 г. соглашение с владельцами было достигнуто, но совсем не археологами, а частными лицами. Именно они начали раскопки некрополя и обнаружили здесь два любопытных погребальных комплекса, в одном из которых находилась крупная бронзовая бляха в виде головы лося. А.Е. Люценко считал, что обнаруженные тогда предметы не заключают в себе «ничего нового или изыщного» [А.Л., 1869, с. 55], но торговцы древностями придерживались совсем другого мнения, и вещи из этих и некоторых других Нимфейских курганов попали в Англию и хранятся сейчас в Оксфорде [Черненко, 1970; Gardner, 1884; Vickers, 1979; 2002, p. 5-55]. Долгая история с переговорами о раскопках Нимфейских курганов закончилась лишь в 1875 г. [Силантьева, 1959, с. 9-11; Древний город Нимфей, 1999, с. 14]; право на раскопки удалось получить за 1000 руб. серебром [1874 г., д. 10, л. 72 сл.]. В 1876 г. исследования здесь начал А.Е. Люценко, которому почти сразу удалось открыть три нетронутых гробницы с золотыми вещами и замечательной импортной посудой [1876 г., д. 20, л. 4]. Всего же за один год он изучил здесь 36 курганов различной величины и несколько сплошных могильных насыпей [1876 г., д. 20, л. 59; см.: ОАК, 1876, с. IX сл.]. На протяжении одного месяца Нимфейские курганы изучал также младший член Императорской археологической комиссии Н.П. Кондаков [1876 г., д. 20, л. 14-23; см.: ОАК, 1876, с. XXIII сл.], но, по словам А.Е. Люценко, за своё кратковременное пребывание он раскопал лишь несколько отдалённых от городища курганов, в которых «оказались уцелевшими только одни большие каменные, какого-то неизвестного народа гробницы и притом чрезвычайно бедные; греческие же, открытые им гробницы, были почти все расхищены в давнее время» [1876 г., д. 20, л. 59]. После 1876 г. ограниченные раскопки курганов проводились С.И. Веребрюсовым в 1878–1880 гг. [1878 г., д. 16, л. 15 сл.; 1879 г., д. 6, л. 25 сл.; 1880 г., д. 19, л. 35 сл.; см.: ОАК, 1878-79, с. XXXVII, LXII-LXV].

После исследований 1880 г. С.И. Веребрюсов обратил внимание, что в Нимфейских курганах нет боковых гробниц, т.е., по его мнению, они не являлись семейными усыпальницами, что характерно для курганов под Пантикапеем или Фанагорией. Нимфейские насыпи сооружались преимущественно «над одинокими гробницами храбрых воинов, предводителей и вожakov, павших в битвах с ордами

диких кочевников, наступавших на греческие поселения» [1880 г., д. 19, л. 38-39]. Мнение исследователя по поводу данных памятников чрезвычайно любопытно и, в общем, уместно будет привести длинную цитату из его отчета [1880 г., д. 19, л. 39]:

«Раскопками прошедших годов открыты в центральных гробницах тех же курганов преимущественно и даже исключительно мужские остовы, при которых находимы были обломки мечей, копий, шлемов, панцирей, наконечников стрел, тут же расположены были боковые гробницы лошадей, одной или нескольких, или остовы оруженосцев с остатками длинного или короткого меча, стрел и т.п. Замечательно, что на всём этом огромном кладбище чрезвычайно редко случалось открывать женские гробницы. Не приводит ли это к тому заключению, что на местности, которую принято считать за древний Нимфеон, располагались преимущественно войска босфорских властителей, их военный стан на возвышенной площади у выдающегося в море скалистого мыса (Кара-Бурун), окружённый высокою насыпью и глубокими рвами, по крайней мере, в ту пору их владычества, когда древний город афинян (если он только здесь именно находился) уже не существовал, и обширная бухта его занесена была песком».

Конечно, не стоит говорить много слов о том, что точка зрения С.И. Верebrюсова не нашла поддержки у современных исследователей, хотя его наблюдения об особенностях Нимфейских курганов – отсутствие в них боковых гробниц и т.п. заслуживает самого серьёзного внимания. По подсчетам Л.Ф. Силантьевой за время работ на курганном некрополе Нимфея в общей сложности было раскопано 55 курганов, содержащих 66 погребений, а также 111 погребений были открыты в сплошных могильных насыпях [Силантьева, 1959, с. 12]. Особую научную значимость в их ряду имеют элитные варварские захоронения, свидетельствующие о тесных связях Нимфея с местными племенами во второй половине V в. до н.э. [см.: Ростовцев, 1925, с. 389 сл.; Силантьева, 1959; Артамонов, 1966, с. 34-35; Уильямс, Огден, 1995, с. 132-135; Виноградов, 2005, с. 249]. Этим важным археологическим открытием по существу завершается характеризующий период изучения курганов Керченского полуострова.

№ 34
Вид с запада. Сооружение в ступенчатой насыпи на горе Митридатова, против кургановой насыпи
дуча. Восточная ее сторона, вверху ее наметочный; в 1906 г.

Рис. 44. Раскопки сплошной могильной насыпи на северном склоне горы Митридат, гробница № 63 [Р. 1, № 693, л. 35].

Рис. 45. Гора Митридат. Внутренний вид катакомбы. № 63 [Р. 1, № 691, л. 36].

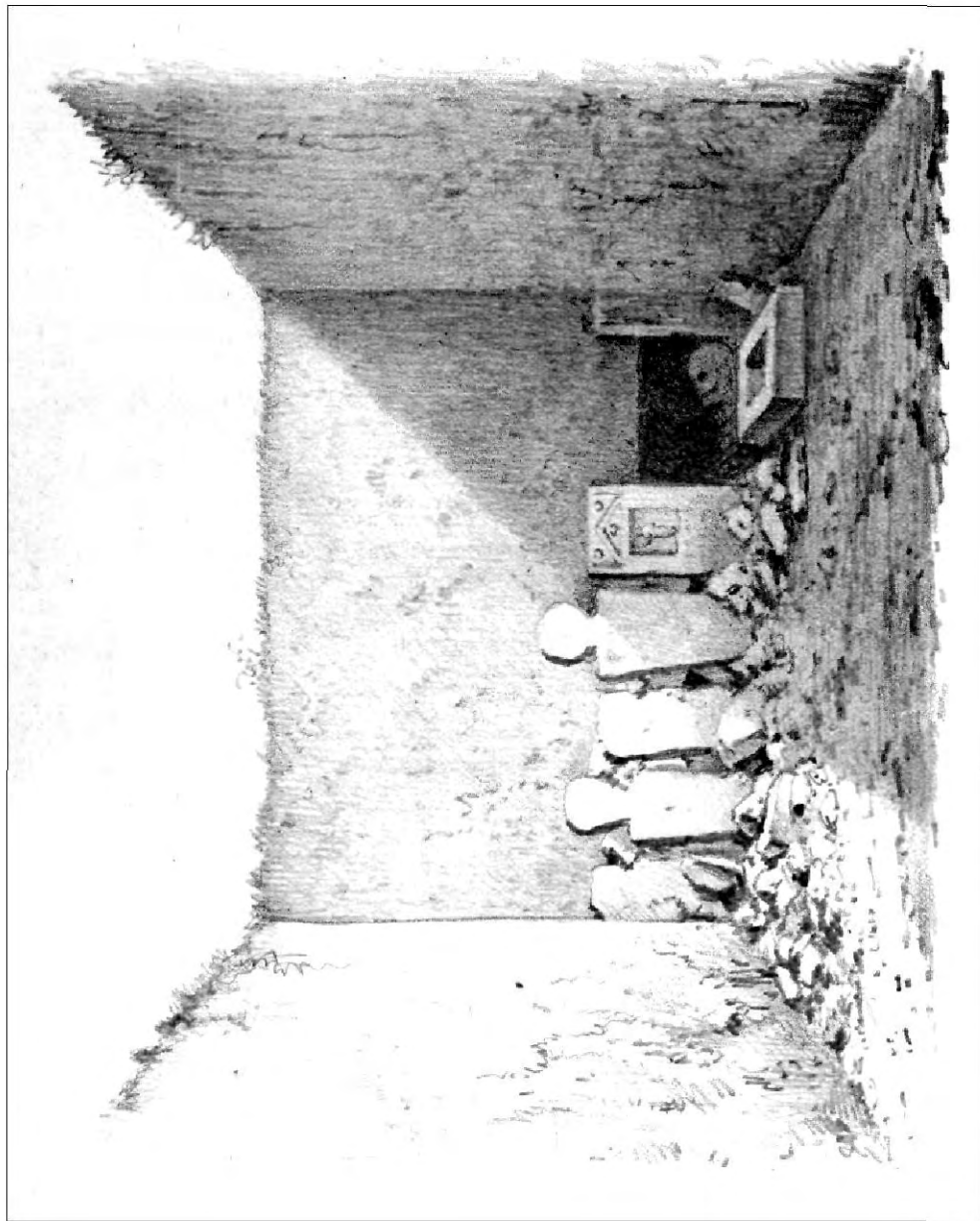

Рис. 46. Гора Митридат. Гробница № 35 [Р. 1, № 693, л. 20а].

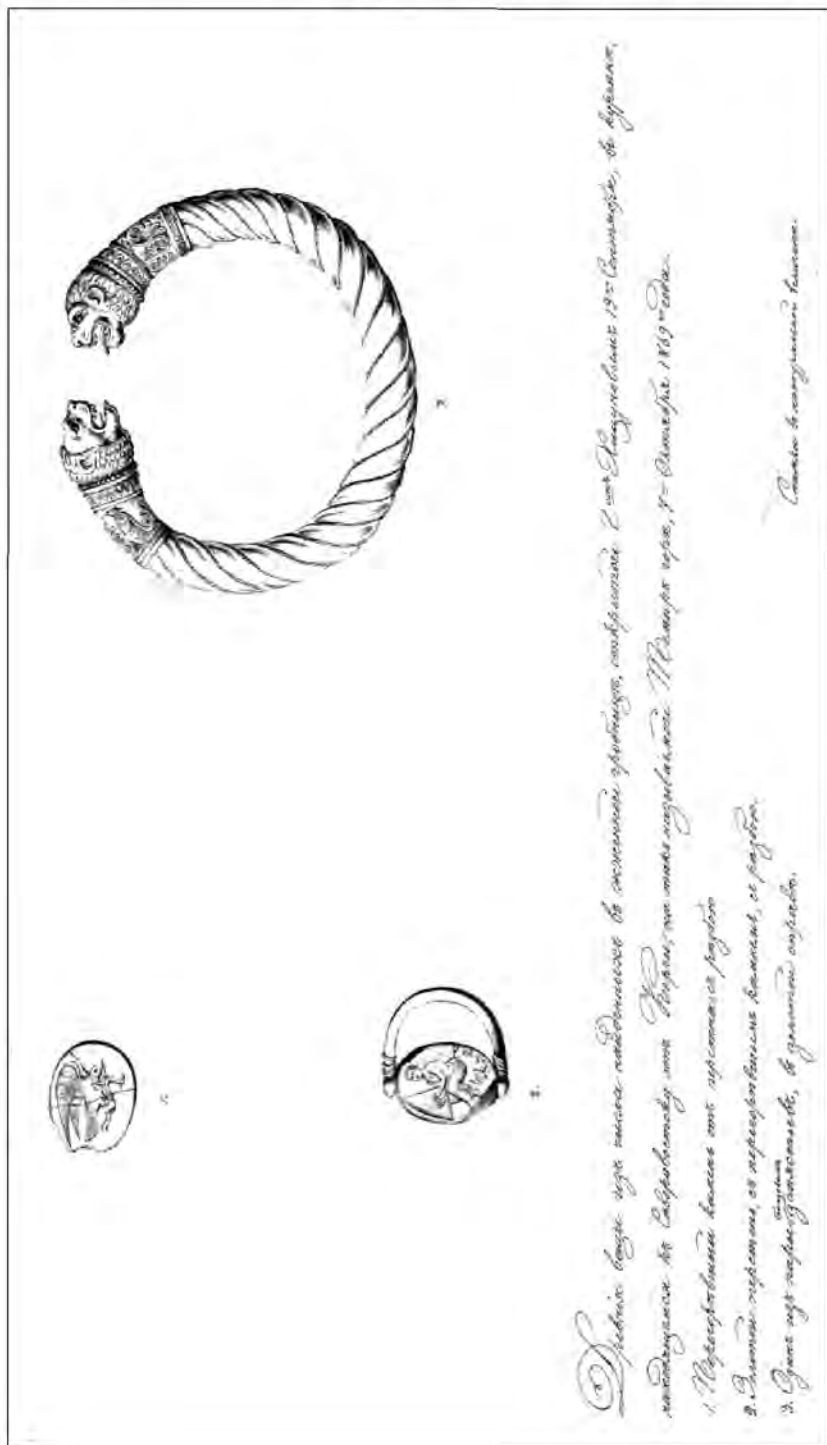
Рис. 47. Погребальная шита, найденная в гробнице № 35 [Р. 1, № 693, л. 206].

Рис. 48. Гора Митридат. Кувшинчик, обнаруженный в 1866 г. в детской могиле № 117 [1866 г., д. 1, л. 28 об.].

Рис. 49. Тамир-гора, вид с юга [Р. 1, № 693, л. 7 об.].

Древние браслеты из металла найдены в окрестностях древней, разрушенной с 1870-х годов, в Босфорском мосту. На территории моста найдены также медальоны. Металл чистый, 7-8-й пробы. 1870-е годы.

1. Изготовленный в Босфоре из металла браслет с украшениями.

2. Золотая монета, с изображением в центре, с рубкой.

3. Золотая монета с изображением в центре, с рубкой.

См. в журнале «Восток».

Рис. 50. Находки из кремации на Темир-горе [Р. 1, № 693, л. 3].

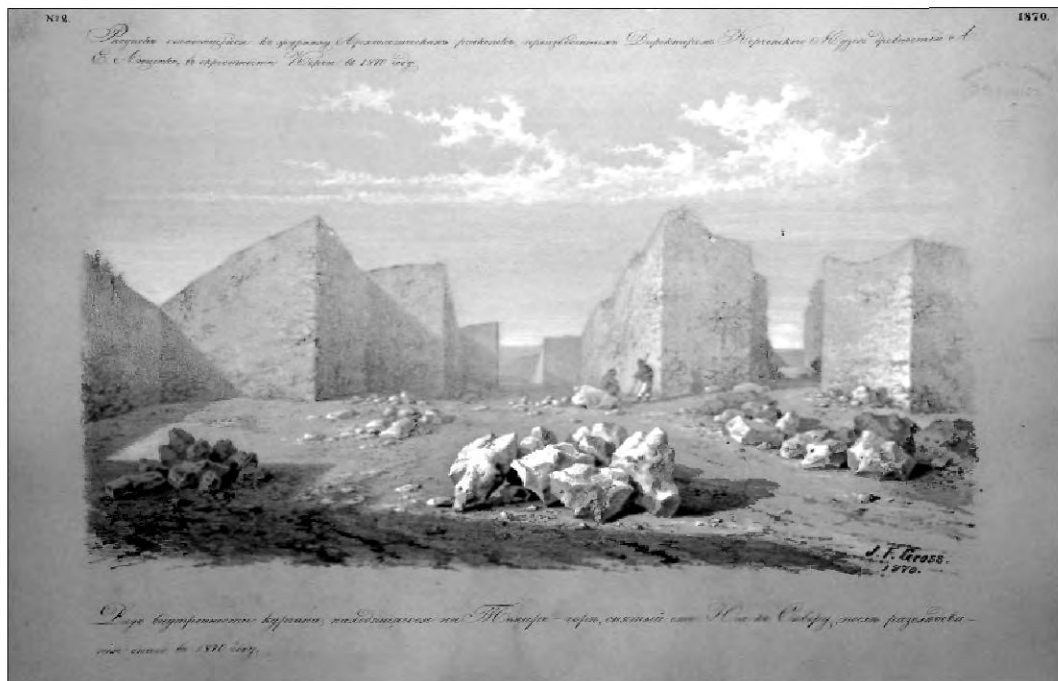

Рис. 51. Темир-гора. Курган, исследованный в 1870 г. [Р. 1, № 693, л. 7].

Рис. 52. Золотой шлем из кургана на мысе Ак-Бурун, 1875 г. [авторская редакция; Толстой, Кондаков, 1889а, с. 46, ил. 56].

2.9. Некрополи Нижнего Дона

Первые раскопки некрополя Недвиговского городища, т.е. *некрополя Танаиса*, были произведены ещё до создания Императорской археологической комиссии [Книпович, 1949, с. 17]. Из сотрудников ИАК здесь в 1867 г. предпринял исследования В.Г. Тизенгаузен, раскопавший несколько «продолговатых насыпей», в которых были открыты сплошные ряды гробниц. В общей сложности было обнаружено 50 могил, но лишь две из них оказались неграбленными [см.: ОАК, 1867, с. XX-XXI; Книпович, 1949, с. 19; Шелов, 1961, с. 6; 1970, с. 8-9]. Тогда же в скальном основании возвышенностей, на которых расположено городище, В.Г. Тизенгаузен попытался найти древние катакомбы, но эта попытка не увенчалась успехом [ОАК, 1867, с. XXII].

П.И. Хицунов, проводивший раскопки Недвиговского городища в 1870 г. (см. ниже), не обошёл вниманием и некрополь [1869 г., д. 10, л. 39 сл.; см.: ОАК, 1870-71, с. XXIII-XXIV; Книпович, 1949, с. 20; Шелов, 1961, с. 6; 1970, с. 8-9]. Он тоже открыл здесь грунтовые могилы, точное количество которых по причине неясности описаний установить невозможно; Д.Б. Шелов считал, что их было 13 [Шелов, 1961, с. 6]. Почти все могилы не содержали ярких находок и, по заключению исследователя, принадлежали людям бедным. На курганном некрополе П.И. Хицунов предпринял раскопки трёх курганов. Только в одном из них была обнаружена гробница, заслуживающая внимания: грунтовая яма длиной 2,85 м, в которой находился костяк мужчины исполинского роста – выше сажени (2,13 м). При костяке были обнаружены: грубая медная кружка, длинный меч, два ножа и несколько железных наконечников стрел [1869 г., д. 10, л. 39 об.].

Ниже будет сказано, что в 1871 г. П.И. Хицунов провёл раскопки на Елизаветовском городище в дельте Дона. Нет сомнения, что этот район был тесно связан с Боспором. Обширный *Елизаветовский курганный некрополь* прилегает к городищу с востока, юга и запада [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 214]. Сколько курганных насыпей удалось здесь раскрыть П.И. Хицунову, мы не знаем, но почти все они показались исследователю пустыми [1869 г., д. 10, л. 66; см.: ОАК, 1870-71 с. XLII-XLIII]. Всего в 27 курганах он заметил признаки разграбленных могил, а захоронения были обнаружены лишь в 6. Все они были весьма бедными. После этого П.И. Хицунов решил провести раскопки огромных *Пятибратних курганов*, расположенных недалеко от Елизаветовского городища [см.: Шилов, 1961; Артамонов, 1966, с. 77-78]; по своему облику они напомнили ему Золотой и Царский курганы в Керчи [1869 г., д. 10, л. 66 об.]. Для исследования он выбрал два кургана. Насыпи обоих отличались необычной твёрдостью, поскольку состояли из слоёв сырцового кирпича, залитых клейким болотным илом. В конце концов в одном из курганов была открыта гробница (приблизительно 2,80 × 2,15 м, глубина – более 1,40 м), впущенная в материк, стенки которой были обложены камнем. Гробница имела деревянное перекры-

тие, поверх которого был уложен слой камыша. Внутри неё археолог нашёл лишь несколько лошадиных костей, бронзовые бляхи, колокольчики, части удила и пр. Погребение было явно ограблено, но исследователь не сомневался, что здесь был захоронен представитель местной варварской аристократии [1869 г., д. 10, л. 67 об.]. В.П. Шилов более обоснованно полагал, что П.И. Хицунов открыл погребение лошади в индивидуальной яме [Шилов, 1961, с. 152]³².

2.10. Изучение боспорских городищ

Интерес к руинам древних городов Боспора Киммерийского, как известно, пробудился довольно рано, и многие учёные и путешественники пытались так или иначе реконструировать историческую карту региона. Однако к раскопкам городищ археологи обратились относительно поздно.

Фанагория

Что касается исследований столицы азиатского Боспора, Фанагории, то после раскопок К.К. Гёрца в 1859 г. (см. главу 2.1) они были возобновлены И.Е. Забелиным. В 1864 г. ему, как известно, удалось сделать замечательное открытие в кургане Большая Близница (см. главу 2.5), но исследователь нашёл время и для работ в Фанагории. И.Е. Забелин заложил здесь несколько раскопов, но все старания археолога, по его собственным словам, «не привели ... ни к каким особенно интересным находкам» [1864 г., д. 14, л. 7]³³. В следующий раз раскопки были стимулированы очередной случайной находкой ещё одного эпиграфического документа, в котором упомянут боспорский царь Спарток, сын Евмела [1866 г., д. 1, л. 12-13; КБН, 974]. К раскопкам городища вновь был привлечён И.Е. Забелин [Паромов, 1993, с. 120-123; Панкратова, 2008а]. Пытаясь найти «древние мраморы», он в 1866 г. заложил раскопы на фанагорийских пепелищах между хуторами Семеняки и Боровика, но ничего не обнаружил [1866 г., д. 1, л. 32, 36, 40; см.: ОАК, 1866, с. XII сл.]. В 1868 г. близ хутора Боровика удалось открыть колодец квадратной формы, обложенный крупными необработанными камнями. Глубина его составляла более 3 м. Эта постройка лежала на глубине более 6 м от современной поверхности, в перекрывающих её слоях было найдено 90 амфорных ручек с клеймами, 20 медных монет и пр. [1868 г., д. 41, л. 27; см.: ОАК, 1868, с. IX].

В 1869 г. И.Е. Забелин продолжил исследования Фанагории [о них см.: ОАК, 1869, с. V; Кобылина, 1956, с. 7], при этом его особенно интересовал «акрополис

³² В.П. Шилов доследовал этот курган в 1959 г., обозначив его как Восьмой Пятибратний. Он открыл здесь каменную гробницу с дромосом, в которой находилось очень богатое аристократическое погребение [Шилов, 1961].

³³ Результаты раскопок оказались столь малоинтересными, что в ОАКе за 1864 г. о них нет даже упоминания. Краткая информация об этих исследованиях появилась позднее [ОАК, 1870-71, с. IV].

города». Под так называемой средней горой тогда было заложено несколько пробных траншей шириной и глубиной в одну сажень (2,13 м). Свои впечатления от раскопок исследователь выразил следующим образом [1869 г., д. 4, л. 10]:

«Местами в пробитых канавах открывались остатки фундаментов от самых простых, быть может, позднейших построек; но оснований городских зданий не оказалось. Хотя преждевременно делать какие-либо решительные заключения, но, видимо, основания древнего городища в первоначальном его виде уже не существует. Оно едва ли не дочиستا разорено, перекопано и пересыпано последующими обитателями здешней местности, начиная с хазар и оканчивая турками».

Несмотря на столь пессимистический вывод, на следующий год И.Е. Забелин был вынужден провести здесь своего рода спасательные или новостроечные работы, поскольку западная часть городища перешла в частное владение и стала использоваться под огороды [1870 г., д. 19, л. 2; см.: ОАК, 1870-71, с. III-V, XXXIII-XXXIV]. Особенно масштабными были его раскопки в 1872 г., они были сосредоточены в северо-восточном секторе центральной части городища. В результате этих раскопок были открыты основания стен древних построек, и И.Е. Забелин даже рапортовал С.Г. Строганову, что ему, наконец, удалось «впервые открыть действительно древнейший фундамент какого-то здания» [1872 г., д. 15, л. 3; см.: ОАК, 1872, с. III-VI]. Исследователю представлялось, что этот фундамент принадлежал храму. Действительно, он тогда обнаружил остатки довольно крупной постройки, внутри которой находилась глубокая могила. Костяк в ней лежал в весьма необычном для греческих некрополей положении – на боку, в несколько скорченном положении, к тому же он был засыпан дубовым углем. Любопытно и то, что каменные стены этой постройки имели весьма необычную систему кладки – вышележащие ряды камней выступали над нижележащими внутрь помещения. Такая система, как известно, характерна для боспорских склепов IV в. до н.э. с уступчатым перекрытием. В связи с этим можно высказать догадку, что И.Е. Забелин в 1872 г. открыл совсем не остатки храма, а героон, т.е. погребение какого-то заслуженного фанагорийца, который после смерти почитался как герой и был погребён внутри городской черты [Виноградов, 2010а].

Почти одновременно с И.Е. Забелиным в 1874 г. в северной и северо-западных частях городища пробовал копать В.Г. Тизенгаузен [Кобылина, 1956, с. 7], но он, как обычно, практически не оставил отчётов о своих исследованиях [см.: ОАК, 1874, с. XVI, XX]. В 1879 г. В.Г. Тизенгаузен вновь вернулся на Фанагорию и предпринял исследования в южной части городища, выходявшей на почтовую дорогу [ОАК, 1878-79, с. XLII-XLIV].

К 1880 г. в результате проведённых бессистемных работ городище было почти сплошь изрыто всякого рода траншеями. С.И. Верebrюсов, появившийся на

памятнике как раз в этом году, выразил свои впечатления следующим образом [1880 г., д 19, л. 33]:

«Обширные насыпи и пепелища между усадьбами Семеняки и Шапырева (быв. Боровика) были предметом изысканий многих археологов, истощавших все возможные усилия для открытия памятников древней Фанагории. Глубокие траншеи у подошвы возвышения, где находился акрополь, обширные раскопы на его северных окраинах и у морского берега надолго останутся видимым указанием трудов известнейших наших исследователей. В настоящее время только случайные открытия и особенно важные находки могут послужить поводом к подобным обширным работам. Я полагаю, однако, что при возобновляемых каждый год раскопках на Таманских берегах, могут быть допускаемы расследования хотя <бы> некоторых почему-либо выдающихся частей акрополя и насыпей прибрежной полосы, если по ходу прочих работ близ станции Сенной представляется это удобным».

Тем не менее, сам С.И. Веребрюсов именно в 1880 г. заложил раскоп (приблизительно 12,80 × 6,40 м, глубина – около 3,20 м) на площади акрополя, окружённой глубокими траншеями, над самой усадьбой Шапырева [см.: Паромов, 1993, с. 124]. Описывая характер культурных напластований, исследователь отметил, что под земляной насыпью, смешанной с пеплом, залегал слой, содержащий значительное количество обломков керамики различных форм, частей архитектурных деталей и пр. Этот слой подстилался земляным грунтом с примесью золы. Стен древних построек, как можно полагать, открыто не было. Образовавшийся глубокий раскоп, естественно, представлял опасность для домашних животных, принадлежавших местным жителям, и С.И. Веребрюсов решил засыпать его грунтом, как не представляющий «никаких особенных показаний» [1880 г., д. 19, л. 33-34; см.: ОАК, 1880, с. XI-XII].

М.И. Ростовцев, оценивая результаты всех этих работ на городище Фанагория, отметил, что они не дали и не могли дать никаких научных результатов, поскольку исследователи не ставили перед собой чётких вопросов, на которые раскопки могли бы дать ответ. Не были установлены границы города, не найдена его оборонительная система, обнаруженные находки не связывались с конкретными культурными слоями и т.д. По его мнению, эти раскопки «были скорее вредны, чем полезны» [Ростовцев, 1925, с. 263]. Их единственным ценным результатом можно считать находку нескольких важных для понимания истории Боспора эпиграфических памятников.

Гермонасса

На городище, расположенном на месте современной Тамани, раскопки были предприняты в 1868 г., руководил ими В.Г. Тизенгаузен. Об этих исследованиях мы знаем очень немного [1868 г., д. 40, л. 3; см.: ОАК, 1868, с. IX], но

всё-таки больше, чем о раскопках этого автора в Фанагории. Из краткого отчёта известно, что он заложил «широкий и глубокий разрез» в прибрежной части городища. Как ему представлялось, исследования были доведены до материка, при этом в нижних горизонтах культурных напластований было обнаружено скопление дикарного камня, обломки мрамора и фрагменты различных керамических сосудов, среди которых встретился фрагмент «с чёрными фигурами этрусского стиля», т.е., скорее всего, обломок аттического чернофигурного сосуда, головка от терракотовой статуэтки, несколько медных монет и т.д. В одном из «колодезобразных углублений, проходящих через всю насыпь и через лежащий под нею материк и служивших, кажется, сточными трубами» была обнаружена амфора с клеймом на горле и фрагментированный краснофигурный кратер. Кроме того, В.Г. Тизенгаузен подверг раскопкам часть насыпи возле двух старинных колодцев, но никакой ясной картины здесь тоже не получил.

Семибратнее городище

В.Г. Тизенгаузен, говоря о планах работ на 1876 г., отметил, что было бы интересно исследовать некоторые части городища, лежащего неподалеку от курганов группы Семь Братьев [1875 г., д. 3, л. 19], но раскопки здесь были проведены лишь в 1878 г. Городище изучалось «пробными канавами», в результате чего было выяснено, что поселение окружала толстая стена, высота которой достигала 4,5 аршина (3,20 м). Стена была сложена из огромных, тёсаных, хорошо пригнанных друг к другу камней, лишь с северной стороны она состояла из мелкого плитняка. Раскопки внутри стен привели к открытию «слоёв мусора и земли», среди которых встречались фундаменты каменных построек. В одном из раскопов в южной части городища на глубине около двух метров было найдено «большое четырехугольное помещение, сооруженное из огромных тёсаных плит, выведенное в три ряда уступами, может быть, основание жертвенника» [1875 г., д. 3, л. 84; см.: ОАК, 1878-79, с. VIII-IX]. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, как видим, привели к открытию ряда важных археологических объектов, но они не были продолжены, и столица Синдского государства, как определяют Семибратнее городище многие современные исследователи, по существу ещё долгие годы оставалась практически неисследованной [Горончаровский, 2009, с. 150; Горончаровский, Иванчик, 2010, с. 221 сл.].

Другие городища Таманского полуострова

В 1872 г. в трёх верстах к востоку от Тамани близ Солёного озера и кирпичного завода А.Е. Люценко провёл небольшие раскопки какого-то «пепелища». Здесь были обнаружены обломки керамики, окислившиеся медные монеты и пр. [1872 г., д. 30, л. 54]. В.В. Соколов считал, что это городище находится за валом Фанагорийской крепости (т.е. крепости Фанагорийского полка А.В. Суворова), к востоку от неё [Соколов, 1919а, с. 46].

Несколько ранее В.Г. Тизенгаузен предпринял раскопки двух городищ, расположенных около начала косы Чушка. На одном из них (площадь – 0,35-0,40 га,

мощность напластований – около 3 м), которое исследователь посчитал известным из письменных источников Ахиллием [Strab. XI. 2. 6], было открыто каменное основание насыпи или обводной стены поселения, при возведении которого было использовано немалое число более ранних надгробий. Остатков жилых или хозяйственных построек В.Г. Тизенгаузен здесь не открыл, но обнаружил пифосы, кувшины, жернова, фрагменты терракотовых статуэток, боспорские монеты II–III вв. н.э. На втором, меньшем по площади городище остатков построек тоже открыто не было, да и состав находок был приблизительно идентичен первому памятнику [ОАК, 1870-71, с. XIII-XIV].

Уже говорилось, что в 1881 г. В.И. Веребрюсов провёл весьма масштабные раскопки на Таманском полуострове. В основном, его интересовали курганы (см. главу 2.7), но учёный обратил внимание также на городище, расположенное около станицы Титоровской, точнее, у северной подошвы горы, известной как Дубовый рынок [1881 г., д. 7, л. 35; см.: ОАК, 1881, с. XVII]. В этих «пепелищах» было заложено несколько разведочных раскопов, которые практически не задокументированы. Правда, на основании своих наблюдений автор сделал заключение, что «жилища здешних обитателей возводились не из камня, а из земляного кирпича» [1881 г., д. 7, л. 36; ОАК, 1881, с. XIX].

Пантикапей

А.Е. Люценко предпринял первую попытку изучения Пантикапея через четыре года после раскопок К.К. Гёрца в Фанагории. Осенью 1863 г. были проведены раскопки на Биржевой площади, возле Таманской пристани. Они были вызваны тем, что несколько лет назад здесь на глубине порядка 2 метров были обнаружены фрагменты мраморных архитектурных деталей и постаменты от статуй с греческими надписями. На Биржевой площади был заложен раскоп (приблизительно 12,10 м × 3,20 м), на котором была достигнута глубина 2,50 м от современной поверхности, после чего здесь стала выступать грунтовая вода и работы стали невозможны. Несмотря на очевидную неудачу исследований, на раскопе был обнаружен карниз из белого мрамора [1863 г., д. 6, л. 29].

В 1864 г. директор Керченского музея провёл раскопки на террасах горы Митридат около памятника И.А. Стемпковскому [см.: ОАК, 1864, с. XIV; Блаватский, 1951, с. 17, 26], к чему его побуждали просьбы С.Г. Строганова найти здесь «какие-либо фрагменты из мрамора, замечательные по сохранившимся на них надписям или по художественной их работе» [1864 г., д. 9, л. 3]. Как видим, перед исследователем ставилась задача вполне «кладоискательская», да и раскопки он проводил по методике, практиковавшейся в то время при исследовании курганов: от подошвы насыпей к их центру закладывались траншеи, от которых делались ответвления в виде минных галерей.

Небольшие фрагменты мраморных скульптур тогда действительно были найдены, обнаружили даже золотую цепочку [1864 г., д. 9, л. 7], и А.Е. Люценко выразил надежду, что раскопки на Митридате приведут «к какому-нибудь

замечательному открытию» [там же, л. 8]. Однако работать приходилось на пепелищах древнего города, заключающих в себе могилы, которые исследователь интерпретировал как генуэзские. В основании этих насыпей были выявлены нижние части стен, небрежно сложенных из дикарного известняка, но археологическая методика того времени никак не позволяла связать их в сколь-нибудь ясную картину. Никаких планов раскопов или рисунков стен не делалось, не предпринималось и попытки их датирования. Единственный объект, который был интерпретирован более-менее надёжно, – это цистерна, «вырубленная в скале и покрытая внутри чрезвычайно крепким цементом». Её глубина составляла 2 сажени (4,26 м), а поперечник – не более 1 сажени (2,13 м). Эта цистерна имела жёлоб, направленный от неё в глубину террасы [1864 г., д. 9, л. 16; см.: ОАК, 1864, с. XV].

В золистых насыпях, естественно, было найдено множество обломков античной керамики, десятки амфорных ручек с клеймами, немало медных монет и т.д. Среди обнаруженных надписей имеются чрезвычайно любопытные [1864 г., д. 9, л. 15-17]: проксения Перисада пирейцу [КБН, 1], посвящение Деметре при архонте Левконе [КБН, 8], посвящение Маниса Гераклу [КБН, 16] и часть списка имён, начинающегося с Кефисодота [КБН, 110].

В 1865 г. в раскопках на территории Керчи произошли некоторые изменения. Дело в том, что итальянец Иосиф Калькани, проживавший на Босфорской улице, во время хозяйственных работ во дворе своего дома обнаружил весьма ценные скульптурные находки (рис. 54): торс большой статуи Диониса, голову в венке из виноградных гроздьев, часть правой ноги и правой руки, небольшой торс, как тогда считали, тигра, но, вероятнее, леопарда и пр. [1865 г., д. 9, л. 31-32]. Когда А.Е. Люценко узнал об этих открытиях, то во дворе Калькани и, по всей видимости, в соседнем с ним дворе Войтенко были проведены раскопки, в результате которых обнаружены головки от мраморных статуй, часть плеча скульптуры, обломок лапы леопарда или барса и пр. [1865 г., д. 9, л. 32; см.: ОАК, 1865, с. VIII-IX]. Перечисленные находки можно рассматривать как свидетельство того, что в районе дворов Калькани и Войтенко в древности находилось святилище или даже храм, посвящённый Дионису [ср.: Блаватский, 1951, с. 20; 1964, с. 88], но полностью он раскрыт не был, да и археологи как будто к этому совсем не стремились, будучи удовлетворены находками обломков мраморных статуй.

В самом конце 1865 г. керченский мещанин Дм. Иванов сделал ещё одну любопытную находку. Он добывал камень у памятника И.А. Стемпковскому и обнаружил здесь часть мраморной скульптуры, изображающей женщину, сидящую на дельфине, т.е. Нереиду. Сделанные находки заставили А.Е. Люценко запланировать раскопки насыпей, в которых местные жители добывали камень [1865 г., д. 9, л. 39; см.: ОАК, 1866, с. III]. Обстоятельства находки позволяют в полной мере осознать, что для керченских обывателей руины Пантикапея слу-

жили своего рода каменоломней, и городское начальство тогда никак этому не препятствовало.

Раскопки на Митридате были продолжены в 1867 и 1868 гг. [рис. 55; 1867 г., д. 11, л. 7, 58, 59; 1868 г., д. 41, л. 54-55, 58; см.: ОАК, 1867, с. III; 1868, с. III-IV]. А.Е. Люценко признавал важность изучения городища, по этому поводу он даже писал [1867 г., д. 11, л. 59]:

«Вообще, разрытие древних пепелищ, столь многочисленных в окрестностях Керчи и Тамани, представляет большой интерес, но оно обходится слишком дорого и по недостатку места для помещения земли, вынимаемой из раскопов, сопряжено с большими неудобствами, ибо сваливать её на места, ещё не расследованные, не совсем разумно».

Наряду с прочим, данное замечание может служить свидетельством, что директор Керченского музея вполне осознал необходимость удаления отвалов с поверхности городищ. Однако весной 1868 г. раскопки А.Е. Люценко привели к серьёзному конфликту между археологами и керчь-еникальским градоначальником А.А. Спицыным-Первым [см.: Виноградов, 2008]. В рапорте С.Г. Строганову директор музея сообщил, что градоначальник Спицын, находя археологические раскопки «уродующими гору Митридат и отнимающими у неё благообразный вид со стороны города и моря», 26 апреля официально потребовал прекратить их, что и было исполнено 4 мая 1868 г. А.Е. Люценко приложил к рапорту всю переписку, возникшую по этому поводу между ним и градоначальником, прося графа предложить господину Спицыну не стеснять его в дальнейшем проведении раскопок [1868 г., д. 41, л. 12]. Копии прилагаемых к рапорту документов, на мой взгляд, очень любопытны и выразительны. Среди них – копия отношения керчь-еникальского градоначальника к директору музея, направленного 26 апреля, в котором он «покорнейше просит» археолога безотлагательно прекратить раскопки на горе. Причины, по которым было принято такое решение, столь ярко обозначены, что необходимо привести цитату:

«Проводимые Вашим Превосходительством археологические разыскания на горе Митридат не только уродуют эту гору, отнимая у неё благообразный вид с города и моря, но даже выкопанною землёю закопана большая часть дороги, ведущей по склону горы к Александровской церкви, засыпается каменная лестница, стоящая огромных денег городу, и кроме того, что гораздо важнее, раскопки Ваши до того подкопали на горе каменную скалу, что она грозит падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья» [1868 г., д. 41, л. 14].

Более того, А.А. Спицын полагал, что археология – наука пустая, которую

он не любит, и считает, что она, может быть, и нужна учёным, но совершенно бесполезна для общества [1868 г., д. 41, л. 9]. Итак, основные пункты предъявленных обвинений предельно ясны. Как же защищался А.Е. Люценко? В ответ на эту бумагу он 13 мая направил свою, в которой сообщил о прекращении раскопок, но счёл должным заявить следующее [1868 г., д. 41, л. 17-18]:

1. «Археологические изыскания на г. Митридат предприняты по желанию ИМПЕРАТОРСКОЙ (все буквы в этом слове автор написал заглавными – Ю.В.) археологической комиссии с целью открытия “древних мраморов”. Раскопки проводились по специально составленному плану “на перевал”, то есть по такой системе, когда ранее сделанные раскопы засыпались отвалом из других, более поздних. Эта система засыпки со временем возвратила бы горе её прежний вид, но раскопы, остановленные на полпути и стоившие значительных издержек, такого результата дать не могут.
2. Благообразный вид горы уродуется не столько от деятельности археологов, сколько от раскопок местных жителей, которым позволено на Митридате добывать камень с уплатой десятины откушнику городских каменоломен. Со стороны этого откушника, однако, за деятельностью добытчиков камня нет никакого присмотра.
3. На дорогу, ведущую по склону к Александровской церкви, археологи не вывезли ни единой тачки земли. Отвал уложен аккуратно выше дороги, и, если при дожде часть его обвалится, то всё будет немедленно очищено.
4. Таким же образом археологи не повинны в засыпке каменной лестницы, ведущей на гору, поскольку та вообще значительно удалена от заложенного раскопа. Лестница эта, при которой нет сторожа, засыпана мальчишками, которые ищут по её сторонам древние монеты, а земля от их деятельности попадает на ступени.
5. Наконец, никакие скалы, “которые грозили бы падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья”, археологи не подкапывали. Что касается огромной скалы, которая возвышается с правой стороны от раскопа, то она находится в этом положении “с незапамятных времён”».

Из объяснений А.Е. Люценко, как видим, следует, что неэстетичный вид горы Митридат был связан, прежде всего, с непродуманными действиями властей, сделавшими из древних руин настоящую каменоломню, а также с деятельностью керченских мальчишек, на которых любой власти очень трудно найти управу. Вообще же, по мнению директора музея, «вершина горы Митридат уже давно обезображена раскопками, произведёнными на ней искателями кладов» [1868 г., д. 41, л. 16].

На это послание градоначальник отреагировал письмом от 17 мая, при этом уже значительно смягчив свою позицию. Происшедшую метаморфозу, вероятнее всего, следует объяснять тем обстоятельством, что А.А. Спицын-Первый, возможно, впервые в жизни узнал, что раскопки производятся не просто по прихоти чудаков-учёных, а по решению Императорской археологической комиссии, а, значит, сам государь император совсем не считает археологию наукой пустой и бесполезной для общества. Ясно, что керчь-еникальский градоначальник в этом отношении неожиданно для себя попал в весьма неловкое положение. В общем, он уже не имел претензий по поводу дальнейшего производства раскопок на Митридате при условии, что все углубления будут засыпаны землёй (почему-то чиновник упорно называл раскопы углублениями). Вместе с тем, в его послании появилось новое, чрезвычайно важное обстоятельство, которое могло бы подкрепить занятую им ранее непримиримую позицию, – раскопки могли быть продолжены только при том условии, если Инженерное ведомство не выразит к этому претензий. Дело в том, что, как следовало из его слов, местность на горе была отведена этому ведомству для строительства укреплений. В заключение директору музея ещё раз указывалось: «Независимо от изложенного, имею честь покорнейше просить теперь же распоряжения Вашего Превосходительства о засыпке всех углублений и раскопок, сделанных Вами в разных направлениях горы Митридат» [1868 г., д. 41, л. 15].

На послание градоначальника с новыми указаниями и предостережениями А.Е. Люценко ответил 21 мая. В своём очередном письме он заявил, что по случаю дороговизны рабочей силы и своего отъезда на Таманский полуостров для проведения раскопок не может приступить к засыпке раскопов, но обещает, что постепенно к концу этого года или к началу следующего, когда археологические изыскания на Митридате возобновятся, это будет выполнено. Что же касается приказа о засыпке «всех углублений и раскопок», то по этому поводу Спицыну-Первому было рекомендовано обратиться непосредственно в Императорскую археологическую комиссию, ибо директор музея сам по себе не может провести столь масштабные работы, требующие огромных издержек. В отношении Инженерного ведомства в ответе А.Е. Люценко было отмечено, что оттуда в музей ещё не поступало никаких требований о прекращении раскопок на горе Митридат. По его мнению, этого вообще было трудно ожидать, поскольку масштабы археологических раскопок слишком незначительны в сравнении с работами, обычно проводимыми этим ведомством [1868 г., д. 41, л. 16].

Из приведённой переписки нетрудно понять, что директор Керченского музея древностей в конфликте с керчь-еникальским градоначальником вел себя достаточно уверенно, по существу не уступив ему ни по одной из позиций. За своей спиной он явно чувствовал серьёзную поддержку, и эта

поддержка заключалась в существовании Императорской археологической комиссии. Каким же образом на спор градоначальника и директора музея отреагировала эта авторитетная организация? Что предпринял по этому поводу её председатель С.Г. Строганов? 30 сентября 1868 г. он направил два письма: одно – А.Е. Люценко, другое – градоначальнику Спицыну. В первом он порекомендовал археологу при проведении раскопок «стараться засыпать, насколько возможно, слишком большие углубления». С.Г. Строганов просил также А.Е. Люценко связаться с местным Инженерным ведомством и выяснить, на каком именно месте горы Митридат предполагается строить укрепления и не будет ли со стороны этого ведомства препятствий «в предварительном расследовании этой части в археологическом отношении» [1868 г., д. 41, л. 34], то есть, выражаясь современным языком, в проведении новостроечных работ.

Письмо к керчь-еникальскому градоначальнику выдержано несколько в ином тоне. Граф сообщил А.А. Спицыну-Первому, что проинформирован о его распоряжении прекратить раскопки на горе Митридат и причинах, которыми такое решение было вызвано. Все они признаны несущественными. В конце послания в словах высокопоставленного чиновника явно чувствуются металлические нотки. С.Г. Строганов посчитал своим долгом просить градоначальника «допустить г. Люценко к продолжению этих раскопок, обещающих доставить ещё много разных интересных археологических памятников» [1868 г., д. 41, л. 33]. На такую просьбу, разумеется, было очень трудно дать отрицательный ответ. В общем, раскопки «пепелищ» на горе Митридат были продолжены [1869 г., д. 4, л. 46; 1870 г., д. 23, л. 25, 38; 1874 г., д. 10, л. 84, 104-105; 1876 г., д. 20, л. 28; 1878 г., д. 16, л. 32; см.: Блаватский, 1951, с. 17, 19].

В 1870 г. рядом с часовней И.А. Стемпковского был обнаружен фундамент древней постройки, а среди вещевых находок – мраморный торс Геракла [ОАК, 1879-71, с. XIX]. В 1871 г. в «пепелище» около церкви Александра Невского был открыт водосток, связанный с цистерной, глубина которой составляла более двух метров (рис. 56; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXIX-XL). На вершине горы Митридат в том же году обнаружены остатки стен, сложенных небрежно из кусков камня, но они были столь фрагментарны, что восстановить план постройки не представилось возможным. А.Е. Люценко по этому поводу лишь заметил: «Можно только с некоторой вероятностью отнести их к тому периоду времени (535 г. по Р.Х.), когда император Юстиниан приказал возобновить стены Пантикапея (Воспора), разрушенные гуннами» [1871 г., д. 16, л. 8, 28]³⁴.

На южной покатости горы Митридат в 1872 г. были открыты остатки круп-

³⁴ А.Е. Люценко в данном случае, вероятнее всего, опирается на свидетельство Прокопия Кесарийского: «Особенно он (Юстиниан – Ю.В.) укрепил стенами Боспор; с давних времён этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян» (Просор. De aedif. III, 7, 12; перев. П.С. Кондратьева).

ной постройки (рис. 57). Монументальные стены, сложенные из рустованных блоков, позволяют считать её общественной. Надо признать, что во время раскопок на склонах Митридата археологи находили немалое количество весьма любопытных предметов, к примеру, фрагмент краснофигурного кратера с изображением женщины, моющей волосы (рис. 58).

В 1876 г изучение «пепелищ» горы Митридат было продолжено [см.: ОАК, 1876, с. XXX-XXXI; Блаватский, 1951, с. 17]. В декабре этого года после сильных дождей произошёл обвал насыпи у церкви Александра Невского. В образовавшемся разрезе Ф.И. Гросс увидел фрагменты разноцветной мозаики и обломки архитектурных деталей, которые, возможно, были сброшены сюда с вершины горы Митридат. В 1877 г. здесь были проведены археологические исследования [1877 г., д. 8, л. 3, 4, 6; см.: ОАК, 1877, с. XII-XIII; Блаватский, 1951, с. 18, 20, 26], которые, в частности, привели к открытию надписи с посвящением Афродите Урании, владычице Апатура, за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота [КБН, 75].

Вскоре после этого, 26 мая 1877 г., раскопки в Керчи и её окрестностях вообще были прекращены, а керчь-еникальский градоначальник даже потребовал от А.Е. Люценко подготовить музей к возможной эвакуации в Тамань [1877 г., д. 8, л. 7, 8, 11]. Причина такого необычного решения кроется в том, что тогда началась очередная Русско-Турецкая война (1877–1878 гг.), и нападение противника на Крым, казалось, по крайней мере, вероятным. Угроза такого нападения, однако, оказалась сильно преувеличенной, и раскопки были возобновлены 5 сентября 1877 г. [1877 г., д. 8, л. 15].

В 1878 г. в изучение пантикапейских «пепелищ» включился Н.П. Кондаков [1878 г., д. 11, л. 7; см.: ОАК, 1878-79, с. XVIII-XIX]. Он провёл раскопки на северной покатости горы Митридат, в результате чего обнаружил, что мощность культурных напластований здесь достигает 8 аршин (почти 5,70 м).

Вскоре Военное инженерное ведомство вновь заявило о намерении открыть обширные работы на горе с 1880 г. «для устройства эспланады и возведения крепостных верков» [1879 г., д. 6, л. 3]³⁵. Проведение этих работ, естественно, очень обеспокоило директора музея С.И. Веребрюсова. В 1880 г. на северной покатости Митридата вновь были проведены раскопки, на сей раз имевшие большую нацеленность на конкретный археологический результат. Они были связаны с тем, что в 1879 г. здесь обнаружены терракотовые статуэтки, дававшие возможность предполагать, что где-то поблизости находилась мастерская по их изготовлению или лавочка по продаже [1880 г., д. 19, л. 10]. Раскопки на площади 3 × 3 сажени (6,40 × 6,40 м) были доведены до глубины 3,20 м, где

³⁵ Эспланада (от фр. esplanade) – незастроенное пространство между крепостными стенами и ближайшими городскими постройками, облегчающее оборону в случае нападения противника. Верки (от нем. Werk) – различные укрепления в крепостях (брустверы, форты и пр.).

была обнаружена стена, сложенная из необработанных камней. С этой стеной каким-то образом была связана находка дикарного камня с круглым углублением (около 22 см в диаметре и до 18 см в глубину). Оно было заполнено массой, полученной от растирания керамических фрагментов, – шамотом; площадь около камня также была покрыта слоем такого же шамота. С.И. Верebrюсов предположил, что именно из этой массы изготавливались терракотовые статуэтки [1880 г., д. 19, л. 9-10].

Мирмекий

Археологические исследования этого боспорского городка, лежавшего на северной оконечности Керченской бухты, были затруднены тем обстоятельством, что на его руинах в 1827 г. был размещён Новый карантин. Однако в 1863 г. А.Е. Люценко попытался раскопать две обширные насыпи, лежавшие за восточной оградой карантина. Первая из них имела форму конуса, а вторая тянулась по берегу пролива, упираясь в подошву скалистого холма у самого берегового обрыва. Обе насыпи состояли из «наносов глины, смешанной с золою, черепками битой посуды и морскими ракушками». В первой из насыпей было открыто сооружение, интерпретированное исследователем как кладовая для хранения зерна [рис. 59; 1863 г., д. 6, л. 30; см.: ОАК, 1863, с. XV]. В.Ф. Гайдукевич отказался от такого понимания, справедливо усмотрев в постройке остатки первой мирмекийской винодельни [Гайдукевич, 1941а, с. 101; 1959, с. 10-11]. Во второй насыпи, тянувшейся к обрыву берега моря, А.Е. Люценко не обнаружил никаких строительных остатков. На материке здесь лежали лишь беспорядочно расположенные камни; всю насыпь исследователь трактовал как террасу, ведущую к холму на обрыве берега [1863 г., д. 1, л. 30-31].

В.Ф. Гайдукевич по поводу этой насыпи не высказал никаких соображений [Гайдукевич, 1941а, с. 102], тем не менее результаты раскопок А.Е. Люценко наводят на некоторые размышления. Дело в том, что сейчас весьма сложным представляется вопрос о восточном секторе фортификации Мирмекия. Все старинные планы выводят её южный конец к небольшому мысу, за которым в море находятся живописные скалы [см.: Гайдукевич, 1941а, с. 98-99; 1959, с. 5; Тункина, 2002, рис. 47], но восточная стена городища Мирмекий, открытая раскопками В.Ф. Гайдукевича, находится почти в 50 м к западу от него [Чистов, 2006, с. 196]. Что же представляют собой линии «валов», отмеченные на всех этих планах, и как восточный «вал» соотносится с более западными городскими укреплениями, пока остается непонятным. Совсем не исключено, что этот восточный «вал» является еще одним мирмекийским зольником, во всяком случае, структура его напластований такому предположению не противоречит. Вполне возможно, что жители Мирмекия стали ссыпать здесь золу, сообразуясь с линией укреплений, в результате чего образовался вал, к оборонительной функции не имеющий никакого отношения. Подобные зольные насыпи, к примеру, расположены около городища Илурат, вдоль его северо-

восточной и северо-западной оборонительных стен, при этом мощность их напластований достигает 5,20 м [Гайдукевич, 1958, с. 136-137].

Нимфей

Первые раскопки, которые можно связывать с площадью городища, были проведены в 1876 г. Н.П. Кондаковым [ОАК, 1876, с. XXIX-XXX]. Исследователи Нимфея нового времени о них упоминают очень кратко [Худяк, 1962, с. 6; Древний город Нимфей, 1999, с. 14-15], но в отчёте о своих работах этого года под Эльтигеном Н.П. Кондаков неоднократно упоминает об акрополе. Исследователь даже раскапывал здесь какие-то валообразные насыпи, из которых происходили некоторые находки: обломки керамики, светильники «грубой глины» и окислившиеся медные монеты. Н.П. Кондаков сопоставил эти валообразные насыпи с «намеренно насыпанными укреплениями» Ольвийского и Фанагорийского городищ [1876 г., д. 20, л. 21-22].

После него в 1878 и 1879 гг. на Нимфее провел раскопки С.И. Веребрюсов [ОАК, 1878-79, с. XXXIV-XXXV, XLVI-XLVII]. В 1878 г. им было заложено пять раскопов, причём почти во всех были обнаружены фундаменты древних построек, а в одном (№ 4) – зерновая яма, стенки которой были обложены камнем и оштукатурены [1878 г., д. 16, л. 19]. Летом 1879 г. работы проводились на возвышенной части, которая, как считали исследователи, составляла древний акрополь. На глубине до 2 метров были открыты остатки древних построек. Под каменным завалом обнаружен колодец, стенки которого были сложены из хорошо отёсанных плит. Сверху колодец был закрыт каменной плитой, так что на глубину около 4,25 м он оказался совершенно пустым. В этом же году раскапывалось «пепелище», в котором было найдено большое количество черепков посуды и пр.; материк под ним залегал на глубине не менее 4,80 м [1879 г., д. 6, л. 31-32].

Темир-гора

Исследования этого памятника были начаты П.И. Хицуновым в 1869 г., при этом он обратил внимание не только на тамошние курганы (см. главу 2.5), но и на остатки древнего поселения, которое археолог считал «однородным» с пантикапейским. Он начал раскопки «пепелища» на южной покатоности горы [ОАК, 1869, с. XI], ставя перед собой четкую задачу – «открыть фундаменты древних зданий или мраморы с надписями» [1869 г., д. 4, л. 28]. Важность надписей для изучения древней истории Боспора была понятна, так сказать, изначально, но значение древних фундаментов всё еще расценивалось весьма туманно. Однако П.И. Хицунов не открыл там даже фундаментов, ему попадались лишь одни обломки посуды. Более удачливым на следующий год оказался А.Е. Люценко, обнаруживший к западу от кургана остатки «обширных укреплений», стены которых были сложены из необработанных камней, а также цистерну довольно хорошей сохранности [рис. 60; 1870 г., д. 23, л. 22, 31; см.: ОАК, 1870-71, с. XXI-XXII]. В.Ф. Гайдукевич, изучивший все материалы

этих раскопок, пришёл к заключению, что на вершине Темир-горы находилась укреплённая сельская усадьба (*villa rustica*), в структуру которой входила винодельня. Усадьба существовала в первые века н.э., но возникла, вероятно, раньше, ещё в эллинистическое время [Гайдукевич, 1941б, с. 59; Кузнецова, 2002, с. 81].

В 1878 г. на Темир-горе провёл раскопки С.И. Веребрюсов, исследовавший «пепелище», расположенное с северо-восточной стороны от раскопанного прежде кургана (см. главу 2.5). Кроме того, тогда было заложено пять раскопов на южной покатости горы, в результате чего вскрыто ещё одно подобное «пепелище», состоявшее из глины и золы с включениями морских раковин. В них было обнаружено большое количество керамических фрагментов, в том числе с рельефным орнаментом в виде виноградной кисти [1878 г., д. 16, л. 26-27; см.: ОАК, 1878-79, с. XXXI].

Танаис

В начале 50 годов XIX в. уже достаточно надёжно было установлено соответствие Танаису городища, расположенного около хутора Недвиговка [Извлечение, 1855, с. 65-66; Книпович, 1949, с. 15]. В 1867 г. к раскопкам Недвиговского городища обратился В.Г. Тизенгаузен, который, как обычно, не оставил подробной информации о своих работах. Расследованная им часть Танаиса представляла собой «безобразную грудку дикарных камней от совершенно разрушенных строений, среди которых найдены лишь самые обыденные предметы домашнего хозяйства, как то: жернова, простые глиняные сосуды, целые и разбитые амфоры, терракотовые лампочки, грузила от неводов и несколько бронзовых монет III в. по Р.Х.» [ОАК, 1867, с. XIX-XX]. В.Г. Тизенгаузен провёл также исследования на большом насыпном холме, расположенном южнее городища, принимая его за курган. Весь этот холм состоял «из золы, перемешанной с черепками амфор и простых глиняных сосудов» и никаких гробниц не содержал [ОАК, 1867, с. XXII]. Вполне очевидно, что он провёл исследования на зольнике Танаиса.

В конце 1869 г. в Императорской комиссии стало известно, что при строительстве железнодорожной станции около хутора Недвиговка были открыты «какие-то древние подземелья, обложенные штучным камнем, несколько греческих надписей на мраморе и разные надгробные плиты» [1869 г., д. 10, л. 4]. По мнению С.Г. Строганова, все эти находки заслуживали внимания, их необходимо было осмотреть «сведущему лицу», снять планы построек, сделать рисунки и фотографические снимки. Атаман Войска донского, к которому С.Г. Строганов обратился с просьбой о содействии, попросил произвести осмотр древних руин директора Новочеркасской гимназии Родина. Тот осмотрел их вместе с художником Ознобшиным и определил это место как акрополь древнего Танаиса. О результатах осмотра он сообщал, в частности, что при добыче камня был обнаружен подземный ход, который, вероятно, являлся водопроводной галереей

(клоакой) древнего Танаиса или средневековой Таны. По этой галерее можно было свободно пройти 8 сажений (т.е. около 17 м), дальше проход сильно сужался [1869 г., д. 10, л. 8-9].

Проведение раскопок в 1870 г. было поручено П.И. Хицунову, который предпринял на городище и некрополе масштабные исследования и прислал в ИАК весьма содержательный отчёт [Книпович, 1949, с. 20; Шелов, 1970, с. 8-9]. Он начал свои работы с обследования обнаруженного там «подземного хода», признав его водопроводом или водостоком [1869 г., д. 10, л. 36 об.; см.: ОАК, 1870-71, с. XXIII-XXIV]. Основные работы исследователя были сосредоточены в восточной и юго-восточной частях городища, где практически повсеместно были выявлены остатки стен различных построек, обломки керамики, медные монеты и т.д. Обратив внимание на обожжённость многих камней, П.И. Хицунов пришёл к выводу, что «древний город истреблён преимущественно огнём» [1869 г., д. 10, л. 40].

В юго-восточном углу памятника было найдено огромное количество обломков мраморных плит, многие из которых имели надписи: 500 мелких и 200 крупных обломков, общий вес которых составлял более 42 пудов (около 680 кг) [там же, л. 37 об.]. Во время раскопок были открыты три глубокие ямы «отчасти наполненные золою и хлебным зерном»; среди находок зёрен исследователь выделил пшеницу и просо [там же, л. 38]. П.И. Хицунов обнаружил также две печи, одна из которых, по его определению, была предназначена «для плавления металлов или обожжения каменной (так в тексте – Ю.В.) посуды» [там же, л. 38].

В отношении керамических находок археолог верно заметил, что здесь нет «тонких раскрашенных черепков от посуды (т.е. расписных – Ю.В.)», как в Пантикапее или Фанагории [там же, л. 37]. Такая ситуация, конечно, связана с относительно поздним основанием Танаиса. П.И. Хицунов регулярно отмечал также находки амфорных ручек с клеймами, которые, скорее всего, принадлежат эллинистическому времени, т.е. являются самыми ранними материалами на городище.

За пределами городища исследователь обратил внимание на крупную насыпь и провёл на ней раскопки. О результатах этих работ он написал: «До самого низу холм насыпан был преимущественно из золы точь-в-точь как присыпи на горе Митридат, с той лишь разностию, что раскрашенных черепков от посуды не показалось, но в замен их обыкнов<енных> черепков, костей и стекла было оч<ень> много» [там же, л. 41]. Нет сомнения, что П.И. Хицунов, как и барон Тизенгаузен ранее его, предпринял раскопки танаисского зольника.

Елизаветовское городище на Дону

Крупнейшее городище восточной части Скифии, расположенное в дельте Дона, порой ошибочно отождествлялось с дополемоновским Танаисом [см.: Марченко,

Житников, Копылов, 2000, с. 12-14]. По решению Императорской археологической комиссии исследования здесь были предприняты П.И. Хицуновым в 1871 г., который опять же предполагал найти там древний Танаис [ОАК, 1870-71, с. XXV]³⁶. Вся площадь городища в то время была изрыта [1869 г., д. 10, л. 64 об.]. Заложенные П.И. Хицуновым шурфы имели небольшую площадь (от 4,5 до 20,5 кв. м), но результаты этих работ весьма любопытны [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 16-18].

Во всех раскопах было обнаружено «множество черепков от битой глиняной простой и лаковой чёрной посуды без рисунков, жжёной глины, земли и золы» [1869 г., д. 10, л. 65]. Отмечено также большое количество рыбьих костей и чешуи; в одном из раскопов чешуя залегала толстыми пластами. Это наблюдение позволило П.И. Хицунову сделать следующее заключение: «По всей вероятности, древнейшие обитатели этой местности преимущественно были ихтиофагами и занимались, как и теперешние казаки, главнейше рыболовством, а на открытом мною месте устроен был рыболовный (рыбообрабатывающий – Ю.В.) завод для приготовления рыбы» [там же, л. 65 об.]. Результаты современных исследований, в принципе, подтверждают это заключение – рыболовство действительно играло огромную роль в жизни обитателей Елизаветовского городища [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 176].

В культурном слое на одном из участков был обнаружен человеческий череп [1869 г., д. 10, л. 65]. Данная находка, вероятнее всего, не была случайной. Дело в том, что черепа или, скорей, отрубленные человеческие головы играли очень важную роль в религиозных представлениях местного населения. В 1979 г. в заполнении одной из полуземлянок, раскопанных на Елизаветовском городище, было выявлено несколько десятков человеческих черепов вместе с маленькими вотивными блюдечками [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 244-246, табл. 96, 1].

Чрезвычайно показательно также, что в одном из раскопов была обнаружена часть каменного фундамента, сложенного из дикарных камней [1869 г., д. 10, л. 65]. Совсем не исключено, что П.И. Хицунову удалось обнаружить остатки построек боспорской колонии, выведенной сюда после прекращения жизни на варварском городище приблизительно на рубеже IV–III вв. до н.э. Как показали раскопки 80 годов XX в., это поселение было застроено наземными домами со стенами, возведёнными на каменных цоколях [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 252 сл.]. «Не предвидя на городище ничего особенно замечательного в археологическом отношении и вообще встречая мало находок», П.И. Хицунов решил обратиться к раскопкам Елизаветовского курганного некрополя (см. главу 2.9).

³⁶ Мнение, что П.И. Хицунов провёл раскопки Елизаветовского городища в 1870 г. [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 14], ошибочно.

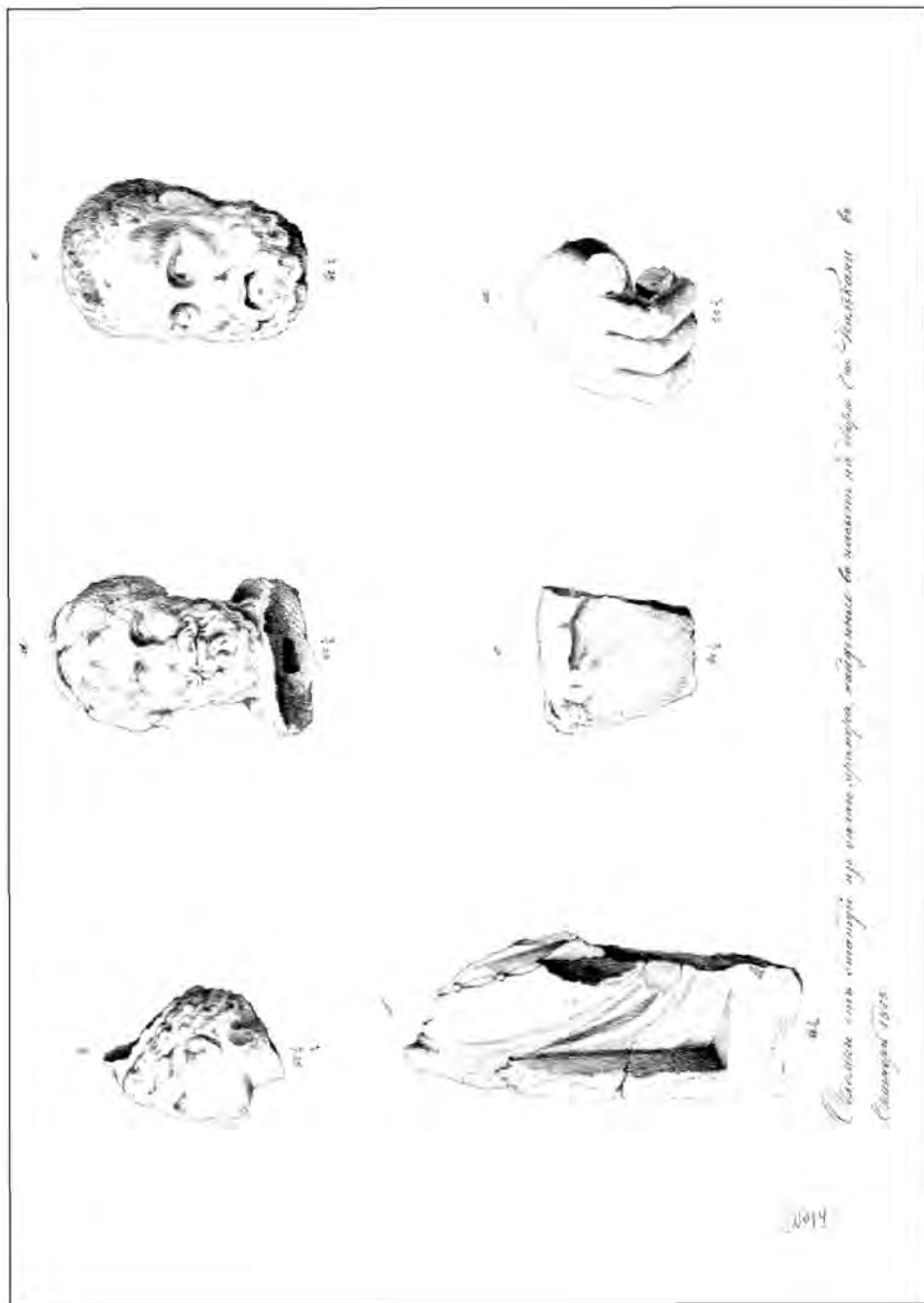

Рис. 54. Обломки мраморных скульптур, найденные во дворе И. Калькани в 1865 г. [Р. 1, № 692, л. 13].

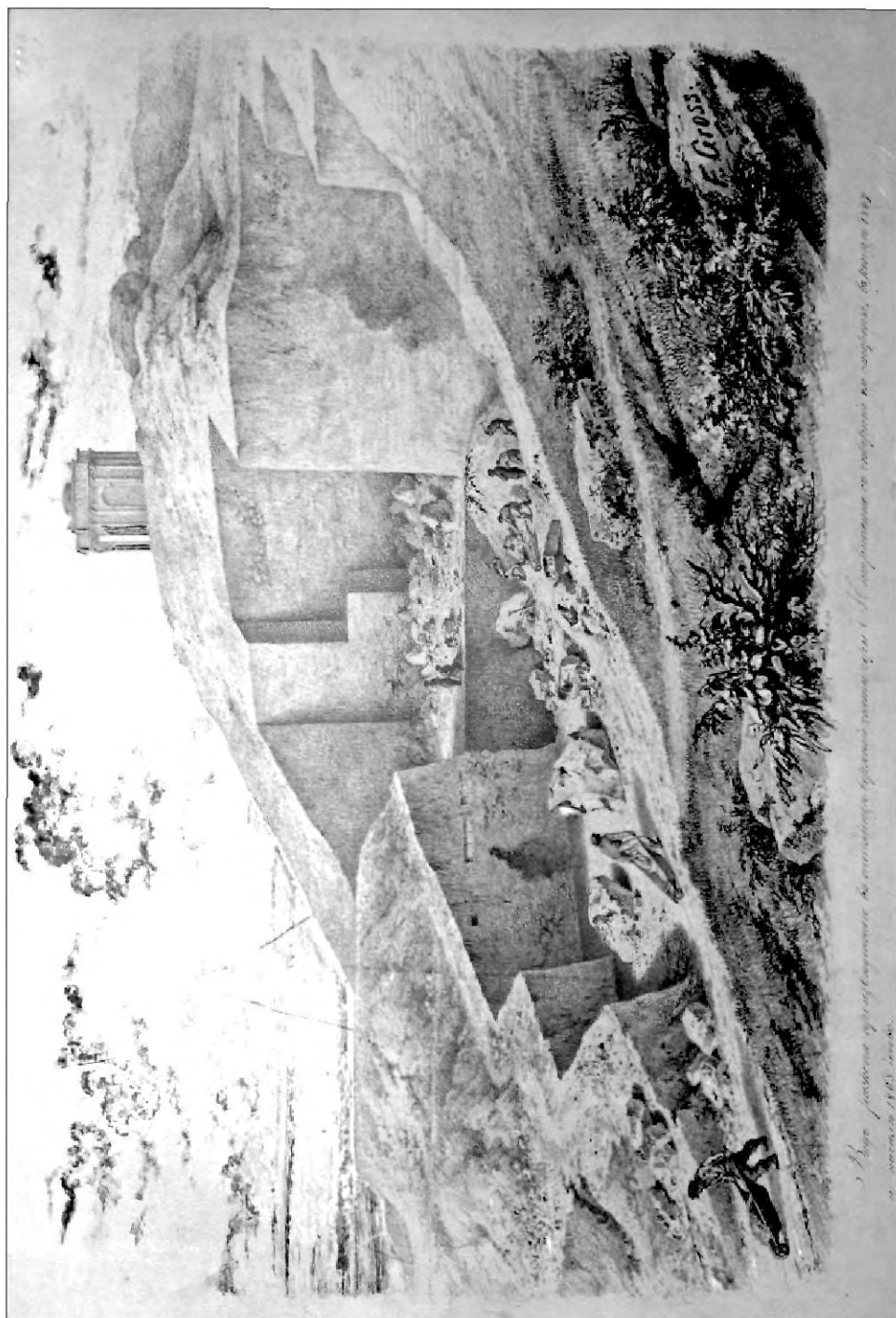
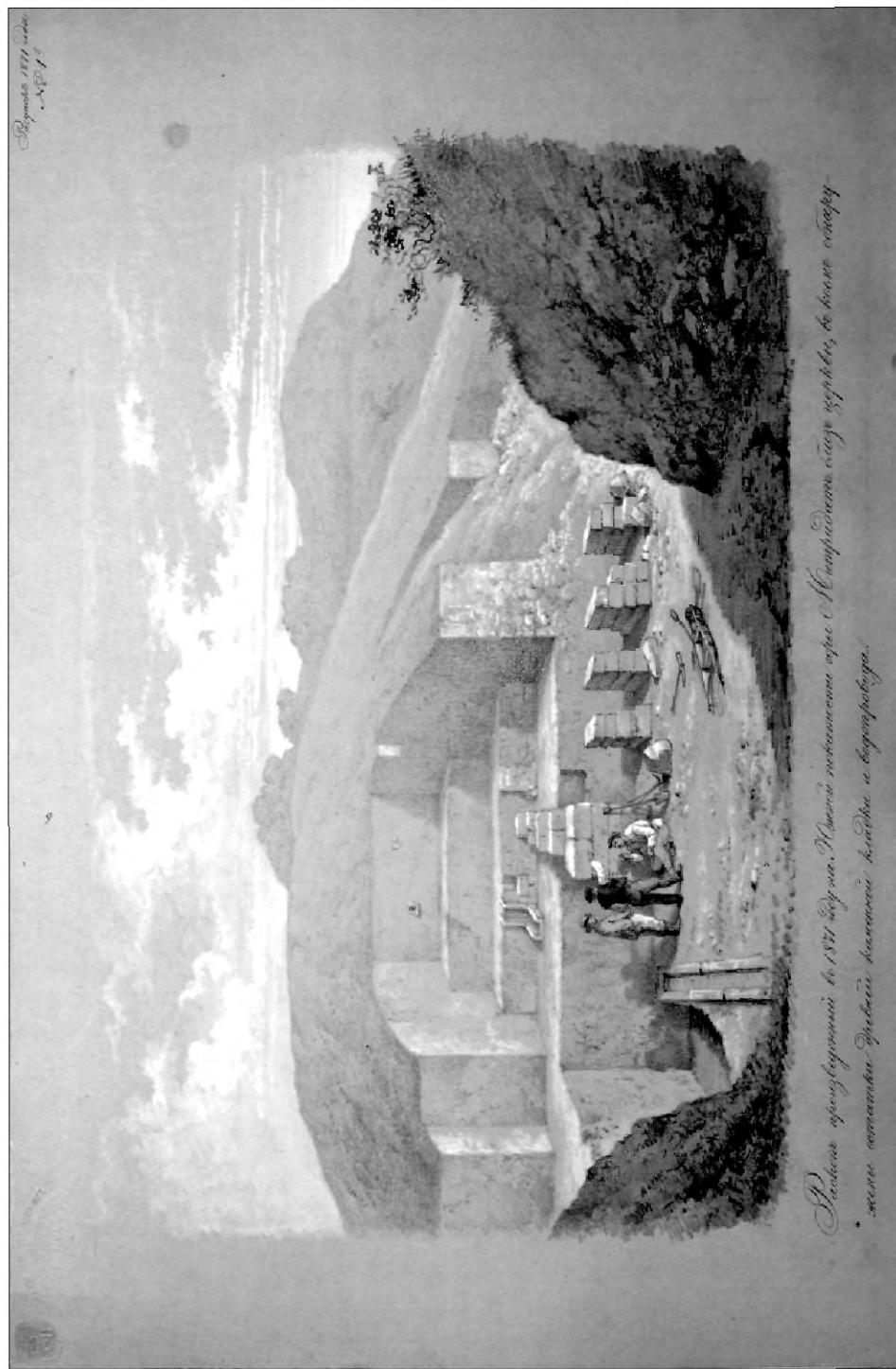

Рис. 55. Раскопки «пепелища» на северной стороне горы Митридаг в 1868 г. [Р. 1, № 565, л. 1]. Сверху – памятник И.А. Стемпковскому; в борту видна часть водопровода из керамических труб.

Раскопки французскими в 1871 году. Новой покатости горы Митридат в сторону южной покатости. Видны остатки древней каменной кладки и водопровода.

Рис. 56. Раскопки на южной покатости горы Митридат в 1871 г. [Р. 1, № 693, л. 13 об.].

Рис. 57. Остатки древней постройки, обнаруженной на южной покатости горы Митридат в 1872 г. [Р. 1, № 693, л. 24].

Рис. 58. Фрагмент краснофигурной вазы, найденный на северном склоне горы Митридат в 1872 г. [Р. 1, № 693, л. 19 об.].

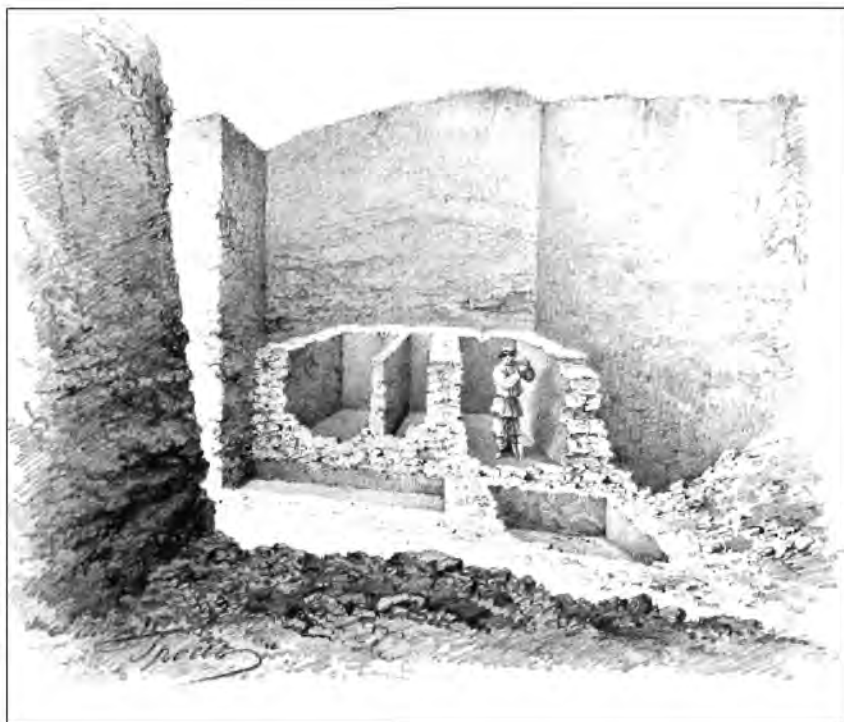
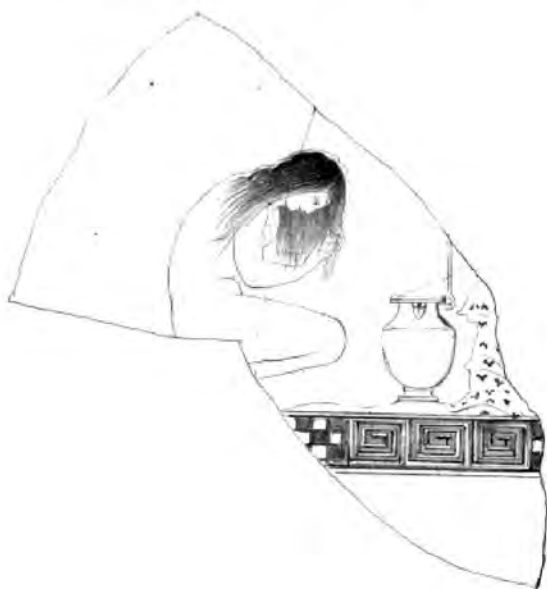

Рис. 59. Первая мирмекийская винодельня, открытая А.Е. Люценко в 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 10].

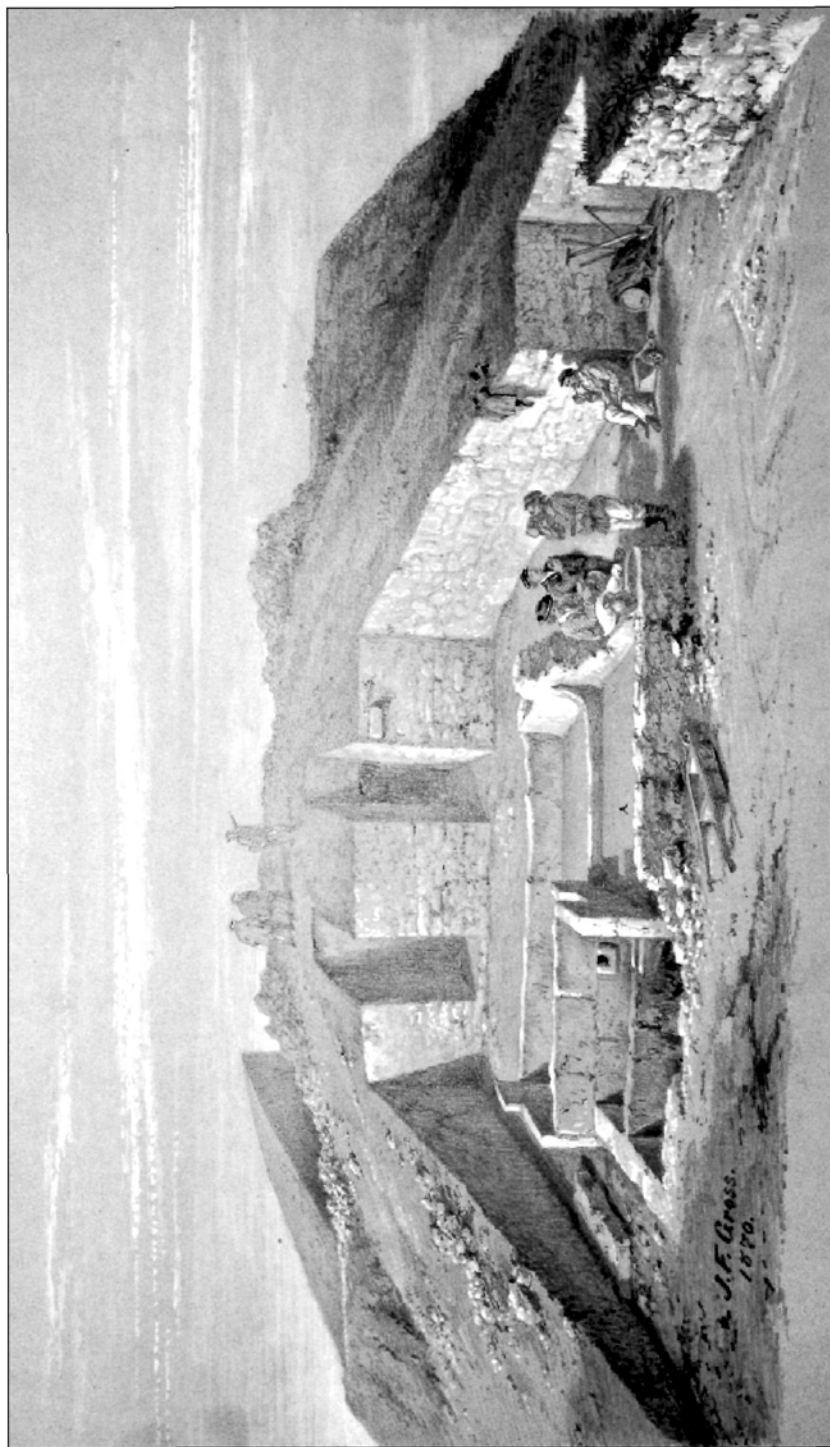

Рис. 60. Винодельня, открытая на Темир-горе в 1870 г. [Р. 1, № 564, л. 8].

2.11. Охрана памятников Боспора Киммерийского

Охрана открываемых памятников древности, как уже частично говорилось выше, в рассматриваемое время археологическое начальство занимала не очень сильно (см. главу 2.1-2.2; см. также: Пескова, Рябинин, 2009, с. 301). Имеющиеся документы дают основание считать, что для археологов того времени охрана памятников сводилась к защите курганов и грунтовых некрополей от грабителей древних могил. Об охране городищ речи вообще не шло, и они, как уже частично говорилось выше, с разрешения властей порой использовались для добывания строительного камня. Вопрос о реставрации древних памятников, защите их от человеческого вандализма и т.п. также почти не ставился. Местные жители без смущения брали глину из курганных насыпей для своих хозяйственных нужд, каменные склепы без должного надзора постепенно разрушались и т.д. Вполне очевидно, что допустить разрушение боспорских памятников, уже ставших известными во всём цивилизованном мире, конечно, было нельзя, однако противостоять этому печальному явлению без должной организации и специального финансирования было невозможно. В.Г. Тизенгаузен, опираясь на законодательные акты, даже заключил, что такая деятельность относится к сфере ответственности местных строительных комиссий и полиции, а отнюдь не к Императорской археологической комиссии [1864 г., д. 22, л. 1, 7].

Строго говоря, в то время в окрестностях Керчи были хорошо известны, по крайней мере, четыре памятника, о сохранности которых археологи должны бы были так или иначе позаботиться, это склепы, открытые в курганах Куль-Оба, Золотой, Царский и Мелек-Чесменский. Первый из них к 1875 г., как было сказано выше, был уже практически разрушен, не менее печальна и судьба Золотого кургана [см.: Виноградов, 2007]. С Царским и Мелек-Чесменским курганами дела обстояли иначе, хотя инициатива по принятию мер по их спасению, увы, исходила совсем не от Археологической комиссии.

В 1863 г. Керчь посетил наследник российского императорского престола великий князь Николай Александрович [1866 г., д. 7, л. 12]. Он, естественно, осмотрел достопримечательности, в том числе и Царский курган, отметив плохое состояние этого памятника. Царский курган в это время действительно имел жалкий вид: насыпь изрыта всякого рода ямами, около основания нагромождены кучи грунта, дромос был засыпан землёй и даже грозил обрушением (рис. 61). Высочайшее недовольство было доведено до руководства ИАК, и В.Г. Тизенгаузен незамедлительно отправился в Керчь, где обсудил с А.Е. Люценко меры по предотвращению дальнейшего разрушения этого памятника [см.: Гайдукевич, 1981, с. 29-32]. Поначалу они сводились к тому, что следует засыпать все ямы, образовавшиеся в насыпи при былых раскопках, восстановить вымостку пола склепа, разрушенные части дромоса и, наконец, построить около кургана караульный дом, в котором постоянно проживал бы сторож,

содержание которого представлялось возможным отнести на счёт керченского городского бюджета [1864 г., д. 22, л. 2]. В дальнейшем дополнительно было решено окопать курган рвом и валом [там же, л. 9]. Такие работы, естественно, требовали немалых денежных средств, но найти их было очень непросто. На помощь Государственного казначейства и, тем более, керченских властей надежда была не очень большой. По мнению В.Г. Тизенгаузена, на это можно было бы выделить 1000 руб. из средств, оставшихся в Керченском музее неизрасходованными после завершения полевого сезона, а дополнительные суммы получить за счёт открытия повсеместной добровольной подписки [там же, л. 2]. По этому поводу в газете «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства» от 1 ноября 1864 г. была напечатана его статья, в которой, в частности, говорилось [1864 г., д. 22, л. 4-5]:

«Керчь – город промышленный, занимающий счастливое положение между двух морей и при нынешних удобствах пароходного с ним сообщения посещаемый множеством любознательных путешественников, которых привлекает к нему в особенности классическая его почва, а потому богатые жители этого города, вероятно, сочтут за долг по мере средств своих содействовать поддержанию столь замечательного местного памятника древности. Нет также никакого сомнения, что и менее достаточные жители Керчи не только найдут возможным, но и вменят себе в обязанность уделить на это доброе дело хотя самую незначительную долю своих достатков».

При трезвом размышлении надеяться на щедрость керченских обывателей вряд ли приходилось, к тому же очень сомнительно, что все они регулярно читали «Полицейский листок», но В.Г. Тизенгаузен на проблему смотрел шире. В начале 1865 г. в Археологическую комиссию поступило письмо из Одесского общества истории и древностей. Её секретарь Н.Н. Мурзакевич посетил Керчь с целью осмотра курганов, и состояние Золотого и Царского вызвало у него огромные опасения. По этому поводу в письме говорилось [1864 г., д. 22, л. 6]:

«Золотой курган по давней запущенности и разрушению, сделанному керченскими жителями в прежнее время, теперь находится в таком положении, что его, если невозможно (очевидно, «и возможно» – Ю.В.), то очень дорого будет стоить восстановить».

Курган же Царский от прежних безотчётных раскопок по всей его наружной окружности близок к тому, что его свод просачивающеюся дождевою водою и засыпкою в непродолжительном времени может повредиться, а затем и обвалиться. Величественный коридор, построенный в египетском вкусе, уже начинает расхищаться своевольными окрестными

жителями. Необходимо спасти этот единственный древнейший памятник. Спасти гробницу можно не иначе, как 1) поручить её надзору *объездчиков*, 2) реставрированием египетского коридора, а во входе его *сделанием железной решетчатой двери* и 3) засыпкою землёю вершины и обочин кургана. Эта починка будет не дешева, тысяч пять или шесть рублей, но, производя её в несколько лет, издержка делается мало чувствительной для Императорской археологической комиссии, *заведывающей керченскими курганами*».

Ответ на это послание был составлен И.Е. Забелиным. В нём одесским коллегам указывалось, что керченские курганы совсем не находятся в ведении Археологической комиссии, *объездчики* в деле охраны кургана от разрушения мало эффективны, ИАК уже предпринимает меры к спасению Царского кургана, а Одесское общество могло бы посодействовать сбору денег на его реставрацию, объявив подписку для сбора добровольных пожертвований [1864 г., д. 22, л. 7].

Директор Керченского музея писал в Археологическую комиссию, что при огромности размеров Царского кургана (по его измерениям, высота насыпи составляла более 17 м, а длина её окружности – 320 м) приведение его в «первобытный вид» потребует больших денежных средств, но их у него не было. К тому же керченские власти затягивали с составлением проекта и сметы реставрации [1864 г., д. 22, л. 11]. Из Петербурга ему отвечали, что Археологическая комиссия совсем не требует приведения Царского кургана в «первобытный вид», а лишь требует принять меры к сохранению дромоса и склепа [там же, л. 9, 11 об., прим., 14]. А.Е. Люценко справедливо считал, что «устройство вокруг кургана рва и вала едва ли необходимо, если к нему будет приставлен караульный или сторож» [там же, л. 11], и в Комиссии с этим доводом как будто согласились. Керченский археолог указывал также на сложность реставрации дромоса, обращая внимание на следующее обстоятельство [там же, л. 12]:

«Нам совершенно не известно как понижался свод галереи по мере приближения её к подошве кургана и как устроен был вход в эту галерею. Известно только то, что они найдены были уже разрушенными. Реставрация их наугад была бы достойна не только сожаления, но и порицания».

Дело явно затягивалось, переписка со взаимными упрёками и указаниями на сложность мероприятия могла тянуться до бесконечности, и единственным человеком, который приступил к реальным работам по приведению Царского кургана в надлежащий вид, оказался А.Е. Люценко. Получив разрешение на использование денег, оставшихся неизрасходованными после раскопок 1864 г.,

он уже в марте 1865 г. убрал из дромоса накопившуюся там грязь, очистил основание насыпи перед ним от громоздившихся отвалов и даже заложил здесь небольшой раскоп. «Раскоп этот, – писал А.Е. Люценко, – обнаружил в расстоянии 6 саж. (12,80 м – Ю.В.) от начала галереи род ограды в виде треугольного вала, сложенного из неправильных камней разной величины, между которыми найдено несколько черепков от расписной глиняной амфоры» [1864 г., д. 22, л. 12]. Из этой краткой информации можно сделать заключение, что в IV в. до н.э. Царский курган был окружён оградой, сложенной из грубо обработанных камней.

Затем, опасаясь приближающейся осени, 20 августа 1865 г. А.Е. Люценко приступил к постройке караульного домика «по личному своему усмотрению», заключив договор с азиатским греком Константином Муратовым [1864 г., д. 22, л. 9; 1865 г., д. 9, л. 9]. Тот оказался замечательным мастером своего дела и справился с поставленной задачей быстро и качественно: верхняя часть свода дромоса была реставрирована, при кургане был построен караульный дом с сараем при нём. О других работах, проведённых на кургане, А.Е. Люценко не без гордости докладывал С.Г. Строганову [1864 г., д. 22, л. 18-19]:

«Кроме того, сделан в погребальной комнате означенной гробницы новый каменный пол с крыльцом за 75 руб. и засыпана исправленная часть свода галереи от начала ея до вершины кургана землёю в виде откоса с обкладкой его дёрном. Земляные работы по восстановлению Царского кургана, состоявшие: в поднятии разрытой вершины его, засыпке всех углублений в насыпи с одной южной стороны, прорез подошвы впереди открытой части галереи для стока из нея дождевых вод и сделание над исправленною частию означенной галереи откоса, о котором упомянуто выше – стоили несколько дороже каменных работ, именно 1200 руб. 21 коп., но я полагаю, что без них реставрация царской гробницы не могла быть прочною. Общая же сложность расходов, произведённых по работам в означенном кургане, составляет 2375 руб. 21 коп.

Скорым исполнением сих работ я много обязан производителю дел Археологической комиссии, который советовал мне приступить к ним хозяйственным образом, не ожидая архитектурных смет и проектов, усердию моего помощника г. Гросса и отличному знанию дела каменщика Муратова, который нашёл способ поднять на высоту около 5-ти саж. (более 10 м – Ю.В.) огромные штучные камни и положить их на место, не изменяя древней конструкции свода в галерее Царского кургана.

Отставной унтер-офицер таможенной стражи Станислав Пашкевич, нанятый мною ещё 23 мая за 100 руб. в год сторожем к Царскому кургану, помещился уже в отстроенном при нём караульном доме с своим семейством и продолжает получать от меня содержание. Впрочем, на

выдачу ему этого содержания с 23 мая я не имею до сих пор разрешения Комиссии».

Разрешение на это было вскоре получено. Подводя итог сказанному, следует признать, что реставрация 1865-66 гг. в значительной степени улучшила состояние Царского кургана (рис. 62), к тому же этот замечательнейший памятник боспорской архитектуры, наконец, получил надлежащую охрану. Бесспорно, всё это произошло благодаря усилиям Императорской археологической комиссии и особенно директора Керченского музея. После таких событий можно было бы надеяться, что дело охраны памятников Боспора Киммерийского приобретёт постоянный, систематический характер. Однако этой перемены, к сожалению, не произошло.

Уже в мае 1866 г. А.Е. Люценко вынужден был обратиться к керчьеникальскому градоначальнику по поводу того, что купец Арон Рубенштейн, получив в откуп содержание городских каменоломен, стал использовать по этому назначению руины Пантикапея [1866 г., д. 7, л. 2 сл.]. Более того, откупщик на законном основании мог брать десятую часть добываемого при раскопках камня, за исключением каменных статуй, рельефов и т.п., т.е. археологи облагались своего рода налогом. Рабочим, трудившимся на раскопках, при этом необходимо было иметь специальные документы, свидетельствующие, что они занимаются именно раскопками, а не добыванием камня. Е.А. Люценко информировал градоначальника, что из-за деятельности откупщиков уже серьёзно пострадал Золотой курган, его участь грозила Мелек-Чесменскому. Археолог пытался убедить его, что древние памятники нельзя смешивать с каменоломнями.

О своих действиях директор Керченского музея своевременно доложил в Петербург, где нашёл полное понимание, но изменить решение Керченской городской думы было очень не просто. В начале 1870 г. А.Е. Люценко ещё раз обратил внимание градоначальника, что гору Митридат и её продолжение к Золотому кургану следует исключить из контрактных условий откупщиков каменоломен [1866 г., д. 7, л. 11 об.]. Наконец, ИАК обратилась к генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии П.Е. Коцебу. В обращении, в частности, говорилось [там же, л. 19 об.]:

«В настоящее время хищнические раскопки ... гробниц и катакомб чрезвычайно усилились. Под видом добывания камня их разоряют здешние мещане, и таким образом найденные вещи поступают не в казну, а в некоторые городские лавки, где открыто производится противозаконная продажа».

П.Е. Коцебу разобрался в ситуации и в июле 1872 г. дал своё заключение, в котором требовал «обязать откупщиков городских каменоломен подпискою,

чтобы они без предварительного сношения с музеем не позволяли никому добывать камень в насыпях, лежащих на горе Митридат и других близлежащих местностях» [там же, л. 24]. При этом если такое разрешение музей давал, то все работы должны были производиться под надзором археологов, а о случайных открытиях следовало доносить в музей [там же, л. 24 об.]. Тем самым для науки были спасены многие памятники, открытые на этой площади в последующие годы.

Что касается Мелек-Чесменского кургана, то его состояние беспокоило не только керченских, но и одесских археологов. В июне 1866 г. секретарь Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич направил в Археологическую комиссию письмо, в котором обратил внимание на то, что открытая в кургане гробница находится без всякого присмотра, хотя она мало чем уступает склепу Царского кургана. Окрестные жители без смущения берут из насыпи глину, разрушая её, а в будущем они таким же образом могут разнести и камни гробницы. Для поддержания памятника, по мнению Н.Н. Мурзакевича, необходимо было выделять специальные денежные средства, а также осуществлять надзор за его состоянием, что могли бы делать директор музея, его помощник или объездчики [1866 г., д. 7, л. 5].

Из Археологической комиссии Н.Н. Мурзакевичу ответили, что Мелек-Чесменский курган, конечно, следует сохранить. Для этого в будущем при нём следует построить сторожку, как при Царском, но для этого в ИАК в настоящее время средства отсутствуют. До сведения секретаря Одесского общества довели также, что у директора Керченского музея объездчиков нет, а пешие надсмотрщики используются исключительно для наблюдения за производящимися раскопками. Оставалось надеяться на выделение средств из городского бюджета Керчи [1866 г., д. 7, л. 6], но эта надежда была очень эфемерной.

Мелек-Чесменский курган между тем продолжали разрушать. В январе 1870 г. А.Е. Люценко информировал об этом градоначальника: «Здепшие жители по-прежнему берут глину (из насыпи кургана – Ю.В.), несмотря на запрещение и неоднократные мои настояния у местной полиции о необходимости такового запрещения» [1866 г., д. 7, л. 16]. Из дромоса к тому времени уже было выломано несколько каменных блоков [там же]. В феврале 1870 г. А.Е. Люценко вновь писал градоначальнику, что песок и глину из насыпи Мелек-Чесменского кургана вывозят целыми подводами [1866 г., д. 7, л. 18]. Беспокойство по поводу состояния памятника вновь проявилось и Одесское общество истории и древностей [там же, л. 17], информация об этом дошла до генерал-губернатора. В уже процитированном документе тот потребовал от полицейского управления Керчи запретить добычу камня и глины «в могильных местностях» и тем более разрушать древние склепы, подобные склепам Царского и Мелек-Чесменского курганов. Полиции приказывалось строго наблюдать за «охранением остатков древностей, найденных в разрытых могилах» [там же, л. 24 об.].

Дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки. В мае 1872 г. А.Е. Люценко писал в Археологическую комиссию, что по ходатайству Одесского общества Государственное казначейство получило распоряжение о ежегодном выделении на поддержание и охрану Мелек-Чесменского кургана 300 руб.³⁷ Тогда же на кургане были проведены реставрационные работы под наблюдением строителя Керченской крепости генерал-майора Седергольма, непосредственно ими руководил капитан Филиппенко. Прежде всего, был отремонтирован вход в дромос, при этом тогда было произведено его фотографирование, затем часть кладки с фронтоном была разобрана и восстановлена в точности по древнему образцу [рис. 63; 1866 г., д. 7, л. 23]. Кроме того, была восстановлена сильно пострадавшая насыпь кургана. Денег, выделенных из казны, на оплату расходов не хватило, но положение спас керченский почётный гражданин купец 1-й гильдии А.К. Константинов, пожертвовавший на это 600 руб. [там же, л. 23 об.].

Таким образом Мелек-Чесменский курган был спасён для потомков. Следует признать, что основная заслуга в этом принадлежит не Археологической комиссии, а Одесскому обществу истории и древностей. Не удивительно, что уже с 1869 г. он оказался в ведении этой организации, и первым смотрителем кургана тогда стал И.С. Бескровный [Марти, 1913, с. 29].

Приведённые положительные примеры совсем не означают, что и другие памятники Боспора Киммерийского получили надлежащую охрану. В 1876 г. в Министерство народного просвещения поступил проект положения «о мерах к охранению на будущее время существующих памятников древности», для обсуждения которого было решено создать особую комиссию. В неё вошли по одному представителю от Императорской академии наук, Императорской академии художеств, Императорской археологической комиссии, Святейшего синода, а также от всех археологических обществ России. Председателем этой комиссии был назначен князь А.Б. Лобанов-Ростовский [Охрана памятников, 1978, с. 98-100, № 46]. От ИАК в неё был направлен П.И. Лерх [1876 г., д. 6, л. 7]. А.Е. Люценко, узнав о создании такой комиссии, направил в ИАК специальную записку, которую он назвал весьма пространно, вероятно, подражая названиям документов былых времён, – «О настоящем положении древних памятников в Керчь-Еникальском градоначальстве и о причинах, способствовавших к уничтожению их, а равно о стеснительных распоряжениях здешней Думы относительно раскопок в окрестностях Керчи и о существующей здесь продаже в магазинах и лавках босфорских древностей с некоторыми предположениями моими о мерах к ограничению этой продажи» [там же, л. 12]. К огромному сожалению, этот документ в Архиве ИИМК РАН отсутствует³⁸.

³⁷ Ю.Ю. Марти писал, что ежегодная сумма в 300 руб. на ремонт кургана и содержание при нём сторожа стала выделяться по указанию Александра II от 5 мая 1870 г. [Марти, 1913, с. 26].

³⁸ Комиссия А.Б. Лобанова-Ростовского выработала «Проект правил о сохранении исторических памятников». На основании этого документа предполагалось, что охрана памятников будет

Каких-либо позитивных перемен в деле охраны памятников не произошло ни в конце XIX в., ни в начале XX в. Боспорские уступчатые склепы продолжали разрушаться. О судьбе одного из них, склепа № 48 в Пятом кургане Юз-Обы, В.В. Шкорпил сообщал в Археологическую комиссию в 1909 г. [Ф. 1, 1909 г., д. 10, л. 105 об. – 106]:

«Этот склеп представляет собой в настоящее время “мерзость запустения”. Живущие кругом каменоломы не довольствовались тем, что разрушили почти весь потолок дромоса этой красивой постройки, но выпилили в заднем правом углу и в задней стене самой усыпальницы два больших пролома, надеясь, вероятно, найти за стенами склепа драгоценные вещи. Варварство этих босяков дошло до того, что ими были срезаны, между прочим, почти все острые углы камней, из которых сложен свод усыпальницы. Закрытием склепа Императорская археологическая комиссия предотвратит окончательное разорение склепа, который всегда возможно будет открыть, если в Керчь приедет знаток древней архитектуры, желающий снова осмотреть, измерить и изучить этот интересный памятник древнего зодчества».

Не возникает сомнения, что в сложившейся ситуации этот памятник археологии мог быть спасён только в результате его полного закрытия. О претворении этого плана в жизнь нам, к сожалению, ничего не известно.

Большой проблемой оставалось сбережение боспорских расписных склепов, обнаруженных в основном на северной покатости горы Митридат. Спасти их от проникновения грабителей или вандализма владельцев земли, на которой те располагались, было практически невозможно. Роспись склепа Анфестерия, к примеру, соскрёб лопатой хозяин земли [1908 г., д. 13, л. 323-324; Ростовцев, 1914а, с. 170]. Знаменитый склеп Деметры был спасён благодаря тому, что Императорской археологической комиссии после долгих переговоров с владелицей земли А.В. Зайцевой и её родственниками в 1908 г. удалось приобрести весь этот участок в собственность [Зинько и др., 2009, с. 23]. Таким же образом собственностью ИАК стал склеп, открытый в 1891 г. [Ростовцев, 1914а, с.]. Наконец, в 1914 г. у Т. Лопатина был выкуплен участок с двойной катакомбой 1873 г. [1914 г., д. 4, л. 132, 137]. Эти важные шаги при всей их важности не могли кардинально изменить ситуацию с охраной памятников, к тому же начавшаяся мировая война, а затем две российские революции и Гражданская война вообще отодвинули этот вопрос в сферу малосущественных.

осуществляться Императорской комиссией о сохранении исторических памятников, вся территория России будет поделена на подчинённые ей археологические округа и т.д. [Охрана памятников, 1978, с. 101-109, № 48]. Однако на финансирование комиссии в государственной казне средств не нашлось [там же, с. 110, № 49], и охрана памятников осталась на прежнем, весьма невысоком уровне.

Рис. 61. Царский курган, сентябрь 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 11].

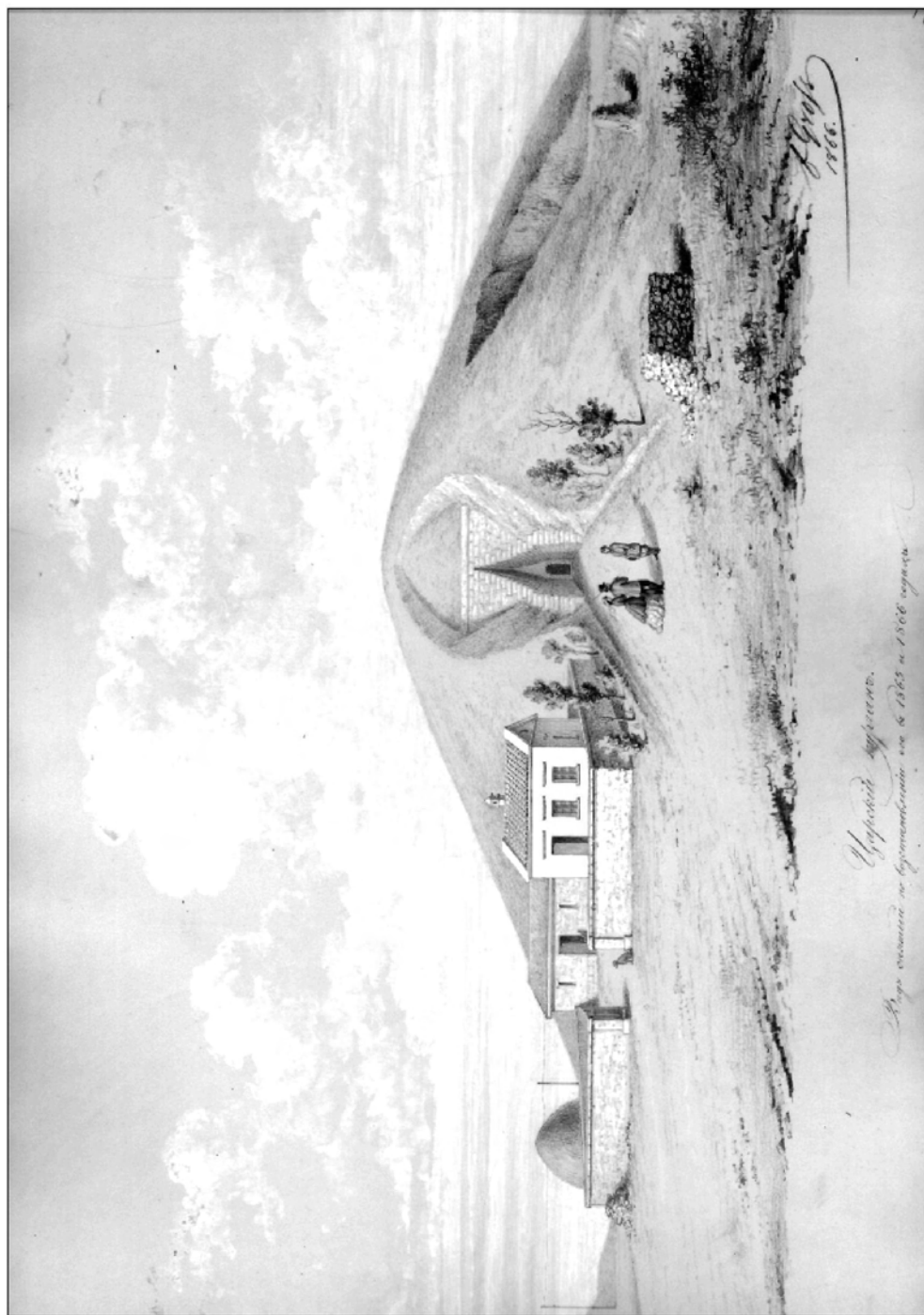

Рис. 62. Царский курган после ремонта 1865–1866 г. [Р. 1, № 692, л. 14].

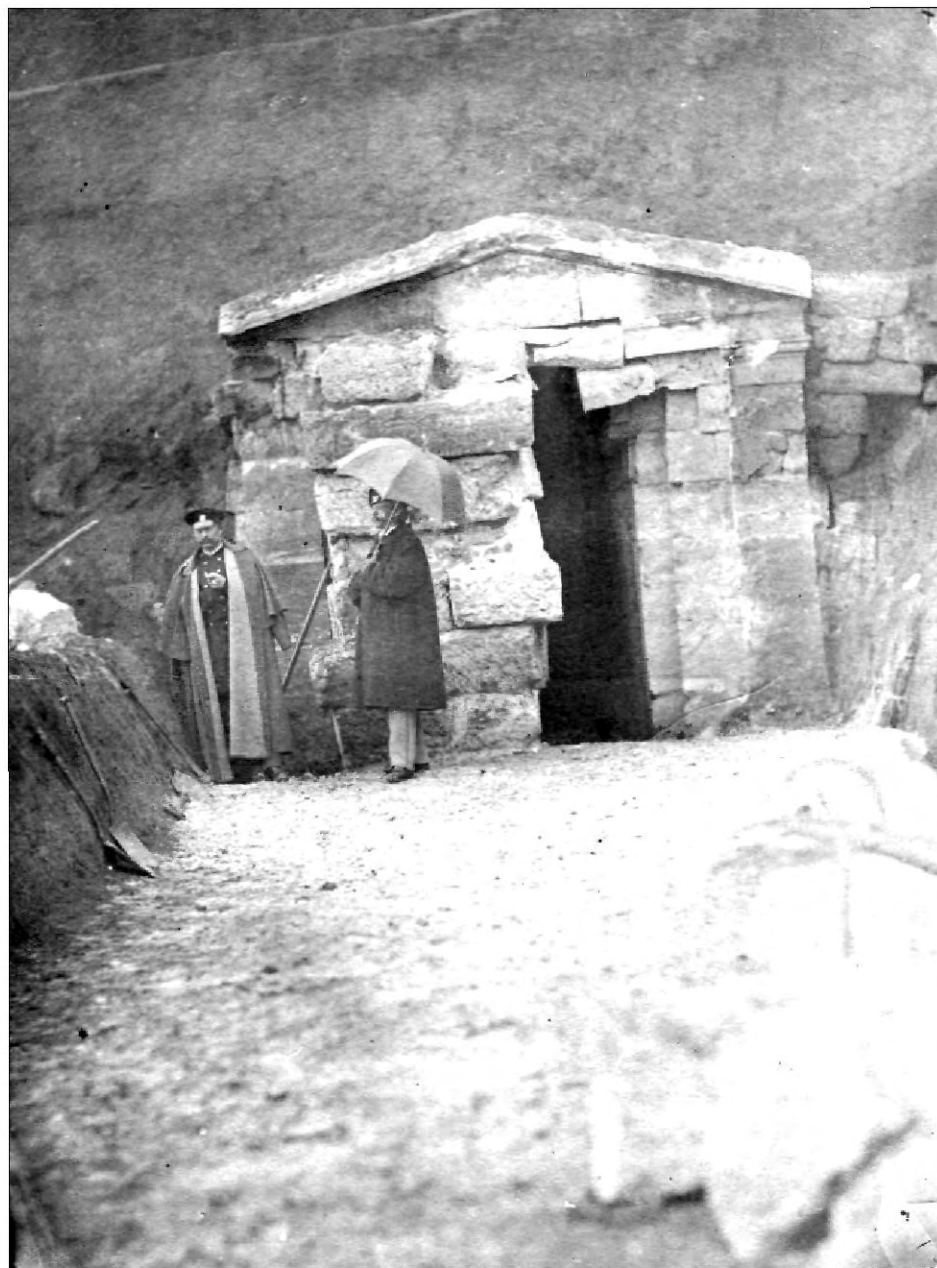

Рис. 63. Мелек-Чесменский курган после реставрации 1872 г. [1866 г., д. 7, л. 26]. Одна из первых фотографий в истории боспорской археологии.

2.12. Некоторые итоги

Создание Императорской археологической комиссии стало важной вехой в истории российской науки. Именно тогда была упорядочена вся система организации археологических работ в стране: разрешения на проведение раскопок – «Открытые листы» стали выдаваться только этим учреждением. Очень большое значение имело также введение системы ежегодных публикаций «Отчётов Императорской археологической комиссии». Первый выпуск отчетов вышел в 1862 г., он содержал информацию о раскопках 1858 и 1859 гг. В дальнейшем каждый том включал не только отчёт о раскопках, но и «Объяснение некоторых художественных произведений, найденных в Южной России», которое составлял Л.Э. Стефани. Его скрупулёзные, глубокие по содержанию исследования отдельных произведений античного искусства не потеряли своего научного значения до сих пор. Последний раз такое «Объяснение» было опубликовано в томе за 1881 г.; Л.Э. Стефани умер в 1887 г. [см.: Тункина, 2002, с. 236].

В отношении изучения древностей Боспора Киммерийского следует признать, что первые 20 лет работы Комиссии не были связаны с какими-то революционными преобразованиями в этой области. По-прежнему основное внимание уделялось раскопкам курганов, обещавших находки новых произведений древнегреческого искусства. На большинстве боспорских городищ исследования проводились эпизодически, но даже в тех случаях, когда они отличались большей продолжительностью, масштабностью и определенной последовательностью (Пантикапей, Фанагория), всё равно работы археологов нацеливались на открытие «древних мраморов», т.е. древнегреческих статуй или лапидарных надписей, в лучшем случае – на поиск руин храмов или жилищ древних обитателей. До осознания значимости массового археологического материала, разработки методов датировки открываемых объектов и т.д. было ещё далеко. Как правильно заметил С.И. Веребрюсов в 1881, на местах древнегреческих поселений «археологии ещё предстоит довольно занятий в будущем» [1881 г., д. 7, л. 5].

Надо признать, что руководство действиями керченских археологов со стороны Императорской археологической комиссии, а порой и их поддержка не только в финансовом отношении имели безусловное позитивное значение. Столь же оправданно стремление С.Г. Строганова упорядочить систему полевой отчетности, сделать документацию о раскопках более подробной, насыщенной информацией. К сожалению, на практике получалось так, что его требованиями по существу пренебрегали сами члены Комиссии, прежде всего барон В.Г. Тизенгаузен.

Охрана открываемых памятников древности в это время археологическое начальство занимала не очень сильно. Тем не менее, определённые шаги в этом направлении всё-таки предпринимались, и наилучшим примером подобного рода является реставрация склепа и насыпи Царского кургана.

К концу 70 годов постепенно стали уходить люди, олицетворявшие собой боспорскую археологию этого периода; 9 января 1878 г. А.Е. Люценко направил письмо С.Г. Строганову, в котором просил председателя Императорской археологической комиссии об увольнении на пенсию, и его просьба была исполнена. Должность директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко занимал 25 лет, и его научная деятельность для боспорской археологии, безусловно, составила целый пласт, насыщенный самыми выдающимися открытиями. Увольнение произошло по его собственному желанию в связи с ухудшением здоровья, археологу была назначена пенсия в размере должностного оклада (928 руб. в год), сохранено право ношения мундира и даже «негласно пожаловано» единовременное денежное пособие в размере двух тысяч рублей [1877 г., д. 9]. На его место с 1 апреля 1878 г. был назначен С.И. Верebrюсов [1878 г., д. 30], который ранее возглавлял Феодосийский музей [Марти, 1926, с. 29; Петрова, 2000, с. 22; Лазенкова, 2003, с. 29 сл.]. Однако А.Е. Люценко, пока у него ещё оставались силы, продолжал заниматься любимым делом. Уже после ухода на пенсию он составил «Записку» о планах археологических работ на 1879 г.³⁹, предполагая провести раскопки на Юз-Обе, на продолжении северной покатости горы Митридат до Золотого кургана, в окрестностях Еникале и Темир-горы, под Эльтигеном, на Большой и Малой Близицах, Васюринской горе, Буеровой могиле, Ахтанизовке и т.д. [1879 г., д. 6, л. 3]. Этот документ действительно можно рассматривать, как завещание керченского археолога своим преемникам [Зуев, 2007, с. 10].

Новый директор Керченского музея высоко ценил заслуги А.Е. Люценко [но ср.: Самоквасов, 1908, с. 56], и в своих раскопках он стремился следовать правилам, заложенным ранее. Полевые исследования начинались ещё зимой и проводились в основном на склонах горы Митридат; по мере потепления погоды археологи переходили на памятники, расположенные всё дальше от Керчи, затем перебирались на Таманский полуостров; осенью раскопки вновь сосредоточивались на Митридате.

В своём рапорте, направленном С.Г. Строганову 16 января 1879 г., С.И. Верebrюсов, естественно, обратил внимание на ряд первоочередных задач, стоявших перед музеем и вообще перед исследователями древностей Боспора Киммерийского. Прежде всего, он выразил озабоченность в связи с сохранностью памятников древности и заявил о необходимости возведения нового здания музея, в котором можно было бы разместить все находки, добытые к тому времени по обеим сторонам пролива и часто хранившиеся под открытым небом [1879 г., д. 6, л. 1]. Исследователь писал петербургскому начальству о важности пополнения музейной библиотеки новейшими научными изданиями, как отечественными, так и зарубежными, а также о подготовке издания каталога собрания Керченского музея [1879 г., д. 6, л. 2-3].

³⁹ В 1880 г. А.Е. Люценко получил «Открытый лист» на право проведения раскопок [1880 г., д. 10].

Среди археологических памятников Восточного Крыма, на которых было необходимо провести раскопки, С.И. Верebrюсов назвал, кроме Пантикапея и Нимфея: Акру, Китей, Киммерик, Казеку на берегу Чёрного моря и Чокрак, Куль-Тепе и др. на берегу Азова (подробней о планах археологических работ С.И. Верebrюсова см. главу 3.1). Наконец, он, как представляется, первым среди керченских археологов обратил внимание властей на необходимость приобретения палаток, поскольку продолжительность полевого сезона и случавшиеся дожди или осенние холода требовали этого с полной очевидностью. С.И. Верebrюсов просил разрешения на приобретение двух палаток для рабочих и одной – для чиновников музея [1879 г., д. 6, л. 4].

Заключение на этот рапорт было подготовлено В.Г. Тизенгаузенom, который признал, что как ни желательно соединение в одном помещении древностей, открытых на Керченском и Таманском полуостровах, но сделать это невозможно ввиду значительности денежных расходов. Приобретение необходимой музею археологической литературы следовало отнести на счёт сумм, оставшихся от ассигнований прошлого года. Тот же источник должен был быть употреблён на публикацию каталога древностей Керченского музея, но предварительно его следовало представить в Петербург⁴⁰. Даже на приобретение трёх палаток у Комиссии не нашлось свободных средств [1879 г., д. 6, л. 9-10]. Ситуация, как видим, развивалась таким образом, что многое из задуманного С.И. Верebrюсовым не удалось воплотить в реальные дела: новое здание музея не было построено, каталог собрания Керченского музея не был опубликован, раскопки на обозначенных памятниках не были проведены и т.д. Да и само-

⁴⁰ О каталоге древностей, хранящихся в Керченском музее, вернее, о его злоключениях, следует сказать особо. Он был направлен в Археологическую комиссию 15 июля 1882 г., при этом предполагалось, что будет опубликовано 100 экземпляров книги на средства, оставшиеся неизрасходованными во время археологических раскопок предыдущего года [1882 г., д. 28, л. 1]. Каталог представлял собой не очень объёмный том, в котором все древности были распределены по отделам (I–XII), исходя из материала их изготовления: золото, серебро, бронза, железо, глина и т.д. По существу, это была обычная опись хранящихся вещей, при этом несколько одинаковых предметов (к примеру, краснофигурных сосудов или железных мечей) записывалось под одним номером. К сожалению, почти весь этот многочисленный материал был депаспортизирован, и лишь в редких случаях указывалось, что та или иная находка происходит из Куль-Обы, Большой Близницы, Темир-горы и т.д. На лицевой странице каталога имеется карандашная надпись «не печатать – В.Т.», поставленная, конечно, В.Г. Тизенгаузенom. Что же стало причиной такого решения? Комиссия посчитала, что каталог не соответствует «практической цели ознакомления обыкновенных посетителей с музеем». Надо было расписать, какой предмет где хранится: в каком шкафу, на какой полке или этажерке, при этом составителям рекомендовалось за образец взять «Древности Боспора Киммерийского» [1882 г., д. 28, л. 94]. Сокращённый вариант каталога, составленный в порядке размещения вещей в музейной экспозиции, т.е. буквально «разложенными по полочкам», был послан в Комиссию через шесть лет, 4 марта 1888 г. На рапорте о высылке этого варианта имеется пометка К.Е. Думберга о том, что он получен из ИАК 12 июня 1891 г. [1882 г., д. 28, л. 95], т.е. возвращён в Керченский музей за ненадобностью.

му директору Керченского музея древностей было отведено не слишком много времени для реализации намеченных планов, он скончался 6 марта 1884 г.

К тому времени С.Г. Строганов уже ушёл в отставку с поста председателя Императорской археологической комиссии. Письмо с просьбой об этом он подал 31 декабря 1881 г., мотивируя своё решение тем, что «болезненное состояние и лета» уже не позволяли ему более «заниматься делами как требует польза службы» [1882 г., д. 13, л. 1, 2, 55]. В составе комиссии тогда трудилось всего пять человек: старший член В.Г. Тизенгаузен, младший член Н.П. Кондаков, производитель дел И.А. Суслов, художник И.Н. Медведев и сторож, отставной унтер-офицер Михайлов. С.Г. Строганов просил «на первое время» сохранить этот личный состав, а на должность нового председателя Комиссии рекомендовал директора Эрмитажа А.А. Васильчикова. Последний получил новое назначение 12 марта 1882 г. Можно признать, что с этим событием в истории российской археологии закончилось время, которое олицетворяли реформы императора Александра II или, по крайней мере, на котором лежал отблеск Великих реформ и связанных с ними надежд.

Глава III.

ИЗУЧЕНИЕ БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИ А.А. ВАСИЛЬЧИКОВЕ (1882–1886)

3.1. С.И. Верebrюсов и Н.П. Кондаков о задачах дальнейшего изучения боспорских древностей

Недолгое руководство А.А. Васильчикова, возглавившего Императорскую археологическую комиссию 12 марта 1882 г. [о нём см.: Медведева и др., 2009, с. 89 сл., 93], в деятельность этой организации не внесло заметных позитивных перемен, в особенности это очевидно в отношении изучения боспорских древностей [Панкратова, 2008б, с. 196]. Тем не менее, новый председатель Комиссии не остался безучастным к чаяниям археологов и сразу же выразил свою обеспокоенность в связи с планами Военно-инженерного ведомства построить на горе Митридат крепостные сооружения. Из этого ведомства его заверили, однако, что в ближайшее время никакого строительства здесь начато не будет [1882 г., д. 7, л. 4]. Что касается планов изучения древностей Боспора Киммерийского, то ещё 26 января 1882 г. А.А. Васильчиков направил директору Керченского музея С.И. Верebrюсову официальное письмо, в котором предлагал, во-первых, подготовить обзор сделанных к тому времени важнейших археологических открытий с приложением топографического плана, во-вторых, разработать «мотивированную программу» раскопок под Керчью, близ Феодосии и на Таманском полуострове [1882 г., д. 7, л. 2]. Несколько позднее А.А. Васильчиков с аналогичной просьбой обратился к Н.П. Кондакову, которому предлагалось сделать следующее [1882 г., д. 19, л. 1]:

- во-первых, сделать «общий вывод относительно местностей, в которых найдены главным образом того или другого рода гробничные сооружения древнейшие и позднейшие (склепы, катакомбы, каменные гробницы, черепичные и земляные могилы, остатки сожжения трупов и т.д.) и того или другого рода древности (мраморы, терракоты, расписные сосуды, резные камни, металлические вещи и проч.);»
 - во-вторых, предложить «мотивированную программу дальнейших раскопок близ Керчи, которые могут обещать какие-нибудь открытия».
- Н.П. Кондаков провёл соответствующие разведки вокруг Керчи и 20 октября 1882 г. написал в Комиссию, что собранные наблюдения убедили его в следующем [1882 г., д. 19, л. 26]:
- во-первых, «в относительной бесполезности поисков с целью находок на горе Митридат и её продолжении и необходимости, напротив, систе-

матических или сплошных исследований по северному склону этой горы, где находятся все линии катакомб, в виду того, что именно эти местности застраиваются с каждым годом более и более, а открытие одной катакомбы с фресками могло бы вознаградить все неудачи»;

- во-вторых, «в необходимости исследования всех больших курганов в наиболее отдалённых местностях Керчь-Еникальского градоначальства, так как именно в этих больших курганах, благодаря каменным их насыпям, добытым из ближайших каменоломен и затруднявшим не только расхищение, но и самые раскопки, могли ещё сохраниться древности важного исторического и художественного значения».

С.И. Веребрюсов, в свою очередь, отвечал председателю ИАК, что для подготовки топографического плана в его распоряжении нет специалистов соответствующего профиля¹, а вот к созданию «мотивированной программы» археологических работ он подошёл с предельной серьёзностью и основательностью. Подготовленное им послание в Петербург было названо весьма пространно – «Общий вывод относительно местностей в пределах Керчь-Еникальского градоначальства, в которых производились археологические изыскания и программа дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии» [1882 г., д. 7, л. 18-23]. Этот документ для истории отечественной античной археологии настолько ценен, что его следует опубликовать полностью:

«Замечательную в высшей степени местность близ Керчи, где наиболее производились археологические раскопки, представляет гора Митридат. Самая высшая часть ея примыкает к морскому берегу на востоке, а продолжение хребта тянется к западу, соединяясь с возвышенностью под названием Долгой скалы и далее до Золотого кургана и знаменитой в летописях археологии горы Куль-Оба. Обращённая к морю сторона Митридатовой горы до городского кладбища и несколько далее к западу покрыта обширными *пепелищами*, оставшимися от поселения древней Пантикапеи. Далее, на продолжении к западу, скаты ея, как северный, так и южный, состоят из сплошных *могильных насыпей*. Кроме того, на северной покатости, против татарской слободки, в глубине материка, под сплошными каменными пластами, находится бесчисленное множество *катакомб*, расположенных частью рядами в виде аллей, а еще более устроенных в разброс по северному скату до параллели так называемой Институтской улицы. Таким образом, вся поверхность горы Митридат с давних пор представляла обширное поле для археологических изысканий.

¹ Директор Керченского музея был не совсем прав, поскольку в его распоряжении находилась карта Керчь-Еникальского градоначальства, составленная в 1853 г. по указанию Л.А. Перовского [1889 г., д. 19, д. 4, 10]. Вопрос о снятии нового плана с обозначением всех керченских курганов вновь возник при А.А. Бобринском в 1889 г. [1889 г., д. 19].

Обширные пепелища этой горы, особенно в соседстве с городским кладбищем, до настоящего времени не могли быть окончательно исследованы, во-первых, по своей громадности, во-вторых, по ограниченности сумм Музея. В последние годы инженерное ведомство Керченской крепости приняло было в своё распоряжение значительную часть верхней плоскости Митридатовой горы, от памятника Стемпковского до Еврейского кладбища, в предположении производить планировку этой местности для возведения новой батареи и укреплений. Производство такой планировки могло бы, с одной стороны, привести к новым открытиям древностей, подобно тому, как было при крепостных работах на Павловской батарее, с другой – многие местности этой обширной поверхности могли быть засыпаны и сделаться недоступными для археологических изысканий. Но с тех пор минуло около трёх лет, все слухи о предположенных работах прекратились. Вообще, следует сказать, разрытие пепелищ как в окрестностях Керчи, так и на Таманском полуострове, представляет большой интерес, но требует значительных затрат.

Сплошные могильные насыпи, покрывающие северный и южный скаты горы Митридат, по всему её протяжению от востока к западу до Золотого кургана, усердно разрабатывались ещё с двадцатых годов, преимущественно в осеннее время, иногда зимою при хорошей погоде и с наступлением весны, т.е. в тот период, когда рабочие не могли ещё отдаляться от города и своего местожительства. Бесчисленные гробничные сооружения, сокрытые в этих насыпях, разнообразных видов и устройства, относящиеся к различным эпохам и поколениям, исследованные в течение столь продолжительного времени, доставили огромное количество предметов, составивших обширный материал для изучения древнего быта жителей и истории Пантикапеи, но вследствие столь продолжительных изысканий открытие древностей на Митридатовой горе становится с каждым годом беднее. Так изыскания, производившиеся в отчётном году ранней весной и летом, были вообще малоуспешными, не сопровождалась удачными открытиями и, казалось, могли бы вызвать слишком поспешное убеждение, что, если вновь добываемые вещи представляют лишь повторение давно известных предметов, если и самые предметы, имеющие какой-либо научный интерес, встречаются здесь весьма редко, то не время ли отказаться от дальнейших раскопок этих насыпей?

Несмотря на то, на обширных склонах горы Митридат ещё остаются пространства или мало исследованные, или и совсем нетронутые, и нельзя решительно утверждать, чтобы при продолжении изысканий не были здесь открыты новые, в археологическом отношении любопытные предметы, и, принимая во внимание, что эта местность наиболее доступна почти во всякое время года, что здесь преимущественно находимы

были мраморы и надгробные камни с надписями (открытие надписей представляет ныне особенную редкость), монеты, черепки, украшенные рисунками, архитектурные обломки и множество мелких изящной работы вещей, что в пепелищах скрыты еще памятники древностей, необходимо придти к заключению, что археологические изыскания на почве древней Пантикапеи следует продолжать с неменьшею энергиею, как они производились до сих пор, придав им более системы и, не только включая результаты открытий в журналы работ, но и отмечая на топографическом плане постепенную этих работ последовательность.

Значительное число земляных катакомб, устроенных в глинистом грунте под скалистыми пластами северных скатов горы Митридат от городского кладбища до Золотого кургана и открытых в разное время, привело к убеждению, что едва ли не все они давно уже посещены прежними искателями золота. Вазы с акварельными рисунками преимущественно в них были находимы. К сожалению, оригинальные рисунки эти мгновенно бледнеют и почти исчезают, как только вазы выносятся на воздух. Составляя подражание формам эллинских ваз, сосуды эти, судя по цвету и качеству глины, приготавливались, по-видимому, на месте, а украшающие их акварели не имеют почти никакого сходства с живописью античных ваз, а потому заслуживают особенного сохранения и изучения вместе с фресковою живописью для исторических выводов о племенах, вошедших в состав населения Пантикапеи. Катакомбы, украшенные фресковою живописью на стенах, имеют также большой интерес, но их открытие всегда считалось чрезвычайною редкостью.

Земляные катакомбы рассеяны также в большом количестве по полям, прилегающим – на севере к Глиницу, на западе – к равнине вдоль ручья Мелек-Чесме. Весною после таяния снегов от проникающей в них воды их своды обрушаются, и тогда катакомбы обыкновенно расследуются: находки здесь достойных внимания вещей случаются очень редко.

От мыса Ак-Бурун и Керченской крепости в направлении к западу расположена по хребту длинная цепь курганов, от которых и самый хребет получил у татар название Юз-Оба, “Сто могил”. Курганы эти, признаваемые археологами гробницами архонтов древнейшей Пантикапеи, были основательно расследованы преимущественно между 1859–62 годами. Но из 15-ти больших курганов только в шести оказались в центрах уцелевшие каменные склепы с галереями, египетской конструкции, построенные из правильно отёсанных массивных камней, добытых на месте самой постройки; в остальных гробницы расхищены в давнее время. Так называемые курганы Острый и Песчаный, несмотря на тщательное расследование, остались неразгаданными: в них не оказалось каменных построек. При всём том, открытия, сделанные в нескольких центральных гробницах, доставили много

значительных предметов древности, обогативших Эрмитаж. Но в нерасследованных еще полáх этих курганов, по всей вероятности, остаются ещё боковые гробницы, которые обещают новые находки, чему убедительным примером служит открытие в текущем году каменного склепа в разбитом по-видимому кургане за селением Баксы. Опытom дознано, что иногда боковые гробницы в полах курганов оказываются важнее центрoвых.

Сверх того, с южной стороны горы Юз-Оба, вблизи древних каменоломен находится несколько могильных насыпей, имеющих продолговатые основания и плоские вершины. Прежде принимали их за возвышения, образовавшиеся от накопления щебня при разработке каменоломен, но потом дознано, что некоторые из них заключают в себе гробницы, вырубленные в мягких слоях скалы, и потому в 1863 году подробному расследованию подвергнуты были такие насыпи в 12-ти местах по скатам горы, но результаты этих раскопок оказались маловажны. Впрочем, этими 12-ю местами не ограничиваются гробничные насыпи на южном склоне хребта Юз-Оба, они залегают и далее в направлении к востоку, к крепостным укреплениям.

Курганные возвышения на горе Митридат, а также внутри города и на ближайших его окраинах по течению реки Мелек-Чесме, у здания арестантского отделения, вдоль шоссеной дороги к карантину и за обширным предместьем города – Глинищем – представляются ныне или совершенно разрушенными, или разрытыми до такой степени, что дальнейшее расследование их не обещает успеха, при том, большею частью эти курганы поступили в собственность городских обывателей, окружены постройками, садами и огородами, а потому недоступны для свободных раскопок. Сами же владельцы таких местностей не занимаются раскопками, а в случае обнаружения признаков древних гробниц охотнее сообщают о том Музею в надежде получить вознаграждение. Притом, местное городское Управление при отводе земли в частное владение подтверждает в данных записях особое, изданное для Керчи постановление, на основании которого все владельцы обязаны немедленно заявить начальству города или директору Музея о всех случайных находках и открытиях на их участках.

Кроме сплошных могильных насыпей Митридатовой горы, обширные древние народные кладбища находятся и в других местах керченских окрестностей. Таковы насыпи, покрывающие обширную часть города – Глинище, или расположенные вблизи городских присёлков – Катерлес, Булганак, Джарджавá, близ Нового карантина, в окрестностях Ени-кале. В большей части этих насыпей в разное время производились разыскания и разведки, но, говоря сравнительно, более успешными оказались расследования по обеим сторонам шоссеной дороги, идущей к карантину, и близ казармы арестантского отделения. Но и эти места следует ныне признать значительно истощёнными и производить на них новые раскопки

можно только разве на удачу или, по местному выражению, “на счастье”. Менее всего подвергались разысканиям насыпи в окрестностях Ени-кале и селения Баксы по отдаленности этих мест (12 вёрст от Керчи), а также у селений Катерлес и Джарджава. В настоящее время необходимо придти к убеждению, что классическая почва окрестностей Керчи после непрерывных поисков в течение нескольких десятков лет значительно истощилась, и, если в последние годы изыскания оказывались большею частью мало-успешными, то главною причиною тому следует признать недостаток нетронутых ещё могильных насыпей вообще, хотя и нельзя отрицать, что и в тех, которые уже известны, по временам попадаются вещи, заслуживающие полного внимания археологов.

Немаловажное препятствие к свободному во всякое время выбору в окрестностях Керчи мест для производства исследований явилось в последние годы распоряжение городского управления, по которому вся пригородная земля градоначальства распределена на мелкие участки в пользование жителей.

Но в замен того, тотчас же за пределами градоначальства на землях частных владельцев по берегам Чёрного и Азовского морей, даже в глубине Керченского полуострова, встречаются многочисленные курганные насыпи и пепелища на местах древних греческих поселений, валы, развалины урочищ. Эти места ждут ещё своих исследователей. Большая часть курганов на землях частных владельцев или никем не копаны, или разрыты весьма поверхностно. До сих пор только немногие местности подвергались правильному исследованию, в смысле археологическом. Таковы были изыскания в окрестностях селения Эльтиген, в 16-ти верстах от Керчи, производившиеся с 1876 по 1881 годы в течение пяти лет от Керченского музея, изыскания, записанные в журнале работ, следственно (т.е. следовательно – Ю.В.) составившие материал для археологии края. Такого же рода, хотя и безуспешны, были раскопки близ азовского берега при деревне Копрома и на кургане Кара-Оба у селения Тюркмен, недалеко от Керчи.

Главное препятствие к свободному исследованию подобных мест вне градоначальства состоит в том, что частные владельцы требуют иногда несоразмерно высокой платы за предоставление права производить на их земле раскопки, успех которых быть может ещё сомнителен. Впрочем, некоторые землевладельцы (г. Абазали – дер. Тюркмен, г. Айваз-оглу – дер. Кармышп-келечи, верстах в 45 от Керчи по Феодосийской дороге, весьма интересная местность) изъявляют готовность предоставить это право и на том лишь основании, если за вещи, открываемые на их земле, вознаграждение будет им определяемо по усмотрению самой Археологической комиссии.

Из числа местностей, замечательных в археологическом отношении, можно назвать, например, земли разных владельцев на продолжении

береговой полосы Чёрного моря к югу от Керчи: за селением Эльтиген, где ещё уцелели курганные возвышения (владельцы – гг. Гурьевы, барон Рот, наслед. Митрова, Симонов), далее у мыса Такиль (г. Антонович), где видны следы греческого поселения Акра, затем на восточном и западном склонах горы Опук, куда приурочивают древние города Киммерион и Китею; далее на юго-западе близ кордона и мыса Таш-Качик заметны следы греческой колонии Казека, лежавшей (судя по остаткам фундаментов на краях берега, обрушенного прибоем волн, по вырубленным в скалистых пластах гробницам) в углублении залива насупротив города Феодосии, расположенной у южной его окраины.

Основанная, как известно, переселенцами Милета за 600 лет до Р.Х. и впоследствии завоеванная босфорским царём Левконом I, Феодосия пользовалась большим значением между босфорскими городами в продолжении правления династии Спартокидов. Почва этого города скрывает в себе памятники своей древней истории. Раскопки князя Сибирского в 1852 году обнаружили замечательные находки с признаками изящного аттического стиля; г-ном Айвазовским по поручению графа Л.А. Перовского в 1853 году найдены в одном кургане превосходные золотые вещи. Затем следовали раскопки директора Керченского музея А.Е. Люценко в конце 1856 года. Вследствие распоряжений графа Льва Алексеевича, г. директор в ноябре 1854 года, в обратный проезд свой в Керчь, осматривал курганы, расположенные на гребне гор, окружающих город Феодосию и его бухту в виде амфитеатра от часовни св. Илии до Лысой горы, и несколько второстепенных курганов и насыпей, занимающих отдалённые пункты на скатах, и определил число самых замечательных до 50, большею частию поверхностно раскопанных, особенно состоящих из каменных насыпей. Самые же работы были им предприняты только по окончанию Крымской войны, в конце 1856 года, и производились лишь один месяц, с 8 октября по 9 ноября, при обстоятельствах неблагоприятных, к числу которых следует отнести недостаток рабочего инструмента и опытных землекопов, которых пришлось заменить гарнизонными солдатами, не говоря уже о бурной и ненастной погоде столь позднего времени. При всём том было исследовано 17 курганов или, лучше сказать, насыпей, имевших вышины лишь от одного до трёх аршин. Результат этих раскопок был весьма ограниченный (золотая застёжка, такой же перстень, повреждённые огнем, бронзовая урна, электрическая застёжка, серебряное кольцо, черепки ваз). Более основательные исследования предполагалось возобновить в другое время. С тех пор, однако, раскопки в окрестностях Феодосии не возобновлялись, если не придавать какого-либо значения случайным нападениям разных искателей кладов (турок, греков местных и анатолийских), которым, к сожалению, городская управа разрешает (разре-

шала – Ю.В.) бывало делать поиски. Тем настоятельнее задача – заняться основательным расследованием древних насыпей и курганов, рассеянных по нагорным возвышенностям вокруг Феодосии, что с этим находится в связи разрешение некоторых археологических вопросов (место древней колонии, *παλάσιος λιμήν* и пр.) и вероятность новых открытий.

Обширное поле для исследований археологических представляет Таманский полуостров, эта важнейшая часть Босфорского царства, где в отдалённой древности возникли значительные греческие города. Раскопки здесь начались ещё в конце прошедшего столетия и, продолжаясь до настоящего времени, ещё не истощили богатой почвы этой страны, замечательной в отношении к её истории, географии и геологии. Но что особенно важно: все производившиеся там расследования до сих пор не привели к положительным заключениям относительно распределения древних урочищ и городов, имена которых упоминаются у древних писателей. Одно это последнее обстоятельство, эта неразрешённая задача, не говоря о многих открытиях, о замечательных находках, повторяющихся из года в год, представляет достаточное основание, чтобы археологические исследования на Таманском полуострове продолжались с неослабную ревностью и не оставляли бы ни одного выдающегося памятника в неизвестности, включая не только находимые вещи, но и курганы, насыпи, валы и другие сооружения, оставшиеся от древности и требующие подробного описания.

В 1873 году составлена была опись городищ, батарей, курганов и сплошных насыпей, рассеянных на полуострове и подлежащих расследованию, вместе с теми более замечательные урочища и курганы сняты на план. Ведомость урочищ представлена в Императорскую археологическую комиссию при донесении директора музея от 5 декабря 1873 года за № 95².

Принимая в основание изложенное выше краткое обозрение современного состояния древних пепелищ, курганов и насыпей на обоих берегах Керченского пролива и на продолжении берега Чёрного моря до Феодосии, сохраняя притом за Керчью преимущества образовавшегося здесь центра археологических изысканий на юге России, можно предположить следующую программу дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии.

А. В окрестностях Керчи

1. Расследование пепелищ на поверхности горы Митридат от вершины её на востоке и далее к западу, особенно в соседстве с городским кладбищем, для чего потребуются, однако, более многочисленные средства, нежели те, какими обыкновенно располагает музей.
2. В остающихся нерасследованными могильных насыпях, покрыва-

²Этот документ в Научном архиве ИИМК РАН пока обнаружить не удалось.

ющих северную и южную покатости той же горы, на продолжении оной к западу от городского кладбища, причём пройденные пространства и краткое указание результатов работ следовало бы означать на топографическом плане, намечая постепенно на том же плане результаты раскопок прежнего времени по сохранившимся в журналах описаниям.

3. Расследование катакомб на северной покатости горы Митридат с целью открытия фресок.
4. В боковых нерасследованных полах курганов, расположенных цепью на хребте Юз-Оба от Керченской крепости к западу до границы, отделяющей городскую землю от дачи Багера.
5. В сплошных могильных насыпях, расположенных поблизости селений Катерлес, Джарджава, Баксы.
6. В курганах и насыпях в окрестности Ени-кале и близ Маяка (древний Парфенион или Порфмион).
7. Вступая в соглашение с владельцами этих мест вне градоначальства, которые подают надежду на успех археологических изысканий, постепенно проследовать (исследовать – Ю.В.) все замечательные древние урочища в Крыму.

Б. На Таманском полуострове

1. Расследование центральной части, а также боковых – северной и северо-восточной – значительного кургана Большая Близница, лежащего на горном хребте в 10 верстах от станции Сенной и в 5-ти от станции Стеблеевки. Замечательные открытия, сделанные в 1864-66 годах в юго-западной и южной полах этого громадного кургана, сопровождалось превосходными золотыми и другими находками. Тогда же для более успешного хода исследований верхняя часть этого кургана была снята почти до половины его высоты и свезена по сторонам, но затем раскопки были прекращены. Ныне этот курган имеет вид усечённого конуса высотой до 3-х и не более 3,5 сажен от материка, а потому исследование его в центре и остальных полах значительно облегчено.
2. Расследование соседнего с предыдущим кургана Малой Близницы в текущем году привело к открытию центральной жёной гробницы, в полах произведены основательные разведки. Но по внимательном обсуждении результата всех раскопок прежних и текущего года, следовало бы произвести ещё одну разведку с южной стороны кургана в направлении к разорённой каменной гробнице близ центра, следы которой открыты были ещё в 1866 году.
3. В боковых частях курганов, расположенных от Близниц к западу, на продолжении хребта, разделённого глубокими долами, по возвы-

шенностям носящим названия Васюриной горы, Маркитантской, Карабетовой и др.

4. В городищах, в так называемых батарейках и курганах, находящихся при разных урочищах между Таманью, Цукурским лиманом и Бугазом под разными названиями: хутора – Фрия, Капустина (городище и земляной вал), Паливоды и др. Для основательного определения этих мест необходим предварительный, подробный их осмотр.
 5. В боковых частях курганов вокруг станции Сенной и по берегу Таманского залива.
 6. В курганах, рассеянных в окрестности станций Старо-Титоровской, Стеблеевской и Ахтанизовской.
 7. В селении Фонтан и его окрестностях.
- В. В окрестностях Феодосии
1. В пепелищах, расположенных к югу от верхней дороги в Карантин.
 2. В курганах и насыпях на гребне гор, окружающих город и бухту от восточной старой стены Карантина до рыбного завода, до часовни св. Илии и далее по хребту до Лысой горы.
 3. В других местностях по ближайшем осмотре».

Краткая записка, подготовленная Н.П. Кондаковым, и пространный документ, составленный С.И. Веребрюсовым, как нетрудно заметить, в чём-то соглашались друг с другом, а в чём-то серьёзно расходятся. Прежде всего, внимание Н.П. Кондакова было сосредоточено исключительно на крупных курганах, расположенных в отдалённых от Керчи местностях, а также на поисках расписных катакомб. С.И. Веребрюсов тоже считал их изучение чрезвычайно важным, но он к тому же признавал значение таких археологических памятников, как древние поселения, батарейки и урочища, а также валы Керченского и Таманского полуостровов. Как бывший директор Феодосийского музея, он дал довольно основательное описание археологических памятников Феодосии и её окрестностей, чего до него никто не делал, подвёл итог археологического изучения этой местности и предложил программу дальнейших работ. Но в какой степени эти предложения были воплощены в жизнь или, правильнее сказать, в какой степени они вообще могли быть реализованы Археологической комиссией? Для ответа на эти вопросы обратимся к конкретным фактам, связанным с изучением памятников Боспора Киммерийского в 1882–1886 гг.

3.2. Изучение боспорских курганов и грунтовых некрополей

С.И. Веребрюсов, как частично говорилось выше, продолжал раскопки курганов, следуя правилам А.Е. Люценко. Он начинал их ранней весной на сплошных могильных насыпях склонов горы Митридат, затем переносил на

более отдалённые от Керчи территории, на Таманский полуостров и, наконец, поздней осенью возвращался, так сказать, к исходной точке. О сколько-нибудь серьёзных попытках реализации предложенной им программы археологического изучения памятников Боспора говорить вряд ли возможно. Как уже было сказано, исследователь скончался в ночь с 6 на 7 марта 1884 г., и на его место был назначен Ф.И. Гросс [1884 г., д. 11], занимавший эту должность до 1889 г. С его деятельностью связано некоторое усиление интереса к изучению боспорских городищ и грунтовых некрополей, в чём, возможно, следует видеть влияние С.И. Верebrюсова, но в плане раскопок курганов он придерживался устоявшейся, вполне оправдавшей себя системы.

Н.П. Кондаков, согласно сформулированной им задаче, активнейшим образом принялся за исследование и доследование больших боспорских курганов. Он безрезультатно копал Песчаный курган у селения Капканы [1883 г., д. 23, л. 7], начало изучению которого положил ещё А.Е. Люценко в 1858 г. (см. главу 1.4), затем Н.П. Кондаков провёл раскопки *Острого кургана* на хребте Юз-Оба, тоже в своё время исследовавшегося А.Е. Люценко (см. главу 2.5), и не нашёл здесь даже признаков гробницы [1883 г., д. 23, л. 7; 1885 г., д. 23, л. 8-9]. Более успешными были его работы на *Змеином кургане* в западной части Юз-Обы, который в своё время раскапывал А.Б. Ашик [Ашик, 1848, с. 40; см. также: ОАК, 1882-1888, с. XXXI-XXXII, LXXXIII; 1889, с. 11 сл.]. В основании насыпи Н.П. Кондаков обнаружил «два скелета, лежавшие поперёк один другого, по-видимому, двух рабов» рядом с которыми была найдена чашечка из грубой глины и обломки железного ножа [1883 г., д. 1, л. 8]. От этого места по материк у фиксировался сплошной слой амфорных черепков, затем костёр от тризны с большим количеством бычьих и рыбьих костей. В особо вырытых ямках были обнаружены аттические чернолаковые и краснофигурные сосуды, а отдельно от них, между поставленными на ребро камнями, стояли краснофигурная ойнохоя и лекиф с рельефным орнаментом, изображающим сцену охоты. В отношении лекифа Н.П. Кондаков заметил, что его орнаментация «является настолько близкой по теме и самой композиции к знаменитой вазе Ксенофанта Афинянина эрмитажного собрания, как повторение или заимствование» [1883 г., д. 1, л. 9]. Надо признать, что исследователь не ошибся, и расчистка этого лекифа обнаружила здесь подпись мастера Ксенофанта [Передольская, 1945, с. 54; см.: Виноградов, 2007б, с. 8]. Раскопки 1885 г. не дали никаких результатов, и Н.П. Кондаков посчитал исследование Змеиного кургана законченным [1885 г., д. 23, л. 8].

Наиболее яркое открытие в Восточном Крыму было сделано Н.П. Кондаковым при раскопках кургана *около села Баксы (совр. Глазовка)* в 1882 и 1883 гг. [1882 г., д. 19, л. 13-19; 1883 г., д. 23, л. 6; см.: ОАК, 1882-1888, с. IV-VIII, XXX-XXXI]. Насыпь этого кургана была сооружена из камня и с северной стороны укреплена шестью последовательно построенными стенами, так что склеп здесь находился почти как в «матрёшке». Высота насыпи составляла около 11 м, окружность

основания – 190 м. Большая гробница (4,30 × 3,60 м, высота – 5,30 м) имела уступчатое перекрытие (рис. 64); в ней находился упавший деревянный саркофаг с резными украшениями, янтарными и костяными вставками. Любопытно, что внутри него не сохранилось костных остатков, но были обнаружены: железный меч в ножнах с золотой обкладкой, бронзовый стригиль и два деревянных «посоха», один из которых украшен головой лошади. В склепе находились также захоронения трёх коней с довольно простой уздой. Вообще погребальный инвентарь не отличается особенной роскошью, из золотых вещей (помимо украшений меча) здесь найдено всего несколько бляшек. Тем не менее, в насыпи кургана были обнаружены обломки большого краснофигурного кратера, а в самом склепе – прекрасная краснофигурная пелика. Отсутствие единого стиля в украшениях и других предметах сопровождающего инвентаря, найденных в склепе, а также потревоженность праха погребённого (суставы пальцев обнаружены в дромосе) дали автору раскопок возможность считать, что в склепе были совершены два одновременных захоронения [см. также: ОАК, 1882-1888, с. VII; Rostowzew, 1931, S. 348-349; Gajdukevič, 1971, S. 277; Виноградов, 2005, с. 249-250, 268]. К более раннему, как считается, относится краснофигурная пелика, которая датируется концом V в. до н.э. [Горбунова, Передольская, 1961, с. 107, рис. 52; Передольская, 1971, с. 54], а также обнаруженный в насыпи разбитый краснофигурный кратер, который тоже датируется концом V в. до н.э. или чуть более поздним временем [Shefton, 1982, p.149].

По мнению Н.П. Кондакова, второе погребение было совершено на четыре или пять столетий позднее [1882 г., д. 19, л. 15], что представляется крайне маловероятным. Внимательное рассмотрение материалов раскопок вообще позволяет усомниться в обоснованности точки зрения о двух захоронениях в кургане Баксы [ср.: Ростовцев, 1925, с. 395]. Разностильность вещей, как известно, является характерной чертой, в особенности для греко-варварских погребальных комплексов, по этой причине можно предположить, что в кургане у села Баксы был погребён кто-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства первой половины IV в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 395]. Курганы этого времени вообще не очень богаты драгоценными предметами, во всяком случае, по этому показателю они значительно скромней комплексов второй половины столетия. К тому же склеп Баксинского кургана подвергался ремонту (разобран дромос, специальной кладкой обложена западная стена), во время которого часть самых дорогих вещей из него могли просто вынести. На мой взгляд, есть вероятность того, что в склепе этого кургана был погребён Сатир I (умер в 389/88 г. до н.э.) [Виноградов, 2011б]. При таком понимании, учитывая явные варварские черты погребального обряда, придётся считать, что вопрос о варварском (фракийском) происхождении Спартокидов вполне доказан, но такое ответственное заключение, конечно, нуждается в дополнительной аргументации.

Важным начинанием в деле изучения боспорских древностей стали работы Ф.И. Гросса на некрополе Мирмекия. В 1885 г. он предпринял раскопки на

обширном грунтовом могильнике, лежащем в полуверсте к северо-востоку от городища, около дороги на Еникале, а также на двух расположенных там курганах [ОАК, 1882-88, с. IX-X]. В общей сложности здесь было выявлено 36 гробниц, которые, по выражению исследователя, заключали останки людей «бедного класса». Тем не менее, некоторые из обнаруженных там вещей относятся, по заключению автора, «ко времени процветания греческого искусства». Исследования под Мирмекием представлялись Ф.И. Гроссу вполне перспективными, по этому поводу он специально отметил: «Гробницы же богатых лиц, как следует полагать, находились тут в курганах, которые, однако же, все разрыты, но, несмотря на это, в них могут быть ещё уцелевшие гробницы» [1885 г., д. 10, л. 9].

Что касается раскопок на Таманском полуострове, то в 1882 г. В.Г. Тизенгаузен продолжил исследования курганов под Анапой (рис. 65), но они были не столь удачными, как в 1881 г. (см. главу 2.7). Более успешными оказались раскопки к северу от Анапы, по дороге в Витязевку, около станицы *Благовещенской*, где был исследован курган, в котором открыт большой каменный склеп с полуцилиндрическим сводом [рис. 66-67; ОАК, 1882-88, с. XX-XXII]. По наблюдению исследователя, грабители посетили этот склеп в древности и унесли из него почти всё самое ценное, но находившееся там погребение женщины практически не тронули. Покойная была положена в деревянный саркофаг, украшенный фризом с изображением Нереид, везущих доспехи Ахиллу [см.: Сокольский, 1969, с. 29-31, № 21, табл. 13]. Среди хорошо датированных находок, происходящих из этого комплекса, представлена золотая монета царя Лисимаха. Н.П. Кондаков считал, что курган около станицы Благовещенской относится к III в. до н.э. [ОАК, 1882-88, с. 59], и с ним в целом можно согласиться. М.И. Ростовцев полагал, что курган был возведён не ранее первой половины III в. до н.э. [Ростовцев, 1914а, с. 111], а М. Пфроммер датирует его серединой этого столетия [Pfrommer, 1990, S. 262].

В 1883 г. петербургский археолог провёл раскопки около станиц *Гостогаевской* и *Николаевской* [1883 г., д. 22]. Что касается курганов на землях станицы Николаевской, то в расположенной здесь курганной группе были раскопаны три самых больших кургана, вошедшие в науку под названием Тарасовских по имени владелицы земли Е.Н. Тарасовой. В каждом из них был открыт прекрасно сложенный каменный склеп, но все они, по выражению автора раскопок, были «дочиста ограблены» [ОАК, 1882-1888, с. XXIX-XXX]. М.И. Ростовцев по этому поводу, правда, с горечью заметил, что сомнительно, чтобы «ни в одном из трёх сооружений не сохранилось ни одного черепка» [Ростовцев, 1914а, с. 109].

Большой научный интерес представляет также исследованный В.Г. Тизенгаузенем курган Султан-гора под Гостогаевской станицей, достигавший в высоту 10 м при окружности основания около 213 м. Здесь был открыт каменный склеп, состоящий из двух погребальных камер с уступчатым перекрытием, а также ещё одной камеры с плитовым перекрытием, в которой, вероятнее всего, находились захоронения коней [1883 г., д. 22, л. 8-9; см.: ОАК, 1882-1888, с. XXVII-XXIX]. М.И. Ростовцев

полагал, что сохранившееся описание не позволяет судить об этом склепе сколь-либо серьёзно [Ростовцев, 1914а, с. 111]. Тем не менее можно предполагать, что курган относится к IV в. до н.э. и, в общем, даёт важную дополнительную информацию о культуре местной племенной знати в составе Боспорского государства.

Раскопки В.Г. Тизенгаузена под Анапой были закончены в местности, носившей название «Под акациями». Здесь он предпринял исследования в полах некоторых из курганов, после чего переправился в Керчь и 26 октября 1883 г. сдал весь свой археологический инвентарь в Музей древностей [1883 г., д. 22, л. 11]. После этого никаких раскопок на берегах Керченского пролива учёный больше не проводил.

В 1882 г. С.И. Верebrюсов провёл раскопки на *Малой Близнице* (рис. 68), исследования которой, как уже сказано, были начаты одновременно с Большой Близницей в 1864 г., но долгое время не давали результатов (см. главу 2.6). С.И. Верebrюсову, наконец, удалось открыть здесь весьма любопытную и довольно богатую кремацию. Долгое время этот комплекс считали относительно поздним. Так, Н.П. Кондаков полагал, что погребение следует относить к III в. до н.э. [ОАК, 1882-1888, с. 74], а М.И. Ростовцев посчитал даже, что в нём нет вещей, которые можно было бы датировать ранее конца III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 375; Rostowzew, 1931, S. 333]. Имеющийся материал, однако, позволяет поспорить с этой хронологической атрибуцией и предложить другую – первая половина IV в. до н.э. [Виноградов, 2004б, с. 102].

Выше говорилось (см. главу 2.5), что в 1883 г. С.И. Верebrюсов предпринял исследования Большой Близницы и открыл здесь неразграбленную гробницу № 5 [ОАК, 1882-1888, с. XXXVIII-XXXIX]. В 1884 г., после его смерти, эти раскопки были продолжены новым директором Керченского музея Ф.И. Гроссом в единственной оставшейся нерасследованной северо-западной части насыпи, но никаких погребений здесь обнаружить не удалось [1884 г., д. 47, л. 9, 25]. Раскопки 1885 г. тоже не привели к открытиям новых погребальных памятников, что позволило исследователю сделать заключение, что Большая Близница уже полностью изучена [1885 г., д. 10, л. 7 сл.].

С.И. Верebrюсов считал необходимым исследование курганов, расположенных на Таманском полуострове около станиц *Титоровской* и *Стеблиевской* [1883 г., д. 3, л. 55], и, как говорилось выше, эти раскопки в небольших объемах здесь были проведены (см. главу 2.7). Ф.И. Гросс продолжил исследования на обозначенной территории [1884 г., д. 47, л. 26-27]. Он также провёл раскопки курганов, лежащих на возвышенности в 4 верстах к востоку от *Тамани*, а кроме того – по дороге на *Тузлу* [1885 г., д. 10, л. 6, 31-32]. Его общий вывод по этому поводу сводится к тому, что «курганы, находящиеся на востоке от станицы (Тамань – Ю.В.) по направлению к Цокурскому лиману и Бугазу, большею частью скифские³, эллинские же на западе от Тамани, из них многие ещё не раскопаны» [1885 г., д. 10, л. 32].

³ Скифскими Ф.И. Гросс, скорее всего, считал курганы, относящиеся к эпохе бронзы. Выше уже

В 1885 г. раскопки под *Старотиторовской* были проведены Н.П. Кондаковым, работы которого были сосредоточены в трёх пунктах: на холмистой возвышенности, идущей вдоль Ахтанизовского лимана; на таком же хребте, идущем от Цокурского лимана к горе Нефтяной; в долине между этими возвышенностями, к западу от Титоровки [1885 г., д. 23, л. 6; см.: ОАК, 1882-1888, с. LXXXI-LXXXII]. Сам автор признал эти работы крайне неудачными, поскольку в первой группе курганы уже были разрыты, как он посчитал, в 40 годах XIX в., а во второй были обнаружены костяки, окрашенные красной краской, не представлявшие для него никакого интереса. После этого Н.П. Кондаков перешёл на *Буерову могилу*, раскопанную в своё время И.Е. Забелиным (см. главу 2.7), где предполагал обнаружить захоронения в полах этого огромного кургана. Смелые надежды исследователя, однако, оказались напрасными [1885 г., д. 23, л. 7; см.: ОАК, 1882-1888, с. LXXXII].

говорилось, что основанием для такой атрибуции послужила их бедность, наличие в могилах лишь грубой керамической посуды, подстилок из морской травы и пр.

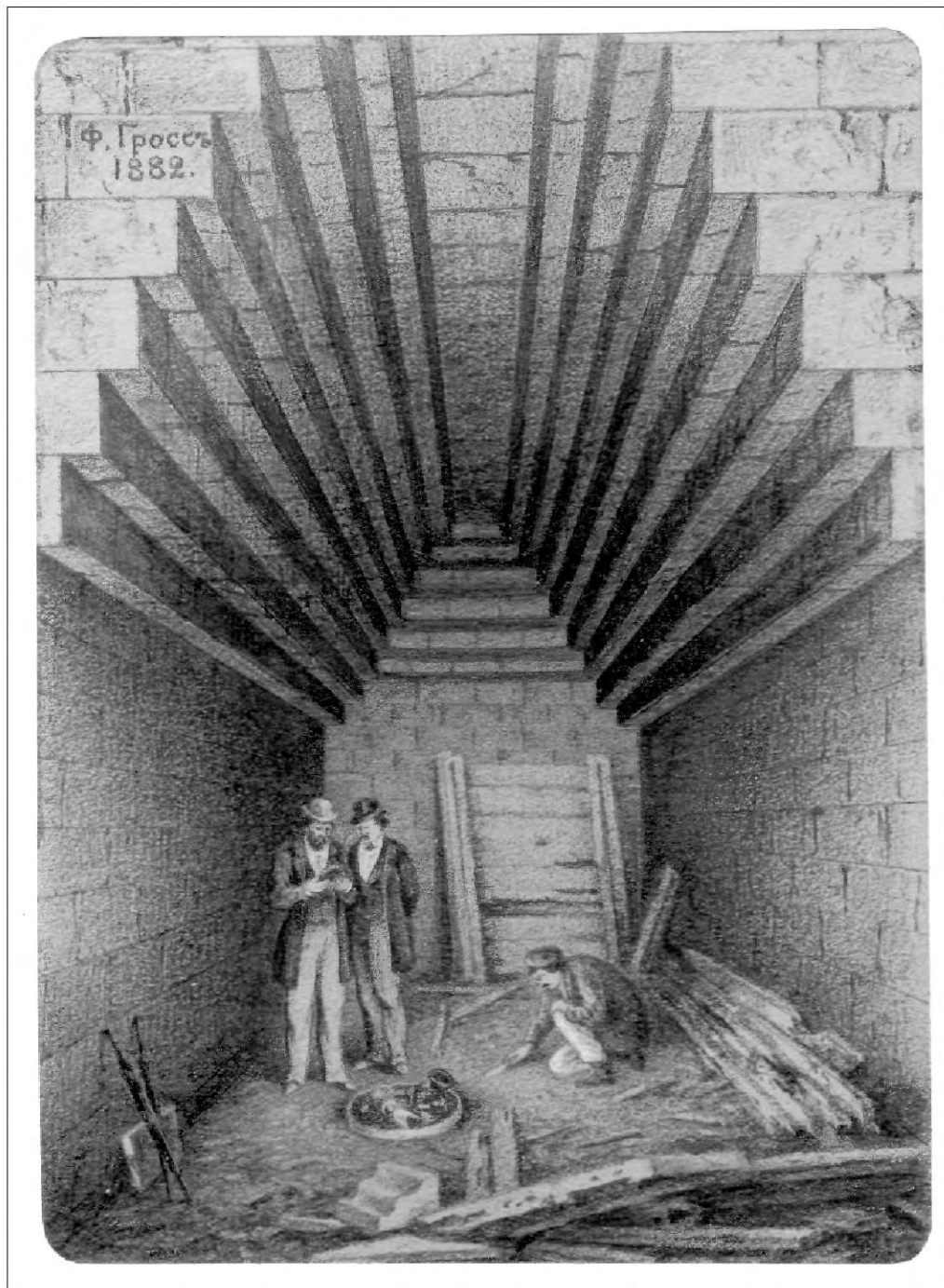

Рис. 64. Внутренний вид склепа в кургане у села Баксы [Р. 1, № 569, л. 7].

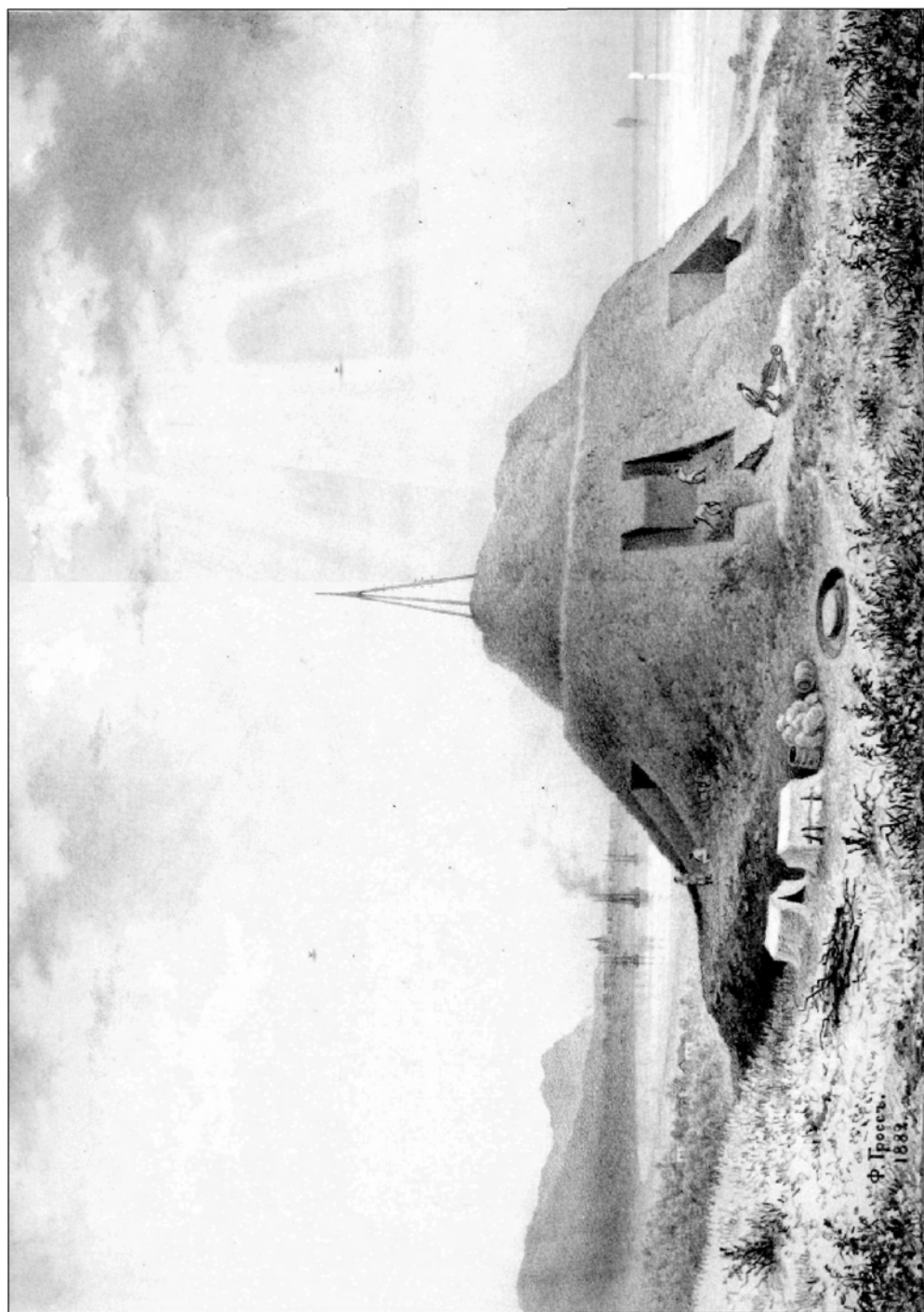

Рис. 65. Анапский курган 1882 г., вид с северо-запада [Р. 1, № 569, л. 1].

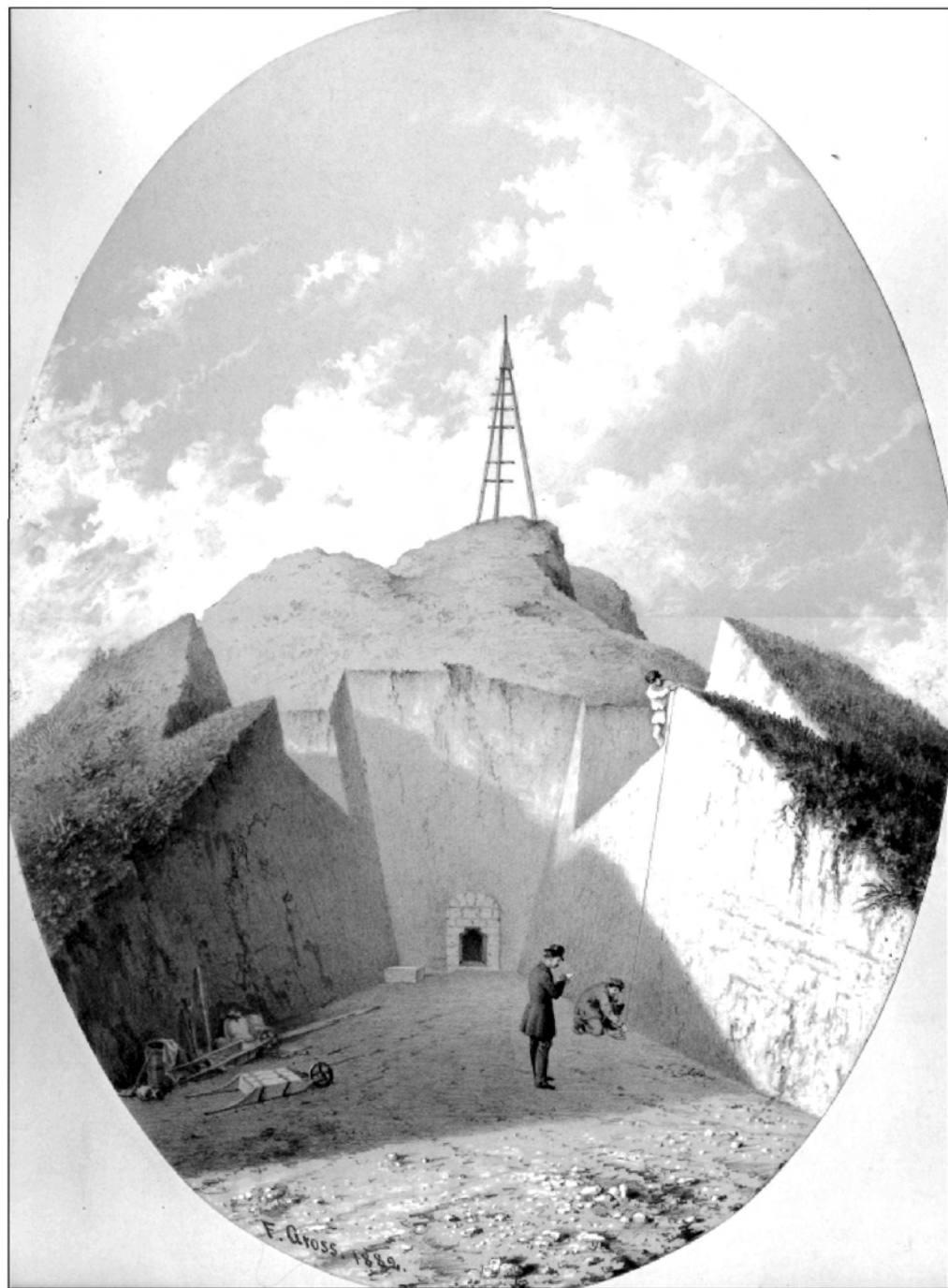

Рис. 66. Раскопки кургана у станции Благовещенской в 1882 г. [Р. 1, № 569, л. 2].

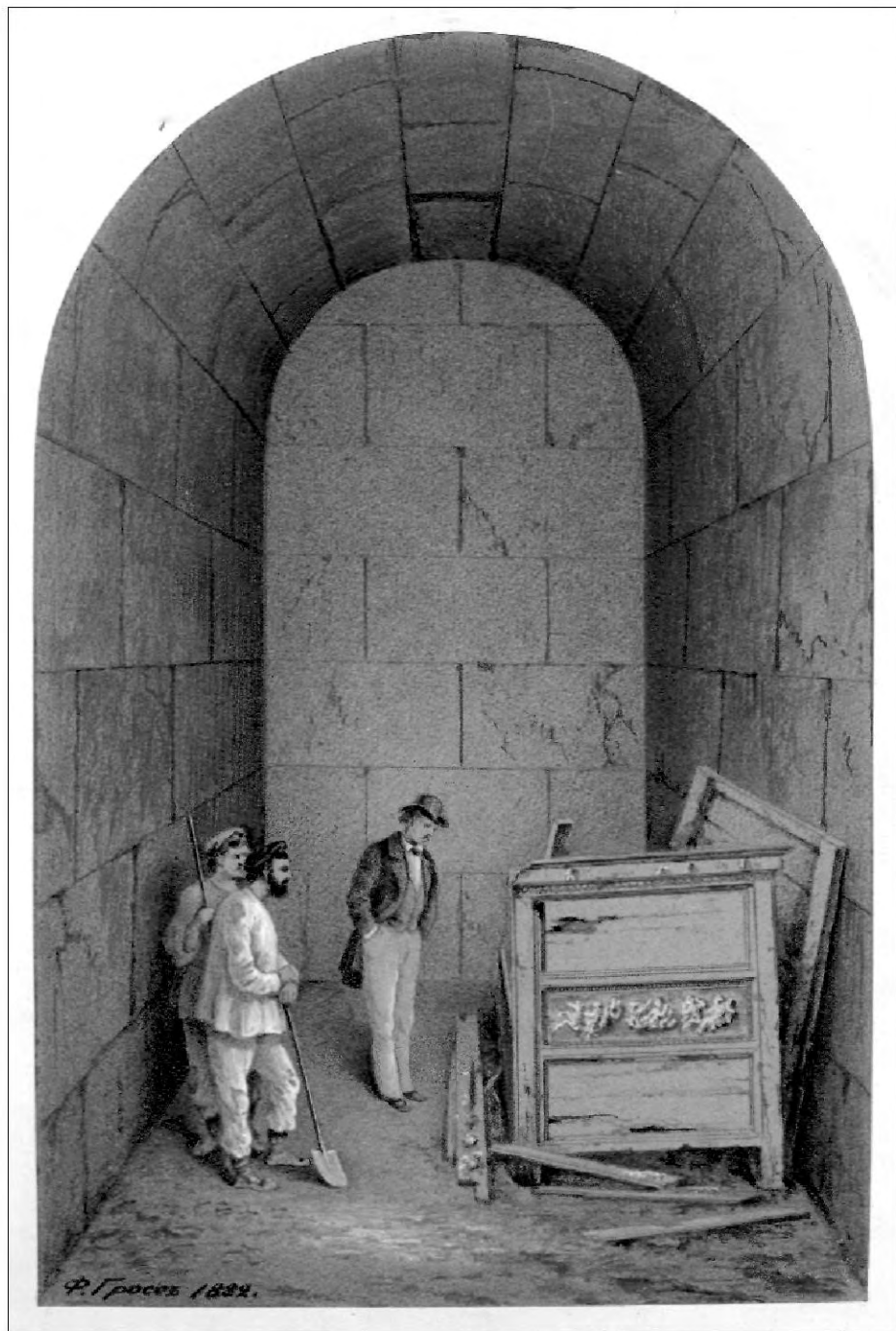

Рис. 67. Внутренний вид склепа кургана у станицы Благовещенской [Р. 1, № 569, л. 3].

Рис. 68. Раскопки Малой Близницы в 1882 г. [Р. 1, № 569, л. 4].

3.3. Программа раскопок Ф.И. Гросса

После смерти С.И. Веребрюсова (1884 г.) директором Керченского музея, как уже было сказано, стал его заместитель Ф.И. Гросс [о нём см.: Лазенкова, 2003, с. 33 сл.]. Он вскоре направил в С-Петербург краткую, но весьма любопытную для истории боспорской археологии записку. Ф.И. Гросс назвал её «Программа раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове в 1885 году». Приведу этот документ полностью [1885 г., д. 10, л. 3-4]:

«Желая при производстве Археологических (с большой буквы слово написано в источнике – Ю.В.) разысканий открыть также памятники палеографические, пластического и строительного искусства, дополняющих историю Босфорского царства, я намерен, независимо от раскопок курганов и сплошных могильных мест, произвести также раскопки в пепелищах на горе Митридат, в которых уже много было открыто замечательных памятников древности. И мною также в 1876 году была открыта плита с замечательно эллинскою надписью, повествующей о босфорском царе Перисаде III⁴, о котором до открытия этой плиты в истории Босфора ещё не было известно, то по всему этому можно предположить, что в этих ещё очень мало расследованных пепелищах всё ещё кроются интересные памятники для науки. Затем, кроме упомянутых пепелищ, находятся ещё во многих местах в окрестностях Керчи пепелища ещё очень мало расследованные, и большинство оных ещё совершенно не тронуты разысканиями.

Вот перечень оных:

1. Пепелище древнего Мирмекиона находится за Керченским карантинном у берега моря, в котором мною давно замечена древняя кладка, занесённая морским песком и подходящая под пепелище, вышиною более двух сажений. В остатках этой каменной кладки могут быть заложены (как это неоднократно встречалось) плиты с надписями или другие фрагменты, употреблённые в числе прочего строевого камня.
2. В двух верстах далее к востоку по направлению к Ени-кале, на скалистом мысу Змеиного Городка, где в настоящее время находится кордон береговой стражи, также находится пепелище ещё совершенно нетронутое.
3. Далее у самого Ени-кале и находящегося вблизи татарского аула Ян-Кой находятся тоже древние пепелища, в которых часто татары того аула находят монеты.

⁴ См. главу 2.10. Имеется в виду посвящение Афродите Урании за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота [КБН, 75]. Перисад III правил приблизительно в 180-170 гг. до н.э. [Vinogradov, 1993, S. 223].

4. Пепелище древнего Ахиллеона у Еникальского маяка, при селении Маяки.
5. Пепелище на Темир-горе.
6. Пепелище вокруг скалистого холма к западу, за селением Катерлес.
7. Пепелище на гребне горы при Золотом кургане.

Раскопки в сплошных могильных насыпях, равно и в пепелищах, я намерен произвести весною и осенью. На летний же сезон я намерен отправиться с артелями в Тамань для расследования там курганов, находящихся в отдалённых от Тамани окрестностях, по направлению к мысу Панагия и Бугазу, где разыскателями ещё раскопки не производились».

Простим Ф.И. Гроссу, что древний Ахиллий он размещал на европейской стороне Боспора, рядом с Маяком, хотя Страбон свидетельствует, что тот находился на азиатской, напротив Мирмекия и Парфения (Strab. XI. 2. 6). Автор своими глазами видел немало остатков древних поселений, которые представлялись ему достойными для проведения археологических раскопок. Другое дело, что цель этих раскопок он видел, в основном, в добывании каменных плит с надписями.

3.4. Изучение городищ

Пантикапей

В декабре 1882 г. керченский мещанин Савелий Борзых на горе Митридат за городским кладбищем случайно нашёл обломок верхней части женской мраморной статуи (высотой 0,90 м), голова которой была украшена венком. Несмотря на сильные морозы, раскопки на этом участке были начаты незамедлительно, в результате чего была вскрыта площадь почти 110 кв. метров, в центре которой был открыт каменный фундамент какой-то постройки. Рядом с фундаментом были обнаружены куски мрамора, каменные плиты с архитектурным декором и пр. [1882 г., д. 7, л. 24; см.: ОАК, 1882-1888, с. XXXIII-XXXIV]. Сразу было высказано предположение, что здесь находился древний храм, и, по рекомендации председателя Археологической комиссии, исследования на участке были продолжены весной 1883 г. Раскоп был расширен до 400 кв. саженей (1820 кв. м!), слой вскрыт на глубину до 1,40 м. В результате этих работ были открыты остатки фундаментов, по поводу которых С.И. Веребрюсов писал, что они «по плохой конструкции при незначительном протяжении не могли принадлежать каким-либо солидным постройкам, а разнообразие в их направлении показывает, что здесь в течение времени одни постройки возводились на месте других, более отдалённого времени, так что следы древнейших сооружений постепенно сглаживались». Однако находки архитектурных деталей и обломков мрамора, по мнению исследователя, «могли быть отнесены ко времени существования здесь страбоновой Пантикапей» [1883 г., д. 3, л. 14]. Раскопки

«пепелищ» Пантикапея были продолжены Ф.И. Гроссом в 1885 г. [1885 г., д. 10, л. 29, 35; см.: Блаватский, 1951, с. 22].

Мирмекий

Ф.И. Гросс, как планировалось в его «Программе раскопок», сделал попытку заняться изучением Мирмекия в 1885 г. [1885 г., д. 10, л. 9, 31; см.: ОАК, 1882-1888, с. LXXXVIII сл.; Гайдукевич, 1941а, с. 102-103; 1959, с. 11 сл.]. Он провёл раскопки в прибрежной юго-восточной части городища и обнаружил каменную стену шириной более метра, которая была признана частью «набережной». В «Программе» сказано, что высота этой набережной составляла более двух саженьей, т.е. превышала 4 м, во что верится с трудом. Это открытие могло бы иметь очень большое значение для изучения характера застройки Мирмекия, но никаких оснований для датировки стены у нас, к сожалению, нет. В связи с этим следует признать, что раскопки А.Е. Люценко и Ф.И. Гросса, проведённые на городище, для понимания культуры боспорского города, основных этапов его истории и т.д. не дали практически ничего.

«Пепелища» Таманского полуострова

При А.А. Васильчикове раскопки городищ азиатского Боспора были практически прекращены, даже в Фанагории не было предпринято хотя бы разведочных исследований [Панкратова, 2008б, с. 202]. Тем не менее, при изучении курганов азиатского Боспора археологи, как говорилось выше, время от времени обращали внимание на поселения, расположенные сравнительно далеко от руин крупных древнегреческих городов, к примеру, на берегу Солёного озера или около Титоровки (см. главу 2.10). Эта практика была продолжена, и в 1885 г. Ф.И. Гросс, раскапывавший курганы на возвышенности в 4 верстах к востоку от Тамани (см. главу 3.2), провёл исследование на лежащем рядом с ними древнем поселении. Там был заложен раскоп площадью более 36 кв. м, но среди сделанных находок отмечены всего две амфорные ручки с клеймами [1885 г., д. 10, л. 31].

3.5. Некоторые итоги

Деятельность Археологической комиссии при А.А. Васильчикове (1882–1886 гг.) с формальной стороны развивалась в старых традициях. Приоритет в изучении классических древностей по-прежнему отдавался боспорским курганам, хотя яркие открытия здесь становились всё реже, но, тем не менее, они были (Баксы, Анапский курган). В начале 1883 г. в С-Петербурге была проведена выставка археологических открытий за последние два года, 12 февраля её посетил император Александр III. Было признано, что на этой выставке особенно выделяется «собрание превосходных произведений классического искусства, добытых при раскопках древних пепелищ и курганов в окрестностях Анапы, Керчи и на Таманском полуострове» [1883 г., д. 8, л. 1]. В связи с таким

успехом некоторые сотрудники Археологической комиссии получили награды: С.И. Веребрюсов – орден святой Анны II степени, Ф.И. Гросс – орден Святого Станислава II степени, И.А. Суслов – орден Святого Владимира IV степени, В.Г. Тизенгаузен – годовой оклад в размере 800 руб. [1883 г., д. 8, л. 10].

Признавая важность некоторых археологических открытий этого периода и заслуженность полученных археологами наград, приходится признать и то, что, несмотря на стремление С.И. Веребрюсова и Ф.И. Гросса более активно включиться в изучение городищ и селищ Боспора, в плане практическом в этом направлении почти всё осталось на прежних позициях. Правда, особенно огорчаться этому не приходится, поскольку методика исследований поселенческих памятников тогда была весьма примитивной, раскопки были нацелены на получение лапидарных надписей или произведений искусства (скульптуры, рельефы и т.д.); об изучении истории, социальной структуры или экономики боспорских поселений тогда никто серьёзно не задумывался. К тому же эти раскопки почти не документировались.

Хорошо известно, что при А.А. Васильчикове не было опубликовано ни единого выпуска «Отчётов Императорской археологической комиссии», объединённый том за 1882–1888 гг. увидел свет лишь в 1891 г., что, конечно, следует поставить в вину её председателю. Ещё более критической оценки заслуживает обозначившаяся в это время тенденция оформления археологической документации. Дело в том, что ранее каждый раскопанный погребальный комплекс, даже сравнительно бедный, пусть очень кратко, но описывался отдельно, давалась характеристика сделанных в нём находок и т.д. Теперь же описания почему-то стали даваться обобщёнными, охватывающими сразу целый участок раскопок. Эта тенденция, как представляется, впервые проявилась в отчёте о раскопках 1884 г. близ Арестантских казарм в Керчи. Отчёт сводится к информации о том, что на участке были обнаружены 22 земляные и 1 каменная гробницы, в которых было найдено столько-то горшков, зеркал, серёг, бусин и т.д. [1884 г., д. 47, л. 28; см.: ОАК, 1882-1888, с. XLIII-XLIV]. После этого археологические отчёты всё больше стали превращаться в собрания финансовых документов, справок о высылаемых в Петербург находках и т.д., а вот настоящая полевая работа находила в них весьма скромное отражение. Всё это, в конце концов, сделало значимость археологических отчётов минимальной. Трудно сказать, что было причиной столь вопиющего пренебрежения элементарными правилами фиксации раскапываемых объектов, но вряд ли это связано исключительно с нерадением полевых археологов. Если бы это было только так, то петербургское руководство вполне могло бы указать им, так сказать, на неполное служебное соответствие, однако такого не произошло. Руководство Императорской археологической комиссии, вероятно, полагало, что такие отчёты соответствуют всем современным требованиям, а излишне подробные описания, в общем, никому не нужны. Такая позиция по существу превращала археологические раскопки боспорских могильников в отрасль кладоискательства.

Глава IV.

А.А. БОБРИНСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В КОНЦЕ XIX В.

4.1. Новые веяния

А.А. Бобринский был назначен председателем Императорской археологической комиссии 1 февраля 1886 г. и исполнял эти обязанности более 30 лет [о нём см: Тихонов, 2004; Медведева и др. 2009, с. 111]. Надо признать, что он сразу попытался принять необходимые меры к расширению штата Археологической комиссии, введя в её состав третьего младшего члена¹. Новый председатель стремился также к увеличению денежных окладов сотрудникам, которые, по его мнению, должны были равняться содержанию должностных лиц Императорского Эрмитажа [1886 г., д. 71, л. 1]. А.А. Бобринский не стал требовать от директора Керченского музея Ф.И. Гросса изложения его взглядов относительно итогов и перспектив боспорской археологии, что, как помним, сделал А.А. Васильчиков. Он пошёл иным путём, и 25 сентября 1886 г. сам отбыл в командировку на юг России для обозрения Керченского музея и производящихся на Боспоре археологических раскопок, передав свои дела в столице В.Г. Тизенгаузену [1886 г., д. 8, л. 13, 15]. Эта командировка продолжалась почти два месяца, и, надо признать, подобные поездки совершались А.А. Бобринским и в будущем с достаточной регулярностью. Более того, он первым из руководителей ИАК лично проводил раскопки, в том числе под Керчью (см. главу 4.9).

Г.С. Лебедев справедливо писал, что классическая археология Северного Причерноморья в России к началу 1890 годов «в организационном, методическом и фактографическом отношении ... представляла собой наиболее развитый и прочный компонент структуры археологической науки» [Лебедев, 1992, с. 233]. Нет смысла говорить, насколько сложным было это время в истории России. Сложности, естественно, не обошли стороной и Археологическую комиссию. Именно в это время она впервые сталкивается с острой критикой в свой адрес со стороны, так сказать, исследователей на местах, которые упрекали её в отсутствии должной заботы об охране памятников и в излишнем увлечении

¹ Одновременно с этим, правда, планировалось устранить должности помощника директора Керченского музея, художника и канцелярского чиновника при Комиссии [1886 г., д. 71, л. 1]. Должность помощника директора действительно была сокращена, но вряд ли это нововведение можно признать полезным для развития археологических исследований на Боспоре.

классическими древностями [1886 г., д. 71, л. 16-24]. В печати эти взгляды были выражены Д.Я. Самоквасовым, который утверждал, что Императорская археологическая комиссия была учреждена специально для изыскания «образцов классического искусства в курганах южной России», а совсем не для изучения памятников быта народов, населявших этот регион. Он подчёркивал, что на юге России были созданы уже три научных центра (в Керчи, Херсонесе и Ольвии), но ни одного в центральных губерниях. Роскошно изданные «Отчеты Императорской археологической комиссии», по его мнению, не отличались особым вниманием к изложению результатов раскопок. Если сравнивать их с донесениями А.Б. Ашика, то необходимо признать, что эти донесения имеют «более общее и важное значение для русской археологии, нежели специальные объяснения академика Стефани» [Самоквасов, 1908, с. 150]. В чём-то признавая правоту Д.Я. Самоквасова, всё-таки необходимо обратить внимание на некорректность некоторых его высказываний. Так, сравнение публикаций А.Б. Ашика и Л.Э. Стефани не имеет особого смысла, поскольку Л.Э. Стефани не имел отношения к полевой археологии и в отчетах давал лишь профессиональные, глубочайшие по содержанию оценки некоторых обнаруженных на юге России произведений античного искусства. Донесения А.Б. Ашика правильнее сравнивать не с этими комментариями, а с отчетами о раскопках других керченских археологов, к примеру, А.Е. Люценко, но последние, как было сказано выше, отличаются очень хорошим для своего времени качеством. В таком случае вообще не приходится говорить о большей важности для российской археологии трудов А.Б. Ашика, а, возможно, даже наоборот.

Известно, что в середине 1880 годов Императорской археологической комиссии приходилось не только оправдываться от критики, но и буквально защищать право на существование. В 1886 г. В.Г. Тизенгаузену пришлось ответить на обрушившиеся обвинения, составив специальную записку [1886 г., д. 73, л. 1-2]. В этой записке он указал, что Комиссия по мере сил и возможностей заботится о сохранности памятников, в частности, она «на свои средства оберегает» склеп Царского кургана в Керчи, построив при нём сторожку и содержа специального сторожа. Особое внимание к изучению южных курганов В.Г. Тизенгаузен объяснил тем, что они не только более всех других подвергаются грабительским раскопкам, но и дают великолепные результаты, которыми российская наука может заслуженно гордиться. Комиссия сосредоточила свои основные силы на этом предмете ещё и потому, «что исследованию древностей других местностей посвящали себя разные археологические общества наши» [1886 г., д. 73, л. 1]. Далее он резко возражал против распыления средств на археологические исследования в стране и, наконец, указал на важность сохранения принципа централизации дела изучения российских древностей, ссылаясь при этом на европейский опыт.

Непонимание могло возникнуть (точнее, продолжало возникать) и внутри самой Археологической комиссии; её деятельность порой не находила

должного понимания даже в среде людей, связанных с Комиссией многолетней работой. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод, имевший место во время увольнения на пенсию директора Керченского музея Ф.И. Гросса. В своём заявлении в ИАК, датированном 3 февраля 1891 г., 69-летний археолог писал [1891 г., д. 28, л. 3]:

«По совершенно расстроенному здоровью моему не могу продолжить службы, вся моя нервная система ослаблена, страдаю застарелым ревматизмом ног, астмой, часто весьма мучительною. Все эти недуги произошли от многолетних занятий по службе при раскопках во всякую погоду, во время работ в сырых могилах, при убийственном, спёртом, сыром воздухе в катакомбах для составления копий с фресковой живописи, что тем более стало для меня трудным за последние 7 лет».

Странно, но будущий директор музея К.Е. Думберг в своём письме А.А. Бобринскому от 5 марта 1890 г. заметил, что В.Г. Тизенгаузен информировал его о вакансии на эту должность, открывающейся в 1889/90 гг. [1990 г., д. 189, л. 1]. Складывается впечатление, что для руководства Комиссии, по крайней мере для В.Г. Тизенгаузена, увольнение Ф.И. Гросса на пенсию было делом решённым или, по крайней мере, желательным ещё до появления официального заявления. Поводом к его написанию, возможно, стало известие о переговорах с К.Е. Думбергом; столь же вероятно, что Ф.И. Гросс был как-то информирован о нелестном отзыве Ю.А. Кулаковского по поводу качества рисунков, которые он снимал с росписей керченских катакомб. По мнению Ю.А. Кулаковского, в этих рисунках имеется «очень много неточностей и погрешностей, как в общем их характере, так и в деталях» [1890 г., д. 31, л. 101]. По этому поводу или независимо от него заявление об уходе было написано, и ИАК принялась хлопотать за назначение заслуженному археологу «усиленной пенсии» в размере 1333 руб. 33 коп. Со службы он был уволен 31 марта 1891 г., но вынужден был продолжать свою работу, поскольку к тому времени должность заместителя Керченского директора по каким-то причинам была отменена [1886 г, д. 71, л. 4, 10] и Ф.И. Гроссу было просто некому передать дела. Двусмысленность такого положения, надо думать, оскорбляла и раздражала больного человека, результатом чего стало резкое письмо, направленное в Археологическую комиссию. В архиве ИИМК РАН это письмо отсутствует, но имеется ответ на него, составленный В.Г. Тизенгаузенем, из которого суть вопроса, несмотря на односторонность трактовок, становится абсолютно ясной. Приведу данный ответ полностью [1891 г., д. 28, л. 32-33]:

«Милостивый государь Фёдор Иванович!

На полученное мною сегодня письмо Ваше от 3-го октября спешу ответить Вам по пунктам следующее:

1. О рисунках, заказанных Вам гр. Бобринским, я не имею ни малейшего понятия, а его самого до сих пор нет в Петербурге.
2. Предположение Ваше, что Археол. Комиссия не выслала Вам денег на раскопки и покупку древностей “из опасения, что Ф.И. из нескольких десятков казённых рублей построит себе Альгамбру”, равно как желание Ваше “предупредить неприличную мысль, что Вы при покупке вещей (у г. Бартоломео) можете иметь какую-либо выгоду” – более чем странно и легкомысленно. Если бы Комиссия когда-либо считала Вас за человека, способного покушаться на чужие деньги, то она не только никогда не приняла Вас на службу к себе, но и не удостоила бы Вас чести включить Вас в число своих членов. Признаюсь, я никогда не ожидал от Вас, что за оказанное Вам доверие Вы способны заподозрить своих товарищей по службе в таких гнусных помышлениях.
3. Не имея под рукой казённых денег, чтобы купить разные древности, которые были принесены в Музей (терракотовые барельефы, вазы и золотой браслет), всякий другой на Вашем месте немедленно телеграфировал бы о том в Комиссию, которая не замедлила бы выслать Вам деньги на покупку их. Не могу не заметить при этом, что благодаря подобному бездействию со стороны Музея, такая прекрасная вещь, как “гнилая сковорода”, могла попасть в руки Ермолая².
4. Решительно не могу понять, почему Вы не нашли нужным немедленно донести Арх. Комиссии о том, что в первых числах февраля по дороге в Аджимушкой оказалась провалившаяся катакомба, требующая исследования, а предпочли спокойно ожидать времени, когда “сирота разбогатеет”. Своеобразное у Вас понятие о служебных обязанностях.
5. Столь же непонятно для меня, почему золотые вещи, найденные в саду г. Бартоломео, не были тотчас же отправлены Вами в Археологическую Комиссию, которая немедленно выслала бы за них деньги, и, следовательно, никак не заслуживает Вашего упрёка в несвоевременной уплате вознаграждения, следовавшего г. Бартоломео. Конечно, всегда гораздо удобнее собственную вину свалить на других.

² Имеется в виду Ермолай Романович Запорожский, один из активных торговцев керченскими древностями в конце XIX – начале XX вв. [Боровкова, 1999, с. 120-124]. Об одном эпизоде его деятельности, связанном с приобретением в Эрмитаже серебряного блюда, см.: Ф, 1, 1891 г., д. 21.

6. Показание Ваше, что первое медицинское свидетельство Ваше было возвращено Вам только тогда, когда Вы получили извещение Комиссии об увольнении Вас от службы, – несогласно с истиной. Оно было возвращено Вам И.А. Сусловым вслед за получением здесь (11 февр. 1891 г.) Вашего прошения об отставке. Так как Вы обвиняете других в нерадении к Вашим интересам, то я должен обратить Ваше внимание на то, что главным виновником проволочки в назначении Вам пенсии оказываетесь Вы сами. Стоило Вам либо самим заглянуть в Свод Законов, либо посоветоваться с толковым человеком, чтобы узнать, что на основании свидетельства, выданного Вам г. Сегелем, без утверждения Врачебной Управы, Министерство двора не вправе ходатайствовать о назначении Вам усиленной пенсии. Затем И.А. Суслов телеграммой от 16-го марта уведомил Вас, что Комиссия с нетерпением ожидает от Вас медицинского свидетельства (нового). Получив от Вас таковое 7-го мая, она на следующий же день отправила это свидетельство в Министерство двора. Что последнее до сих пор не сделало всех необходимых распоряжений по этой части и этим поставило Вас в затруднительное положение, об этом нам, т.е. Вашим сослуживцам, приходится очень сожалеть, но силою заставить Министерство ускорить назначение Вам пенсии, Комиссия при всём своём желании никогда не в состоянии, точно также, как, уволив Вас от службы 31 марта, она не имела ни малейшего права ходатайствовать (как Вы желали) об отмене состоявшегося уже о Вас приказа, т.е. о том, чтобы Вас считали уволенным с 1-го мая и об оставлении невозвращенными полученных уже Вами за апрель содержания и институтской пенсии. Стоило Вам опять поговорить об этом с человеком мало-мальски знакомым со служебными порядками, и он прямо сказал бы Вам, что выполнить такое наивное желание Ваше невозможно. Зачем же Вы опять последствия Вашей собственной оплошности взваливаете на плечи несколько не виновной в том Комиссии? Сколько мне известно (частным образом), ходатайство гр. Бобринского о назначении Вам усиленной пенсии в количестве 1333 р. 33 к. Министерством двора уважено. Пенсия эта будет уплачиваться Вам с 1 апреля, т.е. со дня официального Вашего увольнения. Но так как Вы по просьбе гр. Бобринского исправляя прежнюю должность Вашу до 1 июля, то Комиссия считает справедливым выдать Вам за эти 3 месяца такое дополнительное вознаграждение, которое вместе с Вашей пенсией будет равняться Вашему прежнему 3-х месячному содержанию. Вознаграждение это будет Вам выслано, как только Комиссия получит от Министерства официальное уведомление о назначении Вам упомянутой пенсии.

7. В том, что Вы лишились возможности поехать весной лечиться на воды, Вы должны опять винить только самого себя. Если бы Вы последовали моему доброму совету просить об увольнении Вас от службы тотчас по получении моего прошлогоднего письма по этому предмету, Вы весной были бы уже совершенно свободны и могли бы уехать куда угодно.

Не посетуйте на меня за непривычный тон, в котором я отвечаю Вам на Ваше письмо. Вы сами вызвали его, признав себя “вынужденным выйти из пределов свойственной Вам скромности”. Охотно верю, что неполучение причитающегося Вам содержания и, может быть, болезненное Ваше состояние расстроили Ваши нервы. Но почему же и по какому праву Вы “на прощание с Комиссией” вымещаете Вашу злобу на мне, всегда оказывавшим Вам самое дружеское расположение? Ваше письмо глубоко оскорбило-опечалило меня.

Ваш покорнейший В. Тизенгаузен».

Можно согласиться с В.Г. Тизенгаузенем, что Ф.И. Гросс не имел формального повода направлять в ИАК столь резкое послание, хотя всякого рода слухи, неопределённость положения бывшего директора, неясности в его материальном положении и пр. для нас должны многое объяснять в его поступке. Из процитированного письма становится окончательно ясно, что В.Г. Тизенгаузен предлагал Ф.И. Гроссу выйти в отставку ещё в 1890 г. и тогда же, как мы знаем, 5 марта этого года предложил К.Е. Думбергу принять должность директора Керченского музея. Ясно и то, что Ф.И. Гросс поначалу на отставку не согласился. Он скончался через пять лет после выхода на пенсию, 12 ноября 1896 г.³ К.Е. Думберг был назначен исполняющим обязанности (тогда это называлось «исправляющим должность») директора Керченского музея древностей с 31 марта 1891 г. [1891 г., д. 37, л. 7, 19], но, по понятным причинам, дела сумел принять значительно позднее, лишь 1 июля этого года [о нём см.: Лазенкова 2001б; 2002а; 2003: 38 сл.; Медведева и др., 2009, с. 171].

4.2. К.Е. Думберг и его взгляд на будущее боспорской археологии

В то время К.Е. Думбергу было всего 28 лет (рис. 69), до этого назначения он служил преподавателем истории и географии в Ревельской (Таллинской) гимназии императора Николая I. С археологической сферой будущий директор

³ Его вдове была назначена пенсия в размере 666 руб. 66 коп., т.е. половина пенсии покойного супруга. (Интересно, правда, какая умная голова додумалась до необходимости назначения пенсии, состоящей именно из таких несколько жутковатых цифр?).

Керченского музея был знаком очень слабо, с ней можно в какой-то мере связывать лишь его деятельность на посту хранителя нумизматического отдела Музея Учёного эстляндского общества при Дерптском (Тартуском) университете в 1882-1889 гг. [1891 г., д. 37, л. 2-3]. В Керчи К.Е. Думберг ранее не бывал [Лазенкова, 2003, с. 39], тем не менее, он активно взялся за непривычное для себя дело и, прежде всего, попытался найти более подходящее место для музея, располагавшего тогда всего тремя маленькими комнатами. Он сумел найти для него помещение в доме А.А. Липко-Парафиевской [1891 г., д. 37, л. 25, 26]. Деятельная натура К.Е. Думберга, однако, явно не хотела ограничиваться лишь этой переменной⁴.

12 июня 1891 г. В.Г. Тизенгаузен направил ему послание с просьбой к концу года представить в ИАК свои соображения о «главных пунктах», на которые тот признает нужным обратить внимание при проведении раскопок, а также о тех мерах, которые необходимо предпринять для устранения грабительских раскопок и перехода случайных находок древностей в частные руки, установления бдительного надзора за добычей камня и земляными работами, «которые могут привести к открытию гробниц и катакомб» и т.п. [1891 г., д. 37, л. 22]. К просьбе петербургского начальства К.Е. Думберг отнёсся в высшей степени серьёзно, и не удивительно, что именно с его именем Ю.Ю. Марти связывал начало периода научной постановки археологического дела в Керчи [Марти, 1926, с. 35]. Для того чтобы понять, в чём заключалась эта «научная постановка», необходимо обратиться к трём достаточно объёмным рапортам, направленным К.Е. Думбергом руководству ИАК. Эти рапорты рисуют весьма любопытную картину состояния боспорской археологии к началу 90 годов XIX в.

Первый из рапортов, составленный 11 ноября 1891 г., касается фундаментальных вопросов, связанных с пониманием роли археологии в современном обществе, судьбы Керченского музея древностей и пр. Приведу этот документ почти полностью при незначительной стилистической правке [1891 г., д. 37, л. 39-44]:

«По своему богатству и разнообразию историко-археологических памятников, с одной стороны, и по своей принадлежности к культуре эллинского мира, с другой стороны, бывшее Босфорское царство занимает бесспорно первое место в России. В некотором смысле оно играет даже подобную роль, как Египет и Греция, Троя и Помпея. Коллекция Эрмитажа и издания Императорской Археологической Комиссии, не говоря о собра-

⁴ По поводу перемен, происшедших в руководстве Керченским музеем, хочется обратить внимание на один факт. В мае 1921 г. К.Э. Гриневич направил в РАИМК отчет о деятельности музея в 1918-1921 гг. В нём он, в частности, писал, что нашёл «полный хаос в делах регистрации археологических памятников: с 1890 г. не вёлся инвентарный каталог древностей» [Ф. 2, 1921, д. 70, л. 16]. Если эта информация верна, то следует сделать вывод, что составление систематических описей керченских древностей было прервано с приходом К.Е. Думберга.

ниях и сочинениях частных лиц, доказывают выдающуюся важность этой страны. Невольно нужно предположить, что такая местность, как, напр., Керчь-Еникальское градоначальство, *должна возбуждать в образованном обществе живой интерес* и сочувствие археологическим исследованиям и вытекающим отсюда научным результатам. Многочисленные следы прежнего блеска, оживлённой политической и бытовой жизни, вообще воспоминания о минувших славных временах способствуют обыкновенно развитию местного историко-археологического патриотизма.

В Керчи, однако, ничего подобного не встречается; вместо интереса и патриотизма господствуют апатия и *отсутствие всякого исторического духа*. Почти вся, так сказать, образованная публика не имеет ни малейшего понятия о судьбе своей родины, о высокой культуре древнего Босфорского царства и о том, что последнее представляет в нынешнее время, чем оно обогатило и обогащает беспрестанно нашу отечественную археологию. Что же касается до низших слоёв здешнего общества, то оно очень интересуется древностями, но, понятно, с точки зрения археологического барышничества. Каждый керченский мещанин, мужик, не говоря уже о т.н. счастливчиках, думает извлекать из археологических находок только наживу для себя. Во главе здешних кладоискателей стоят торговцы вроде Букзиля, Тульмана, Ермолая Запорожского, и хотя таким промышленникам мы обязаны сохранением многих важных памятников древности, но, однако, нельзя упустить из виду, что вред, наносимый “счастливыми”, и их покровителями, далеко превосходит приносимую ими пользу, так как смело можно сказать, что “нахождение” большинства древних вещей связано с *разорением* гробниц. Кроме того, попадают многие вещи *в руки путешественников или вывозятся за границу*. Хорошо, если один или другой предмет поступит в Эрмитаж или в известную частную коллекцию, <но>, как бы то ни было, восстановить раз прерванную историческую связь будет почти всегда невозможно. В Керчи, кроме того, имеется несколько собирателей из интеллигентного класса, но в моих глазах их род занятий сильно шокируется. Не собирая предметы ради барыша (??)⁵ и удовлетворяя лишь простую страсть, они тем самым скорее как бы сочувствуют расхищениям “счастливых”, чем мероприятиям самого правительства.

Требовать от здешней публики, чтобы она с живым интересом сочувствовала и содействовала археологии, разумеется, немислимо. Не только наше керченское общество <смотрит – Ю.В.> на археологию как на довольно странное, в сущности бесполезное <занятие – Ю.В.>, но вместе

⁵ Двойной знак вопроса поставлен в рукописи, он здесь, как представляется, означает, что К.Е. Думберг сильно сомневался в том, что «собиратели из интеллигентного класса» действительно собирали древности не ради барыша.

с тем приятное развлечение. Ко всем наукам без осязаемой пользы почти везде публика относится точно также; она любит тем или другим открытием, радуется той или другой вещи, посещает выставки и музеи, но благородное пробуждение тем и кончается. Причины подобных отношений надо искать не в самой публике, а в людях, посвящающих свои силы науке, в данном случае, археологии. Если публика нам не помогает и не сочувствует, то мы сами виноваты. Мы должны сообщить ей толчок и учить, почему мы копаем и собираем, мы обязаны ей внушить интерес и патриотизм. Публика – это ребёнок, с которым следует говорить просто, наглядно, убедительно и часто без всяких высоких фраз и выражений; нужно думать, что она изменит своё поведение и будет оказывать нам свою посильную помощь. Конечно, всё это в теории хорошо и похвально, но на самом деле не всегда выполнимо. Посмотрим, каким путём и какими средствами можно будет здесь в Керчи добиться желанной цели.

Главным пособием, несомненно, должен служить Керченский музей древностей, но только не в таком виде, в каком он теперь находится. Это не музей, а скорее кладовая для разной древней рухляди, разбросанной без всякой системы и наглядности. Музей состоит из дубликатов или из вещей, негодных для вывоза в С-Петербург. Почему же эти *дубликаты* встречаются здесь в громадном количестве, так, напр., однообразные стеклянные слезницы и глиняные кувшины, хранящиеся целыми столетиями, валяются в сараях! Многие из наших общественных коллекций и учебных заведений были бы очень благодарны, если бы им прислали несколько таких вещей. Пестроте этого археологического магазина соответствуют *неуклюжие шкафы и витрины*, в которых трудно что-нибудь усмотреть, и каталоги, в которых потеряться. Относительно количества хранящихся в музее вещей нужно заметить, что они дают крайне неудовлетворительное представление о богатстве и важности здешней страны. *Музей нуждается главным образом* в приятной для глаза обстановке и в систематическом подборе. Публику привлекает, прежде всего, наружность, кладущая на зрителя приятное впечатление. К тому же понятно, что учёное учреждение должно иметь достойный и солидный вид.

Что же касается до систематического упорядочения музея, то здесь имеется весьма благородное и широкое поле для археолога. Большинство музеев страдает одним неизбежным, крупным недостатком; они, несмотря на все старания и средства, не могут сосредоточить в себе археологию одной страны или одного известного периода и поэтому представляют более или менее пёстрый вид. Даже возможная полнота почти никогда не достигается. В этом отношении Керчь гораздо счастливее. Музей имеет преимущественно древне-классический характер, в его состав входят вещи, находимые в довольно определённых границах и принадлежащие

известному времени. Необыкновенное богатство и разнообразие исторических памятников даёт возможность довольно подробно проследить былую культуру этой страны. Влияние Греции на её отдаленных соплеменников, самостоятельная работа древних колонистов и их соотношения с соседними варварскими народами, процветание, распространение и упадок в политической и бытовой жизни – всё это может найти своё выражение в музее.

Согласно своим правилам Императорская Археологическая Комиссия представляет замечательнейшие из находимых вещей на воззрение Государя Императора, которые затем в большинстве случаев помещаются в Эрмитаж. Вещи, не получившие Высочайшего назначения, остаются в заведовании Комиссии, располагающей ими по своему усмотрению. Очень понятно, что драгоценные и интересные предметы хранятся в Петербурге, в <этом> центре искусств и наук. Но почему здесь (т.е. в Керчи – Ю.В.) не оставлено ни планов, ни рисунков, ни фотографий, ни слепков с этих вещей? Почему, наконец, многие из более интересных находок представляются петербургской публике в десятках экземпляров, между тем как Керчь ничего не имеет? [В виду этих обстоятельств, древности и дела Керченского музея лишают меня на каждом шагу <возможности – Ю.В.> основательнее ознакомиться с ходом и результатами местных раскопок.] Если бы не было вышеизложенных недостатков, то публика при новом порядке дел могла бы получить, во-первых, понятие о том, что здесь было и что здесь сделано, а, во-вторых, *керченский гражданин стал бы гордиться своим музеем и хранящимися в нём ценностями.*

С систематическим упорядочением музея тесно связано *издание хорошего каталога.* Такой каталог должен быть короток и основателен, понятен и не скучен, одним словом, он должен соединять в себе все качества хорошего конспекта-учебника. Почти все каталоги состоят из сухих перечислений, битком набиты непонятными выражениями и написаны скорее для учёного, чем для простой публики, почему никогда и не читаются. При составлении каталога необходимо иметь в виду самый низкий уровень познаний посетителя, ничего от него не требовать и <вместе с тем – Ю.В.> дать ему все поучения и наставления. К этому желательно бы присоединить один или два раза в год *публичные лекции с благотворительной целью.* В них можно поднять вопрос о стремлениях археологии, говорить о работах прошедшего года и т.п. Ученики и ученицы должны быть приглашаемы на такие лекции и вводимы в музей для восприятия любви и уважения к памятникам древности. Такой образ действия не замедлит дать благотворные результаты. Возражение, что хорошо устроенный музей в Керчи, по своему невыгодному географическому положению и по отдалённости от центров цивилизации, будет приносить науке только

сомнительную пользу, не совсем основательно. По всей вероятности, археологи будут работать в этих местах ещё многие и многие десятки лет. Каждому же учёному, несомненно, приятно найти в Керченском музее и его библиотеке необходимые для археологических исследований материалы. Пока будут заниматься историей и археологией южной России, до тех пор и Керчь будет сохранять свой интерес.

Все выше изложенное было *oratio pro domo audiatur et altera pars*⁶. Преобразование Керченского музея древностей стоит, несомненно, много денег. Придётся заказать новые удобные шкафы, витрины, столы, чтобы всему дать необходимый приличный и привлекательный вид, и завести мало-мальски порядочную библиотеку для научных занятий. В раму музея войдут все археологические предметы, связанные с нашей страной – амфоры и монеты, саркофаги и надгробные камни – и всё это должно быть соединено в одном помещении. Нельзя допустить, чтобы одна часть находилась в музее, другая в Царском кургане, третья – в сарае, а четвёртая – на улице. Реорганизация здешнего музея неизбежно обуславливает *постройку нового и целесообразного здания для хранения древностей*. Хорошо устроенный музей не может вести кочующий образ жизни, сегодня находиться в хорошем помещении, а через год – в крайне тесном и неудобном. Такое здание стоит 30 000 рублей, если не больше, его содержание, ремонты, сторож и т.д. требуют также известных сумм. Спрашивается, откуда взять эти деньги? Было бы крайне несправедливым требовать, чтобы Императорская Археологическая Комиссия взяла всё на свой счёт, между тем как город <Керчь> будет бездействовать. Дальше спрашивается, имеются ли силы и умение удовлетворять ожиданиям Комиссии? Предположения и надежды могут остаться без видных результатов, быть может, проглядывает и идеализм. Положим, однако, что надежды исполнятся. Публика интересуется, сочувствует и гордится, учёные посещают наш музей и пользуются его материалами, но всё это не даст, кроме издержек, ни одного гроша. В денежных делах можно рассчитывать только на себя, а не на помощь массы, которая, коль скоро дело дойдет до кошелька, отступит, если не может ожидать осязаемой пользы, т.е. хороших процентов и т.п. ...

Керченский Музей древностей не мог и не может принести никакой пользы в настоящем его виде; он стоит только траты денег⁷. Дальше немислимо, чтобы Императорская Археологическая Комиссия держала в Керчи одного

⁶ Это латинское изречение следует понимать следующим образом: «Все выше изложенное было речью в защиту дома, но необходимо выслушать и другую сторону».

⁷ К.Е. Думберг писал в ИАК, что Керчь имеет четверть миллиона рублей годового дохода, но для охраны памятников древности решительно ничего не делает [1891 г., д. 37, л. 76]. С таким положением он попытался покончить, предложив передать на баланс городского бюджета весь Керченский музей древностей.

из своих членов с обязанностью раскапывать по несколько курганов и катакомб в год, а в остальное время бездействовать. Комиссия может требовать от своего члена гораздо больше. Керченское градоначальство, Таманский полуостров и прилегающие к ним земли ещё могут обогатить археологию в неожиданно широких размерах. Насколько можно было убедиться, здесь очень много раскопано, и очень немного расследовано. Нетрудно доказать, что большинство т.н. расследованных курганов не расследовано, что везде во всех разрытых местах можно наткнуться на новые находки...

Музей древностей, не играющий в таком случае никакой роли, может быть отдан городу или одному из здешних учебных заведений с тем только условием, чтобы все вещи были возвращены, если в Керчи или в одном из российских городов будет учреждён музей для южно-русских древностей. *Для хранения более крупных памятников придётся непременно построить большой сарай у Царского кургана.* Если Императорская Археологическая Комиссия не примет энергичных мер для защиты находящихся там вещей, то они подвергнутся неизбежному разорению. Находимые при будущих разысканиях памятники могут быть распределяемы следующим порядком: одна часть поступает в Эрмитаж, другая – в то заведение, которому будет отдан Керченский музей, а третья, именно крупные памятники, – в *хранилище при Царском кургане*, откуда они во всякое время могут быть вывозимы по мере надобности.

Вопрос о сдаче здешнего музея был, кажется, уже несколько раз предметом серьёзных обсуждений Императорской Археологической Комиссии. Если он будет окончательно разрешён, то я приступлю к составлению подробных и точных описей и к очистке музея от всех лишних и стеснительных дубликатов, которые могут быть распределены по разным музеям и учебным заведениям, между тем как всё остальное, за исключением крупных и трудно помещаемых памятников, перейдёт через один или два года в руки города или одного из здешних учебных заведений. В заведовании Императорской Археологической Комиссии останутся Царский курган, библиотека, все дела, планы, рисунки, фотографии и весь рабочий инструмент. Керченский член Комиссии, не связанный музеем, получит таким образом большую подвижность и не будет заботиться при своих разъездах о судьбе музея, вверенного сомнительному попечению сторожа».

К.Е. Думберг заверял А.А. Бобринского в своей решимости посвятить все силы раскопкам и исследованиям по предварительно разработанному плану. Он намеревался также снимать планы раскопов, карты местностей и т.д. Веря в полезность и реальность проекта преобразования Керченского музея, он, тем не менее, подчёркивал, что в случае его отклонения намерен точно исполнять все предписания, которые будут поступать из Петербурга.

Рапорт К.Е. Думберга был заслушан на заседании Комиссии в январе 1892 г. Вероятнее всего, на собравшихся он произвёл довольно странное впечатление, поскольку, по сути дела, человек, совсем недавно назначенный на пост директора Керченского музея, предлагал исключить это учреждение из структуры Императорской археологической комиссии. Спору нет, в рапорте, помимо этого предложения, содержалось немало верных наблюдений и здравых суждений. Необходимость кардинальных перемен музейной жизни, создание новой экспозиции, расширение библиотеки и т.д., как представляется, назрела уже давно, но вот предложение о переподчинении музея, исключении его из ведомства Императорской археологической комиссии вряд ли можно назвать хорошо продуманным и обоснованным. Керченская городская управа не могла взять на себя такую обузу, она попросту не располагала специалистами в этой сфере. В городе, как явствует из рапорта К.Е. Думберга, даже не существовало общества или кружка любителей боспорских древностей. Возможность передачи музея какому-нибудь керченскому учебному учреждению также была весьма проблематичной. Автор проекта даже не попытался назвать местные учебные заведения, которые, так сказать, были достойны такой чести. Из сказанного можно сделать вывод, что на том этапе Керченский музей древностей мог более-менее нормально существовать и развиваться только в рамках ИАК.

Второй рапорт К.Е. Думберга был направлен в Петербург 19 декабря 1891 г., он посвящён важнейшему вопросу охраны древностей Боспора Киммерийского. Опять же приведу его почти полностью [1891 г., д. 37, л. 45-48]:

«Несмотря на все старания Императорской Археологической Комиссии и предписания г. министра Внутренних Дел, продолжают грабительские раскопки в Керчь-Еникальском градоначальстве с неуменьшенною силою. В сравнении с прежними временами они, по-видимому, даже значительно усилились. Главная причина этого зла заключается в человеческой склонности к кладоискательству, свойственной, так сказать, всем народам. Здесь в Керчи под влиянием богатых находок и под нравственным давлением разных торговцев, собирателей и туристов эта страсть должна была развиваться в особенно широких размерах. Высокие цены и вознаграждения, получаемые время от времени находчиками от торговцев или от правительства, и мало-помалу распространяющееся между простолюдием понимание значения и ценности находимых вещей сильно способствовали развитию кладоискательства. К этому примыкает другая причина – жалкое экономическое положение большой части здешнего населения. Умеренный климат, плодородность страны, сравнительная дешевизна съестных припасов вызывают в низшем классе склонность к праздной, бездельной жизни и к пьянству. В других городах пролетариат занимается отчасти воровством и нищенством, <a> здесь <в Керчи – Ю.В.>, кроме того, ещё кладоискательством.

Вред, наносимый этими промышленниками, состоит преимущественно в разорении гробниц и в перерыве исторической связи между памятниками древности и местом их нахождения; почти везде это лишает нас возможности получить приблизительно верную археолого-топографическую картину данной местности.

Искоренение этого зла, кажется, недостижимо. Не только у нас процветает кладоискательство, оно распространено везде – в Греции, Италии, Египте, и все законы, все запрещения не имеют вполне удовлетворительного успеха. Керченским административным и полицейским властям предписывается запретить всякого рода кладоискательство и следить за точнейшим исполнением в этом роде законов, но все приказания дали до сих пор очень микронические (так в документе – Ю.В.) результаты. Городовые, напр., а их в Керчи 60 человек, скорее, сочувствуют “счастливчикам”, чем заведующему Музеем; <да> и чего можно ожидать от урядника, находящегося в самом близком родстве с Ермолаем Запорожским и даже живущего у последнего? Чем занимается большинство <из> этих 60 городских, мне не известно; на Глинище, в Татарской Слободке и на Митридате я, по крайней мере, видел городских только во время пребывания в Керчи Его Императорского Высочества, Великого Князя Александра Михайловича. На мои представления полицмейстер ответил мне, что он не может ничего сделать, так как, хотя с одной стороны, кладоискательство строго запрещено, с другой стороны, разным субъектам позволяется предпринимать раскопки “на счастье”. Из дел Керченского музея видно, <что> правление Музея заключало в этом отношении с частными лицами даже формальные контракты, и, по дошедшим до меня сведениям, частные лица в прежние времена были неоднократно допускаемы к раскопкам “на счастье” на землях казённых и общественных⁸. Не позволяя себе рассуждать о том, насколько такой образ действия целесообразен, я могу лишь заметить, что уже в силу существующих законов безусловное запрещение всех частных раскопок в том роде, в каком они раньше практиковались, на землях казённых, общественных и церковных, в Керчи по крайней мере, должно быть, во всяком случае, строго соблюдаемо.

Что же дальше касается до судебных властей, то они до сих пор заведующему Керченским музеем никакой помощи не оказали, извиняясь неполнотою закона, запрещающего раскопки, но не определяющего никаких наказаний за его нарушение. Ожидать поддержки со стороны Городской управы тоже напрасно; <Городская> Дума боится всяких экстренных

⁸ Это действительно так, и, к примеру, А.Е. Люценко позволял частным лицам раскапывать курганы «на счастье», т.е. на свой счёт. Музей при этом имел право выкупа наиболее ценных вещей (Ю.В.).

издержек и нисколько не заботится о сохранении памятников. Так, напр., камень для построек, по постановлениям Думы, должен быть добываем из городских скал. Несмотря на то, жители Татарской Слободки добывают камень преимущественно из сплошных насыпей на горе Митридат и <при этом> не только на земле городской, но и на казённой. Благодаря усердию каменоломщиков, пропадают и уничтожаются многие предметы древности. Есть здесь надсмотрщики, которые обязаны следить за добыванием камня, но один из них, насколько мне известно, принадлежит к числу самых прилежных “счастливи́чков”. Казённые земли подведомственны командиру Керченской крепости. Я обратился к нему с просьбой о более энергичном преследовании копателей на казённой части горы Митридат, и он посоветовал мне войти с ходатайством в Министерство Военных Дел.

Итак, ни от полиции, ни от мировых судей, ни от города нельзя ожидать осязаемой поддержки. Быть может, что через год, по преобразовании мировых судов и городских дум, это состояние изменится к лучшему, но на первое время Императорской Археологической Комиссии придётся надеяться только на свои собственные силы и средства.

Выше было сказано, что окончательное искоренение кладоискательства недостижимо. Его можно только ограничить, но и то не сразу, а малопомалу. Установлению порядка, несомненно, способствовало бы издание более точных и строгих законов о раскопках, продаже и вывозе памятников древности, по образцу, существующих за границей постановлений. Но, так как эти законы ещё долго будут принадлежать к числу археологических “*ria desideria*”⁹, то я позволю себе представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства следующие, более конкретные предложения:

- I. Средства, которыми Керченский музей располагает для надзора над предприятиями частных копателей, оказываются крайне неудовлетворительными. Надсмотрщик Семён Зяблов при всём желании далеко не в состоянии следить хоть за одною частью обширной территории, подвергаемой нападением “счастливи́чков”. Кроме того, он уже старик, заслуживающий снисхождения. Во время командировок заведующего музеем, “счастливи́чкам” выпадает полная свобода. Надзор над рабочими при казённых раскопках тоже неудовлетворителен; на основании дошедших до меня сведений, является очень вероятным, что рабочие обманывают и обкрадывают казну. Усиленный надзор необходим, и поэтому я честь имею настоятельно просить Ваше Сиятельство о восстановлении должности второго надсмотрщика при Керченском Музее Древностей, с годовым окладом в триста рублей. Жалованье меньше 300 рублей

⁹ «Благие намерения» (лат.) – Ю.В.

вело бы семейного человека в разные искушения. Кандидатом на место надсмотрщика представляю Павла Варсаблюка, отличающегося честностью и добросовестностью.

- II. В связи с предыдущим предложением покорнейше прошу Ваше Сиятельство исходатайствовать где следует для надсмотрщиков и сторожей Керченского музея видимый знак исправляемой ими должности, а именно бляху с императорским орлом и круговой надписью – “надсмотрщик” или “сторож Керченского Музея Древностей”. Лица, снабжённые бляхой, получают таким образом официальный характер, они будут приведены к присяге, могут составлять акты и будут пользоваться большим авторитетом при исполнении своих обязанностей, чем до сих пор ведется.
- III. Во время моего пребывания в Керчи я убедился, что надзор над “счастливыми” всегда останется недостаточным, если заведующий Музеем сам не будет постоянно контролировать действия своих подчинённых. ... Я не могу ежедневно обходить хоть одну часть близлежащих окрестностей города, не говоря о более отдалённых местах. Частое употребление извозчиков делается тоже невозможным вследствие высокой таксы и разных других неудобств. Поэтому я покорнейше прошу Ваше Сиятельство (т.е. А.А. Бобринского – Ю.В.) о восстановлении прежних разъездных денег в размере 400 рублей в год, с прибавлением 200 рублей на будущий год для покупки лошади, рессорных дрог и других принадлежностей. Вместе с тем, прошу покорнейше разрешения Вашего Сиятельства на покрытие путевых издержек по командировкам и ездам вне Керченского градоначальства из сумм, назначенных на археологические разыскания.
- IV. Профессор Ю.А. Кулаковский ходатайствовал летом т.г. перед Керченскою городскою думою об устройстве на счёт города закрытых входов в некоторые из здешних катакомб, как это делается в Италии. Ключи от дверей г. Кулаковский советует вручить владельцам усадеб; от посещения этих памятников туристами могли бы извлекать доход как хранители входных ключей, так и извозчики. Ходатайство было отклонено думою за неимением свободных средств. Исполнение предложения г. Кулаковского немало способствовало бы возбуждению интереса к сохранению древних памятников между простолюдием, но без энергичной инициативы Императорской Археологической Комиссии со стороны города ничего не будет сделано. Принимая в соображение и всю научную важность этого проекта, покорнейше прошу Ваше Сиятельство разрешить мне:

1. Снести с Германским археологическим институтом в Риме для получения точных планов и сведений об устройстве входов в итальянских катакомбах.
2. Устроить из денег, которые будут назначены на археологические разыскания в 1892 году, сперва вход в христианскую катакомбу, открытую г. Кулаковским в 1890 г.
3. Заключить с владельцами катакомб контракты для точного определения их отношений к Императорской Археологической Комиссии, посещения катакомб и платы за вход.
4. Принять все меры, чтобы здешнюю публику и туристов поощрять к посещению катакомб, и условиться с извозчиками о приличной таксе.
5. Напечатать краткое описание катакомб, которые будут продаваться владельцами за 5 или 10 коп.
6. По возможности привлечь город к участию в издержках Императорской Археологической Комиссии».

Вслед за этим рапортом, 31 декабря 1891 г. в С-Петербург был направлен ещё один, третий по счёту [1891 г., д. 37, л. 49-52]:

«При попытке ознакомиться с археологическою топографиею моего района оказалось, что достижению этой цели противостоят значительные затруднения. Главным пособием для изучения археологической топографии служат подлинные журналы прежних директоров Керченского музея и отчёты Императорской Археологической Комиссии о разысканиях лиц, откомандированных сюда для производства раскопок. К сожалению, журналы и отчёты страдают одним крупным недостатком, а именно – отсутствием подробных карт, планов, рисунков и т.п. Отыскивание и определение одного раскопанного места на основании более или менее точного описания без всяких вспомогательных средств часто очень трудно, иногда даже невозможно. Большие курганы и характеристические местности, носящие сверх того особые названия, ещё довольно легко отыскиваются. Если же в журнале сказано, <что> “расследовано 50 гробниц возле Нового карантина” или “открыта одна катакомба на северной покатости горы Митридат”, то эти слова дают для определения места крайне шаткое основание.

Город Керчь и его ближайшие окрестности представляют в настоящее время такой вид, что положительно невозможно хотя бы приблизительно ориентироваться в прежних казённых раскопках. Археолог, приезжающий сюда на два или три месяца, не в состоянии получить ясное представление об исследованиях своих предшественников. Изучить топографию по материалам, хранящимся в Петербурге и в Керчи, невысказано; это требовало бы слишком много времени и, в конце концов, имело бы только скромные результаты. Археолог, недостаточно знакомый с топографией, вечно будет колебаться при выборе новых мест, и с ним очень легко может случиться, особенно если ему технические приёмы не хорошо известны, что он попадает на старые раскопы и т.п.¹⁰ Везде спрашивается, кто здесь копал и когда, что там было найдено, и очень часто приходится прибегнуть к неудовлетворительным указаниям необразованных надсмотрщиков, которые иногда сами ничего не знают. Понятно, что вследствие помянутых неудобств страдает всё дело. С ними приходилось бы несравненно меньше бороться, если бы каждому представлялась возможность пользоваться надёжным путеводителем, т.е. хорошо археолого-топографической картою, удовлетворяющею всем практическим потребностям.

Нельзя сомневаться, что археологическая карта, если она будет целесообразно составлена, могла бы и науке оказать некоторые услуги. В историческом развитии человечества нет ничего случайного, везде существует тесная причинная связь, и главная обязанность исследователя состоит в соединении отдельных исторических данных по их взаимному отношению к месту и времени, причём все факты, входящие в раму какой бы то ни было науки, должны быть рассматриваемы с одинаковым вниманием. К тому <же> необходимо, чтобы при каждом научном исследовании было обращено серьёзное внимание на систематическое упорядочение и группирование материала.

Обширный керченский некрополь, напр., представляет целый ряд типичных явлений от громадных курганов и пепелищ до самых скромных земляных гробниц. Все эти памятники можно различить по известным признакам, и все части одной характеристической группы показывают более или менее замечательную связь как между собой, так и между частями других групп. Из последовательного же исторического развития каждой группы отдельно и всех групп в совокупности составляется история керченского некрополя. Чтобы получить представление об этой истории, следовало бы весь некрополь, насколько это возможно, подвергнуть тщательному

¹⁰ Такого рода неприятности грозят особенно в местностях, исследованных правительством до основания Имп. Арх. Комиссии. Керченский музей имеет об этих разысканиях отчасти самые скудные сведения (прим. К.Е. Думберга).

и систематическому исследованию. К сожалению, нужно признать, что ни одна часть керченского некрополя, по-видимому, окончательно не исследована и что раскопки отчасти имеют довольно непоследовательный и случайный характер. Причины недостаточных разысканий объясняются крупными денежными издержками, связанными с обширными раскопками, историческим развитием научных взглядов на археологические исследования вообще и очень понятным стремлением многих копателей находить побольше ценных вещей, т.е. золотых и серебряных. Курганы на Юз-Обе и катакомбы на Митридате неоднократно разрывались, но нельзя сказать, чтобы были расследованы. Богатые находки отсюда не должны быть, конечно, целью археологических разысканий. Не только на богатые гробницы должны быть направляемы силы археологов-копателей; каждый курган, каждая катакомба имеет свою историю, требующую всестороннего объяснения. Чем тщательнее и добросовестней будут производиться раскопки, служа науке и не стремясь к богатству, тем более можно будет рассчитывать на удовлетворительные научные результаты.

Поправить все упущения прежних времен очень трудно и дорого. К тому <же> нужно заметить, что одна часть керченского некрополя будет недоступна научным исследованиям на бесконечное время. Город двигается вперёд, и поэтому следовало бы всеми силами спасти то, что до сих пор ещё не подверглось разрушению.

Было бы, однако, неуместным сейчас приступить к этим работам и возобновить раскопки в больших размерах. Вышесказанные предположения и соображения, основанные на наблюдениях одного только полугодия, быть может, окажутся несправедливыми и опрометчивыми. Во избежание всяких упреков нужно будет привести доказательства, т.е. сперва точно определить, что до сих пор было сделано, потом же возможно будет с твёрдостью указать на то, что следует еще сделать. И того, и другого можно будет добиться при настоящем состоянии дел только на основании хорошей археологической карты, состоящей из двух частей – из самой карты и из принадлежащего к ней комментария.

Сообразно с практическими и научными потребностями необходимо будет, чтобы карта исполняла следующие условия. Она должна быть надёжною, ясною и наглядною, так чтобы возможно было по ней получить представление об археологическом характере всей страны и, вместе с тем, приблизительно ориентироваться в каждой данной местности. Для более лёгкого достижения этих двух целей нужно будет составить карту в большом масштабе, так как на маленькой карте нельзя ничего найти¹¹. Чтобы формат карты не переступал известных размеров и все последующие архео-

¹¹ Так, напр., карта Кубанской области, составленная Фелицыным, не может принести никакой

логи были бы в состоянии нанести на той же самой карте результаты своих исследований, придётся, особенно же в более раскопанных странах, ограничиться узкими пределами. В менее известных странах (т.е. на участках – Ю.В.) было бы зато желательно обратить внимание не только на самый предмет исследования, но и позаботиться об археологической топографии окрестности, пользуясь при этом, напр., картою Генерального штаба.

Однако и при ограниченных пределах и большом масштабе нельзя будет удовлетворять всем справедливым требованиям. Уже по техническим причинам может, напр., генеральная карта Керчь-Еникальского градоначальства только в общих чертах обнаружить археологический характер всей страны, место и размеры раскопок. Подробностей нельзя от неё ожидать, это задача специальных карт и планов, составляющих необходимое дополнение к генеральной карте. Специальных карт заслуживают, главным образом, замечательные местности, как то гора Митридат или станция Сенная, но и во всех остальных случаях составление таковых было бы весьма желательно. Относительно отдельных исследований и раскопок само собою разумеется, что и здесь должно быть обращено серьёзное внимание на топографический материал: чем больше карт, планов, рисунков и фотографий, тем лучше.

Последние из упомянутых требований и условий связаны с объяснительным комментарием, без которого и самая лучшая карта будет оказывать неудовлетворительные услуги. Комментарий должен содержать в систематическом порядке все сведения, относящиеся к топографии не только всей области, но и всех мелких местечек, раскопок и находок. При составлении комментария могли бы сочинения К. Гёрца о топографии Таманского полуострова в некотором отношении служить образцом. Избегая всех лишних подробностей и рассуждений, комментарий должен состоять из кратких объяснений и указаний на источники, дающие материалы для дальнейших учёных работ, одним словом, он будет иметь вид археолого-топографического словаря. На систематический и органический порядок словаря, облегчающий его употребление, должно быть обращено самое тщательное внимание.

Итак, от археологической карты и её комментария можно ожидать, кроме упомянутых, ещё следующие выгоды:

1. Получится более или менее наглядное представление о размерах,

пользы. Одну карту Таманского полуострова следовало бы составить по крайней мере в 4 раза больше всей карты Кубанской области (прим. К.Е. Думберга).

Карта Е.Д. Фелицына была издана Императорским Московским археологическим обществом в 1882 г. Она, вопреки критическому мнению К.Е. Думберга, сыграла большую положительную роль в деле изучения прикубанских древностей [Сысоев, 1904, с. III; Стёганцева, Рысин, 2009, с. 689-691].

последовательности и основательности сделанных до сих пор исследований.

2. Выяснится, в каких местах нужно будет возобновить раскопки.
3. Выбор места меньше будет зависеть от усмотрения каждого копателя.
4. Императорская Археологическая Комиссия получит возможность точно указать на места, требующие расследования и, вместе с тем, контролировать деятельность своего уполномоченного.
5. Археолог-копатель познакомится поскорее со всеми интересующими его материалами, не потеряет времени и выучит основательные технические приёмы.

Осуществление этого проекта связано с большими затруднениями и, несмотря на все старания, будут в конце концов везде обнаруживаться чувствительные недостатки и пробелы. Предприятие такого рода требует тщательного приготовления, много времени, денег и, главным образом, живейшего содействия Императорской Археологической Комиссии. Все карты, планы и рисунки, принадлежащие к отчётам бывших директоров Керченского музея, равно как и все бумаги, касающиеся керченских и таманских раскопок и хранящиеся в архиве Императорской Археологической Комиссии, должны быть для пользования постепенно высылаемы в Керчь. Относительно необходимых книг придётся также просить помощи Императорской Археологической Комиссии и разных учёных учреждений, так как библиотека Керченского музея отличается крайней бедностью.

Позволяя себе надеяться, что Вашему Сиятельству благоугодно будет обратить внимание на мои почтительнейшие представления, считаю долгом ещё раз вкратце привести главные пункты, которые в следующем году с разрешения Вашего Сиятельства могли бы составить кругозор моей деятельности:

1. Привести Музей в надлежащий порядок и очистить его от всего лишнего балласта.
2. Устроить усиленный надзор над “счастливчиками” и позаботиться о сохранении памятников древности.
3. Пополнить библиотеку Музея Древностей.
4. Построить сарай у Царского кургана.
5. Основательнее познакомиться с археологическою топографией Керченского градоначальства, начав предварительные и подготовительные работы для составления археологической карты, причём обратить главное внимание на гору Митридат.

В конце следующего года надеюсь представить Вашему Сиятельству в виде образца маленькую часть археологической карты с комментарием

и, вместе с тем, подробную записку о продолжении или же о прекращении всего предприятия. Для археологических разысканий, покупки древностей и разных других предприятий потребовалось бы на следующий год 3 000 рублей».

Два последних рапорта К.Е. Думберга были рассмотрены Археологической комиссией 11 января 1892 г., и в ответе на эти послания содержится поддержка некоторых из имеющихся в них предложений [1891 г., д. 37, л. 53-54]. Прежде всего, это касается мер в отношении усиления полицейского надзора за незаконными раскопками. Комиссия вскоре обратилась к министру внутренних дел с просьбой «об устранении кладоискательства в Керчи». Не удивительно, что в январе 1894 г. керчь-еникальский градоначальник направил в ИАК послание, в котором отметил, что дело борьбы с незаконными раскопками при К.Е. Думберге вышло из упадка. Полицейские стали привлекать грабителей к ответственности, так что многие из них переключились на другие, вполне законные сферы деятельности. Вместе с тем, высокопоставленный чиновник с солдатской прямоотой попенял, что кара, постигающая грабителей древних могил, слишком незначительна. Он предлагал принять закон, по которому виновные лица подвергались бы тюремному заключению: в первый раз – на месяц, во второй – на три месяца, в третий – на год с высылкой осуждённого за пределы Керчь-Еникальского градоначальства. «Только при таких карательных мерах, – по его мнению, – можно с уверенностью сказать, что памятники старины будут охранены от рук людей, для которых предметы эти дороги как средство наживы» [1891 г., д. 37, л. 140-141].

Кроме того, в ответе из Археологической комиссии К.Е. Думбергу предлагалось составить опись всех древностей, хранящихся в музее, с указанием в ней тех предметов, которые могли быть переданы в другие музеи. В виде эксперимента было разрешено нанять второго надсмотрщика, но жалованье ему следовало выплачивать из сумм, которые отпускались музеем для археологических исследований. Вторым надсмотрщиком, как и предлагал К.Е. Думберг, стал бывший сторож музея П. Варсаблюк [1891 г., д. 37, л. 61]. Покупку новых шкафов и витрин было решено отложить до приобретения для музея постоянного помещения. Комиссия признавала также, что необходимо изыскать удобный способ сохранения катакомб, но на связанные с этим финансовые затраты она опять же не была готова. К.Е. Думбергу было разрешено «заниматься исподволь» составлением археологической карты окрестностей Керчи и т.д. Наконец, ему предлагалось прислать в Комиссию список книг, необходимых для библиотеки музея и смету постройки сарая при Царском кургане. Надо признать, что музейная библиотека в то время действительно находилась в весьма жалком состоянии: в ней насчитывалось всего 135 наименований книг

и периодических изданий [1891 г., д. 37, л. 69]. Вскоре сюда начали поступать посылки с книгами из различных научных учреждений России, и библиотека стала постепенно пополняться. Это положительное явление, безусловно, следует связывать с деятельностью К.Е. Думберга.

Ещё одним из осязаемых результатом трёх рапортов стало разрешение на разработку знака для надсмотрщиков музея, и такой знак на самом деле был подготовлен (рис. 70). В Архиве ИИМК РАН нет материалов, свидетельствующих, что этот знак был отчеканен и, соответственно, вручён сотрудникам музея. Тем не менее, это, скорее всего, произошло, и бляха с изображением двуглавого орла и круговой надписью «Надсмотрщик Керченского музея» была введена для практического пользования в 1892 г. [Боровкова, 1999, с. 141].

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что три приведённых выше рапорта были написаны человеком, в общем, очень мало знакомым с боспорской археологией и вообще реалиями керченской жизни. Напомню, что во втором из них (от 19 декабря 1891 г.) К.Е. Думберг писал о безусловном запрете частных раскопок на казённых, общественных и церковных землях. Вскоре, однако, он сам предложил отказаться от абсолютности этого принципа. Дело в том, что в это время Керчь, прежде всего гора Митридат, быстро застраивалась частными лицами, при этом даже в случае уплаты полагающейся суммы земля не становилась частной, так сказать, автоматически, а оставалась в ведении города до составления купчей крепости, т.е. иногда на достаточно долгое время. Оценив эту ситуацию, К.Е. Думберг 30 января 1893 г. направил письмо А.А. Бобринскому [1891, д. 37, л. 104-105]. В нём говорится, что, поскольку археологический надзор за всеми керченскими дворами решительно невозможен, то директор музея стал иногда разрешать раскопки во дворах домовладений, деньги за которые не были выплачены или же ещё не составлена купчая крепость. Работы эти, однако, осуществлялись под надзором надсмотрщиков музея, а в исключительных случаях – самого директора. За найденные вещи раскопщикам выплачивались деньги; в случае неудачи кладоискатели оставались без всякого вознаграждения (как написал К.Е. Думберг, «без возмездия»). По мысли исследователя, такие раскопки имели ещё и ту пользу, что отвлекали «счастливиц» от работ в более отдалённых местностях, контроль за которыми был очень затруднён.

Допуская частные раскопки, К.Е. Думберг, вместе с тем, подчеркивал, что было бы весьма желательно, чтобы получение разрешения на такую деятельность было сопряжено с большими затруднениями. Он просил А.А. Бобринского выдать ему официальное предписание следующего содержания [1891 г., д. 37, л. 104-105]:

«1. Все хозяева земельных участков, за которыми полное право собственности ещё не утверждено, желающие получить разрешение

на производство археологических раскопок в своих дворах, должны мне подавать формальное прошение с двумя гербовыми марками по 80 коп.

2. Раскопки производятся на известных условиях, составленных в форме законной подписки, подаваемой мне хозяином и его рабочими.
3. Отступление от этого предписания предоставляется моему усмотрению (если, напр., мне самому будет интересно производить раскопку у того или другого хозяина)».

Ответ ИАК, подготовленный В.Г. Тизенгаузенем, был направлен в Керчь 30 января 1893 г., но прямого ответа на предложения К.Е. Думберга он не дал [1891 г., д. 37, л.106]:

«... Археологическая Комиссия вполне одобряет такое распоряжение Ваше, <но> опасается, что испрашиваемое Вами предписание, осложняя дело формальностями и, требуя от людей бедных денежных расходов на подачу прошения и составление формальных подписок, поведёт скорее к большей утайке частных раскопок, чем к упрощению контроля над ними. Вследствие этого Комиссия поручила мне войти с Вами предварительно в ближайшее обсуждение этого дела и выяснить подробнее те причины, которые побуждают Вас ходатайствовать о вышеозначенном предписании. Кроме того, Комиссии желательно было бы получить от Вас выработанный на основании закона и местных условий проект правил вообще об охране керченских древностей (при содействии местной полиции и городской думы), круг действий заведующего Керченским музеем древностей, обязанности надсмотрщиков и т.п.»

Вопросы, поставленные В.Г. Тизенгаузенем в этом письме, нуждались в самой серьёзной проработке, и, как представляется, у К.Е. Думберга на это просто не хватило времени, во всяком случае, они были оставлены без ответа. Последняя попытка К.Е. Думберга модернизировать работу вверенного ему учреждения была связана с решением ввести униформу для надсмотрщиков, сторожей музея и пр. Просьба об этом была направлена в ИАК в октябре 1899 г. [1891 г., д. 37, л. 225]. Такое решение в наши дни выглядит несколько странно, если даже не сказать комично, но царская Россия, как известно, была империей мундиров. В общественном сознании того времени прочно утвердилась мысль, что ношение мундира дисциплинирует, способствует лучшему выполнению обязанностей, повышает самооценку и оценку его обладателя со стороны окружающих и т.д. В ИАК был направлен список

сотрудников Керченского музея, которым предполагалось выдать форменную одежду; он состоял всего из шести фамилий [1891 г., д. 37, л. 227]. Скорее всего, этот проект не нашёл поддержки и, вероятно, вовсе не рассматривался. Дело в том, что 12 апреля 1900 г. К.Е. Думберг обратился к А.А. Бобринскому с просьбой об отставке, мотивируя это ухудшением состояния здоровья, точнее, обострившимся ревматизмом [1891 г., д. 37, л. 235]. Это решение директора Керченского музея, надо думать, имело под собой причину не только в ухудшении здоровья или каких-то местных настроениях, но и в конфликте, возникшем тогда в недрах Императорской археологической комиссии [Медведева и др., 2009, с. 173].

Председатель Археологической комиссии поначалу попытался отговорить К.Е. Думберга от такого решения и сохранить для Комиссии «столь трудолюбивого и просвещённого ея деятеля» [1891 г., д. 37, л. 236], но тот был непреклонен. Вопрос о кандидатуре нового заведующего Керченским музеем для ИАК по понятным причинам был чрезвычайно важным, и дело об увольнении К.Е. Думберга затянулось более чем на год. В том, что он был серьёзно болен, и в том, что болезнь эта в немалой степени объяснялась профессиональной деятельностью, не может быть ни малейших сомнений. Здесь, однако, имеется ещё один немаловажный аспект: К.Е. Думберг мечтал о переводе в Петербург, планируя передать раскопки на Боспоре другому лицу, оставив за собой «главное руководство и контроль» [1891 г., д. 37, л. 259]. Он считал, что петербургский климат, без сомнения, благотворно повлияет на его здоровье [там же, л. 258], что, надо признать, сейчас звучит достаточно странно. Претензии К.Е. Думберга на особое положение в российской археологии в Петербурге вряд ли были встречены с пониманием, а его упрямство, по всей видимости, стало попросту раздражать¹². Вся эта история закончилась тем, что 15 июля 1901 г. К.Е. Думберг, которому тогда не было и 39 лет, был уволен со службы с мизерной пенсией в 333 руб. 33 коп. в год [там же, л. 278, 307-308; Лазенкова, 2003, с. 46-47]¹³. Дела от него принял преподаватель Керченской Александровской гимназии, хранитель Мелек-Чесменского кургана Одесского общества истории и древностей статский советник В.В. Шкорпил.

¹² Немалое раздражение чувствуется в телеграммах, которыми обменялись В.В. Латышев и К.Е. Думберг в июле 1901 года. В.В. Латышев, занимавший тогда пост товарища председателя ИАК, потребовал от бывшего директора Керченского музея сообщить, сколько осталось денег от ассигнованных ему на раскопки 200 рублей [1901 г., д. 12, л. 14]. Ответ К.Е. Думберга был краток: «Два рубля» [там же, л. 15].

¹³ Дальнейшая судьба К.Е. Думберга практически не известна, но есть основания считать, что после отставки он вернулся в г. Дерпт (совр. Тарту).

Рис. 69. Карл Евгеньевич Думберг [ФА, I 7530].

Рис. 70. Нагрудный знак надсмотрщика Керченского музея, утверждённый 26 мая 1892 г. по рисунку архитектора Г. Солтыковича [1891 г., д. 37, л. 94].

4.3. Раскопки грунтовых и курганных некрополей на европейской стороне Боспора

Что касается исследований грунтовых некрополей, производившихся при А.А. Бобринском, то они продолжались с прежней регулярностью. Основным объектом изучения, естественно, оставался некрополь Пантикапея. Здесь время от времени попадались любопытные гробницы. Так Ф.И. Гроссом в 1887 г. во время раскопок на Аджимушкайской улице была обнаружена грунтовая могила, в которой поверх небольшого слоя грунта над телом погребённого было открыто скопление древесных углей и пахучей смолы, очевидно, ладана, а также стеклянный бальзамарий (рис. 71). По замечанию исследователя, смола издавала приятный запах, если её помещали в огонь [1887 г., д. 21, л. 28 об.]. Там же в одной из гробниц была найдена каменная плита вторичного использования, на которой была высечена надпись [рис. 72; 1887 г., д. 21, л. 29].

Кроме того Ф.И. Гросс продолжал проводить свои исследования согласно издавна заведённым правилам. В 1886 г. он вновь предпринял раскопки около Мирмекия, в результате чего был исследован курган, находившийся за оградой Нового карантина (высота – 2,5 м, окружность основания – около 130 м). Основная гробница в этом кургане была разграблена, но рядом с ней, возможно, в грабительском выкиде была найдена любопытнейшая группа терракотовых статуэток (12 экз.): мальчик с гусем и петухом; Аттис, поражающий быка; всадник, преследующий зайца; Афродита с дельфином и др. [1886 г., д. 7, л. 32; см.: ОАК, 1882-1888, с. СII]. В насыпи этого кургана к тому же были обнаружены впускные поздние погребения, костяки в которых лежали головами на запад. Ф.И. Гросс посчитал их генуэзскими [1886 г., д. 7, л. 32], и в этом он, безусловно, был прав – здесь действительно существовал некрополь XIII–XIV вв., который можно связывать с небольшим генуэзским укреплённым поселением Пондико, построенным на руинах древнего Мирмекия [Бутягин, 2003; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 49-51]. В 1887 г. директор музея продолжил изучение двух курганов за оградой Керченского карантина, насыпей в конце Карантинной слободки и у дачи Павловича, но они оказались безрезультатными [1887 г., д. 21, л. 27; см.: ОАК, 1882-1888, с. CLXXI]. В 1889 г. при изучении некрополя Мирмекия были открыты три неразграбленные гробницы, в которых были найдены три лекифа с пальметками и «этрусский флакон с пальметкой» [1889 г., д. 30, л. 18; см.: ОАК 1889, с. 9-10]. Эти предметы, во всяком случае последний из них, следует считать довольно ранними, относящимися ко времени поздней архаики. Ещё один «этрусский флакон» с изображением женской фигуры был обнаружен здесь Ф.И. Гроссом позднее [1889 г., д. 30, л. 19].

С 1888 г. в Керчи стал проводить работы председатель Археологической комиссии, который поначалу имел намерение предпринять исследования на Юз-Обе (см. главу 4.9). В таких условиях самостоятельные работы директора

Керченского музея, по понятным причинам, были сильно затруднены; в 1889 г. Ф.И. Гросс был вынужден вообще прекратить раскопки и всех своих землекопов направить в распоряжение А.А. Бобринского [1889 г., д. 30, л. 7, 16]. В 1890 г. Археологическая комиссия обратилась к профессору Киевского университета Св. Владимира Ю.А. Кулаковскому с просьбой принять на себя руководство раскопками керченских гробниц, обещая ему помощь со стороны хорошего специалиста – Ф.И. Гросса [1890 г., д. 31, л. 56], и это приглашение было принято (о работах Ю.А. Кулаковского см. главу 4.10).

Об исследованиях председателя Археологической комиссии в Керчи можно кратко сказать следующее (подробнее см. главу 4.9). В 1887 г. городом Керчь были приобретены земли Ф. Багера, на которых лежали самые западные курганы цепи Юз-Оба. Сразу же возник вопрос о необходимости их раскопок, но переговоры с арендаторами земли затянулись [1887 г., д. 21, л. 4-8]¹⁴. В конце концов один курган здесь был исследован Ф.И. Гроссом летом 1888 г., а второй, самый крайний в цепи Юз-Обы на западе (так называемый курган Мирзы Кекуватского), раскапывался А.А. Бобринским в 1888-89 гг. В 1891 г. председатель Археологической комиссии, проводя масштабные исследования одного из пантикапейских «пепелищ», обнаружил ранний курганный некрополь этого города, что, разумеется имеет очень большое значение.

С 1891 г. к изучению боспорских древностей приступил новый заведующий Керченским музеем К.Е. Думберг [ОАК, 1891, с. 67-68]. Ещё раз можно обратить внимание, что поначалу он не имел никакого опыта проведения археологических работ. Вероятно, в какой-то степени этим следует объяснять его доверчивость к рассказам местных жителей о якобы известных тем местах, где татарами или другими лицами были зарыты клады. К.Е. Думберг в этих местах, естественно, ничего не нашёл и только зря потратил время [1891 г., д. 84, л. 2-7; 1891 г., д. 165].

Первые опыты самостоятельных серьёзных раскопок нового заведующего музеем тоже не очень впечатляют, хотя, как представляется, он пытался следовать методике своего выдающегося предшественника – А.Е. Люценко. Нет сомнения, что раскопки велись под наблюдением опытного надсмотрщика Семёна Зяблова, который, как представляется, ошибок не допускал¹⁵, а вот

¹⁴ Надо признать, что и ранее А.Е. Люценко вёл долгие переговоры с Ф. Багером по поводу исследования курганов Юз-Обы, лежащих на его землях. Из-за непомерных денежных запросов владельца земли и его наследников эти переговоры не дали положительного результата [1862 г., д. 17].

¹⁵ 9 апреля 1900 г. за усердие в деле сохранения и изучения боспорских древностей Семён Зяблов был награждён серебряной медалью для ношения на шее на станиславской ленте [1899 г., д. 17]. С 1 октября 1901 г. ему было назначено пособие из средств ИАК в размере 360 руб. в год [1902 г., д. 122, л. 9]. После смерти заслуженного археолога, 24 октября 1909 г., пособие в размере 180 руб. стало выплачиваться его вдове [там же, л. 20].

интерпретация результатов этих работ всецело принадлежит К.Е. Думбергу. В 1891 г. он открыл ограбленную катакомбу на северном склоне горы Митридат [1891 г., д. 84, л. 27], затем доследовал гробницу во дворе Семёна Белого¹⁶, ход раскопок и обнаруженные здесь предметы неплохо описаны в отчете [там же, л. 28). Наконец, К.Е. Думберг обратился к доследованию большого кургана, лежавшего по Аджимушкской дороге, который, вероятно, в своё время раскапывал А.Е. Люценко. Эти работы опять же сравнительно неплохо документированы [1891 г., д. 84, л. 28 сл.], хотя рассуждения автора о последовательности возведения обнаруженных под насыпью погребальных сооружений вызывают очень большие сомнения. Ясно, что основным погребальным комплексом здесь был каменный склеп с «египетским» (уступчатым) сводом. Этот склеп был ограблен, но с ним, возможно, следует связывать обломок краснофигурного кратера с изображением амазонки, сражающейся с грифоном, обнаруженный в насыпи кургана (рис. 73). К.Е. Думберг посчитал, что эта находка относится ко II в. до н.э. [там же, л. 31], что выдаёт его полное незнание древнегреческой расписной керамики. Почти нет сомнения, что А.Е. Люценко или Ф.И. Гросс датировали бы этот фрагмент IV в. до н.э.

В 1892 г. К.Е. Думберг, в принципе, продолжил действовать в русле работ предшествующего года: надсмотрщики музея докладывали ему, что в той или другой части Керчи «счастливчики» обнаружили или пытаются обнаружить гробницу, что в том или ином керченском дворе или огороде владельцы нашли что-нибудь интересное и т.п. Директор музея принимал необходимые меры, спасая памятники древности, и в ряде случаев ему удавалось открыть действительно очень показательные, информативные археологические комплексы [1892 г., д. 39, л. 8 сл.]. Например, во дворе мыловаренного завода Зидорфа по Аджимушкской улице он открыл могилу, в которой погребённый был уложен на толстом слое морской травы головой на юго-запад; при нём находились черепки грубого горшка из чёрной глины (лепного?) и повреждённый лекиф с черным украшением, вероятно, чернофигурный [1892 г., д. 39, л. 22]. Ещё более интересна каменная гробница, исследованная К.Е. Думбергом около так называемого Собачьего кургана [там же, л. 23 сл.; см.: ОАК, 1892, с. 29-31]. В ней в составе погребального инвентаря наряду с прочим находились пять ваз: две леканы, желобчатая чернолаковая пелика, украшенная изображением золочёного венка на горле, краснофигурная амфора с весьма небрежным изображением борьбы двух амазонок с грифоном (рис. 74) и сильно потёртая амфора с росписью (бой греческого воина с двумя амазонками), нанесённой водяными красками.

Сочетание поздних краснофигурных vaz с «акварельным» сосудом позволило исследователю датировать эту гробницу II в. до н.э., что сейчас представляется

¹⁶ Эту гробницу начал самовольно раскапывать сын хозяина дома. По настоянию К.Е. Думберга за свои противоправные действия он получил пять суток ареста [1891 г., д. 84, л. 28].

абсолютно неверным. Тем не менее идея о поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре очень увлекла К.Е. Думберга; по этому поводу он писал: «Вазовая живопись прекращается в боспорских городах позднее, чем в самой Греции, и её произведения, по всей видимости, гораздо моложе, чем обычно полагают» [1892 г., д. 39, л. 26]. Действительно, «акварельные» вазы, скорее всего, стали производиться на Боспоре после прекращения массового ввоза художественной керамики из Афин, точнее, после прекращения её производства там. Однако поздние краснофигурные вазы вряд ли могли «дожить» до II в. до н.э.

К.Е. Думберг был во многом прав, когда писал: «Хронология составляет одну из очень слабых сторон южнорусской археологии, и это объясняется главным образом тем, что гробничные находки очень часто рассматриваются не в совокупности и не в связи с другим, находящимся более в стороне материалом» [1892 г., д. 39, л. 26]. Действительно, разработка корреляции находок, происходящих из погребальных комплексов, в целях наиболее достоверной их датировки имеет огромное значение для археологической науки. Это направление исследований, в принципе, могло дать положительный результат уже в конце XIX в., но лишь при условии опоры на хорошо установленные, проверенные опытом хронологические атрибуции. Директор Керченского музея, по всей видимости, считал надёжно установленной датировку «акварельных» пелик, а не аттической расписной посуды.

В подтверждение поздней датировки могилы 1892 г. автор раскопок привлёк происходящие из неё монеты, на одной из которых изображена голова быка с надписью PAN, на другой – протома грифона с аналогичной надписью. Эти находки сейчас можно датировать совсем не II в. до н.э., а, вероятнее всего, началом III в. до н.э. [см.: Шелов, 1956, с. 215, табл. IV, № 43, 51, с. 216, табл. V, № 57, 60, 63, 79; Анохин, 1986, №№ 119, 120-122], что даёт основание относить к этому времени весь интереснейший керамический комплекс, открытый К.Е. Думбергом.

Деятельность директора музея в Керчи в 1893 г. не вполне ясна [см.: ОАК, 1893, с. 6-7]. Во всяком случае «Дело ИАК о раскопках господина заведующего Керченским музеем древностей» за этот год, хранящееся в Архиве ИИМК РАН [1893 г., д. 135], состоит всего из одного документа – письма В.Г. Тизенгаузена с просьбой расследовать под Керчью некоторые особенно перспективные, по его мнению, места: участок мещанки А. Волченко, расположенный около Карантинного шоссе, и три некрополя за Казённым садом. Раскопки в следующем, 1894 г. убеждают нас в том, что К.Е. Думберг твёрдо придерживался тактики «пожарной команды», идя вслед за «счастливчиками» и даже поддерживая тесные контакты с торговцами древностями, к примеру, с Б. Букзелем и Е. Запорожским. В рапорте А.А. Бобринскому он объяснял свои действия тем, что с такими людьми необходимо поддерживать «дружеские» отношения, поскольку открытая вражда может привести к полнейшему укрывательству любой информации о действиях «счастливчиков» [1894 г., д. 47, л. 16]. Что касает-

ся участка мещанки А. Волченко, то раскопки здесь провёл Н.И. Веселовский, приехавший в Керчь на несколько дней и пожелавший произвести здесь «маленькую археологическую раскопку». Надежды на хорошие открытия, однако, оказались напрасными; Н.И. Веселовский обнаружил всего 3 или 4 нетронутых гробницы, всё остальное свидетельствовало о давнем разграблении [1894 г., д. 47, л. 51-52].

В том же 1894 г. в Керчи было сделано одно в высшей степени любопытное археологическое открытие. Группа «счастливчиков» начала раскапывать курган на землях подполковника Волошкевича, т.е. в районе современного железнодорожного вокзала, и почти сразу нашла большую мраморную скульптуру, изображающую льва [рис. 75-76; см.: ОАК, 1894, с. 5, рис.1; Ростовцев, 1914а, с. 255-257; Марти, 1926, с. 38; Максимова, Наливкина, 1955, с. 305, 307, рис. 16; Соколов, 1973, с. 131, № 138; Кобылина, 1984, с. 293, табл. СIII, 2]. Подобные находки на Боспоре, как известно, представляют собой явление чрезвычайно редкое; до этого скульптуры хорошей сохранности были обнаружены лишь в 1850 г. [см.: Бич, 1958, 87-90; Кобылина, 1984, с. 214, 296, табл. CVI, 2; Тункина, 2002, с. 301-302]. Не удивительно, что это открытие привлекло очень большое внимание, а сам этот памятник вскоре стал называться Львиным курганом [Цветаева, 1957, с. 244-247, рис. 5-6]. К.Е. Думберг провёл работы на этом памятнике в течение двух сезонов 1894—1895 гг., в результате чего вся насыпь была снята полностью [1894 г., д. 158, л. 32 сл., 157 сл.; см.: ОАК, 1894, с. 5-6, рис. 1; 1895, с. 20-22]. Под ней были выявлены остатки разграбленного и почти полностью разрушенного каменного склепа (10,7 × 4,25 м) с дромосом длиной более 21 м. Склеп, скорее всего, имел полуцилиндрический свод; он был оштукатурен и, вероятно, расписан [1894 г., д. 158, л. 158]. На его полу была обнаружена каменная плита с надписью, свидетельствующей о том, что «этот памятник» построил некий Алким и его жена Филопатра в 311 году боспорской эры [КБН, 335], т.е. в 14 г. н.э. «Памятник», т.е., прежде всего, склеп, если судить по найденным архитектурным деталям, был богато украшен; важной деталью его внешнего убранства, несомненно, была мраморная скульптура льва. Несмотря на редчайшую для боспорских памятников точность датировки, многие вопросы, связанные с изучением *Львиного кургана*, остаются неясными. Прежде всего, до сих пор непонятно, когда склеп был разрушен и почему столь крупная скульптура была зарыта (спрятана) в сравнительно небольшой яме, наконец, неясным остается и вопрос о том, был ли курган сооружён одновременно или же включил в себя и более ранние насыпи. В современной науке как будто преобладает первая точка зрения [Цветаева, 1957, с. 244], но она далеко не бесспорна.

После раскопок в 1895 г. К.Е. Думберг сделал заключение, что весь этот курган был построен сразу [1894 г., д. 158, л. 196], т.е. он представлял единовременный памятник, относящийся к 14 г. н.э. Однако годом раньше он писал совсем другое: «Разрезанная курганная насыпь показывает, что этот курган был не сразу

насыпан, а мало помалу, и состоит из нескольких маленьких курганов, соединённых потом в один большой» [там же, л. 29; ср.: ОАК, 1894, с. 6]. Приведённое противоречие во взглядах исследователя имеет принципиальное значение для понимания памятника в целом. Дело в том, что помимо остатков каменного склепа в нём было открыто несколько «ожжённых точек» (тризн) и остатков кремаций. Из этих контекстов, как следует из отчёта о раскопках, происходили обломки краснофигурных кратеров и других ваз, фрагменты чернолаковой посуды с штампованным орнаментом на дне, амфорные клейма и т.д. Всё это даёт вполне надежное основание относить обозначенные комплексы к V–IV вв. до н.э. и, соответственно, признавать более вероятным первоначальное предположение К.Е. Думберга о одновременности возведения Львиного кургана.

Автор раскопок, однако, усмотрел в этих фактах подтверждение своей точки зрения об относительно поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре, что предполагалось им после открытия гробницы 1892 г. (см. выше). Исследователь считал, что в Львином кургане не было найдено ни единой вещи, выходящей за хронологические рамки I в. н.э., хотя и признавал, что обозначенная посуда по тонкости и качеству лака не отличается от более древней. По этому поводу он заключил: «Употребление такого рода посуды в начале христианской эры даёт чрезвычайно важный и интересный критерий для хронологического определения подобных находок. Причисливают же её обыкновенно более древним временам. Но Львиный курган сообщает ещё больше и доказывает, что хронология, принятая относительно керченских расписных ваз, совершенно ошибочная» [1894 г., д. 158, л. 198]. В соответствии со своими взглядами на хронологию К.Е. Думберг считал, что, к примеру, склеп Васюринского кургана был выстроен в I в. н.э. и вообще все склепы с полукруглыми сводами принадлежат римской эпохе [там же, л. 204]. Он резко возражал Л.Э. Стефани, относившего Артюховский курган к II в. до н.э. [ОАК, 1880, с. 26–27], полагая, что этот памятник следует датировать II в. н.э. или даже III в. н.э. [там же, л. 209]. Исследователь всё более убеждался в мысли, что «греческая и римская хронологии не всегда применимы к Боспору» [там же, л. 208]. Он информировал ИАК о своём стремлении получить все боспорские материалы для основательной их обработки «с точки зрения сравнительной хронологии и археологии». К.Е. Думберг писал: «С удовольствием я посвятил бы ей (т.е. созданию новой хронологии – Ю.В.) всю свою жизнь» [там же, л. 210].

В связи с изложенным допустимо высказать удивление, насколько ложные идеи могут захватить человека, более того – стать целью всей его жизни. В Императорской археологической комиссии такие взгляды, разумеется, не могли найти поддержки.

Для изучения расписных катакомб Керчи очень важным стал 1896 г., когда на землях мешанки А.В. Зайцевой был открыт так называемый склеп Деметры [рис. 77, 78; 1896 г., д. 38; 1896 г., д. 58, л. 151 сл.; см.: ОАК, 1896, с. 65–66],

быстро ставший общеизвестным, можно сказать, хрестоматийным памятником боспорской декоративной живописи [Ростовцев, 1914а, с. 199-226; Гайдукевич, 1949, с. 405-408; Иванова, 1953, с. 146-150; Ернштедт, 1955, с. 263-265; Соколов, 1973, с. 106-108, №№ 103-112; Зинько, 1994; Зинько и др., 2009]. К.Е. Думберг датировал этот памятник не ранее II в. н.э. и, понимая его важность, предполагал подготовить публикацию в одном из выпусков «Материалов по археологии России» [1896 г., д. 58, л. 155], но сделать это ему не удалось.

В сентябре 1899 г. археологическое общество было обрадовано находкой «стасовского» склепа с его замечательными батальными росписями [Ростовцев, 1914а, с. 293-345; Гайдукевич, 1949, с. 415-419; Ернштедт, 1955, с. 275 сл.], т.е. памятника, описанного В.В. Стасовым в 1872 г. и считавшегося погибшим [1899 г., д. 18, л. 26]. До археологов в склепе, как часто случалось, побывали «счастливики», разрушившие здесь все лежанки [там же, л. 167-168]. Другое выдающееся открытие подобного рода было сделано 31 января 1900 г., когда на участке между бойней и тюрьмой был найден каменный саркофаг, внутри украшенный росписями [1900 г., д. 5, л. 6, 41, 185]. Каждая из длинных стен этого саркофага была разделена на три части изображёнными здесь колоннами. В пяти из этих шести частей были представлены музыканты, воины, обычные погребальные сцены, на шестом поле изображён художник-живописец за работой. Роспись этого саркофага считается одним из важнейших памятников боспорской художественной культуры [Ростовцев, 1914а, с. 376-389; Гайдукевич, 1949, с. 397-401, рис. 70; Иванова, 1953, с. 153-154; Ернштедт, 1955, с. 269 сл.; Блаватский, 1964, с. 174-175; Соколов, 1973, с. 109-111, №№ 113-115].

В 1897 г., несмотря на свою большую загруженность¹⁷, К.Е. Думберг принял раскопки на северном склоне *горы Митридат*, к востоку от того места, где А.А. Бобринский в 1891 г. обнаружил курганы раннего некрополя Пантикапея (об этом см. ниже, главу 4.9). Под насыпью, достигавшей 8,5 м в глубину, заведующий музеем открыл две грунтовые могилы, которые, судя по сопровождающему материалу (амфориск «финикийского» стекла, чернофигурный лекиф, украшенный пальметками, и пр.), следует относить к времени поздней архаики, хотя сам исследователь датировал их концом V в. до н.э. [1897 г., д. 51, л. 86-87; см.: ОАК, 1897, с. 36]. На следующий год К.Е. Думберг открыл здесь ещё несколько любопытных гробниц, в том числе погребение, содержащее остродонную амфору, амфориск «финикийского» стекла, короткий железный меч, нож и каменный оселок [1898 г., д. 30, л. 153-154; см.: ОАК, 1898, с. 16 сл.]. Полученные материалы позволили предложить более обоснованную хронологическую атрибуцию некрополя – V в. до н.э. [1898 г., д. 30, л. 158]. Продолжение раскопок на этом участке в 1899 г. не дало желаемого результата, археологи

¹⁷ В 1897 г. К.Е. Думберг провёл крупные исследования в Поднепровье, в Верхних и Нижних Серогозах [1897 г., д. 51].

открыли скудные остатки стен. К.Е. Думберг в связи с этим предположил, что местность рядом с некрополем была застроена какими-то сооружениями в том же V в до н.э. [1899 г., д. 18, л. 154; см.: ОАК, 1899, с. 17]. В 1900 г. исследователь работал уже на Карантинном шоссе и в других районах, где была изучена почти сотня различного типа гробниц [1900 г., д. 5, л. 139 сл., 185 сл.].

Одно из отраднх веяний нового времени заключается в росте технической оснащённости керченских археологов. К концу XIX в. они уже отказались от допотопных тачек и приобрели вагонетки, рельсы для прокладывания необходимых путей и т.д. Работы, безусловно, пошли значительно быстрее и эффективней.

Весной 1901 г., несмотря на грядущее увольнение со службы (см. главу 4.2), К.Е. Думберг ничуть не ослабил своей привычной работы по изучению погребальных памятников Пантикапея. В это время им было открыто 13 катакомб, из которых одна имела роспись, исполненную в грубом, варварском стиле [1901 г., д. 12, л. 11, 19].

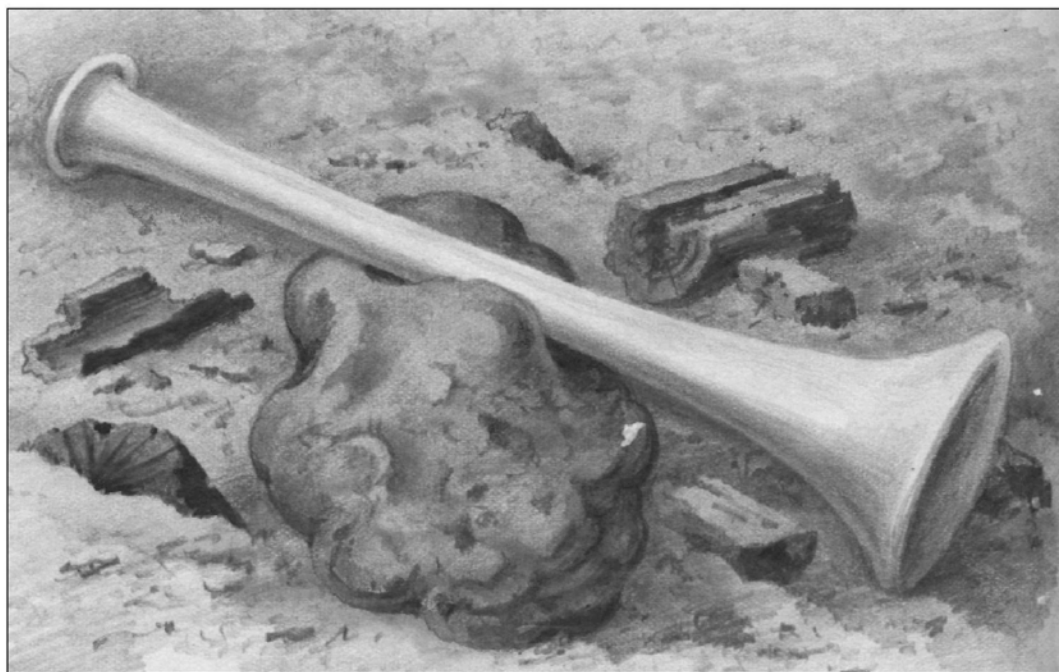
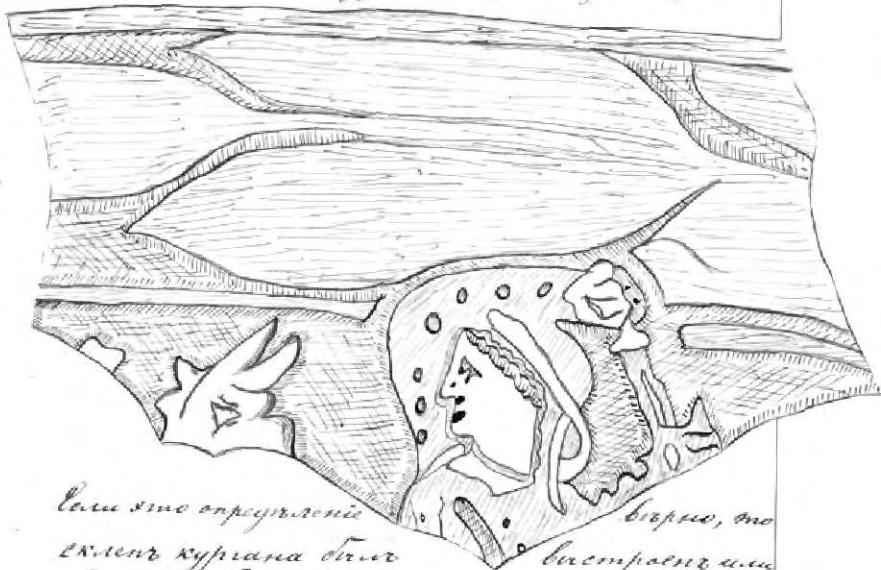

Рис. 71. Керчь. Вид кремации, открытой на Аджимушкайской улице в 1887 г. [1887 г., д. 21, л. 28 об.].

Рис. 72. Керчь. Вид гробницы, открытой на Аджимушкской улице в 1887 г. [1887 г., д. 21, л. 29].

непроткнутой насести раскопа Д. Кусачи ала, востригъ и черепки отъ дуба, большихъ кратеровъ, одного съ рисунками, другого покрашеного черными лакомъ. На подшиве гробница С. нашла се кусочекъ листового золота, а въ египетской гробницѣ С. черепокъ клинообразнаго лежничка. На одномъ изъ черепковъ первого кратера сохранился угадливый голова египетскаго жезлика съ стижорого. Судя по стилю и работѣ рисунка, можно судить его приписать судопетскому II в. д. Р. Мр.

Если это определение верно, то склеп кургана близ вострагъ или во II в. д. Р. Мр. или же около II в., судя по промежутку между временемъ произведенія и употребленія (върнее истребленія.) При отропной склепа близъ разорена маленская египетская гробница, состояющая, по всей вѣроятности, изъ црпана Гривного кладбища, лежащаго

Рис. 73. Керчь. Обломок краснофигурного кратера из кургана на Аджимушкайской дороге, 1891 г. [1891 г., д. 84, л. 28].

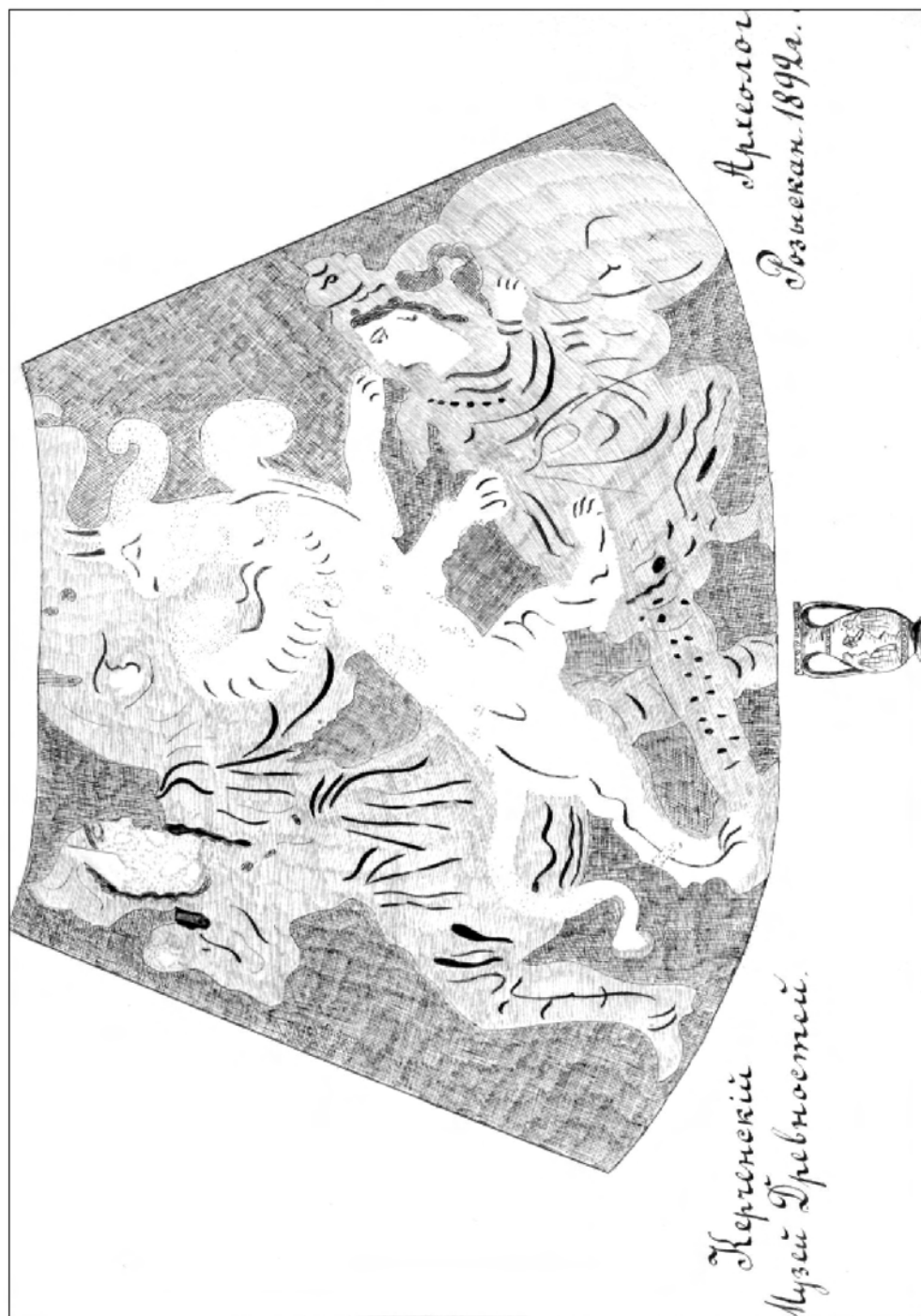
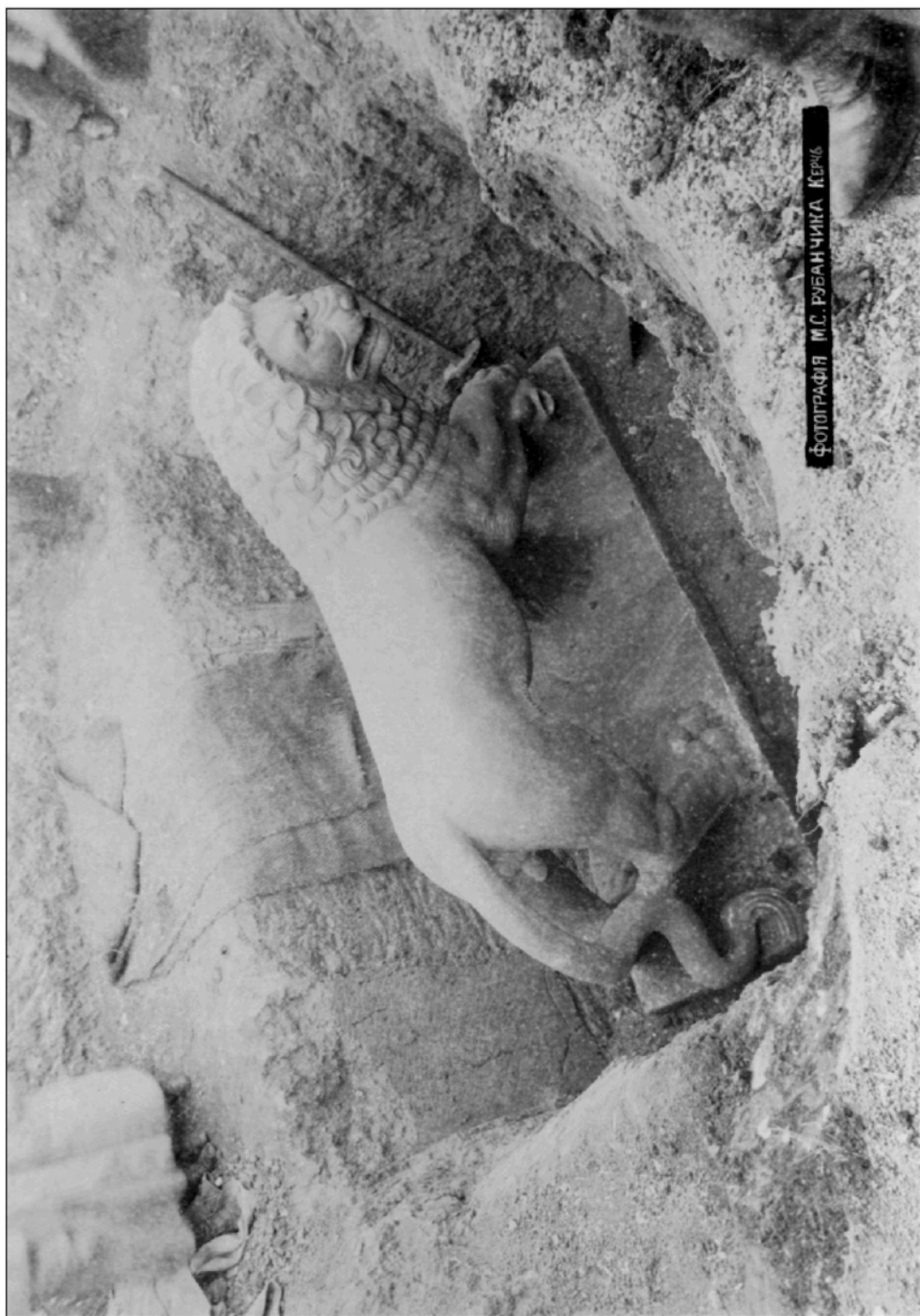

Рис. 74. Керчь. Аквафельная ваза из гробницы 1892 г. [1892 г., д. 39, л. 23].

ФОТОГРАФІЯ М.С. РУБАНЧИКА. Керчь

Рис. 75. Керчь. Мраморный лев в момент открытия [1894 г., д. 158, л. 149].

Рис. 76. Керчь. Мраморный лев [1894 г., д. 158, л. 123].

Рис. 77. Плафон склепа Деметры [1909 г., д. 1909, ч. III, л. 17].

Рис. 78. Склеп Деметры. Изображение Плутона, похищающего Персефону [1909 г., д. 106, ч. III, л. 18].

4.4. Раскопки курганов и грунтовых некрополей на азиатской стороне Боспора

Надо признать, что памятникам азиатской стороны Боспора в рассматриваемое время археологи стали уделять заметно меньше внимания, чем ранее. Ф.И. Гросс провёл здесь исследования в 1886 г., они были сосредоточены на Тузле [ОАК, 1882-1888, с. СIII-CIV]. В результате этих работ было вскрыто сразу 11 курганных насыпей. Исследователь по этому поводу даже заметил, что «теперь можно положительно сказать, что все курганы в этом месте тщательно расследованы» [1886 г., д. 7, л. 32]. Таким образом, нерасследованными на Тамани, по его мнению, оставались лишь курганные памятники около Цокурского лимана и на Бугазе. Ф.И. Гросс допускал при этом, что в них могут находиться не только «скифские», но и греческие гробницы. Ответ на этот вопрос, по справедливому замечанию исследователя, могли дать только будущие раскопки [1886 г., д. 7, л. 32]. Стремясь лучше изучить курганы Таманского полуострова, в 1887 г. он обратился к раскопкам на землях *станции Стеблиевской*, где на южной стороне Ахтанизовского лимана вскрыл курган, обнаружив в нём две разорённые гробницы. Ф.И. Гросс нашёл в них лишь несколько обломков от краснофигурных ваз «с рисунком вакхического содержания» [рис. 79; 1887 г., д. 47, л. 27 об.].

В 1893 г. к работам на азиатском Боспоре обратился К.Е. Думберг. В.Г. Тизенгаузен писал ему 16 августа, что около *станции Стеблиевской* тогда обнаружили древний могильник, на котором найдено несколько надгробных камней с надписями; заведующему музеем для раскопок этого могильника был выдан «Открытый лист» и выделено 400 руб. [1893 г., д. 140, л. 1]. Однако о его раскопках под станцией Стеблиевской в Архиве ИИМК РАН материалы отсутствуют, но имеется информация об исследованиях в немецкой колонии *Михаэльсфельд (Джигинка)*. В 1892 г. здесь, в обрыве древнего русла Кубани, при случайных обстоятельствах была найдена византийская золотая цепь [см.: 1892 г., д. 39], и К.Е. Думберг, как представляется, решил сосредоточиться на исследовании этой местности. В 1893 г. он заложил на обрыве несколько траншей, в результате чего было найдено некоторое количество золотых и пр. предметов (серьги, подвески, вставки и т.д.). Общий контекст находок тогда остался неясным [1893 г., д. 140, л. 10 сл.; см.: ОАК, 1893, с. 8], современная наука рассматривает *Михаэльсфельд* как эталонный памятник времени раннего средневековья [Засецкая, 2010]. В одной версте от этого места тогда же был раскопан один небольшой курган, но надежда археолога обнаружить здесь «что-нибудь для определения археологического характера ближайшей окрестности, однако, не осуществилась, и пришлось констатировать самое полное разорение» [1893 г., д. 140, л. 13].

Осмотрев окрестности *станции Сенной*, К.Е. Думберг решил раскопать один полуразрушенный курган на берегу Таманского залива [см.: Паромов, 1993, с. 124]. По его словам, здесь он попытался поближе познакомиться с техническими приёмами проведения археологических работ на курганах, а также доказать, что «самые раскопанные» курганы ещё далеко не исследованы [1893 г., д. 140, л. 128]. Эти раскопки примечательны отнюдь не сделанными находками, К.Е. Думберг открыл в кургане лишь «жжённый точёк», т.е. место тризны, и обычную гробницу, перекрытую досками. Любопытно другое: исследователь действительно показал, что боспорские курганы нуждаются в доследовании, что, как он выражался, «почти каждый раскопанный курган на Таманском полуострове представляет собою знак вопросительный». И ещё одно в высшей степени важное обстоятельство: именно К.Е. Думберг одним из первых среди боспорских археологов пришёл к выводу о необходимости полного сноса курганных насыпей¹⁸, он писал, что «курганы в странах с преобладающею греческою культурою должны быть совсем снесены, что стоит довольно дорого, <но> не допускает однако в последствии никаких сомнений» [там же, л. 130; ср.: ОАК, 1893, с. 9].

В следующий раз К.Е. Думберг появился на азиатском Боспоре через три года, когда предпринял раскопки на городище Фанагория (см. главу 4.6). К исследованиям таманских курганов он обратился лишь через семь лет, и связано это было с тем, что 7 августа 1900 г. около станицы Ахтанизовской был обнаружен знаменитый *Ахтанизовский клад* [1900 г., д. 5, л. 197-200; о нём см.: ОАК, 1900, с. 46 сл.; Спицын, 1909, с. 19 сл.; Ростовцев, 1925, с. 557; Максимова, 1969, с. 55 сл.; Pfrommer, 1987, S. 70; 1990, S. 260; 1993, р. 9; Mordvinceva, 2001, S. 72-73]. Двое местных жителей, Яков Лукиков и его сын Касьян, случайно обнаружили каменную гробницу, сложенную из пяти плит. Её размеры: 2,15 м × 0,70 м, глубина – 1,40 м, ориентация по линии восток-запад. По словам раскопщиков, костяка в могиле не было, а золотые и серебряные вещи находились вне её, за северной стенкой, где они были сложены «в одну кучу». К моменту приезда К.Е. Думберга некоторые вещи из клада были куплены врачом И.А. Терлецким¹⁹. Директор музея проявил свойственную ему напористость и в конце концов получил (выкупил), вероятно, почти всё, что тогда было найдено. После этого он приступил к раскопкам. Сначала была тщательно исследована площадь самой гробницы, а затем начались раскопки на более отдалённых территориях. Пробными ямами и траншеями была раскопана огромная площадь, а с помощью бура были проведены крупные

¹⁸ Ранее такого мнения, как уже говорилось, придерживался А.Б. Ашик (см. главу 1.2), но он ничего не сделал для реализации своих теоретических установок на практике.

¹⁹ О деятельности А.И. Терлецкого, связанной с торговлей боспорскими древностями, подробнее см. ниже.

разведочные изыскания. Однако результат всех этих усилий был печален – лишь 10 весьма скромных гробниц [Думберг, 1902, с. 58-60]. Оценивая проведённые работы, К.Е. Думберг с горечью заметил: «Не может быть, чтобы гробница Лупиковых была единственной богатой» [1900 г., д. 5, л. 199], но другой подобной он в этой местности, к сожалению, не обнаружил. Тем не менее, именно ему принадлежит заслуга спасения для науки Ахтанизовского клада, который по-своему является уникальным. Учёные оценивают этот комплекс по-разному; совсем не исключено, что его можно трактовать как погребение воина времени Митридата VI Евпатора [Виноградов, 2004, с. 174-175; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 145-146].

Одновременно с Ахтанизовкой К.Е. Думберг предпринял исследования ещё в двух местах Таманского полуострова: на станции Сенной и Южном кордоне, который к тому времени был построен в 12 верстах от Тамани на Тузлинском мысу. О работах на кордоне мы ничего не знаем, а вот о Сенной можно сказать, что раскопки здесь были достаточно масштабными и проводились они в нескольких местах [1900 г., д. 5, л. 199, 200 сл.; см.: ОАК, 1900, с. 47; Думберг, 1902, с. 60]. Однако, несмотря на все старания, эти исследования не увенчались успехом: в курганах и на ровной местности было открыто 30 гробниц, но лишь 6 оказались «более или менее целыми». К.Е. Думберг по этому поводу даже отметил: «Нигде я не встретил такого страшного разорения, как на станции Сенной». Несмотря на такую неудачу, исследователь продолжал считать, что Фанагория ещё может дать много важных находок, но раскопки здесь «должны быть предпринимаемы с большими средствами и продолжаться непрерывно месяцев шесть» [1900 г., д. 5, л. 199].

В декабре 1900 г. Археологическая комиссия вновь направила К.Е. Думберга на Тамань. Около хутора Фонтан необходимо было осмотреть склеп, открытый местными казаками в небольшом кургане. Директор Керченского музея осмотрел этот склеп и заключил, что он был ограблен ещё в древности; ничего особенного, кроме древесного угля, археолог здесь не заметил [1900 г., д. 5, л. 202-203].

Рис. 79. Краснофигурные фрагменты, обнаруженные в кургане на южной стороне Ахтанзовского лимана [1887 г., д. 47, л. 27 об].

4.5. Работы на городищах европейского Боспора

В 1886 г. на вершине горы Митридат, к западу от так называемого кресла Митридата, в дождевых размывах были замечены отёски мрамора, и сразу возникло предположение, что в древности здесь производилась обработка мраморных изделий [1886 г., д. 7, л. 31]. На этом участке был заложен раскоп площадью более 280 кв. м, культурный слой вскрыт на глубину от 1,5 до 3,5 м. В результате проведённых работ была обнаружена большая яма, вырубленная в скале и оштукатуренная, которую Ф.И. Гросс посчитал зернохранилищем. Яма была перекрыта каменной плитой; её глубина составляла 4,25 м, при этом диаметр в верхней части равнялся 1,25 м, далее стенки расширялись, и диаметр дна достигал 2,15 м. Мастерской по обработке мрамора здесь, как видим, открыть не удалось, но тем не менее на дне ямы была найдена часть головы от женской мраморной скульптуры. В культурном слое этого участка было обнаружено множество обломков расписных ваз в так называемом «этрусском стиле» (так тогда обычно называли аттические чернофигурные сосуды), которые, по заключению исследователя, «свидетельствуют о былом величии боспорской столицы» [там же, л. 31; см.: ОАК, 1882-1888, с. ХСІХ-С; Блаватский, 1951, с. 13]²⁰.

Поблизости от этого участка был сделан ещё один раскоп площадью более 190 кв. м, в результате чего был зачищен северный фас скального массива горы, у основания которого была открыта другая яма схожей конструкции, но меньших размеров. К ней вели водостоки, сделанные из камня, что позволяет считать её цистерной для сбора дождевой воды [1886 г., д. 7, л. 31; см.: ОАК, 1882-1888, с. С-СІ]. В.П. Толстиков полагает, что при зачистке скального массива Ф.И. Гросс обнаружил ступенчатые подтёсы под облицовку скалы квадратной кладкой [Толстиков, 1992, с. 52]. В 1891 г. раскопки на пантикапейских «пепелищах» провёл А.А. Бобринский (см. главу 4.9).

В начале 1892 г. стало известно, что военные власти передали сооружённую к тому времени на горе Митридат крепостную эспланаду (рис. 80) городу Керчь и что там, вероятно, начнётся добыча камня [1891 г., д. 37, л. 76]. К.Е. Думберг сразу же начал активную борьбу против такой перспективы, настаивая на том, чтобы эти земли (порядка 180 десятин, т.е. приблизительно 200 га) были доступны для археологических исследований. Военное ведомство оправдывалось тем, что на этих землях предполагается высадить кусты или другие растения, устроить пастбища и т.д., но никак не превращать их в каменоломни [1891 г., д. 37, л. 95]. Местные жители, однако, сразу начали там строительство, и К.Е. Думберг требовал от Городской управы запрещения

²⁰ В 1900 г. Э.Р. Штерн, как известно, написал, что иногда и «презренный черепок» может послужить «исходным пунктом для важной исторической комбинации» [Штерн, 1900, с. 20]. В плане практическом, как видим, у него были предшественники.

этого самоуправства [1891 г., д. 37, л. 148]. Защищая права археологов, он в 1897 г. писал: «Здесь стоял в древности замок боспорских царей, была расположена древнейшая часть города Пантикапея, находились самые интересные кладбища его жителей. ... Митридатская эспланада ещё далеко не исследована и в её недрах покоится, несомненно, много ценных сокровищ» [1891 г., д. 37, л. 188]. Результатом этого противостояния стало решение Военного ведомства, принятое в январе 1898 г., о том, что эспланада всё-таки передаётся в аренду керченским городским властям, но с тем условием, «чтобы участки, потребные Археологической комиссии для изысканий с научной целью, могли быть выделяемы из аренды во всякие времена по первому требованию Военного ведомства, без всякого за то вознаграждения городу» [1891 г., д. 37, л. 196].

Главным объектом внимания К.Е. Думберга, конечно, всегда являлся Пантикапей, при этом не только некрополь, но и городище. В 1896 г. он по этому поводу писал в Археологическую комиссию [1896 г., д. 58, л. 165-166]:

«Для выяснения бытовой жизни, численности населения и множества других, весьма интересных вопросов самое лучшее средство – исследование “пепелищ”. Последние <представляют собой – Ю.В.>, так сказать, живой и верный отпечаток культуры. Городские постройки подвергались частым изменениям, и находимые в пределах городских стен предметы не могут поэтому служить надёжным хронологическим путеводителем. “Пепелища” же остаются в большинстве случаев нетронутыми. Они образуются постепенно, один слой за другим, и при внимательном исследовании из них можно извлечь самые ценные факты. Известно же, например, какой яркий свет бросила раскопка т.н. Persesrschutt в Афинах на греческое искусство до Персидских войн²¹.

Громадные “пепелища” на горе Митридат, к счастью, ещё более или менее целы. Можно быть вполне уверенным, что дальнейшие систематические раскопки откроют <здесь> целый ряд разных наслоений, обязанных своим происхождением отдельным периодам городской жизни. Тщательное исследование “пепелищ” является единственным надёжным способом для установления более точной хронологии произведений искусства, в особенности гончарного, и дает возможность определить типичные формы посуды каждой эпохи. Точная хронология гончарных изделий поможет в свою очередь устранить и предотвратить множество ошибок, господствующих в области курганной хронологии, основанной преимущественно на весьма шатких стилевых данных, представляемых вещами, находимыми в гробницах и склепах. Слишком часто выпускается

²¹ Имеется в виду «персидский мусор», т.е. культурный слой, образовавшийся в Афинах в результате разрушения города персами в 480 г. до н.э.

из виду то обстоятельство, что в жизни народов ничто так долго и упорно не держится и <не> сохраняет свою древнюю форму, как предметы, связанные с религиозными обрядами и захоронными культурами. Стиль может до известной степени определить время происхождения того или другого предмета, найденного в курганном склепе, время же сооружения самого кургана показывает одна только тризна, остатки которой дают неопровержимое свидетельство о свойственной данному периоду посуде. Таким образом, получается теснейшая связь между курганами и “пепелищами”, и остаётся только надеяться, что Археологическая комиссия обратит серьёзное внимание на научное исследование последних».

Через два года исследователь высказался ещё категоричней: «Чтение отчетов директоров Керченского музея и разного рода наблюдения возбудили во мне предположение, что под громадными насыпями восточной половины горы Митридат непременно должны находиться значительные остатки древнего Пантикапея» [1898 г., д. 30, л. 35]. Далее он продолжил [там же, л. 159-160]:

«Гора Митридат подвергалась в течение более 60 лет постоянным разысканиям со стороны профессиональных археологов и непрошенных кладоискателей-счастливчиков. Казённые и частные копатели обращали внимание преимущественно на западную половину горы с её бесчисленными древними кладбищами; раскопки же восточных насыпей Митридата, под которыми непременно должны находиться остатки акрополя и города Пантикапея, редко предпринимались. Роскошные вазы, золотая и серебряная посуда, ожерелья, перстни и т.п. здесь не могли обнаружиться, исследование же громадных насыпей ради решения чисто научных, исторических и топографических вопросов не имело ничего привлекательного и стоило очень много денег, времени и терпения. А между тем, представляют эти насыпи не меньше интереса, чем курганы, катакомбы, склепы. Мы знаем, как пантикапейцы своих покойников хоронили, как они украшали жилища мёртвых драгоценными предметами и фресковой живописью, но где и как они сами жили, какой вид имели их дома – об этом мы почти никакого понятия не имеем. До сих пор даже не известно, имели ли, например, находимая при покойниках глиняная посуда и терракоты исключительно погребальный характер или же служили они также в домах живых. Все такие и массу других вопросов, касающихся внутренней и бытовой жизни пантикапейцев, положения, устройства и вида их города, могут разрешить только систематические и продолжительные раскопки именно этих восточных насыпей Митридатовой горы.

Что в этой местности в древности находился акрополь или часть города не могло подлежать ни малейшему сомнению и подтвердилось

находимыми при раскопках фундаментами, цистернами и т.д. К какому, однако, периоду относились эти остатки, осталось неизвестным».

Надо признать, что к тому времени К.Е. Думберг имел все основания для этого заключения. Еще осенью 1896 г. на восточном склоне Митридата были проведены крупные работы, в результате чего была вскрыта площадь почти 640 кв. м при мощности напластований до материка от 4 до 7 м. В одном из раскопов на материке были открыты остатки двух домов, при этом в обоих находились куски прекрасной цветной штукатурки. Ещё более впечатляющие архитектурные остатки были выявлены во втором раскопе, а именно – часть крупного дома, стены которого были сложены из хорошо отёсанных камней и покрыты цветной штукатуркой. Здесь же находились барабаны колонн и детали карниза хорошей отделки. К.Е. Думберг датировал это здание первым веком до или после новой эры и не без гордости писал: «Во всяком случае, можно уже теперь сказать, что на Митридатовой горе найдены остатки самого древнего жилого дома, открытого до сих пор в пределах России» [1896 г., д. 58, л. 168; см.: ОАК, 1896, с. 66 сл.].

В 1898 г. К.Е. Думберг продолжил раскопки на этом участке и постепенно выявил остатки крупной постройки, которую он интерпретировал как термы, построенные в I или II в. н.э. [1898 г., д. 30, л. 85 сл.; см.: ОАК, 1898, с. 13 сл.]. В своём отчете исследователь с увлечением рассказывает об открытых им остатках бассейнов, очаге, в котором нагревался воздух, подававшийся в помывочные залы: фригидарий, тепидарий и кальдиарий (прохладное, тёплое и горячее отделения). Он был настолько увлечён идеей о «глубоком влиянии римской культуры на обычаи и нравы обывателей древней греческой колонии» [1898 г., д. 30, л. 90], что не придавал значения сравнительно небольшим размерам пантикапейских «терм», которые никак не соответствовали параметрам общественного здания. К тому же в них не нашлось места для раздевалки, под полом не было обнаружено и неизменных во всех термах приспособлений для подачи нагретого воздуха (гипокаустов), зато в некоторых помещениях были устроены абсолютно неуместные в бане крупные зерновые ямы. Правильность реконструкции К.Е. Думберга, как видим, вызывает определенные сомнения²². Специалисты, однако, признают её вполне верной [Ростовцев, 1914а, с. 113-114; Крыжицкий, 1993, с. 185-186]. Не настаивая на окончательном выводе, рискну высказать догадку, что в результате раскопок 1896 и 1898 гг. директор

²² О методе реконструкций в научном исследовании К.Е. Думберг, тем не менее, рассуждал вполне здраво. Он писал: «Посредством осторожной реконструкции несомненно возможно будет восстановить – разумеется, на бумаге – ту или другую часть столицы Боспорского царства, сделать её более понятной, наглядной, доступной». Археолог сетовал, что в России смотрят на это с подозрением, как на некую «фантазию». Любое историческое исследование, однако, есть именно реконструкция, а «плоди и бумага скорее врут, чем камни и черепица» [1898 г., д. 30, л. 36].

Керченского музея открыл совсем не термы, а крупный дом богатого пантикапейца, одно из помещений которого действительно могло служить ванной.

К сожалению, исследователь почти не обратил внимания на другое своё открытие. В северо-западном углу раскопа были обнаружены остатки «черепичного завода», точнее, боковые стены большой обжигательной печи. В ней находилось значительное количество полуобожжённой черепицы и грузила (отчасти с клеймами). Любопытно и другое заключение К.Е. Думберга, что «завод», как и «термы» были брошены, вероятно, при нападении неприятеля [1898 г., д. 30, л. 90]. Относительно оправданности вывода К.Е. Думберга об открытии «черепичного завода» возражал В.Ф. Гайдукевич, отрицавший, что директор Керченского музея обнаружил тогда гончарную печь [Гайдукевич, 1934, с. 221; но ср.: Блаватский, 1951, с. 28]. Однако даже если сомнения В.Ф. Гайдукевича относительно открытия печи верны, то присутствие «полуобожжённых черепиц» однозначно свидетельствует о наличии здесь керамической мастерской.

В 1899 г. успешные раскопки Пантикапея были продолжены. Результаты их действительно впечатляли, 5 октября в лондонской «Times» о них даже появилась маленькая заметка [1899 г., д. 18, л. 36]:

«Раскопки эти обещают обогатить Россию новыми Помпеями, так как исследователи уже успели обнаружить фундаменты здания, представляющего, по-видимому, храм Геркулеса. Открыты термы, а также некоторое число фресок, и вновь открыта известная стасовская катакомба, считавшаяся погибшей 30 лет».

О термах и стасовской катакомбе уже было сказано выше. Что касается прочих открытий на городище в 1899 г., то действительно тогда К.Е. Думберг обнаружил остатки большой постройки, в планировке которой он выделил пять крупных частей или блоков, каждый из которых был разделён на несколько помещений (рис. 81). В одной из таких небольших комнат был найден бюст Диониса и герма Геракла. Последняя находка позволила исследователю предположительно называть открытую им постройку храмом Геркулеса [1899 г., д. 18, л. 158-160; см.: ОАК, 1899, с. 19 сл.]²³. Сразу можно признать, что на античный храм эта постройка совсем не похожа, хотя общественное её назначение весьма вероятно; более того, по масштабам и богатству отделки комплекс, открытый К.Е. Думбергом, вполне можно признать дворцом, одно из помещений в котором служило домашним святилищем. Имеющаяся документация, к сожалению, не позволяет сделать обоснованного заключения о времени

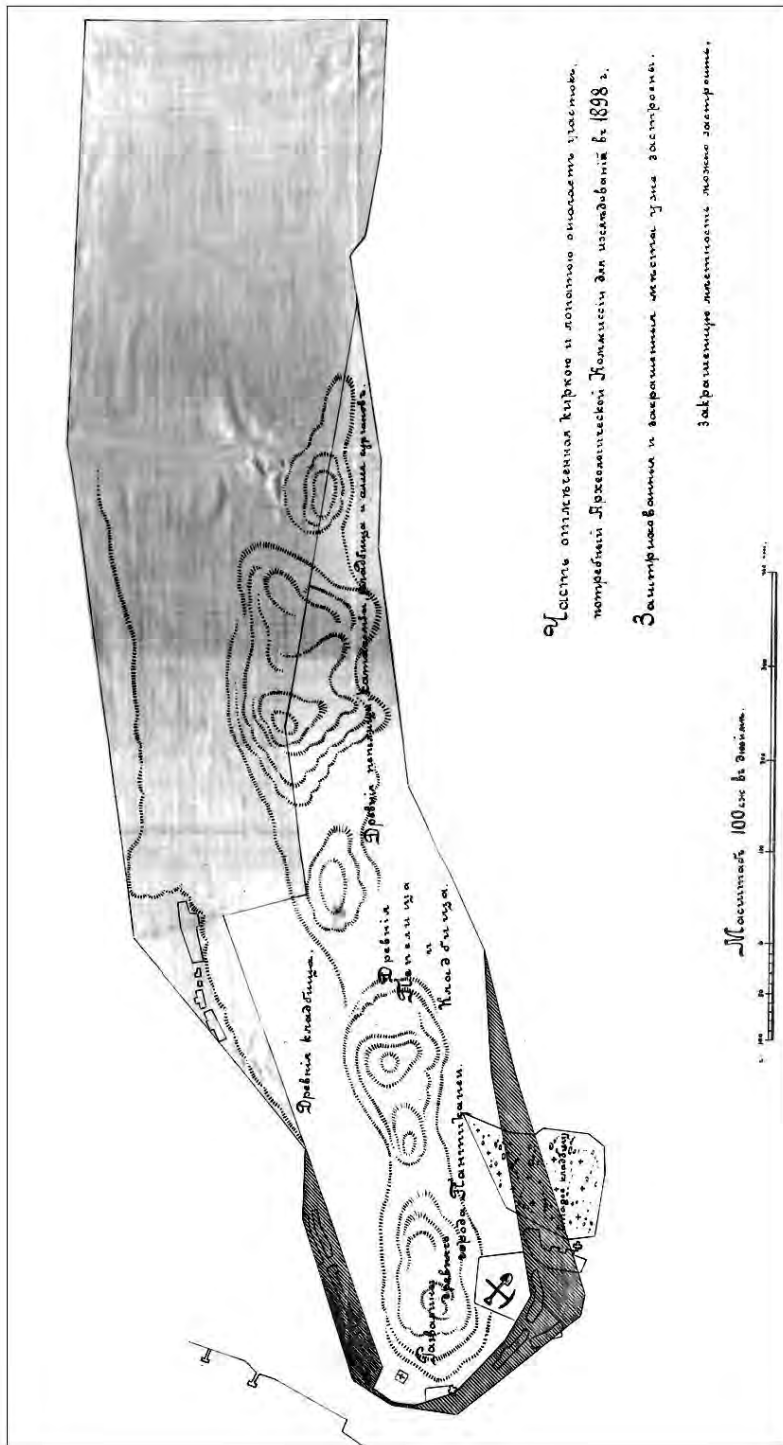
²³ У К.Е. Думберга в то время появилось заметное стремление несколько поэтизировать открываемые им объекты. Даже для раскопов он подбирал необычные, запоминающиеся названия: Графский, участок Артемиды и т.д.

существования этого здания, хотя М.И. Ростовцев относил его к эпохе эллинизма [Ростовцев, 1914а, с. 115-116; ср.: Блаватский, 1951, с. 15, 22; 1964, с. 118; Крыжицкий, 1993, с. 128]. На участке раскопа был обнаружен также мощёный двор, на котором находился глубокий колодец; в этом колодце были обнаружены шесть человеческих скелетов. Исследователь обоснованно связал такую необычную находку с какой-то «страшной катастрофой» [1899 г., д. 18, л. 170-171], но имеющие материалы опять же не дают оснований для её точной датировки.

Сравнительно недалеко от «храма» был обнаружен и частично исследован дом Штукатура, как его определил К.Е. Думберг (рис. 82). Своё необычное название этот комплекс получил по большому количеству найденных в нём обломков рельефной гипсовой штукатурки [1899 г., д. 18, л. 164-165; см.: ОАК, 1899, с. 23]. По причине незначительности раскрытого участка судить о времени и назначении постройки не представляется возможным [Ростовцев, 1914а, с. 117-118].

В 1900 г. раскопки Пантикапея были сосредоточены на площади между «храмом Геркулеса» и двором с колодцем. Об их результатах К.Е. Думберг писал, что тогда были выявлены «остатки стен, имеющие более или менее неопределённый характер» [1900 г., д. 5, л. 184]. Из такой характеристики, разумеется, ничего понять невозможно. Вместе с тем, в этом же году директор Керченского музея выступил с очередной инициативой, которая, на сей раз, была нацелена на решение проблемы отвалов, накопившихся на поверхности городища. Он предлагал вывозить их в море на конских подводах, при этом в целях экономии средств делать это было лучше всего зимой [1900 г., д. 5, л. 1]. Данное предложение было принято, и отвалы из раскопа на горе Митридат стали свозить на городские пристани [там же, л. 184].

О работах на других городищах европейского Боспора мы имеем слишком скудную информацию. По поводу раскопок А.Ю. Кулаковского на мысе Зюк см. главу 4.10. О работах Ф.И. Гросса на «пепелище» за Керченским карантинном (т.е. около Мирмекия) в 1889 г., вероятно, приблизительно там, где в 1863 г. проводил исследования А.Е. Люценко (см. главу 2.10), известно лишь то, что там были найдены три амфорные ручки с клеймами [1889 г., д. 30, л. 19].

а) Часть оплывшая кирко и долина околотки, занятая войсками, по преданию Боспорской Колонии для изгнания в 1898 г. Защитное валичное и вверочные укрепления, построенные Митридатом.

Рис. 80. Эспланада на горе Митридат, план [1891 г., д. 37, л. 268].

Рис. 81. Керчь. «Храм Геркулеса» [1899 г., д. 18, л. 204].

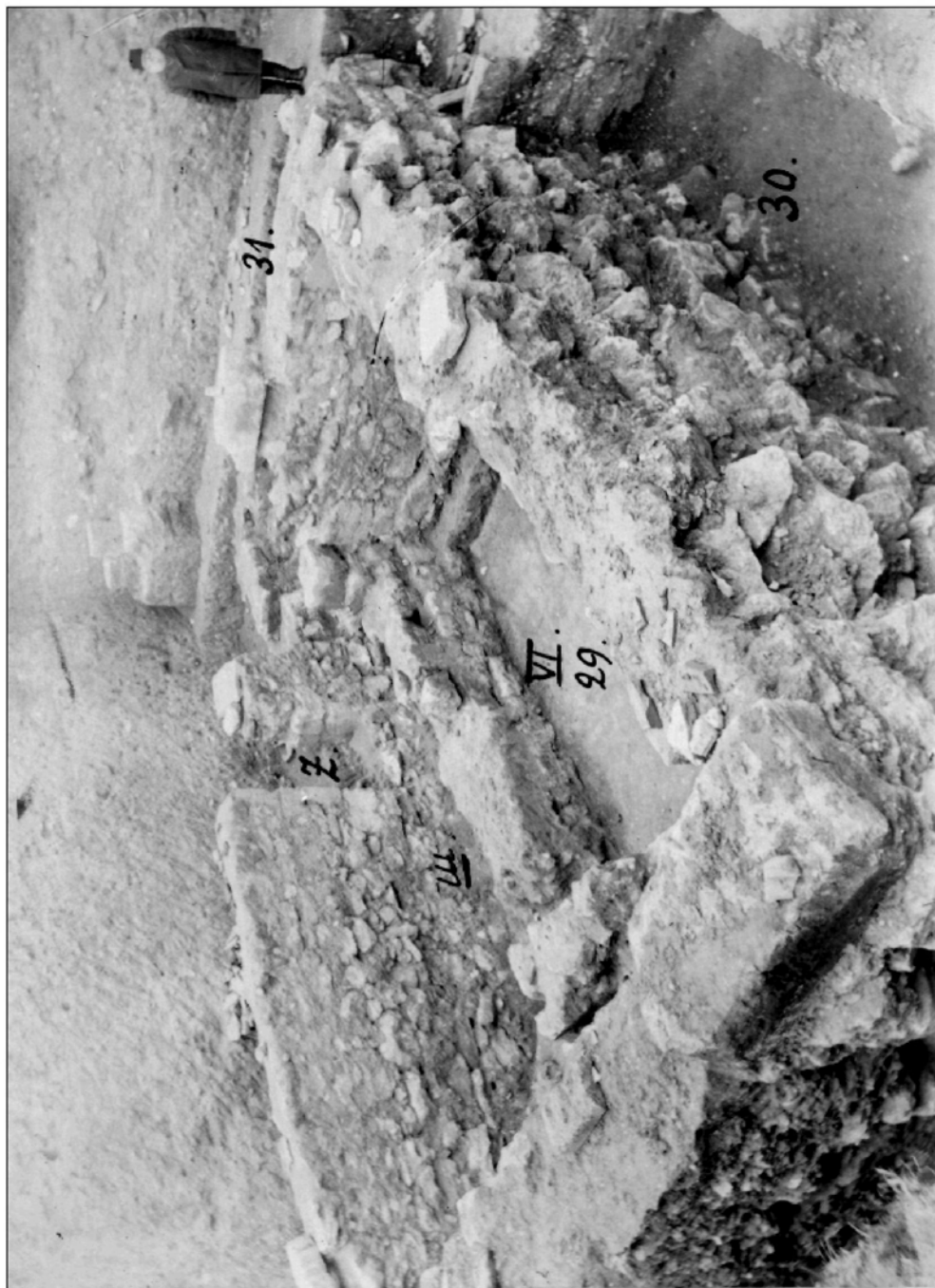

Рис. 82. Керчь. «Дом Штукатура» [1899 г., д. 18, л. 206].

4.6. Раскопки на городищах азиатского Боспора

К.Е. Думберг, проводивший здесь исследования в 1893 г., сделал несколько любопытных наблюдений. В отношении многочисленных древних «пепелищ», т.е. рядовых поселений, расположенных на Таманском полуострове и сопредельных территориях, он заметил, что производить здесь раскопки рискованно, т.к. такие памятники, «кроме простых черепков, ничего в себе не заключают» [1893 г., д. 140, л. 12, прим. 2]. Осмотр руин Фанагории и её окрестностей, напротив, произвёл на К.Е. Думберга весьма сильное впечатление, по этому поводу он написал [там же, л. 15]:

«Один только взгляд на карту должен нас убеждать, что греки при таких блестящих условиях едва ли могли себе выбрать более выгодное во всех отношениях место <для основания – Ю.В.> торгового города, как то, где они построили Фанагорию. Можно смело сказать, что Фанагория, не будь сообщения между Ахтанизовским лиманом и Таманским заливом, навсегда осталась бы незначительным местом и никогда не выдвинулась бы в ряду греческих колоний. Значение, процветание и падение Фанагории тесно связаны с судьбою древнего рукава Кубани. Следовало бы обратить самое серьёзное внимание на эту местность, которая ещё далеко не исследована и от которой можно будет ожидать ещё множества самого интересного исторического материала. Разъяснение судеб Фанагории и древнего рукава Кубани может сразу пролить яркий свет на в высшей степени туманную древнюю топографию всего Таманского полуострова».

Раскопки Фанагории возобновились в 1896 г. [ОАК, 1896, с. 64-65; Паромов, 1993, с. 125], и на сей раз они были стимулированы открытием новых эпиграфических памятников. Произошло это около хутора П.П. Семеняки, где при случайных обстоятельствах были обнаружены две интересные надписи: постамент статуи, посвящённой царицей Динамией супруге императора Августа Ливии [КБН, 978], и посвящение Афродите Урании, сделанное при Перисаде I [КБН, 971]. Кроме того, здесь же была найдена часть известняковой статуи, изображающей молодого воина в панцире, плаще, остроконечной шапке, с мечом, луком и горитом [рис. 83; 1896 г., д. 58, л. 7-8; 160-161]. Исследования было решено провести во владениях Семеняки, а также на местности, расположенной правее дороги, ведущей из Тамани в Сенную. К.Е. Думберг при этом отметил [1896 г., д. 58, л. 8]:

«Выбор плоской и открытой береговой полосы для основания города в стране дикой и варварской противоречит всему, что мы знаем об основании греческих городов вообще. Первое поселение лежало непременно на более возвышенном и менее доступном месте, и только впоследствии, по

мере утверждения греческого господства среди туземцев, город мог спуститься в долину и занимать береговую полосу. Греческий мало-мальски порядочный город без акрополя немыслим, а последний придётся в данном случае искать на одном из холмов, господствующих над всею местностью. Там же должны были находиться все главные храмы и святилища».

Раскопки 1896 г. были весьма масштабными: К.Е. Думберг заложил два больших раскопа и 86 пробных траншей, в общей сложности было вскрыто около 3000 квадратных сажен (более 13 500 кв. м). Однако надежды открыть акрополь древней Фанагории или, по крайней мере, фундамент храма Афродиты оказались напрасными [1896 г., д. 58, л. 161-162]. Археологи находили обломки обычной керамической посуды, разрозненные мелкие камни и т.д., что К.Е. Думберг интерпретировал как указание на то, что в римское время здесь находились дачи фанагорийцев. В западной части раскопа было найдено 12 могил, но они, по мнению исследователя, не содержали ничего интересного [там же, л. 162].

Во владениях Семеняки были проведены серьёзные разведки. К востоку от хутора тянулось возвышение (500 × 150 шагов), заканчивающееся огромным курганом, который, как считалось, был раскопан В.Г. Тизенгаузенем. К.Е. Думберг предположил, что на этой возвышенности в древности находилось какое-нибудь строение, но заложенные им в разных пунктах «пробные ямы» ничего не дали [там же, л. 165].

Одно любопытнейшее археологическое открытие было сделано в 1898 г. в *окрестностях Новороссийска*, точнее, в 14 км от него, за имением Мысхако [1898 г., д. 250]. Ф.И. Романович информировал ИАК, что на земле И.П. Кулешевича, на месте, где хозяин предполагал посадить виноградник, была обнаружена каменная стена, рядом с которой находилось много незначительных вещей. Среди этих вещей выделялся «бронзовый погрудный бюст ... чудной древней работы, вполне античной, в фригийской остроконечной шапке» [рис. 84; 1898 г., д. 250, л. 1]. Ф.И. Романович находил этот бюст сходным с изображением Париса, но после специального исследования М.И. Ростовцева [Ростовцев, 1916] данный замечательный памятник почти единодушно признают изображением знаменитой боспорской царицы Динамии [см.: Гайдукевич, 1949, с. 221; 1955, с. 128; Соколов, 1973, с. 116-117, № 120; Горончаровский, 2003, с. 153; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 249]. Немецкий исследователь К. Парляска, правда, полагает, что бронзовый бюст изображает не Динамию, а Гипеперию, мать Митридата VIII и Котиса I [Parlasca, 2009].

На этом участке был открыт также древний некрополь, могилы в котором были перекрыты каменными плитами. Рядом с некрополем находилась постройка, состоящая из трёх помещений, из которых лишь одно имело выход наружу (рис. 85). Стены постройки имели толщину до одной сажени [т. е. около 2 м!]. М.И. Ростовцев высказал предположение, что в имени И.П. Кулешевича,

которое сам владелец называл Широкой Балкой, были открыты остатки небольшого храма [Ростовцев, 1916, с. 2]. Однако логичней видеть здесь одну из построек, которые в современной научной литературе получили название укрепленных зданий или домов-башен. Они строились на Боспоре, в основном в митридатовское и постмитридатовское время [Сапрыкин, 1996, с. 275-276; Паромов, 2001; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 137-139], в том числе и в районе современного Новороссийска [Онайко, Дмитриев, 1981; 1982]. Сделанные во время случайных раскопок находки светлоглиняных амфор с двустольными ручками [рис. 86; 1898 г., д. 250, л. 8, 9] позволяют считать, что дом-крепость в Широкой Балке принадлежит к концу I в. до н.э. или к началу I в. н.э. Укрепленные пункты возводились тогда по решению центральной власти Боспора, и появление здесь бюста внучки Митридата вполне закономерно и показательно.

Рис. 83. Часть скульптуры воина, найденной в Фанагории в 1896 г. [1896 г., д. 58, л. 21].

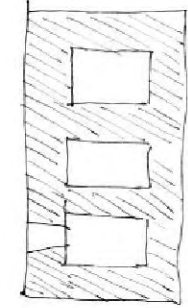
Рис. 84. Бронзовый бюст царицы Динамии (?) [1898 г., д. 250, л. 4].

Председатель Комиссии, Гофмейстеръ Двора
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

М. Д. Прохоровъ

Изъ описанія: Крестовина въ 200 штиховъ, изъготовлена на древней мери
в 14 в. в. в. восточномъ, въ штивахъ Миссии? Крестъ, при измереніи
наша въ чертѣхъ была вѣдана створами размѣрными, изъготовленными.
Въ описаніи не дано мѣры и не дано мѣры для
они описаны въ описаніи, ради чего, по описанію, ограда сѣра ина
не дана. Описаніе с мѣрами и створами чертѣхъ ина мѣрами,

мѣрами 3 створами, на чертѣхъ работъ одно
составомъ восточнымъ; ограда въ своемъ восточномъ
кромѣ еще мѣрами створами с мѣрами
ступенчатая востокъ. По описанію, в мѣрами
наша мѣрами с мѣрами, мѣрами
описаніи описаніи. Мѣрами мѣрами мѣрами, мѣрами
мѣрами мѣрами мѣрами. Мѣрами мѣрами мѣрами

Дѣлопроизводитель *М. Д. Прохоровъ*

1889/90
А. С. Прохоровъ

Рис. 85. Схематический план постройки, где был найден бронзовый бюст [1898 г., д. 250, л. 3].

Рис. 86. Амфора, найденная вместе с бронзовым бюстом [1898 г., д. 250, л. 9].

4.7. «Новостроечные» работы К.Е. Думберга

Для завершения характеристики деятельности К.Е. Думберга по изучению боспорских древностей необходимо хотя бы кратко сказать о проводившихся им «новостроечных» работах. В 1896 г. началась борьба за земли, расположенные за Новым Карантином, которые Керченской городской управой были переданы для строительства металлического (Брянского) завода [1891 г., д. 37, л. 149-150]. В конце концов было достигнуто соглашение, что строители будут докладывать в музей обо всех открываемых ими древних объектах, не будут самостоятельно производить их раскопки, а древности будут признаваться собственностью ИАК [там же, л. 157-158]. Нетрудно догадаться, что правление строительством не уделяло особого внимания спасению археологических объектов, а таковые здесь, безусловно, встречались. В 1898 г. на данном участке были обнаружены два крупных клада. Один из них в количестве 263 монет был найден в присутствии надсмотрщика и попал в музей. Второй оказался разграбленным, а, по словам рабочих, там была «целая шапка денег» [1898 г., д. 7, л. 4; см.: ОАК, 1898, с. 19], большая часть древних монет была куплена Букзелем. К.Е. Думберг сумел конфисковать у рабочих лишь 68 монет, а у Букзеля – 187 экземпляров; полиция у рабочих отобрала ещё 16 монет. В общем, из второго клада удалось спасти 271 монету, что можно признать лишь незначительной частью первоначального состава клада [1898 г., д. 7, л. 5].

Скандал, разразившийся по этому поводу, был использован К.Е. Думбергом в самом выгодном для себя направлении. По его собственным словам, он тогда на всех «нагнал порядочного страху» [там же, л. 5]. Правление завода во избежание повторения таких случаев стало выделять 600 руб. в год на наём археологического надсмотрщика при земляных работах. На эту должность был назначен Фёдор Зяблов, сын старшего надсмотрщика музея Семёна Зяблова [1898 г., д. 30, л. 163]. Под его руководством в 1898 г. здесь было открыто 14 древних погребений, на следующий год – ещё несколько [1899 г., д. 17, л. 174].

Раскопки на участке Брянского металлического завода были продолжены в 1899 г. [Шкорпил, 1901, с. 80 сл.], но весной того же года начались активные земляные работы по сооружению керченской железной дороги. К.Е. Думберг обратился к её строителю инженеру Ветринскому с просьбой о предоставлении ему всех древних предметов, которые при этом будут обнаружены. Он особо настаивал, чтобы древние могилы вскрывались строителями только в присутствии директора музея или его надсмотрщиков. Такое разрешение было получено, и первые 5 месяцев за работами на дороге наблюдал Леонтий Демиденко, при котором было обнаружено около полусотни древних могил [1899 г., д. 18, л. 177-178; 1901 г., д. 12, л. 5; Шкорпил, 1901, с. 82 сл.].

В отношении «новостроечных» раскопок К.Е. Думберга следует обратить внимание ещё на одно в высшей степени важное для современной науки

обстоятельство. В начале марта 1901 г., когда заведующий Керченским музеем уже ожидал увольнения со службы (см. главу 4.2), он продолжал свою обычную деятельность по изучению боспорских древностей, в частности, наблюдая за строительством керченской железной дороги недалеко от современного вокзала. Вот что он тогда заметил: «В том месте, где полотно пересекает древний вал, рабочие наткнулись на очень солидные фундаменты из тёсаного камня. Работы не были доведены до конца, но из всего виденного мною явствует, что ров за древним валом был обложен камнем. Было бы интересно сделать разведочные раскопки для разъяснения структуры вала» [1901 г., д. 12, л. 19]. Не может быть сомнений, что речь в данном случае идёт о так называемом Тиритакском вале. Долгое время это сооружение не подвергалось археологическому изучению и являлось предметом всякого рода априорных соображений, связанных с пониманием боспорской истории времени правления Археанактидов [см.: Шмидт, 1941, с. 268 сл.; Гриневиц, 1946, с. 160 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 189; Сокольский, 1957, с. 92 сл.; Толстиков, 1984, с. 25; Шелов-Коведяев, 1985, с. 76-77]. Раскопки по линии вала были проведены экспедицией А.А. Масленникова, в результате чего сделано заключение, что в данном месте имеется несколько разновременных сооружений, но со временем Археанактидов ни одно из них связывать нельзя [Масленников, 2003, с. 250]. Любопытно, однако, что современные археологи не открыли здесь ничего подобного виденному К.Е. Думбергом, а это означает, что изучение Тиритакского вала необходимо продолжить и, вероятно, прежде всего в том месте, где его линию пересекает железная дорога.

4.8. Археология Феодосии

До создания Императорской археологической комиссии о феодосийских древностях можно было судить исключительно по результатам раскопок, проведённых И.К. Айвазовским и А.А. Сибирским в 1852–53 гг., а также А.Е. Люценко в 1856 г. [Извлечение. 1855, с. 121-128; Штерн, 1906, с. 86]. В 1882 г. о раскопках в Феодосии и её окрестностях, как говорилось выше (глава 3.1), предполагал С.И. Веребрюсов, однако на практике это осуществить было очень нелегко. К сожалению, этому археологу не удалось провести исследования ни на городище, ни в его окрестностях.

В 1894–1895 гг. в Феодосии проводились крупные работы по строительству порта, которые по понятным причинам затронули площадь древнего городища. В таких условиях военный инженер А.Л. Бертье-Делагард, известный своими исследованиями в Херсонесе [о нём см.: Тункина, 2002, с. 48], попытался спасти кое-что для археологии [см.: Петрова, 2000, с. 24-26]. По его словам, в 1894 г. работы проводились на месте древнего акрополя – цитадели генуэзцев и турок. Здесь исследователь проводил сборы оказавшихся на поверхности

древних предметов, а также покупал их у жителей города. О своей деятельности он проинформировал Археологическую комиссию, от которой получил полное одобрение. Собранная им коллекция была распределена по трём музеям: Московский исторический, Одесский археологический и, естественно, Феодосийский [1894 г., д. 157, л. 11; см. также: Штерн, 1906, с. 85-91]. Эти находки стали основой для исследования Э.Р. фон Штерна, посвящённого феодосийской керамике [Штерн, 1906].

В 1895 г. А.Л. Бертье-Делагард за собственный счёт провёл раскопки некрополя Феодосии, располагавшегося к западу и юго-западу от города. Этот некрополь в основном состоял из небольших курганов; среди них 20-30 насыпей, по словам археолога, были разрыты в 50 годах князем А.А. Сибирским и живописцем И.К. Айвазовским. А.Л. Бертье-Делагард «попытал счастья» в полах курганов, в результате чего открыл 14 могил, которые были «до такой степени перерыты и расхищены, что не представлялось никакой возможности определить не только весь порядок погребения, но даже и самую могилу; можно лишь сказать, что все они имели стеночки из камня и были покрыты каменными плитами, заключая внутри себя, кроме скелетов, обычные предметы древнегреческого погребения, разные золотые и бронзовые украшения, чернолаковую посуду, терракоты и т.п.; обо всём этом можно было судить только по случайным находкам в просеиваемой земле и мусоре черепков и кое-каких вещиц» [1894 г., д. 157, л. 14]. Исследователь признал сходство этих погребальных комплексов с керченскими, а также их относительную простоту и бедность. На этом основании он сделал вывод, что в будущем «едва ли стоит предпринимать здесь крупные, многолетние, систематичные разыскания и раскопки» [там же, л. 15].

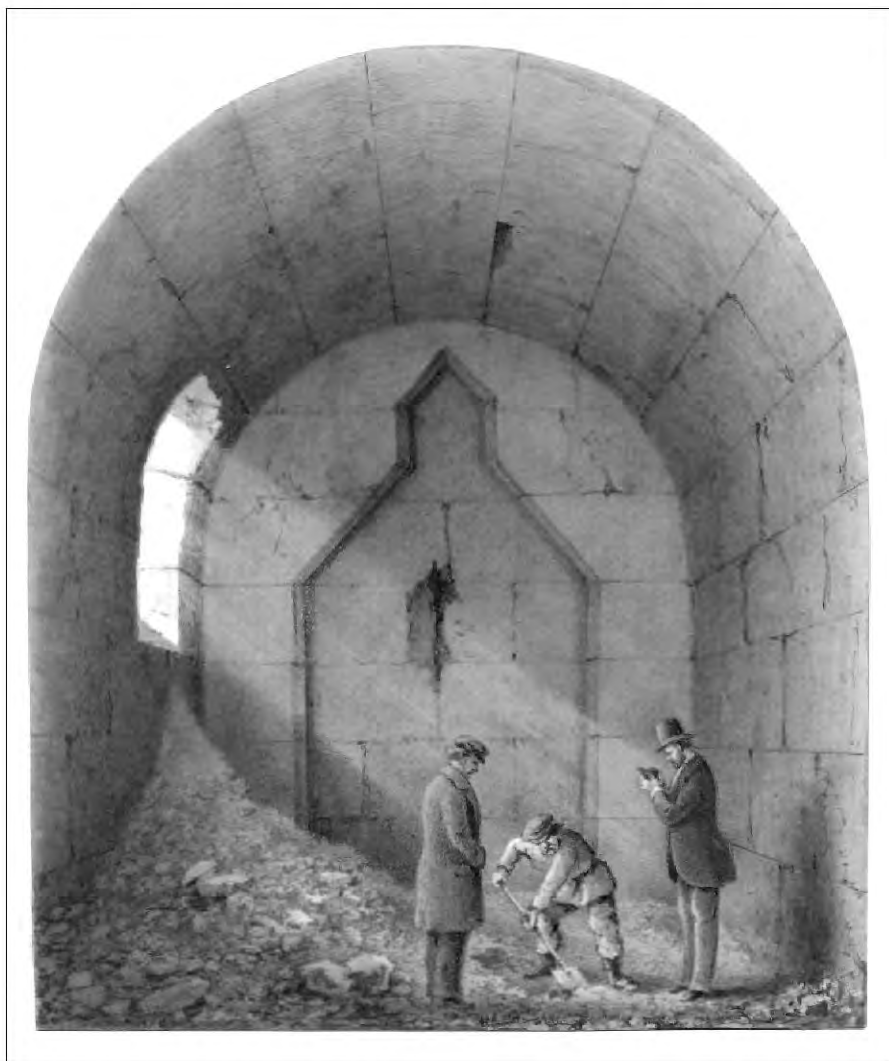

Рис. 87. Внутренний вид склепа в кургане мирзы Кекуватского [Р. 1, № 176, л. 3].

Рис. 88. Краснофигурный кратер, найденный А.А. Бобринским в насыпи кургана мирзы Кекуватского [1888 г., д. 64, л. 37].

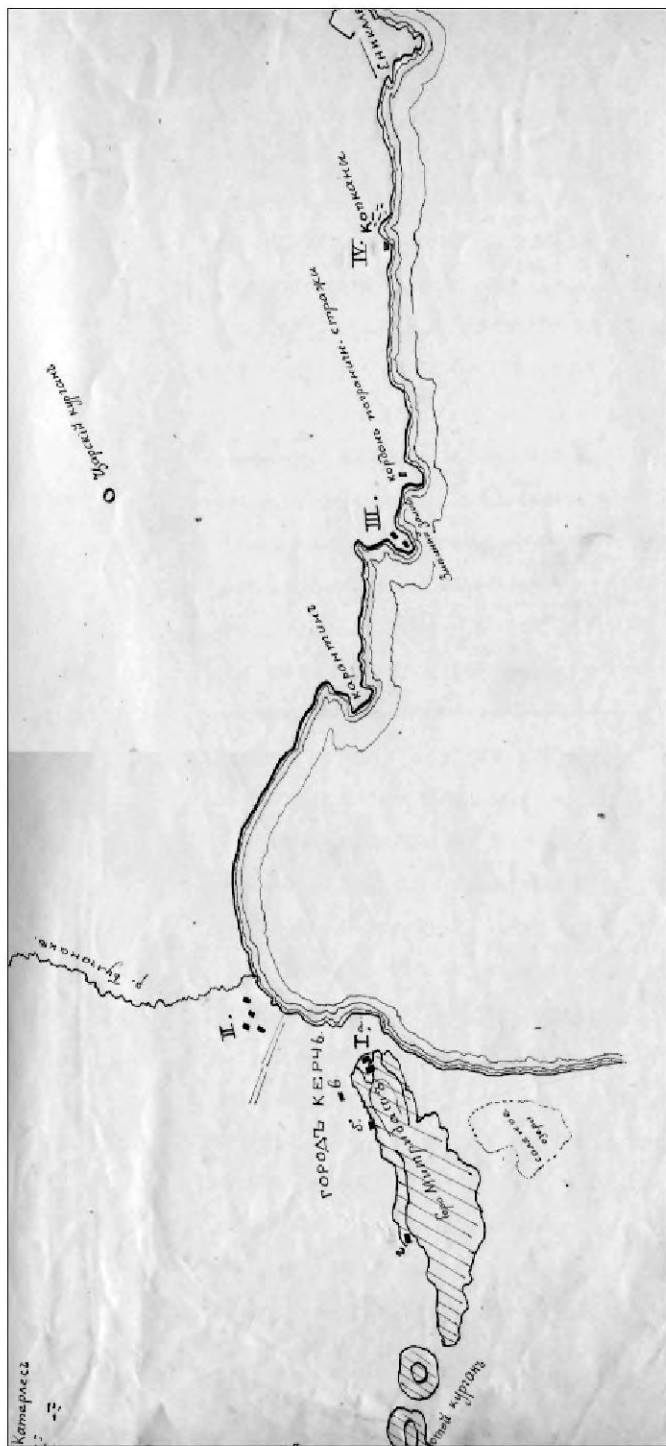

Рис. 89. План окрестностей Керчи с обозначением мест (I–IV), где проводил раскопки А.А. Бобринский в 1891 г. [1891 г., д. 53, л. 77].

Рис. 90. Изображение Гермеса на краснофигурной гидрии, найденной А.А. Бобринским [1891 г., д. 53, л. 366].

4.9. Раскопки в Керчи А.А. Бобринского

Председатель Императорской археологической комиссии начал свои раскопки на Боспоре в 1888 г., т.е. через два года после вступления в должность [см.: Боровкова, 1999, с. 103-106]. Надо думать, что в глубине души ему хотелось открыть здесь что-нибудь подобное Куль-Обе или Большой Близнице. Для этого было необходимо раскопать один из крупных курганов, но на казённых землях в окрестностях Керчи их как будто уже не было. В 1888 г. стало известно, что городом Керчью были выкуплены земли Ф. Багера, на которых, в частности, находились два последних на западе больших кургана некрополя Юз-Оба. А.А. Бобринский узнал об этом во время командировки, 23 сентября он направил в ИАК телеграмму следующего содержания [1888 г., д. 64, л. 8]:

«Сообщите, пожалуйста, произведены ли в Керчи раскопки курганов, предложенных городом. Предполагаю ехать в Крым, могу приняться за эти курганы, ежели дело ещё не сделано».

Ответ В.Г. Тизенгаузена гласил: «Один курган раскопан, ничего не нашли» [там же, л. 8], этот курган был раскопан Ф.И. Гроссом ещё летом 1888 г. А.А. Бобринский провёл исследования второго, самого последнего на западе в цепи курганов Юз-Обы [1888 г., д. 64, л. 11-12, 32-35; см: ОАК, 1888, с. ССХІІІ-ССІV; 1889, с. 11-13]. Нет сомнения, что на этом памятнике в марте 1838 – январе 1839 гг. провёл работы А.Б. Ашик, а в научную литературу он вошёл под названием кургана на землях мирзы Кекуватского [см.: ДБК, I, с. LХVІІІ-LХХ, 32, 130, 189, 191; Ростовцев, 1914а, с. 107; Марти, 1926, с. 13; Гриневич, 1952, с. 145-146; Цветаева, 1957, с. 240; Гайдукевич, 1949, с. 258; Артамонов, 1966, с. 66; Gajdukevič, 1971, S. 276-277; Fless, Lorenz, 2005, S. 22-23]. К моменту раскопок А.А.Бобринского его насыпь имела форму усечённого конуса и всё ещё отличалась достаточно крупными размерами: длина окружности основания насыпи – 320 м, высота – 11,5 м. Работы осенью 1888 г. не дали почти никакого результата, была открыта лишь мощная каменная крепида высотой около 1,5 м, опоясывавшая основание кургана. Каменную гробницу с полуциркульным перекрытием удалось обнаружить на следующий год в южной части кургана: её размеры – 5 × 3,5 м, высота склепа – немногим более 4 м (рис. 87). Погребение оказалось ограбленным или, вероятнее всего, обследованным А.Б. Ашиком; на полу гробницы были обнаружены остатки роскошного деревянного саркофага, 25 бронзовых наконечников стрел, 10 железных наконечников копий, обломки большого широкого меча со следами деревянных ножен и пр. Сверху над входом в гробницу были найдены фрагменты большого

кратера, украшенного «живописью весьма грубой работы» (рис. 88), т.е., как представляется, относящийся к поздним сосудам краснофигурного стиля²⁴.

Необходимо подчеркнуть, что в 1888 г., кроме раскопок кургана мирзы Кекуватского, А.А. Бобринский предпринял исследования на грунтовом некрополе за Карантином, т.е. около Мирмекия. Здесь им было вскрыто всего четыре могилы, не давшие практически никаких находок [1888 г., д. 64, л. 13]. Несмотря на такую неудачу, местность к востоку от Керчи, по всей видимости, представлялась А.А. Бобринскому вполне перспективной для проведения раскопок, во всяком случае, позднее он именно здесь предпринял весьма масштабные изыскания (Змеиный залив, Капканы). Есть основания считать, что исследования председателя ИАК в Керчи должны были стать своего рода образцовыми как по размаху работ, так и по методике исследований, составлению полевой документации и т.д. И, в общем, следует признать, что документация о раскопках А.А. Бобринского действительно отличается тщательностью и подробностью описаний [в особенности: 1891 г., д. 53, л. 10 сл.].

В 1891 г. А.А. Бобринский предпринял исследования в четырёх местах: на северном склоне горы Митридат, на Аджимушкайской улице, около так называемого Змеиного залива и в деревне Капканы (рис. 89). На северном склоне горы Митридат он начал масштабные работы на одном из «пепелищ», при этом, как представляется, именно этот археолог первым из всех исследователей Боспора обратил внимание на характер наслоений, в данном случае отличавшихся правильностью, отсутствием поздних перекопов. Раскопки, правда, велись вполне традиционно – с помощью широкой траншеи, от которой в разных направлениях закладывались мины. Сделанные находки (многочисленные фрагменты керамики, рыболовные грузила, терракотовые статуэтки, медные монеты, части мраморных фигур, цветные мраморные плитки и пр.) позволили А.А. Бобринскому обоснованно заключить, что «пепелище» принадлежит к до-римской эпохе. Более того, в культурном слое он обнаружил фрагменты, как минимум, четырёх панафинейских амфор. На всех с одной стороны была изображена стоящая фигура богини Афины, а с другой – бегущие атлеты. По мысли автора раскопок, эти сосуды были получены спортсменами из Пантикапея на Панафинейских играх за победы в состязаниях по бегу. Он даже посчитал, что «в этом упражнении жители Пантикапея были, по-видимому, сильны» [1891 г., д. 53, л. 60; см.: ОАК, 1891, с. 23-24].

Ещё одно «пепелище» раскапывалось А.А. Бобринским на северном склоне Митридата западнее первого, ближе к Золотому кургану [1891 г., д. 53, л. 63 сл.;

²⁴ На основании этой находки мною было высказано предположение, что данный курган является одним из самых поздних в некрополе Юз-Оба [Виноградов, 2009а, с. 357]. Изучение всех имеющихся материалов, однако, заставляет отказаться от него; погребение в склепе кургана на землях мирзы Кекуватского следует датировать приблизительно серединой IV в. до н.э. [Цветева, 1957, с. 240; Сокольский, 1969, с. 25; Яковенко, 1974, с. 65; Fless, Lorenz, 2005, S. 22].

см.: ОАК, 1891, с. 26-29]. Мощность напластований здесь достигала целых 7 м. Под ней в материке были обнаружены более ранние курганы, высота которых достигала 2,5 м. Один из этих курганов был исследован, в его основании на материке находилась обожжённая площадка для сжигания трупа, на которой сохранились куски древесного угля, сплавившиеся железные и бронзовые предметы, обломки большого железного меча и пр. В центре площадки находилась урна с прахом покойного; она представляла собой краснофигурную гидрию с изображением фигуры бегущего Гермеса [рис. 90; Блаватский, 1951, с. 19, 29]. А.А. Бобринский отметил при этом, что изображение Гермеса на погребальной урне вполне объяснимо, т.к. этот бог, по представлениям древних греков, сопровождал души умерших в царство мёртвых; вазу он датировал V–IV вв. до н.э. [1891 г., д. 53, л. 68]. Сейчас уже вполне очевидно, что этот краснофигурный сосуд относится приблизительно к 470 г. до н.э., т.е. к самому началу обозначенного А.А. Бобринским периода [Цветаева, 1957, с. 232].

В районе дороги, ведущей в Аджимушкой, в черте города Керчь, А.А. Бобринский исследовал ряд погребений и пришел к заключению, что в древности здесь находился обширный некрополь [1891 г., д. 53, л. 69; см.: ОАК, 1891, с. 30 сл.]. Более интересные, на мой взгляд, результаты были получены при раскопках у так называемого «Змеиного кордона» пограничной стражи, т.е. к востоку от городища Мирмекий (см.: рис. 89). Об этой до сих пор малоизвестной в археологическом отношении местности А.А. Бобринский писал [1891 г., д. 53, л. 88]:

«Здесь выступает в море высокий скалистый мыс, верхняя часть которого состоит из насыпного грунта (т.е. представляет собой культурный слой – Ю.В.)²⁵. Не доезжая до этого скалистого мыса, есть другой такой же выдающийся мыс со скалами меньших размеров; последний отделён от большого мыса небольшим заливом, называемым «Змеиным». Здесь также над скалистым грунтом лежит порядочное количество насыпной земли, а, кроме того, у начала мыса возвышается небольшой курганчик».

Председатель Археологической комиссии раскопал этот «курганчик» и под его насыпью обнаружил 21 могилу, погребения в которых были совершены по сходному обряду ингумации и содержали довольно многочисленный и разнообразный сопровождающий инвентарь. А.А. Бобринский вполне обоснованно датировал этот своеобразный могильник I в. н.э. [ОАК, 1891, с. 43 сл., 150-154].

Затем раскопки были перенесены на небольшой мыс с «бугром» на берегу Змеиного залива, где, по словам рабочих, какие-то исследования были проведены

²⁵ Нет сомнения, что в данном случае имеется в виду современный Змеиный мыс, выступающий в Керченский пролив к востоку от городища Мирмекий.

А.Е. Люценко, но погребений он там не нашёл. А.А. Бобринский на этом «бугре» также не открыл никаких погребений, но, как ему представлялось, обнаружил «место, где, очевидно, произведено было сожжение трупа, кости которого затем были убраны» [1891 г., д. 53, л. 97; см.: ОАК, 1891, с. 47]. Исследователь отметил также, что «на этом жжёном месте осталось много разбитой вдребезги посуды хорошего стиля с чёрной поливой (т.е. чернолаковой – Ю.В.), но без фигур; также сожжённые разбитые в большом количестве алабастриды хорошей работы; скипевшие бронзовые стрелы тщательной выделки; астрагалы и т.д.». С северной стороны насыпь была укреплена хорошей стеной, сложенной из больших отёсанных блоков. В северо-восточной части стена образовывала правильный угол. А.А. Бобринский предполагал, что могила здесь находилась где-нибудь поблизости, в скалах, образующих утёс над морем [1891 г., д. 53, л. 97]. С таким выводом, однако, вполне можно поспорить и предположить, что на небольшом мысу находилась совсем не площадка для сжигания трупа, а монументальный алтарь, во всяком случае, хорошее качество каменной кладки и её, безусловно, четырехугольная форма скорей свидетельствуют именно об этом.

В деревне Капканы (см.: рис. 89), расположенной восточнее Змеиного мыса, на берегу пролива А.А. Бобринский раскопал ещё один невысокий курган [1891 г., д. 53, л. 104 сл.; см.: ОАК, 1891, с. 47 сл.]. На сей раз под насыпью было открыто 36 погребений. По монетам Митридата VIII, обнаруженным в могилах, они датированы исследователем I в. н.э. [1891 г., д. 53, л. 124], точнее, очевидно, надо говорить о середине – второй его половине. Ещё раз можно отметить хорошие описания всех этих погребальных комплексов; исследователь даже дал подробную характеристику грунта, заполнявшего могилы, которая сама по себе представляет немалый научный интерес [там же, л. 121-122]:

«Во всех почти могильных ямах встречаются мелкие черепки глиняной посуды, обломки сожжённых костей, а иногда и уголь, наводящий на мысль, что в могилу посыпана земля (очевидно, зола – Ю.В.) домашнего очага. Кроме того, покойники обсыпаны большим или меньшим слоем морских раковин и песку. У многих могил, и, как кажется, у самых богатых, над плитами <перекрытия> встречается слой морской травы (камки)».

Раскопки А.А. Бобринского в Керчи и её окрестностях представляют весьма любопытный и показательный эпизод в истории боспорской археологии. После его работ на Юз-Обе стало очевидным, что боспорские курганы, в принципе, исчерпали себя. Безусловно, все они нуждались в исследовании, но грандиозных сокровищ в них, скорее всего, уже не оставалось. Кроме того, председатель ИАК не только с большим вниманием, чем его предшественники, подошёл к изучению керченских «пепелищ», но и открыл под одним из них часть раннего курганного некрополя Пантикапея. Наконец, около Змеиного залива

и в Капканах он изучил очень компактные могильники I в. н.э. Низкая насыпь «курганчиков» в обоих случаях, возможно, образовалась из-за слияния индивидуальных насыпей, первоначально сооружённых над каждой из могил. Очень жаль, что исследователи более позднего времени не проявили к этим материалам должного внимания, хороший уровень археологической документации вполне позволяет это сделать и сейчас.

4.10. Раскопки на Боспоре профессора Ю.А. Кулаковского

В мае 1890 г. два керченских жителя при добывании камня на северной покатости горы Митридат случайно обнаружили ограбленную катакомбу, на стенах которой сохранилась роспись, по определению Ф.И. Гросса, «грубого стиля». Он зарисовал эти изображения, а затем вход в катакомбу был заложен камнем и засыпан землёй [1890 г., д. 31, л. 52]. Вскоре после этого Археологическая комиссия обратилась к профессору Киевского университета Св. Владимира Ю.А. Кулаковскому с предложением принять на себя руководство дальнейшим вскрытием подобных гробниц и наблюдение за точным снятием копий с росписей [там же, л. 56; см.: ОАК, 1890, с. 22]. Ю.А. Кулаковский согласился на это предложение и летом 1890 г. прибыл в Керчь [об учёном см.: Непомнящий, 2003; Пучков, 2004; Фролов, 2006, с. 342-349]. Он подробно описал катакомбу, открытую здесь в мае [1890 г., д. 31, л. 77]; по имеющейся здесь надписи она вошла в научную литературу, как катакомба Сорака [Кулаковский, 1986, с. 16-31; Ростовцев, 1914а, с. 244-252]. После этого Ю.А. Кулаковский приступил к археологическим раскопкам, в результате чего открыл несколько гробниц, в том числе христианскую катакомбу с фресками и надписями, датированную 401 г. [см.: ОАК, 1890, с. 27-28; Кулаковский, 1891]²⁶.

Кроме раскопок на северном склоне горы Митридат, киевский археолог предпринял работы на Глинище, где, в частности, обнаружил каменный склеп с деревянным саркофагом хорошей сохранности [ОАК, 1890, с. 23-27]. Свои впечатления от первого сезона раскопок Ю.А. Кулаковский выразил следующим образом [1890 г., д. 31, л. 97]:

«Хотя в Керчи раскопки проводятся уже около 50 лет, но ведь не будет несправедливым сказать, что историю этого места мы знаем только по монетам. Один систематически раскопанный некрополь мог бы оказаться с исторической точки зрения гораздо важнее, нежели многие богатые случайные находки, которые, правда, могут украсить и обогатить музей, но мало или ничего не говорят историку. А по отношению к нашему Крыму

²⁶ М.И. Ростовцев считал, что в 1890 г. Ю.А. Кулаковский исследовал ещё две катакомбы с грубо исполненными росписями [Ростовцев, 1914а, с. 405-407].

история более, чем где-нибудь нуждается в помощи археологии, которая тогда только будет в состоянии оказать эту помощь, если её материал будет разыскиваться систематически и в системе <же> классифицироваться».

На следующий год Ю.А. Кулаковский продолжил свои исследования. Будучи недоволен качеством копий, которые снимал с росписей Ф.И. Гросс (см. главу 4.1), он пригласил двух новых рисовальщиков – Аиналова и Васильеву, которые, в особенности последняя, вполне оправдали его надежды [1891 г., д. 40, л. 24, 39; 1892 г., д. 62, л. 10; см.: ОАК, 1891, с. 58]. Однако совсем не изучение керченских катакомб археолог считал своей основной задачей, хотя их тогда было открыто немало: 9 гробниц, в том числе одна расписная [1891 г., д. 40, л. 27 сл.; см.: ОАК, 1891, с. 59; Кулаковский, 1896, с. 34 сл.]. Раскопки на Митридате, по его мнению, носили разведочный характер, а систематическими они были на Глинице [1891 г., д. 40, л. 32; см.: ОАК, 1891, с. 63 сл.]. Почти все открытые здесь гробницы, как оказалось, были ограблены в древности; лишь три римских захоронения содержали хороший, разнообразный инвентарь. Ещё 13 гробниц были раскопаны киевским профессором в углу сада Чернявского [1891 г., д. 40, л. 34 сл.], но и они, за исключением, возможно, лишь склепа с парным захоронением, так сказать, почти ничего не могли поведать историку.

В 1892-93 гг. Ю.А. Кулаковский не смог провести исследования в Керчи [ОАК, 1893, с. 6], но в 1894 г. он вновь активно включился в работы. Тогда на склоне Митридата было обнаружено 15 катакомб, но все они оказались ограбленными, при этом стенки в них были пробиты, образуя проходы из одной камеры в другую. Кроме грубого рисунка корабля, нанесённого на стенке одной из катакомб красной краской, других росписей здесь найдено не было [1894 г., д. 81, л. 27-28]. В том же году Ю.А. Кулаковский предпринял исследования около городского сада, где находился сплошной некрополь, о котором писали К.Е. Думберг и В.Г. Тизенгаузен [см. главу 4.3; ОАК, 1892, с. 32]. Здесь он заложил большой раскоп (43 × 32 м), в результате чего открыл 25 гробниц, расположенных весьма упорядоченно: двумя полосами с юга на север, каждая из которых состояла из рядов (по 2–3 гробницы в ряду). Почти во всех могилах были открыты костяки, ориентированные головами на юго-восток. Близость обряда погребения позволила исследователю предположить, что здесь находилось семейное кладбище, которое, если судить по монетным находкам, относится ко второй половине III в. н.э. [1894 г., д. 81, л. 30]. Несмотря на относительную бедность инвентаря, Ю.А. Кулаковский придавал данному некрополю немалое значение, считая, что «его интерес заключается в том, что при возможности точной хронологической датировки, найденные в нём предметы могут получить значение образцов для сравнения с неимеющими хронологии археологическими материалами» [там же, л. 31]. Несмотря на некоторую корявость изложения, мысль Ю.А. Кулаковского вполне ясна и, в общем,

абсолютно верна. Вот только погребальный инвентарь из всех 25 погребений он описал суммарно (серебряные, бронзовые, железные, керамические предметы и т.д.), без разбивки по комплексам, но тенденция к тому, как уже говорилось, в боспорской археологии обозначилась ранее (см. главу 3.5).

В 1894 г. Ю.А. Кулаковский осмотрел памятники крымского Приазовья, куда был приглашён владельцем тамошних земель А.А. Дириным [о нём см.: Боровкова, 1999, с. 58-51], предлагавшим археологу провести здесь раскопки [1894 г., д. 81, л. 33; см.: ОАК, 1894, с. 8; Дирин, 1896, с. 122-123]. Исследователь отметил, что жители селения Мамá при постройке домов неоднократно натыкались на древние могилы. В частности, А.А. Дириным была открыта гробница, обложенная каменными плитами, в которой находились пять костяков, уложенных головами на восток. Здесь были обнаружены бронзовые браслеты, бронзовые пряжки, стеклянные бусы, три железных меча, массивный наконечник копья и пр.; в головах покойных были найдены листочки от золотого венка и золотая индикация монеты императора Константина Великого [1894 г., д. 81, л. 33]. Ю.А. Кулаковский тогда же составил любопытное описание мыса Зюк с находящимися на нём руинами древнего поселения [там же, л. 33 сл., 48-49]:

«При ближайшем осмотре местности мыса Зюк я мог констатировать, что его крутая скалистая оконечность была когда-то отделена широким рвом от остальной части полуострова; осыпавшийся вал, возвышающийся над этим рвом, позволяет истолковать себя как остатки стены. Приблизительная длина рва от одного обрыва к морю и до другого – 30 саж. На этом тесном, отделённом от остальной поверхности мыса, пространстве поднимаются два скалистых возвышения, которые издали могут быть приняты за развалины большого здания. На карте, приложенной к известному путешествию Dubois de Montpereux, показаны на мысе “развалины” /ruines²⁷. Но так как автор в своем тексте не сказал ни слова об этой местности, то весьма вероятно, что он сделал свою отметку, приняв за развалины те два скалистые возвышения. Дальнейшая часть мыса в сторону материка представляет каменистое возвышение, покрытое растительной почвой. Широкий горб этого холма в самом высоком своём пункте значительно выше, нежели скалистая оконечность мыса, приблизительно сажена на 10. Предпринятые мною в разных местах пробные раскопки обнаружили в одном месте остатки каменной кладки, но чаще попадались лежавшие в беспорядке камни, принадлежавшие каким-то постройкам. В почве повсюду оказывались во множестве обломки глиняной посуды древнего производства, а именно: лакированной,

²⁷ Руины на этой карте действительно обозначены. См.: Montpéroux, 1843, Atlas, serie I, pl. II.

украшенной изящными рельефами в форме овов, листьев аканта и т.д. ... В изобилии оказывались также кусочки античной штукатурки с гладкой и блестящей поверхностью, выкрашенной в тёмно-красный цвет того тона, который так преобладает в росписи помпейских домов и имел, вероятно, повсюду такую же распространённость.

Восточный склон холма осыпается к морю и представляет в разрезе широкий пласт в 1 саж. и более, состоящий из культурных остатков. Повсюду – обломки амфор, мелкие куски камня и известки, а также и черепки лакированной посуды. Этот слой образовался, очевидно, вследствие того, что вешние воды смывали с верхней части холма остатки древнего поселения.

Существование этого “пепелища” и его расположение заставляет предполагать, что древнее поселение, современное Боспорскому царству, занимало всю вершину холма, а не только обращённую на восток скалистую оконечность, которая в неизвестное нам время была отделена от остальной части холма ровом и стеной.

Некрополь этого поселения лежал у подошвы холма, там, где теперь раскинулось рыбацкое поселение Мамá. Поблизости от того места, где была открыта г. Дириным большая гробница IV в. по Р.Х., сделано было мною несколько раскопок. Грунт оказался очень твёрдым, и на глубине аршина обнаружился слой перегнивших растений, вероятно, морских порослей. В этих раскопках найдены были только две гробницы, расположенные рядом и имеющие общее плитовое покрытие. В одной из них найдены были при совершенно истлевшем костяке следующие вещи: две серебряные серьги, две бронзовые фибулы, бронзовое зеркало и в головах – небольшой глиняный кувшин /4 в<ершка> вышины/. В соседней гробнице не найдено было никаких вещей, кроме маленького глиняного кувшинчика /2 в<ершка> выш./.

Ныне остаётся ещё прибавить, что несколько недель спустя после моего пребывания на мысе Зюк найден был людьми, ломавшими камень в скалистой его части, фрагмент мраморной плиты с надписью, который г. Дириин препроводил в Керченский музей. Форма букв позволяет отнести его ко II или III в. по Р.Х. Надпись включает список граждан /*catalogus civium*/ или членов какого-нибудь общества, так как уцелевший фрагмент её состоит из имён /имя и имя отца/²⁸. Образцы таких списков есть у нас из нескольких городов /Пантикалея, Танаиса, Горгиппии/.

Совокупность изложенных данных позволяет утверждать, что на холме мыса, носящего в настоящее время имя Зюк, существовало поселение с

²⁸ Д. де Монпере был вполне прав. Эта надпись [КБН, 898] действительно является частью списка имён; по характеру письма её датируют III в. н.э.

характером, по всему вероятно, города. Черепки лакированной посуды свидетельствуют, что этот город существовал за несколько веков до Р.Х. Монеты Боспорских царей с I по IV вв. нашей эры удостоверяют непрерывное существование его за этот период времени. Природные условия места делают его очень удобным для поселения мореходов. Широкие бухты с плоскими берегами могут служить удобной стоянкой для кораблей, а высокий холм мыса даёт возможность, смотря по направлению ветра, укрываться с одной или другой стороны».

Основываясь на тексте Птолемея, перечислявшего поселения Восточного Крыма в следующем порядке: Парфений, Зенонов Херсонес, Гераклий (Ptol. IV, 4), Ю.А. Кулаковский пришёл к заключению, что, поскольку от Еникале, где локализуется Парфений, до мыса Зюк «не обнаружено нигде пепелища или иных следов, то констатированные ныне остатки города и могут быть приурочены к Зенонову Херсонесу Боспорского царства» [1894, д. 81, л. 48]. Вывод Ю.А. Кулаковского о расположении на Зюке боспорского города Зенонов Херсонес является сейчас общепринятым [ОАК, 1894, с. 9; Масленников, 1992].

В 1895 г. А.А. Дирин предпринял собственные раскопки по соседству от описанных «пепелищ», в Культепе и Сююрташе [Дирин, 1896, с. 123 сл.]. По замечанию Ю.А. Кулаковского, здесь были открыты погребальные сооружения обычных керченских типов: катакомбы и земляные могилы, накрытые каменными плитами. В Сююрташе в присутствии киевского профессора, однако, были раскопаны могилы совсем другого типа, но их описание не вполне вразумительно: «На поверхности холма гробницы устроены в виде ящичков, высеченных в природной скале, которая составляет здесь материк на глубине 1½ аршина (приблизительно 1 м – Ю.В.). А ниже устроены катакомбы в виде отдельных погребальных камер, каждая с входом, обращённым на южный скат холма» [1895 г., д. 90, л. 13].

Кроме памятников Керченского полуострова, Ю.А. Кулаковский обратил внимание и на азиатский Боспор. В частности, он заметил, что в работе В.В. Латышева по боспорской эпиграфике совсем не представлено надгробий из-под Анапы, из чего был сделан вывод, что некрополь Горгишпии всё ещё оставался неоткрытым [1891 г., д. 40, л. 9]. Разыскать этот некрополь в 1891 г. ему помешала нехватка времени и денег [там же, л. 38]. Зато под Сенной на землях Артюхова Ю.А. Кулаковский сумел провести раскопки небольшого кургана, в котором обнаружил лишь разграбленную сырцовую гробницу [там же, л. 38].

В 1894 г. исследователь обратил внимание на неизвестный ранее некрополь у станицы Раевской, состоявший из большого числа сравнительно невысоких курганов, насыпи которых не достигали 1 м. Здесь он раскопал один курган и одну так называемую впускную гробницу. Курган оказался явно средневековым,

он содержал парное погребение, а также захоронение коня. В гробнице были найдены две железные кольчуги, кривая сабля и пр., а на коне находилось седло со стремянами [1894 г., д. 81, л. 52]. «Впускной» Ю.А. Кулаковский посчитал могилу, расположенную рядом с курганом. Она была сооружена в виде грубо сложенного каменного ящика и содержала остатки четырёх костяков. Совсем не исключено, что в данном случае Ю.А. Кулаковский первым из исследователей Боспора открыл каменный ящик, характерный для погребений рядового синдского населения [см.: Масленников, 1981, с. 44-45].

Подводя итог своим исследованиям этого года, Ю.А. Кулаковский отметил, что крупным недостатком боспорской археологии является «отсутствие наблюдений этнографического характера и хронологических определений по отношению к отдельным могильникам и типам вещей, в них находящихся». Трудно поверить, как он писал, чтобы в Крыму ни разу не были открыты могильники готские, гуннские, аланские или хазарские. С элементом горечи Ю.А. Кулаковский констатировал: «Не столько отсутствие данных, сколько равнодушие к этой стороне дела было тому причиной». Распределение типов вещей на конкретных территориях, как ему казалось, поможет уяснить «древнейшую историю южных пределов нашего отечества» [1894 г., д. 81, л. 55]. Необходимо с полной очевидностью признать, что в российской античной археологии именно Ю.А. Кулаковский первым обратил внимание на важность этнических атрибуций открываемых памятников древности, прежде всего могильников. Однако создание задуманной им схемы распределения типов погребений на территории Боспора требовало огромной аналитической работы, которая, в принципе, не завершена до сих пор. Вероятно, стремясь накопить побольше «наблюдений этнографического характера», Ю.А. Кулаковский с 1896 г. обратился к изучению археологических памятников внутреннего Крыма.

Вместе с этим исследователь очень большое внимание уделил составлению археологической карты района [ОАК, 1894, с. 7; 1896, с. 69]. В 1890 г. по просьбе Ю.А. Кулаковского был снят подробный план горы Митридат, на котором он хотел обозначить все имеющиеся раскопы. Задача, однако, оказалась отнюдь не простой, и, несмотря на все сделанные дополнения, план оказался практически пустым [1891 г., д. 40, л. 36-37]. В Керченском музее материалов для исправления такого положения почти не было, и Ю.А. Кулаковский надеялся, что более надёжные результаты даст работа в Архиве ИАК в Петербурге. Не ограничиваясь планом горы Митридат, он настаивал на необходимости создания археологической карты, которая бы включала местности, куда археологи ещё практически не проникали, к примеру, внутренние районы Крыма и крымское Приазовье. Ю.А. Кулаковский предлагал лично осмотреть названные районы [1894 г., д. 81, л. 55]. В этой работе ему обещал помочь К.Е. Думберг, но лишь для территории Керчи и местностей к востоку от города [1895 г., д. 90, л. 13]. В сбор материалов по внутренним районам Крыма активно включился правитель

дел Таврической учёной архивной комиссии А.И. Маркевич. Для составления такой карты, естественно, нужна была хорошая топооснова, за которой А.А. Бобринский обратился в военно-топографический отдел Генерального Штаба [1895 г., д. 12, л. 1]. Военные специалисты предложили археологам трёхвёрстную карту Крыма на 17 листах [там же, л. 2]. Такой масштаб для обозначения археологических объектов, естественно, слишком мелкий, но в конце концов была получена одновёрстка (одна верста в одном дюйме). На составление археологической карты Крыма выделили 300 рублей, и работы в этом отношении были начаты. Завершения их, конечно, нельзя было ожидать через год-два, они требовали немалого времени и значительных усилий. Можно предполагать, что А.И. Маркевич сделал для составления карты достаточно много, но 22 сентября 1889 г. он направил в ИАК письмо, в котором информировал Комиссию, что семейные обстоятельства не позволяют ему закончить сбор материала для составления археологической карты [1895 г., д. 12, л. 17]. Как видим, замыслам Ю.А. Кулаковского в этом отношении не суждено было сбыться.

Подводя итог сотрудничеству Императорской археологической комиссии с Ю.А. Кулаковским, следует обратить внимание, что она приняла самое живое участие в публикации «Очерка истории Крыма от древнейших времён до исхода христиан в 1779 г.», подготовленного киевским профессором [см.: 1906 г., д. 10]. Этот очерк вышел из печати под названием «Прошлое Тавриды» и выдержал два издания [Кулаковский, 1906]. Книга вызвала очень большой интерес как в кругу специалистов, так и среди широкой публики²⁹, второе её издание увидело свет в 1914 г.

4.11. Завершая XIX в.

В 1899 г. А.А. Бобринский совершил поездку в Керчь и Севастополь и ещё раз осмотрел открытые там памятники классической древности. Свои впечатления он выразил в рапорте, направленном министру Императорского двора в ноябре этого года. О Керчи в нём сказано следующее [1899 г., д. 99, л. 5-8]:

«В Керчи, как Вашему Высокопревосходительству известно, раскопки Археологической Комиссией ведутся членом ея, г.Думбергом, живущим в Керчи, где он заведует музеем Комиссии. Музей этот помещается

²⁹ Часть тиража распространялась через Керченский музей, где «Прошлое Тавриды» находило постоянный спрос. Последний раз, уже в 1917 г., заказ на книгу для музея был оформлен в количестве 100 экземпляров. В связи с этим В.В. Шкорпил писал в ИАК 5 декабря 1917 г., что им получено 98 экземпляров, а «две книги, по-видимому, в дороге пропали» [1906 г., д. 10, л. 112]. Этот эпизод можно рассматривать как свидетельство по-настоящему большой популярности книги Ю.А. Кулаковского.

в наёмной квартире, но представители городского управления заявили мне, что город Керчь охотно принял бы значительное участие в сооружение особого здания для музея и согласились бы на ассигнование ежегодной субсидии на его содержание, с тем, чтобы музей оставался в ведении Археологической Комиссии. Очевидно, что на сооружение музея и на дальнейшее его содержание потребуется правительственное ассигнование. Размеры этого расхода должны быть подробно выяснены, но, в принципе, нельзя не признать вполне желательным содействие со стороны правительства к постройке в г. Керчи особого здания музея и к поддержанию его существования. В этом отношении следует предоставить Археологической Комиссии всесторонне выяснить финансовую часть дела.

В Керчи существуют особые кладоискатели, именуемые “счастливыми”. Их занятие – розыск древних могил в дворах, усадьбах, садах, курганах и т.п. Найденные предметы продаются известным скупщикам древностей. Благодаря энергии г. Думберга, сумевшего заручиться содействием администрации и суда, деятельность счастливых весьма сокращена, и положение вещей, которое я застал в Керчи 12 лет тому назад, когда кладоискательство производилось повсеместно, значительно изменилось к лучшему. Из этого явствует, что в Керчи следует постоянно иметь представителя Комиссии, в лице человека энергичного и знающего, дабы он своим авторитетом приобрёл уважение администрации и суда, от содействия коих много зависит успех дела. Было бы, может быть, возможным установить правила, стесняющие продажу керченских древностей. Мера эта требует, конечно, большой осторожности, но всё же в виду пользы, которую она бы принесла, следовало бы ныне заняться составлением проекта такого закона и обсудить возможность его применения. Запрет продажи древностей в Керчи и закрытие таких центров, как, например, известная торговля кабатчика Запорожского, было бы, по моему мнению, полезным делом. Торговцы древностями обогащаются на счёт наивности находчиков, которые уступают им вещи, по большей части, за рюмку водки. Влияние таких центров скупа краденного вредно не только с археологической точки зрения, но и вообще безнравственно. Местом склада для вещей громоздких, камней с надписями, статуй, колонн и т.п. служит Царский курган – высокая земляная насыпь, во внутренности коей была обнаружена большая каменная постройка прекрасной работы. Здесь сложены многочисленные древние памятники. Для охраны кургана он обведён каменной стеной. При входе в особом домике живёт сторож Археологической Комиссии. Из Царского кургана Императорский Эрмитаж выбирает те памятники, которые заслуживают перевода в С-Петербург.

Другой курган такого же типа, как и Царский, находится в центре города и принадлежит Одесскому Обществу истории и древностей³⁰. Им заведует особый управляющий Общества. Казалось бы логичным, чтобы Общество передало этот курган Комиссии, о чём будут начаты переговоры, тем более, что Одесское Общество не имеет другой собственности в Керчи, тогда как Археологическая Комиссия ведёт здесь обширные раскопки и охраняет многие местности, в числе коих оберегает несколько катакомб.

Так, в усадьбе Зайцевой открыта катакомба в виде подземной погребальной камеры с интересными фресками³¹. Г. Думберг, насколько оказалось возможным, укрепил фрески, устроил вход и дверь с замком и предоставил собственнице усадьбы показывать катакомбу посетителям. Другая катакомба с фресками и надписями, за неимением средств на содержание особого сторожа, засыпана землёй и откапывается (на что требуется ½ дня работы) по просьбе желающих её посетить. Наконец, во время моего пребывания в Керчи посчастливилось вновь отыскать большую катакомбу с фресками, пользующуюся громкою известностью, местонахождение которой в течение последних 27 лет было потеряно. Сохранить эту катакомбу придётся тем же способом, т.е. закопать её землёй³². Само собой разумеется, что было бы желательно соорудить при каждой из этих катакомб небольшой каменный вход и содержать особого надсмотрщика за их сохранностью. Расход этот потребует лишь незначительного увеличения сметного ассигнования. Быть может, окажется даже возможным вырезать некоторые из фресок и перевести их целиком в Эрмитаж. Такой способ проектируется в Помпеи, откуда возможно бы выписать в Керчь специалиста. Исторический интерес этих фресок оправдывает сопряженный с таким проектом расход.

Существуют и другие прекрасные каменные постройки, наприм., гробницы в курганах на горе Юз-Оба и по направлению к Ени-Кале, каменная циклопическая стена и т.п. Крайне желательно охранить эти памятники. Потомство может осудить нас за допущение подобных древних сооружений к разрушению; но не решаюсь просить об ассигновании средств на их охрану в виду нужд более насущных.

Раскопки в Керчи ведутся уже более 50 лет. При розысках за ценными вещами перерыты все курганы, и в настоящее время находка выдающихся античных произведений в Керчи – дело нелёгкое. Если бы подвергнуть все уже разрытые ранее курганы новым систематическим раскопкам, то нет сомнения, что сделаны будут великолепные находки, так как в каждом

³⁰ Имеется в виду Мелек-Чесменский курган.

³¹ На земле А.В. Зайцевой, как известно, находился склеп Деметры.

³² Имеется в виду так называемая «Стасовская» катакомба.

кургане раскопана только часть, и многие полы насыпей остались нетронутыми. Но такие раскопки стоят очень дорого в виду высоты керченских могильных насыпей.

За последние годы на горе Митридат в Керчи обнаружены фундаменты древних построек. Для того, чтобы понять значение этих фундаментов и разобраться в них, требовалось основательное знание классической старины, каким обладает г. Думберг. Как в Херсонесе, так и в Керчи обнаруживается нечто в виде маленькой Помпеи. Здесь открыты фундаменты римских бань с полами, фресками, трубами для провода воды, прекрасными каменными колодцами, из коих извлекается и поныне вода. Открыт небольшой храм с колоннами и разными атрибутами. Можно надеяться на ряд важных находок в будущем, но очевидно, что такие работы требуют денежных средств и притом средств как на самое производство раскопок, так и на сохранение найденного от разрушения, на реставрацию, надсмотрщика и т.п. Часть горы Митридат состоит в ведении военного ведомства, которое, по-видимому, не встретит препятствий к передаче ее в полное распоряжение Археологической Комиссии, о чём Комиссия имеет в виду начать переговоры.

Желательно было бы, чтобы предназначенные на Керчь деньги ассигновывались бы Министерством особым кредитом по смете Археологической Комиссии в том же размере, как было первоначально ассигновано на Херсонес, то есть 4 000 рублей.

В бытность мою в Керчи известный собиратель древностей А.В. Новиков изъявил готовность уступить своё собрание Императорскому Эрмитажу, вследствие чего я предложил г. Новикову доставить свою коллекцию в Петербург для осмотра и оценки, если бы Эрмитаж пожелал приобрести оную³³».

Рапорт А.А. Бобринского как бы подводит итог деятельности Археологической комиссии в XIX в. Век грядущий, как ему представлялось, сулил новые успехи в изучении древностей Боспора Киммерийского. Имевшиеся недостатки и упущения, в общем, можно было устранить. Следует обратить особое внимание, что А.А. Бобринский подчёркивал необходимость заботы о сохранении памятников Боспора от разрушения, их реставрации и т.д. Многие из задуманного председателем Археологической комиссии осуществить на практике не удалось. Понятно, что связано это было как с недостатком средств, отсутствием необходимого количества квалифицированных специалистов, другими рутинными обстоятельствами, так и с политическими потрясениями, ожидавшими тогда Россию.

³³ Коллекция А.В. Новикова в количестве 535 предметов была приобретена Императорской археологической комиссией в 1900 г. [Неверов, 1999, с. 58].

Глава V.

ИЗУЧЕНИЕ БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

5.1. Назначение В.В. Шкорпила

Выше было сказано, что заявление К.Е. Думберга об отставке со своего поста, поданное 12 апреля 1900 г., поставило Императорскую археологическую комиссию в непростую ситуацию, поскольку найти ему замену было очень не просто (см. главу 4.2). Должность заместителя заведующего, как уже говорилось, была давно ликвидирована, а назначать на столь ответственный пост кого-нибудь из музейных надзирателей за раскопками было просто немыслимо. К.Е. Думберг рекомендовал на эту должность В.В. Шкорпила, который тогда был преподавателем древних языков Керченской Александровской гимназии, но уже принимал активное участие в археологических раскопках на Боспоре и являлся смотрителем Мелек-Чесменского кургана, хотя тот и не был объектом музея, а подчинялся Одесскому обществу истории и древностей. Тогда В.В. Шкорпилу было 48 лет, т.е. он был почти на 10 лет старше К.Е. Думберга, имел звание статского советника и несколько орденов [о нём см.: Лазенкова, 2002б; 2003, с. 47 сл.; Медведева и др., 2009, с. 174]. Казалось бы, кандидатура удовлетворяла всем необходимым требованиям, и А.А. Бобринский стал активно уговаривать В.В. Шкорпила принять заведование музеем [1900 г., д. 116, л. 1]. Согласие на это было получено 25 июня 1901 г. [там же, л. 2], и с 15 июля, когда отставка К.Е. Думберга была принята, В.В. Шкорпил стал временно исполнять обязанности директора музея.

Однако для Императорской археологической комиссии этот керченский преподаватель всё-таки был человеком новым, незнакомым. Любопытно, что в официальных документах даже его имя и фамилия поначалу писались неправильно – С.В. Шкорпило [1901 г., д. 116, л. 1, 3]. И.А. Суслов к тому же полагал, что рекомендации К.Е. Думберга недостаточно, и для назначения В.В. Шкорпила на должность необходимо ещё получить аттестации от А.В. Новикова и других известных собирателей боспорских древностей [там же, л. 5]¹. Несмотря на некоторые сложности, 5 января 1902 г. В.В. Шкорпил стал членом ИАК, и на него официально были возложены обязанности заведующего Керченским музеем древностей [там же, л. 22]. В то время под его руководством состоял штат из

¹ Об А.В. Новикове и его деятельности см.: Боровкова, 1999: 74-79; Неверов, 1999.

шести человек: старший надсмотрщик, надсмотрщик, писарь и три сторожа [там же, л. 26].

Все ранее вступавшие в должность заведующего Керченским музеем древностей непременно представляли в Археологическую комиссию некий документ, в котором излагали свой взгляд на состояние боспорской археологии и перспективы её дальнейшего развития. Этот документ мог быть составлен в виде весьма краткой «Программы раскопок» Ф.И. Гросса (см. главу 3.3), более пространного «Общего вывода» С.И. Веребрюсова (см. главу 3.1) и, наконец, в виде трёх рапортов К.Е. Думберга (см. главу 4.2), которые, скорей, следует именовать трактатами. В.В. Шкорпил ничего подобного не писал. После своего назначения он лишь информировал А.А. Бобринского о том, что после осмотра горы Митридат выбрал место для раскопок 1901 г. на участке к северо-востоку от раскопа 1891 г., где исследования вёл сам председатель Археологической комиссии (см. главу 4.9), что оплату рабочим будет выдавать не по кубам вынудой земли, как это до сих пор практиковалось в Керчи и вело к ненужной спешке, а по дням (1 день – 1 человек – 1 рубль), как это делалось при раскопках Ольвии и Херсонеса [1901 г., д. 12, л. 54]. В таком же духе он писал А.А. Бобринскому в 1902 г., что намерен провести раскопки на северном склоне горы Митридат, поскольку там чаще, чем на южном склоне, встречаются обломки крупной древней посуды с рисунками [1902 г., д. 32, л. 65]. Как видим, В.В. Шкорпил делился с петербургским начальством лишь своими соображениями, касающимися вопросов сугубо рабочего характера; каких-либо идей по перестройке работы музея или грандиозного проекта пересмотра боспорской хронологии и т.п. он не предлагал. Вероятно, такая деятельность ему казалась просто неинтересной.

Ещё до официального вступления в должность В.В. Шкорпил стал подыскивать новое место для музея, поскольку квартира, где это учреждение тогда располагалось, не отвечала необходимым требованиям. Более подходящим ему казался верхний этаж дома Женского благотворительного общества, в котором, как представлялось, можно было легко устроить все нужные приспособления для размещения музейной экспозиции и пр. [1901 г., д. 116, л. 44]. Такая деятельность нового заведующего представляется вполне логичной и естественной.

Однако помимо этого у В.В. Шкорпила появляются новые заботы, так сказать, соответствующие новым временам, и прежде всего они были связаны с быстрым ростом масштаба грабительских раскопок. Ещё К.Е. Думберг отмечал, что с 1900 г. в Керчи возобновилось движение «счастливищиков» [1900 г., д. 5, л. 184]. Н.И. Веселовский в письме от 25 июня 1902 г. информировал А.А. Бобринского [1902 г., д. 157, л. 4]:

«В Керчи погоня за древностями достигла больших размеров, и цены

<на них> сделались прямо сумасшедшими. Работа в Керчи теперь в очень хороших руках, и, надо надеяться, дело пойдёт успешно»².

Археологические исследования действительно находились в хороших руках – В.В. Шкорпила, но работать ему приходилось в условиях очень непростых и даже опасных. Показательно, что в письме от 29 октября 1901 г. он обратился к А.А. Бобринскому с просьбой весьма необычного содержания [1901 г., д. 116, л. 14]:

«Желаю возможно лучше организовать надзор над здешними кладовщиками, прошу распоряжения Вашего Сиятельства о высылке вверенному мне музею двух лёгких биноклей в футлярах и на ремешках, а также двух револьверов с соответствующим числом патронов».

На письме имеется резолюция – «повременить».

Так начиналась деятельность В.В. Шкорпила на посту заведующего Керченским музеем, и можно сказать, что так боспорская археология вступала в XX в., когда нормальная жизнь и работа без револьвера казалась почти невозможной³.

5.2. Императорская комиссия в начале XX в.

Нет смысла говорить, насколько сложным было это время в истории России. Новый век требовал от Императорской археологической комиссии новых подходов к решению стоящих перед ней вопросов и, разумеется, совершенствования её структуры. Не вдаваясь в подробности, необходимо признать, что на этом этапе звезда Боспора Киммерийского, столь ярко сиявшая на российском археологическом небосклоне ранее, начала постепенно бледнеть. Появились две новые звезды античной археологии – Херсонес Таврический и Ольвия. К тому же весьма бурно стали развиваться и другие отрасли знаний о древностях России. Боспор на их фоне мог показаться слишком старомодным, пропахшим нафталином порождением пусть очень эффектной, но всё-таки уже уходящей эпохи. Изучение боспорских древностей, как отмечал М.И. Ростовцев,

² Археологу в чем-то вторил торговец керченскими древностями Е.Р. Запорожский, писавший А.А. Бобринскому в декабре 1903 г.: «Смею Вас уверить, Ваше Сиятельство, что древностей скоро в Керчи не будет, ибо всё почти перекопано; и <поскольку> по весне в Керчи начнётся устройство порта, то цены на древности поднимутся по-прежнему» [1903 г., д. 277, л. 4]. Этот человек, конечно, прекрасно знал предмет, о котором писал.

³ Ранее В.В. Шкорпила, 21 июля 1898 г., с аналогичной просьбой в ИАК обращался К.Е. Думберг. Он считал, что револьвер необходимо выдать сторожу Царского кургана, чтобы тот мог защититься от хулиганствующих строителей Брянского металлургического завода. Револьвер тогда сторожу не выдали, но около входа в галерею кургана были построены ворота, так что туда могли войти лишь «интеллигентные лица» [1898 г., д. 30, л. 56].

оставалось областью «частью случайного, частью quasi-научного использования некрополей и курганов с целью добывания музейных вещей» [Ростовцев, 1925, с. 260-261].

В деятельности Императорской археологической комиссии продолжали возникать немалые трудности, о некоторых уже было сказано выше (см. главу 4.1). В начале XX в. обозначилось явное напряжение во взаимоотношениях ИАК с местными музеями, в частности с Кубанским войсковым этнографическим и естественно-историческим музеем (г. Екатеринодар). Его руководство сетовало, что в Петербург или в Керчь забираются лучшие археологические находки, происходящие из Прикубанья. Такая практика, естественно, создавала большие проблемы для формирования полноценной музейной экспозиции, усложняла взаимоотношения со спонсорами («жертвователями», как тогда говорили) и т.д. Складывалась по-настоящему парадоксальная ситуация, когда все самые ценные находки, сделанные в крае, вывозились скупщиками древностей или же забирались Археологической комиссией. В письме, направленном А.А. Бобринскому из Екатеринодара в декабре 1912 г., по этому поводу говорится [1912 г., д. 4, л. 160-161]:

«...если Комиссия будет отбирать вещи из музея, а от кладоискателей или скупщиков приобретать вещи покупкою, то дело хищнических раскопок и тайной купли и продажи не прекратится, так как к тому же и наказания, налагаемые на виновных по суду – 2-3 суток под арест – слишком незначительны. Кубанский музей будет обречён на жалкое существование и может со временем потерять и то пособие, которое из сочувствия и совершенно добровольно приняло на себя войско, несмотря на плохое состояние войсковых сумм».

Вопрос гармонизации взаимоотношений с Кубанским музеем, конечно, требовал своего решения. Ещё более остро стояла проблема штата Императорской археологической комиссии, поскольку вопиющая малочисленность сотрудников сильно тормозила работу учреждения. Не удивительно, что в 1902 г. рассматривался вопрос о расширении штата ИАК до 22 человек, в том числе о включении некоторых новых должностей: товарища председателя, шести членов, трёх их помощников (товарищей), хранителя древностей, фотографа и т.д. Финансирование комиссии предлагалось увеличить почти до 40 тыс. руб. Однако в полной мере эти предложения не были реализованы: штат был утверждён в составе 12 человек, для товарищей членов ИАК, фотографа и хранителя древностей в ней места не нашлось. Финансирование же было предусмотрено в размере 25 500 руб. [1902 г., д. 286, л. 11]. О составе Керченского музея древностей, который по-прежнему входил в структуру Археологической комиссии, было сказано выше.

Отразились ли эти перемены на характере изучения боспорских древностей? На этот вопрос, скорее всего, надо ответить отрицательно, поскольку исследования велись приблизительно по тем же самым направлениям и с теми же самыми задачами, что и на предыдущем этапе (глава 4.1). Вместе с тем, следует обратить внимание, что в начале XX в. в Императорскую археологическую комиссию пришли новые люди, чьи научные интересы были связаны с античными древностями Северного Причерноморья. С июня 1900 г. товарищем, т.е., по тогдашней терминологии, заместителем председателя Императорской археологической комиссии стал выдающийся историк и эпиграфист В.В. Латышев [1913 г., д. 415, л. 1; о нём см.: Жебелёв, 1926; Книпович, 1958; Тункина, 1992; Фролов, 2006, с. 248-292; Медведева и др., 2009, с. 162], в марте 1901 г. членом ИАК был назначен другой видный отечественный антиковед Б.В. Фармаковский [там же, л. 1; о нём см.: Блаватский, 1948; Карасёв, 1948; 1976; Фармаковская, 1988; Медведева и др., 2009, с. 182]. Годом позднее членом-корреспондентом Комиссии стал будущий академик С.А. Жебелёв [там же, л. 3; о нём см.: Гайдукевич, 1941в; Фролов, 2006, с. 294-310; Медведева и др., 2009, с. 194]. Что касается М.И. Ростовцева, то он начал сотрудничать с ИАК в 1905 г., когда приступил к изучению античной декоративной живописи на юге России [о нём см.: Бороздин, 1915; Фролов, 2006, с. 378, 391-420; Медведева и др., 2009, с. 203]; в ряды внештатных членов комиссии он был зачислен 1 сентября 1912 г. [там же, л. 2].

В Архиве ИИМК РАН сохранилось письмо, которое было направлено М.И. Ростовцеву 30 октября 1912 г. [1912 г., д. 226, л. 4]:

«Милостивый государь Михаил Иванович,

Ваши обширные и глубокие знания в области культуры античного мира, Ваши высокоценные научные труды, посвящённые многообразным вопросам классической археологии, и Ваше постоянное деятельное участие в учёной оценке и разработке материалов, добытых раскопками Императорской Археологической Комиссии, побудили меня выразить Вам особое уважение и признательность, и я, с разрешения министра Императорского Двора, назначил Вас сверхштатным членом вверенной мне Императорской Археологической Комиссии с 1 сентября сего года.

Извещая Вас об этом, льщу себя надеждою, что Вы и на будущее время не откажете Комиссии в участии в её занятиях своими учёными трудами и авторитетными указаниями.

Примите уверение в совершенном моём уважении и преданности.

Гр. А. Бобринский».

Принимая приглашение председателя Археологической комиссии, М.И. Ростовцев писал, что в деятельности комиссии его более всего

интересуют не вопросы реставрации памятников старины, «а текущая жизнь её как органа, ведущего раскопки, издающего их результаты и наблюдающего за ходом археологической жизни в России» [1912 г., д. 226, л. 5].

В.В. Шкорпил поддерживал с петербургскими учёными самые тесные, деловые контакты. Увлекаясь греческой эпиграфикой, он несколько раз в год направлял в ИАК скрупулезно подготовленные им сводки новых находок древних надписей, обнаруженных под Керчью и на Тамани. Директор Керченского музея, как и его предшественники, уделял постоянное внимание сбору боспорских надгробий (рис. 91, 92).

Руководство Императорской археологической комиссии вполне осознавало необходимость профессионального роста своих сотрудников, повышения их квалификации. В 1904 г. планировалась поездка по археологическим памятникам Греции, в связи с чем 29 мая 1903 г. В.В. Шкорпилу было направлено письмо [1903 г., д. 74, л. 1]:

«Милостивый государь Владислав Вячеславович,

Императорская археологическая комиссия, сознавая всю важность ознакомления своих сочленов, ведущих практически дело раскопок, с результатами грандиозных археологических раскопок на почве собственно Греции и с применяемым при производстве их методом, предполагала командировать Вас в Грецию и с этой целью входила с ходатайством к управляющему Афинским отделением Немецкого археологического института профессору В. Дёрпфельду о допущении Вас к участию в имеющих состояться в апреле и мае нового стиля 1904 года под его руководством археологических поездках Германского археологического института по Греции.

Получив ныне согласие профессора Дёрпфельда на принятие Вас в число членов указанных поездок, Императорская археологическая комиссия имеет честь уведомить Вас об этом и при сём присовокупляет, что проф. Дёрпфельдом Вам будет прислана программа поездок, по получению коей Вы имеете войти в Комиссию с представлением о снабжении Вас нужными на поездку средствами, заграничным паспортом и соответствующими инструкциями, – если, конечно, командировке не воспрепятствуют Ваши служебные обязанности в Керченской гимназии.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

В. Латышев».

Кроме В.В. Шкорпила, отправиться в поездку по Греции предлагалось также К.К. Косцюшко-Валюжиничу, при этом все расходы (500 руб.) брала на себя Археологическая комиссия. Однако по причине большой занятости, планировавшегося высочайшего приезда в Херсонес и пр. К.К. Косцюшко-Валюжинич

отказался от лестного предложения [1903 г., д. 74, л. 5]. Директор Керченского музея нашёл для этого время и под руководством В. Дёрпфельда осмотрел памятники Древней Греции: путешествовал по Пелопоннесу (17 дней), по островам (13 дней), посетил Афины (25 дней), а также Трою и Константинополь [там же, л. 3].

Важность изучения древностей Боспора Киммерийского, конечно, осознавалась всеми специалистами, но их значимость уже никому из них не представлялась первостепенной. Раскопки Ольвии и Херсонеса в Археологической комиссии тогда уже представлялись явно более отвечающими задачам современной науки. Такая ситуация нашла отражение даже в нумерации дел Архива ИАК: первое место в нём каждый год традиционно занимали документы, связанные с раскопками в Керчи; однако, начиная с 1905 г., они, как правило, имеют № 4; №№ 2 и 3 – отчёты о работах в Ольвии и Херсонесе.

Выше уже говорилось, что разграбление боспорских некрополей и торговля древностями в Керчи в начале XX в. стали серьёзной проблемой. Видной фигурой среди торговцев древностями в это время был И.А. Терлецкий, служивший старшим врачом Керченского отдела корпуса пограничной стражи [о нём см.: Боровкова, 1999, с. 39-40, 83-94]. Его деятельность наносила огромный вред изучению памятников археологии, и В.В. Шкорпил неоднократно докладывал об этом в Петербург, к примеру, в письме от 2 марта 1906 г. [1906 г., д. 4, л. 80]. Руководство ИАК, оценив сложившуюся ситуацию, направило официальное послание начальнику И.А. Терлецкого – В.Н. Коковцеву, в котором говорилось [1906 г. д. 4, л. 81]:

«Ныне ... служба заведующего Керченским музеем древностей значительно парализуется деятельностью г. Терлецкого, который, перекупая древние вещи, способствует развитию тайных, хищнических раскопок и убеждает всех, у кого имеются древности, не продавать их Комиссии. Не говоря о том, что при хищнических раскопках масса древностей портится и масса ценных наблюдений, которые могли бы быть сделаны, для науки пропадают безвозвратно – надо указать, что наиболее важные и ценные находки ежегодно *уходят* при посредстве г. Терлецкого в заграничные музеи».

В связи с этим В.Н. Коковцеву предлагалось перевести И.А. Терлецкого «из города Керчь на службу в какой-либо другой город, возможно более удалённый от г. Керчи и не находящийся на побережье Чёрного и Азовского морей, на всём своём протяжении крайне важном в археологическом отношении» [там же, л. 82]. Это послание возымело действие, и И.А. Терлецкому, как представляется, было предложено уладить конфликт с Императорской комиссией. Во всяком случае, 9 ноября 1906 г. он присутствовал на заседании

ИАК и обещал прекратить «дальнейшее приобретение древних предметов в г. Керчи» [там же, л. 84]. Поверив этим заверениям, Археологическая комиссия просила В.Н. Коковцева оставить направленный ему документ без последствий. Однако доктор И.А. Терлецкий не сдержал своего обещания, и в 1914 г. В.В. Шкорпил информировал ИАК, что он захватил в свои руки всю торговлю боспорскими древностями [1914 г., д. 4, л. 130]. Правда, когда началась Первая мировая война, он был направлен в действующую армию [там же, л. 91].

Обращая внимание руководства ИАК на развитие торговли боспорскими древностями, директор Керченского музея писал в марте 1906 г.: «Пора бы издать закон о воспрещении вывоза древностей из пределов России, по примеру Греции и Болгарии» [1906 г., д. 4, л. 80]. Издание таких законов, естественно, было вне компетенции Императорской археологической комиссии, тем не менее, она принимала все зависящие от неё меры к сохранению древних памятников, пресечению их вывоза за границу. В связи с этим можно привести один показательный пример. В марте 1914 г. стало известно, что К.В. Робертс, начальник станции Индо-Европейской телеграфной компании в Керчи, планирует отправить в Британский музей два надгробия, найденные в 1913 г. на территории этой станции, в том числе стихотворную эпитафию Стратоника, сына Зенона [КБН, 145; вторая надпись – КБН, 652]. А.А. Бобринский по этому поводу немедленно обратился в Министерство иностранных дел с просьбой воспрепятствовать вывозу и повлиять на К.В. Робертса, чтобы тот передал находки в Керченский музей или, по крайней мере, оставил их в Керчи в ведении компании [1914 г., д. 4, л. 45]. Соответствующий департамент МИДа в апреле поручил российскому посольству в Лондоне обратиться к правительству Великобритании с ходатайством о принятии мер к недопущению ввоза этих эпиграфических памятников в Англию [там же, л. 47]. Необходимые меры были приняты, и в мае 1914 г. К.В. Робертс передал оба надгробия в музей [там же, л. 44]. Проблема, как видим, была решена, при этом, надо признать, очень быстро – всего за три месяца.

Весьма примечательным представляется и то, что в 1914 г. был решён вопрос о приобретении в собственность ИАК участка мещанина Тимофея Лопатина, находящегося на горе Митридат [1914 г., д. 4, л. 132, 137, 145]. Этот участок был важен тем, что здесь находилась двойная расписная катакомба, открытая в 1873 г. [см.: ОАК, 1873, с. X; 1874, с. 112 сл.; Ростовцев, 1914а, с. 227-243; Иванова, 1953, с. 155-156; Ернштедт, 1955, с. 265-266]. Такой замечательный памятник, конечно, необходимо было уберечь от всякого рода случайностей.

Первая русская революция (1905–1907 гг.), наложившая свою печать на всю жизнь страны, сказалась и на археологических исследованиях. Императорская комиссия, разумеется, не принимала никаких постановлений по этому пово-

ду, но практическое проведение работ в Керчи в это время явно осложнилось. В феврале 1906 г. В.В. Шкорпил информировал ИАК, что, «пользуясь теперешним тревожным временем», жители Керчи стали строить свои хижинки позади Эспланадной улицы, и власти против этого ничего не предпринимают. Чтобы спасти имевшиеся там памятники древности от полного разрушения, эту часть горы Митридат необходимо было подвергнуть «последнему тщательному расследованию» [1906, г., д. 4, л. 6]. В ноябре 1907 г. в рапорте на имя А.А. Бобринского директор музея писал о необходимости скорейшего исследования некрополя на южном склоне горы Митридат, поскольку «охрана его при большом расстоянии от города является крайне затруднительной и весьма опасной, особенно в теперешнее тревожное время» (выделено мною – Ю.В.) [1907 г., д. 6, л. 141].

В 1909 г. Императорская археологическая комиссия отметила своё 50-летие, что было торжественно отмечено, многие археологи получили награды и подарки. В 1913 г. по случаю празднования 300-летия Дома Романовых все сотрудники Керченского музея древностей были пожалованы специальными бронзовыми медалями. В их числе: В. Шкорпил – директор, В. Прыгунов – писарь, А. Основский – сторож музея, Ф. Зяблов – первый надсмотрщик, И. Анищенко – второй надсмотрщик, В. Мазка – дневной сторож на горе Митридат, П. Воловенко – ночной сторож на горе Митридат, С. Кузнецов – сторож при склепе Деметры [1913 г., д. 4, л. 53].

Несмотря на расширение штата ИАК, о чём было сказано выше, специалистов для проведения масштабных работ на Боспоре по-прежнему явно не хватало. Желая улучшить ситуацию, В.В. Шкорпил пытался найти преданных делу людей, так сказать, на месте, в связи с чем писал в ИАК 28 января 1914 г. [1914 г., д. 4, л. 192]:

«Уроженец и житель Таманской станицы, отставной подъяесаул Василий Васильевич Соколов, оказавший мне в течение последних трёх лет деятельное содействие в производстве таманских раскопок и изучивший под моим руководством техническую сторону археологических исследований, обратился в конце прошлого года ко мне с заявлением и просьбой следующего содержания:

“Каждый год, с прекращением археологических раскопок в окрестностях Тамани, с осени и до весны следующего года, так называемые «счастливицы» разграбляют окружающие Тамань древние курганы и кладбища, а найденные <вещи> перепродают, довольно часто за границу. Станичная администрация, как Вам известно, не проявляет особенной энергии в борьбе с кладоискателями, и кадры их с каждым годом увеличиваются. В виду этого я просил бы Вас исходатайствовать мне у Императорской Археологической Комиссии разрешение на право

раскопок в окрестностях Тамани, с условием, что я буду вести подробные записи находок, а также измерения и описания найденных гробниц. Кроме того, все найденные вещи будут представляться Вам, и только ... не взятые Вами для Императорской Археологической Комиссии поступят частью в мою коллекцию, а частью в Екатеринодарский музей”.

Соколов намерен производить раскопки на свой счёт.

Заявляя, что Соколов мне известен около 20-ти лет как человек в высшей степени честный и порядочный, я просил бы Императорскую Археологическую Комиссию разрешить ему производство раскопок на Таманском полуострове в то время, когда зимою пролив будет покрываться льдом или когда я буду занят в другом месте и мне невозможно будет ездить в Тамань, но с тем неперменным условием, чтобы он, во-первых, каждый раз или по телеграфу, или письмом извещал меня о местах и начале раскопок и, во-вторых, чтобы он производил раскопки не на свои средства, но в счёт сумм, которые мне будут отпускаться на археологические расследования, при чём я беру всю ответственность на себя. Все находимые вещи должны быть представляемы в Императорскую археологическую комиссию, которая, по своему усмотрению, будет выделять часть этих древностей и препровождать их в Екатеринодарский музей».

В.В. Соколов действительно стал деятельным помощником директора Керченского музея древностей на Таманском полуострове, порой являясь его представителем в самых непростых ситуациях, к примеру, во время обнаружения мраморного таманского саркофага в 1916 г. (см. главу 5.4). Ситуация, однако, настоятельно требовала большего числа специалистов в области античной археологии.

В начале мая 1914 г. планировалась поездка в Керчь императора Николая II, который как будто намеревался посетить Керченскую крепость, но в связи с этим вполне мог осмотреть и некоторые археологические достопримечательности города. Информация об этом поступила в ИАК в марте от В.В. Шкорпила, который, в свою очередь, узнал о намерении императора от возвратившегося из Петербурга керченского градоначальника. В связи с возможностью приезда Николая II археолог просил ИАК выделить ему финансовые средства, необходимые для ремонта здания, которое Керченская городская дума выделила для устройства эпиграфического отделения Музея древностей. Такой возможностью получить дополнительное финансирование директор музея, разумеется, не мог не воспользоваться, при этом он торопил петербургское руководство с высылкой денег, поскольку ремонт необходимо было завершить к началу мая [1914 г., д. 4, л. 31-32]. Информация о планировавшейся поездке подтвердилась, и А.А. Бобринский обратился к В.Н. Воейкову с просьбой

о своём присутствии в Керчи во время поездки августейшей особы, в связи с чем «возможно было бы произвести в Высочайшем присутствии раскопку нескольких могил, которых здесь большое количество, и, хотя за удачный исход раскопки поручиться, конечно, невозможно, всё же самая процедура вскрытия гробниц, несомненно, заинтересовала бы Его Величество и отняла лишь весьма непродолжительное время» [1914 г., д. 4, л. 36]. Не удивительно, что деньги (446 руб.) на ремонт здания для эпиграфических находок В.В. Шкорпилу были выделены [там же, л. 78].

Однако поездка Николая II в Керчь в мае 1914 г. не состоялась, возможно, она была отложена по причине других, более важных, государственных дел. Позднее она уже вряд ли была возможна – в начале лета международная обстановка сильно накалилась, а 19 июля 1914 г., как известно, началась Первая мировая война. Археологические проблемы в связи с этими событиями стали казаться совсем ничтожными, финансирование полевых работ, естественно, сильно сократилось, и раскопки стали производиться в скромных масштабах. Директор Керченского музея писал по этому поводу: «В Керчи в 1915 году не проводилось обычных исследований сплошных некрополей» [1914 г., д. 4, л. 186]. Не стоит думать, однако, что раскопок не было вовсе. Нет, они пусть в небольших масштабах проводились, к примеру, на Малой Близнице или на Лысой горе под Таманью (см. ниже), и дали весьма ценные материалы.

Рис. 91. Надгробие с изображением воина [1908 г., д. 13, л. 13а].

Рис. 92. Надгробие с изображением воина [1908 г., д. 13, л. 46].

5.3. Раскопки В.В. Шкорпила в Керчи. Грунтовые некрополи

Некрополь Пантикапея

Новый заведующий Керченским музеем смог приступить к раскопкам лишь во второй половине 1901 г., к тому, кроме общей неопределённости ситуации, привели и некоторые проблемы с финансированием. В Археологической комиссии не были уверены в том, что В.В. Шкорпил вообще сумеет провести полевые исследования в этом году, но на заседании 1 мая 1901 г. всё-таки решили, что 2000 руб. надо «иметь в виду на случай раскопок в Керчи» [1900 г., д. 277, л. 33, № 7]. В Петербурге очень опасались, что территория бывшей крепостной эспланады, отошедшая к городу Керчи, начнёт застраиваться частными лицами, а это неизбежно серьёзно затруднит проведение здесь археологических исследований [ОАК, 1901, с. 51]. Раскопки в этом году всё-таки были проведены и, в общем, в достаточно традиционном для Боспора русле, когда археологи в основном шли вслед за «счастливчиками» [1901 г., д. 12, л. 114 сл.; Шкорпил, 1903, с. 74 сл.].

Талант В.В. Шкорпила, как специалиста, способного проводить масштабные полевые исследования, в полной мере раскрылся в 1902 г., когда в различных частях Керчи и её окрестностей было раскопано огромное количество погребальных комплексов [см.: ОАК, 1902, с. 47 сл.; Шкорпил, 1904]. Прежде всего, любопытнейший некрополь V–III вв. до н.э. был открыт под так называемым Вторым креслом Митридата на южном склоне горы, где было изучено 178 гробниц, при этом все они достаточно подробно описаны [1902 г., д. 32, л. 362-386]. Примечательным открытием этого года стала гробница с костяком, окрашенным красной краской [там же, л. 366; Шкорпил, 1904, с. 80, № 35], в её насыпи «над правой рукой скелета» находилось надгробие Тихонатавра [там же, л. 24 об. – 25], которое по характеру письма датируется V в. до н.э. [КБН, 114]. Этот памятник, безусловно, имеет важное значение для изучения этнического состава Пантикапея [см.: Цветаева, 1951, с. 67; Блаватский, 1964, с. 50-51; Масленников, 1981, с. 30; Щеглов, 1981, с. 211].

Столь же неплохо документированы 337 гробниц, исследованных на Глинище [там же, л. 387-439]. Весьма любопытное открытие было сделано в могиле, в которой находились два разновременных ограбленных погребения; с более ранним связывается набор гипсовых украшений саркофага, состоящий из 14 фигурок Ниобид [там же, л. 146, 431; см.: ОАК, 1902, с. 50-51; Шкорпил, 1904, с. 163-164]. Раскопки этого года на Глинище позволили сделать принципиально важное заключение: «Судя по находкам, сделанным здесь, почти всё Глинище представляет громадный некрополь главным образом первых веков христианской эры. Более древние памятники попадались здесь чрезвычайно редко» [ОАК, 1902, с. 47].

Среди открытий 1902 года следует выделить также склеп, исследованный

на первой версте Брянской ветки Керченской железной дороги. Он оказался ограбленным, но на стенках сохранились остатки росписи, особенно выразительно изображение медузы Горгоны на оштукатуренной плите, закрывающей вход в камеру. Внутри склепа в разное время были поставлены четыре каменных саркофага. Два относительно ранних саркофага имели роспись в виде побегов виноградной лозы. Среди находок, происходящих из этого склепа, представлена бронзовая монета царя Котиса II [1902 г., д. 32, л. 111-113, 421-422; о склепе см.: Шкорпил, 1904, табл. X-XI; Ростовцев, 1914а, с. 272-276; Ернштедт, 1955, с. 275-276].

Тогда же около Шлагбаумской улицы была обнаружена ограбленная катакомба, в которой находился искусственно деформированный человеческий череп. В смежной катакомбе В.В. Шкорпил обнаружил надпись на стене, нанесённую красной краской: это было число 582. Исследователь увидел здесь дату, т.е. 285 г. н.э., и заключил, что «обычай искусственного изменения формы головы существовал на Боспоре в третьем столетии по Р.Хр.» [1902 г., д. 32, л. 18, 386]⁴.

В том же году заведующему Керченским музеем пришлось позаботиться об изучении территории, прилегающей к Керченскому порту. Дело в том, что в это время развернулись крупные работы по его расширению, углублению акватории и т.д. Предполагалось срыть крутой берег, возвести новые постройки и произвести мощение территории. За работами было организовано археологическое наблюдение, что дало возможность исследовать здесь ещё несколько погребений [1902 г., д. 32, л. 139; см.: ОАК, 1902, с. 47]. В дальнейшем, когда Керченская городская управа начала перестройку части Карантинного шоссе, прилегающего к порту, археологические исследования были перенесены и туда [1903 г., д. 19, л. 73].

В 1903 г. В.В. Шкорпил исследовал почти четыре сотни погребений [1903 г., д. 19, л. 391; см.: ОАК, 1903, с. 43 сл.], при этом раскопки проводились приблизительно в тех же самых районах Керчи, что и ранее. Среди открытых тогда погребений имеются весьма любопытные, в том числе обнаруженная на горе Митридат гробница «убитого в сражении воина» [1903 г., д. 19, л. 152, 345, № 108]. В грунтовой яме, перекрытой досками, лежал прекрасно сохранившийся костяк головой на восток. В его ногах находилась амфора, в левой руке – коринфский расписной сосудик. Рядом с ним лежал ещё один сосуд, расписанный красной краской. В лобовой части черепа имелась пробоина, что и позволило исследователю сделать заключение, что здесь был погребён убитый воин. Судя по описанию находок, этот комплекс принадлежит времени поздней архаики и, в общем, входит в круг памятников, которые характеризуют сложную военно-политическую обстановку, сложившуюся

⁴ Обычай искусственной деформации черепов, как показывают современные исследования, получил массовое распространение в сарматском мире в конце II – III вв. н.э. [Балабанова, 2001, с. 108; ср.: Масленников, 1990, с. 39-40; Пономарёв, 2003].

на Боспоре в начале V в. до н.э. [см.: Виноградов, 2005, с. 238-245, 258-262; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 46 сл.].

Подобные открытия имели место и позднее. В 1907 г. В.В. Шкорпил обнаружил могилу, опять же перекрытую досками, в которой костяк лежал головой на северо-восток, левая его рука оказалась отрубленной по локоть. Возле левого колена находился пучок бронзовых наконечников стрел; около левого бока лежал короткий меч (длина – 0,53 м), рукоять которого на конце была украшена «двумя неподвижными кольцами»; под мечом находился обломанный каменный точильный брусок с отверстием для подвешивания [1907 г., д. 6, л. 36, 340, № 17]. Датировать этот комплекс очень трудно, но, судя по описанию меча, он, вероятнее всего, имел так называемое антенное навершие, что позволяет отнести его к V в. до н.э. [ср.: Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 42, рис. 15, 5, 6; 58, рис. 24, 1]

Некрополь под Вторым креслом Митридата, к которому относятся два описанных выше воинских захоронения, раскапывался в 1902, 1903, 1905 и 1907 гг. Подводя итог своим исследованиям здесь, В.В. Шкорпил писал [1907 г., д. 6, л. 334]:

«Так как в расследованной части южного склона Митридатовой горы ни разу не встречались гробницы с “мегарскими” чашками или краснолаковой посудой (*terra sigillata*) или со стеклом и фибулами, то, кажется, правилен будет вывод, что на рассматриваемом месте с V по III век до Р.Хр. существовало пантикапейское кладбище, но что приблизительно во II веке до Р.Хр. здесь была построена новая часть Пантикапея».

В июне 1904 г. «счастливыми» были открыты и разграблены два склепа на *Гоститальной улице* с прекрасными находками в «готском» стиле [1904 г., д. 6, л. 44, 54, 102-103]. Все вещи оказались у торговца древностями И.А. Терлецкого, и В.В. Шкорпил начал свою по-настоящему героическую борьбу за спасение этих памятников для науки. В ходе этой борьбы ему пришлось столкнуться не только с ненавистью кладоискателей и торговцев древностями, но и с продажностью керченской полиции. На сей раз старания В.В. Шкорпила оказались не напрасными: И.А. Терлецкому были возвращены те деньги, которые он заплатил «счастливым», а наука обогатилась прекрасным комплексом времени поздней античности⁵. Один из раздосадованных грабителей обещал расправиться с В.В. Шкорпиллом, в связи с чем тот в декабре 1904 г. обратился к керчьеникальскому градоначальнику с просьбой положить конец этим угрозам, и, надо признать, необходимые меры были приняты – выделена охрана, на местах

⁵ Станным образом из-за денег, выданных И.А. Терлецкому, в марте 1918 г. В.В. Шкорпилу был предъявлен иск со стороны Керченского революционного трибунала [1904 г., д. 6, л. 133]. Благодаря активному участию Археологической комиссии обвинения с него были сняты [Борова, 1999, с. 143].

раскопок установлены временные полицейские посты и т.д. [Боровкова, 1999, с. 87, 141].

Вся эта история, конечно, буквально взбудоражила Керчь, многими жителями, как писал В.В. Шкорпил, «овладело страстное желание найти подобные катакомбы»⁶. Поскольку бороться с «лихорадочной деятельностью кладоискателей» было невозможно, то он решил полностью сосредоточиться на исследовании Госпитальной улицы и прилегающей к ней местности [1904 г., д. 6, л. 116; см.: ОАК, 1904, с. 78-83; Шкорпил, 1907, с. 32 сл.; 1911, с. 79 сл.; 1913а, с. 16 сл.; 1913б, с. 56; 1914в, с. 11]. И это решение, конечно, было абсолютно верным. В 1904 г. исследователь установил, что полоса катакомб, которые он датировал III–IV вв. н.э., тянется от Госпитальной улицы вплоть до вала, спускающегося с Золотого кургана к полотну железной дороги [1904 г., д. 6а, л. 1-2]. Работы здесь были продолжены в 1905 г. [1905 г., д. 4, л. 19, 121 сл.] и в последующие годы [Шкорпил, 1910, с. 31 сл.]. Датировка катакомб, предложенная В.В. Шкорпилем, вскоре была исправлена на IV–V вв. н.э. [Спицын, 1905, с. 115]. В результате всех этих исследований археологическая наука обогатилась комплексами Госпитальной улицы, имеющими принципиальное значение для изучения культуры Боспора в период поздней античности [см.: Засецкая, 1979; 1990].

В 1908 г. на горе Митридат, совсем недалеко от того места, где в 1891 г. проводил раскопки А.А. Бобринский, был найден замечательный расписной склеп [см.: ОАК, 1908, с. 109, 110; Шкорпил, 1911, с. 65; Ростовцев, 1914а, с. 70-82; Ернштедт, 1955, с. 250; Блаватский, 1964, с. 75-77]. Погребальная камера была украшена горизонтальными декоративными полосами, окрашенными в различные цвета. На верхнем выступе, по форме напоминающем карниз, были изображены различные предметы (алабастры, аски, гирлянды и пр.), как бы висящие на гвоздях. В.В. Шкорпил по этому поводу заметил: «Вся суть и изящество декоративной живописи склепа заключается в этой верхней полосе» [1908 г., д. 13, л. 32, 308]. В высшей степени ценно, что данный погребальный комплекс сохранился в неповрежденном состоянии, в нём находилось пять костяков с весьма показательным инвентарём (краснофигурные пелики, чернолаковый килик, арибаллические лекифы, украшенные пальметками, сетчатые арибаллические лекифы и т.д.). Исследователь обоснованно признал этот склеп семейным и считал, что он использовался во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. [там же, л. 310, но ср.: л. 34, 303]. Описание вещевых находок, однако, позволяет предполагать, что он вряд ли заходил в III в., поскольку основное количество

⁶ В 1905 г. к В.В. Шкорпилу обратилась керченская мешчанка У. Шаманская, предлагая ему провести раскопки на её участке. Причиной такого поступка стало то, что бедная женщина не имела покоя ни днём, ни ночью, поскольку под землёй постоянно слышался стук лопат и кирок кладоискателей, пробивавшихся к Госпитальной улице [1905 г., д. 4, л. 63]. Раскопки на участке У. Шаманской были проведены и дали свой результат [там же, л. 125].

находок явно принадлежит IV в. до н.э. Вполне возможно, что склеп был построен во второй половине этого столетия [Ернштедт, 1955, с. 250].

В конце 1910 г. на северном склоне Митридата (против Первой Подгорной улицы) было обнаружено весьма любопытное погребение, содержавшее человеческий костяк, во внутренней стенке позвонка которого застрял наконечник стрелы. Положение этого наконечника навело на мысль, что погибший от стрелы пантикапеец был убит врагом, стоявшим под горою или под оборонительными стенами Пантикапея [1910 г., д. 4, л. 165]. К сожалению, погребение было безинвентарным и датировать его невозможно.

В 1911 г. во время раскопок на северном склоне Митридата (Третий Кладбищенский переулочек) была открыта целая серия любопытных погребальных комплексов, в общей сложности 24 гробницы [Шкорпил, 1914в, с. 3 сл.]. Благодаря находкам аттической чернофигурной керамики В.В. Шкорпил полагал, что этот некрополь является весьма ранним, представляя собой «одно из первых мест погребения древних пантикапейцев, основавших новый город» [1911 г., д. 7, л. 185]. Раскопки 1912 г., когда здесь было обнаружено ещё 43 погребения, в полной мере подтвердили этот вывод, В.В. Шкорпил даже сделал вывод, что они в основном относятся к VI в. до н.э. [1912 г., д. 4, л. 187]. Среди исследованных гробниц особый интерес привлекает одна кремация (гробница № 15). На месте сожжения было вырыто четырёхугольное углубление (1,65 × 0,67 м, глубина – 0,56 м), в котором была помещена урна с человеческим прахом. В качестве урны использована псевдопанафинейская амфора с изображением флейтиста, играющего на двойной флейте в окружении судей, опирающихся на посохи [1911 г., д. 7, л. 46-47, 193-194; см.: ОАК, 1911, с. 25-26; Шкорпил, 1914в, с. 7-8; Радлов, 1912, с. 76 сл.]. О находке этой замечательной вазы в ИАК было сообщено специальной телеграммой [1911 г., д. 7, л. 48], но наше внимание должна привлекать не только она, но и другие сделанные здесь находки. Исследователь сообщал, что вместе с сосудом находились три железных наконечника копий, обтянутые внизу бронзовыми кольцами. Два из них имели длину 0,30 м, а третий, практически полностью разрушенный ржавчиной, был в два раза больше их, т.е. он имел длину около 0,60 м. Столь длинный наконечник – большая редкость в Древней Греции, и, в принципе, его можно сопоставить только с наконечником македонской сариссы⁷.

Несмотря на то, что большая часть могильника была вскрыта в 1911 г., В.В. Шкорпил продолжил на нём исследования в 1913 г. Сделанные находки позволили ему вновь подтвердить, что «здесь был один из древнейших панти-

⁷ Хорошо известно, что во время раскопок некрополя в Вергине (древняя Македония) был найден наконечник сариссы, достигающий в длину 0,51 м, а обычный наконечник копья, обнаруженный там же, имеет длину всего 0,27 м [Markle, 1977, p. 323 ff.; Конноли, 2000, с. 77-79]. Керченская находка, однако, явно относится к более раннему времени.

капейских некрополей, относящийся к концу VI в. до Р.Хр.» [1914 г., д. 4, л. 169; см.: Блаватский, 1951, с. 15-16, 18].

В 1914 г. были продолжены раскопки так называемого «пепелища», расположенного между Вторым креслом Митридата и Круглой скалой. По наблюдениям исследователя, там под глубокой насыпью и в самой насыпи встречались гробницы, относящиеся к различным эпохам, начиная «с VI в. до Р.Хр. и кончая временем, когда в Пантикапее были в ходу изделия готского стиля» [1914 г., д. 4, л. 173]. Описаний этих погребений в отчёте не содержится, даётся простое перечисление сделанных находок по категориям: керамика, стекло, золото, серебро, железо, гипс и т.д. Нечто подобное уже наблюдалось в практике составления археологических отчётов того времени, когда во главе Императорской комиссии стоял А.А. Васильчиков (см. главу 3.5). Трудно сказать, чем следует объяснять возвращение к этой порочной практике, но любопытно, что среди имеющихся документов Архива ИАК нет таких, которые бы требовали покончить с ней. Одновременно с работами на «пепелище» производились раскопки по трассе Карантинного шоссе. Это объясняется тем, что полосу шоссе было решено сузить, в результате этих работ по обочинам новой трассы были открыты гробницы I–II вв. н.э. [там же, л. 174].

Можно признать, что методика раскопок Пантикапейского некрополя, правила фиксации открытых объектов и пр. в 1859–1914 гг. имели свои недостатки. Тем не менее, благодаря целенаправленной политике Археологической комиссии и упорству керченских археологов древние могильники Пантикапея были изучены столь полно и подробно, как ни один из некрополей других античных городов Северного Причерноморья [Ростовцев, 1925, с. 179]. В ряду исследователей Пантикапейского некрополя следует выделить В.В. Шкорпила, который не только открыл целую серию чрезвычайно важных погребальных памятников, но и немало сделал для изучения топографии могильника [Цветева, 1951, с. 63].

Некрополь Мирмекия

В марте 1904 г. В.В. Шкорпил информировал Археологическую комиссию [1904 г., д. 6, л. 23]:

«Между Керченским металлургическим заводом и Новым карантинном приблизительно десять лет тому назад открыто кладбищем древнее кладбище гор. Мирмекия с чернолаковой посудой и финикийским стеклом. Почти все разноцветные сосудики, появившиеся тогда в большом количестве у керченских торговцев древностями, были найдены за Новым карантинном. Так как в последнее время случаи разграбления этого некрополя стали повторяться, то я, за трудностью преследования грабителей на таком расстоянии от Керчи, решил раскопать это кладбище и спасти то, что ещё уцелело от рук грабителей».

На самом деле археологические исследования на территории между Новым карантинном и металлургическим заводом были начаты годом раньше. В.В. Шкорпил надеялся с помощью этих работ «внести какую-нибудь новую черту в историю давно погибшего города» [1903 г., д. 19, л. 324]. Результатом своих раскопок на этом объекте исследователь остался недоволен, «новых черт» истории Мирмекия ему выявить не удалось. Тем не менее, на некрополе было раскопано 46 могил, в двух из которых находились погребения с копьями [там же, л. 385 сл., №№ 369 и 370; см.: ОАК, 1903, с. 52 сл.; Шкорпил, 1905, с. 70 сл.].

В 1906 г. самое большое внимание было уделено территории, лежащей между Карантинной слободкой и Новым карантинном [ОАК, 1906, с. 83-84; Шкорпил, 1909б, с. 52-53, 78-79]. После этих исследований В.В. Шкорпил заключил, что западная часть Мирмекия никогда не доходила до этого «пустопорожнего места, отделяющего слободку от карантина», здесь располагался сплошной некрополь. За один сезон на обозначенной территории были раскопаны 73 гробницы. Свои наблюдения археолог выразил следующим образом [1906 г., д. 4, л. 163]:

«Более древняя часть некрополя тянется над берегом, вправо от Карантинного шоссе, некрополь же римского времени простирается на месте, перерезанном этим шоссе, и влево от него. В гробницах первого некрополя, устроенных, по большей части, в скале, встречаются по преимуществу низкие лекифы с красными пальметками или с тёмными сетками, усыпанными множеством белых точек; встречались также сосуды, покрытые густым, ярко блестящим лаком, пелики позднего прекрасного стиля, пелики местного производства, известные под неверным названием “акварельных” ваз, и “мегарские” чашки. Сосудики из “финикийского” стекла не встречались вовсе, между тем как в той части некрополя возле Нового карантина, который я раскапывал в 1903 г., попадались весьма изящные алабастры и ойнохои этого рода».

Ранний некрополь В.В. Шкорпил датировал IV–II вв. до н.э., а поздний отнес к римскому времени. В отношении последнего своим лучшим достижением он признавал открытие здесь трёх подземных склепов, весьма похожих на катакомбы горы Митридат и крымских берегов Азовского моря [там же, л. 164].

Некрополь в Капканах

Весной 1909 г. керченские кладоискатели, неустанно преследуемые В.В. Шкорпиллом, перешли от ближайших окрестностей Керчи за металлургический завод, на территорию, лежащую слева от дороги на Еникале, приблизительно в 10 верстах от города. Следует отметить, что поблизости от того места в деревне Капканы в 1891 г. проводил исследования А.А. Бобринский (см. главу 4.9). Директор Керченского музея информировал ИАК, что здесь кладоискатели «стали раскапывать древний некрополь со стеклом и краснолаковой

посудой I в. по Р.Хр.» [1909 г., д. 10, л. 104]. Археолог обратил внимание на важность исследования данного могильника и провёл здесь раскопки. В общей сложности им были исследованы 23 гробницы, судя по монетным находкам, относящиеся к I–II вв. н.э. [Шкорпил, 1913а, с. 3, 31].

Некрополь между Аджимушкаем и Темир-горой

В мае 1914 г. В.В. Шкорпил обратился в ИАК с просьбой выделить ему средства (2-3 тыс. руб.) на раскопки «огромного некрополя, расположенного между Аджимушкаем и Темир-горой». На этом некрополе им уже были проведены разведочные работы в апреле этого года, в результате чего были обнаружены краснолаковые сосуды и «весьма интересное стекло» [1914 г., д. 4, л. 51]. Деньги были получены, и летом 1914 г. археолог сосредоточил основное внимание на этом могильнике, занимавшем, по его наблюдениям, почти всю равнину между деревней Аджимушкой и Темир-горой [1914 г., д. 4, л. 173-174]. По сделанным находкам исследователь заключил, что некрополь относится к I–III вв. н.э. Ещё раз с сожалением приходится признать, что качество археологических отчётов в 1914 г. очень упало, и об открытых тогда погребальных комплексах мы не знаем ничего, кроме простого перечисления сделанных в них находок. Судя по всему, эти комплексы, как и многие другие, раскопанные в это время, следует считать потерянными для науки.

Некрополи азиатского Боспора

В это время на азиатской стороне Боспора Императорская археологическая комиссия поначалу почти не проводила раскопки грунтовых некрополей, хотя грабёж древних могильников здесь достиг очень крупных масштабов. В.В. Шкорпил в мае 1907 г. писал в Петербург: «В окрестностях Тамани, между Лысой горой и морем, в особенности же возле Южного кордона, построенного на Тузлинском мысу, происходит археологический грабёж, достигший ужасающих размеров» [1907 г., д. 6, л. 68]. При осмотре Тузлы директор Керченского музея повсюду обнаруживал ямы, в которых виднелись остатки разорённых гробниц. Местные пастухи рассказали ему, что грабители находили здесь разнообразную глиняную посуду и даже золото, при этом расписная керамика с изображениями животных была куплена вездесущим Терлецким. У торговцев древностями В.В. Шкорпил видел происходящие отсюда коринфские сосудики, аттическую чернофигурную посуду, «финикийское» стекло. В связи с таким положением он сокрушался, что «решительно вся Тамань знает об этих раскопках», но «никто из лиц, ведающих это дело, не принимал и не принимает никаких мер, чтобы остановить это варварское хищение» [там же, л. 68]. Более того, по Тамани распространился слух, что в газете «Кубанские ведомости» было напечатано распоряжение, по которому ввиду неурожая, постигшего этот край, «разрешено выкапывать древности всякому, кто захочет заняться этим делом» [там же, л. 68]. В.В. Шкорпил настаивал, чтобы местные власти приняли срочные меры к прекращению грабежей и разъяснили всю нелепость распространявшихся

слухов, однако самым действенным способом спасения Тузлинского некрополя он считал проведение на нём нормальных археологических раскопок.

Исследования здесь были предприняты лишь в 1911 г. Собственно, тогда были проведены раскопки на двух древних некрополях: на мысе Тузла и на берегу пролива около хутора Кротенко (между Тузлой и Панагией). На Тузле за один год было раскопано 137 погребений [1911 г., д. 7, л. 280 сл.; см.: ОАК, 1911, с. 37; Шкорпил, 1914в, с. 21 сл.; Сорокина, 1957], многие из которых относятся к позднеархаическому времени, но здесь имеются и погребения IV в. до н.э., и эллинистические, и римские. Около хутора Алексея Кротенко было исследовано ещё 42 погребальных комплекса, наиболее показательные из которых относятся опять же ко времени поздней архаики [1911 г., д. 7, л. 258 сл.; Шкорпил, 1914в, с. 71 сл.]. В обоих некрополях было обнаружено немало погребений с оружием, что ярко характеризует своеобразие культуры Боспора в конце VI – первой половине V вв. до н.э. В.В. Шкорпил полагал, что эти памятники следует связывать с греческой колонией, существовавшей на месте Тамани [1911 г., д. 7, л. 187-188], т.е. с Гермонассой.

О некоторых обстоятельствах своих раскопок директор Керченского музея писал в ИАК: «По перенесении моих разысканий в 1911 г. от мыса Тузла к хутору Кротенко, на самом близком расстоянии от Тузлянской грязелечебницы, где почти ежедневно бывали таманский атаман (Самойленко) и пристав (Толстопят), среди белого дня закипела такая деятельная работа таманских кладоискателей, что мне в скором времени пришлось вернуться обратно к Тузле» [1913 г., д. 4, л. 257]. О широком распространении грабительских раскопок на Таманском полуострове, ставших настоящим археологическим бедствием, дополнительно будет сказано далее.

В самой станице Тамань раскопки были проведены в 1912 г. Они были вызваны тем, что там началось разграбление древнего некрополя, обнаруженного местными жителями в результате выборки глины около Свято-Покровской церкви. Здесь было исследовано всего пять гробниц, относящихся к IV и III вв. до н.э. [1912 г., д. 4, л. 188, 218-220; см.: ОАК, 1912, с. 50].

Некрополь Танаиса

Н.И. Веселовский провёл раскопки около хутора Недвиговка в 1908-1909 гг. [ОАК, 1908, с. 122-129; ОАК, 1909-10, с. 139-141; Книпович, 1949, с. 20-21; Шелов, 1961, с. 6-7; 1970, с. 9]. Эти раскопки были вызваны тем, что один из местных казаков случайно обнаружил здесь очень богатую могилу [ОАК, 1908, с. 122]. Н.И. Веселовский был менее удачлив, поскольку многие из открытых им погребений оказались ограбленными. Тем не менее, за два года работ он вскрыл огромную площадь некрополя – приблизительно 66 × 32 м; в первый год было обнаружено 47 могил, во второй – 34. В основном это были могилы, вырубленные в скале и иногда обложенные по бокам каменными плитами. Н.И. Веселовский открыл также вырубленные в скале «корытообразные ямы»,

в которых, по его наблюдениям, совершались трупосожжения. На небольшом расстоянии от них находились урны с пеплом [ОАК, 1908, с. 122]. Одно детское захоронение было совершено в «земляном ящике» [ОАК, 1908, с. 124, № 5], т.е., как можно полагать, в гробнице, сложенной из сырцового кирпича.

5.4. Исследования боспорских курганов

Блестящий период в изучении курганов Боспора Киммерийского, безусловно, был в прошлом, но вообще отказаться от их раскопок археологи всё-таки не могли. В ноябре 1905 г. В.В. Шкорпил писал в ИАК, что, убедившись в плохом качестве раскопок керченских курганов, он решил «ради опыта» предпринять дополнительные исследования нескольких небольших курганов. Центральные части насыпей этих памятников были разрыты в неизвестное время, поэтому археолог обращал внимание на их пьолы. В одном случае проведённые исследования позволили выявить остатки любопытной тризны и отдельные впускные гробницы IV в. до н.э. [1905 г., д. 4, л. 82-83, 143].

В 1906 г. Керченская городская управа «продала ряд курганов, находящихся в степи по правую сторону от дороги, ведущей к Царскому кургану» [1906 г., д. 4, л. 39]. Курганы были проданы управлению Керченского порта для получения грунта, необходимого для засыпки моря и устройства набережной. В.В. Шкорпил вынужден был организовать археологическое наблюдение за этими работами. В апреле 1914 г. были проведены спасательные раскопки кургана, расположенного в керченском городском саду, возле северных ворот. Этот курган раскапывался в XIX в., но его северная пола осталась нерасследованной [ОАК, 1913-1915, с. 85]. Необходимость дополнительных работ на кургане объяснялась тем, что из насыпи стали брать грунт для сооружения шоссе, ведущего к вокзалу. В.В. Шкорпил предпринял раскопки северной полы и обнаружил здесь остатки тризны с большим количеством керамических фрагментов. Из них удалось реставрировать девять чернолаковых и краснофигурных сосудов [1914 г., д. 4, л. 111-112].

Летом 1909 г. В.В. Шкорпил решил провести раскопки на некрополе хребта Юз-Оба. Для своих исследований он избрал курган, возвышавшийся слева от Чурубашской дороги (рис. 93). За два года археолог предполагал полностью снести насыпь этого кургана [1909 г., д. 10, л. 105, 446 сл.], но второй сезон оказался ненужным, поскольку надежды на яркие открытия не сбылись [Шкорпил, 1913а, с. 37-40]. В.В. Шкорпил хорошо изучил характер насыпи, высота которой превышала 3,30 м: её нижний горизонт (1,60 м) состоял из утрамбованной земли, а верхний (1,70 м) – из сплошной каменной засыпки (рис. 94). Он обнаружил также каменную крепиду, окружавшую курган, открыл остатки тризны в его восточной части, но центральный склеп оказался полностью разграбленным и даже разобранным. Следует отметить, однако, что исследователь довольно

подробно охарактеризовал все керамические находки, обнаруженные им в насыпи, и в отчёте даже дал прорисовки амфорных клейм (рис. 95).

Директора Керченского музея глубоко волновало состояние хрестоматийно известных боспорских памятников. Как уже говорилось выше (см. главу 2.11), он просил Императорскую комиссию дать разрешение на закрытие входа в один из курганов Юз-Обы, раскопанного в 1860 г. Склеп этого кургана через 50 лет после раскопок представлял, по выражению археолога, «мерзость запустения». Рабочие местных каменоломен разрушили свод гробницы, пробили её свод. «Варварство этих босяков дошло до того, что ими были срезаны ... почти все острые углы камней, из которых сложен свод усыпальницы» [1909 г., д. 10, л. 105]. Чтобы спасти склеп от окончательного разрушения, вход в него следовало непременно закрыть [ОАК, 1909-1910, с. 118].

Конечно, все эти древние монументы нуждались в охране и сбережении, но В.В. Шкорпил замечал также и то, что общеизвестные памятники на страницах публикаций воспроизведены не совсем верно. В частности, это касалось крепиды Золотого кургана, изображение которой в «Древностях Боспора Киммерийского», по его мнению, не даёт точного представления об этой монументальной конструкции. Для исправления положения необходимо было произвести фотографическую съёмку сохранившихся частей крепиды [1906 г., д. 4, л. 218], но сейчас трудно сказать, была ли эта ценная инициатива реализована на практике или нет.

При всей важности изучения керченских курганов памятники Тамани тоже имели очень большое значение. 30 июля 1906 г. в ИАК обратился М.И. Ростовцев. Он просил, чтобы В.В. Шкорпил произвёл раскопку двух курганов с расписными склепами на Таманском полуострове [1906 г., д. 4, л. 70]. Скорее всего, профессор Петербургского университета имел в виду Большую Близницу (о ней см. главу 2.5) и Васюринскую гору (о ней см. главу 2.7). На следующий год, однако, В.В. Шкорпил просил ИАК разрешить ему провести исследование Малой Близницы и расчистить расписной склеп на Васюринской горе [1907 г., д. 6, л. 53]. Несмотря на серьёзное противодействие, оказанное археологам владельцем земли, на которой находились Васюринские курганы, Н.В. Черковым, летом 1907 г. склеп был повторно вскрыт и сфотографирован (рис. 96). Пробойна в передней части потолка камеры была закрыта брёвнами и толстыми досками, а яма, образовавшаяся над ней в насыпи кургана, была засыпана землёй [там же, л. 88]⁸. Что касается Малой Близницы, раскопки которой начались более 40 лет назад (см. главу 2.6), то В.В. Шкорпил в 1907 г.

⁸ Обломки керамической посуды, найденные в 1907 г. в расписном склепе Васюринской горы, были по просьбе М.И. Ростовцева направлены в ИАК летом 1911 г. [1911 г., д. 7, л. 63], тогда же были высланы 14 фрагментов леканы, найденных в 1868 г. [там же, л. 64]. Изучив их, М.И. Ростовцев заключил, что фрагменты принадлежат четырём чернолаковым сосудам, в том числе большой расписной пиксиде, которую он датировал не позднее начала III в. до н.э. [Ростовцев, 1912, с. 149].

открыл здесь пять лошадиных костяков с любопытными уздечными наборами [ОАК, 1907, с. 84-85, 89; Шкорпил, 1910, с. 46-47]. Эти наборы до сих пор не опубликованы, но традиционно считаются довольно поздними [Ростовцев, 1925, с. 375; ср.: Виноградов, 2004б, с. 103-104]⁹. Последний раскопочный сезон на Малой Близнице пришёлся на 1915 г., когда В.В. Шкорпил недалеко от захоронения лошадей обнаружил остатки тризны [ОАК, 1913-1915, с. 146 сл.]. Эти находки не добавили ничего нового в наше понимание данного интереснейшего памятника.

В 1910 г. в станице Тамань В.В. Шкорпил доследовал курган, в котором местные казаки обнаружили «ожжённую гробницу» с золотыми вещами и статером Александра Македонского. Археологу досталось совсем немного: золотая розетка и золотые бусы, бусы из белой пасты, бронзовый наконечник стрелы, черепки чернолаковых сосудов [1909 г., д. 10, л. 26-27; см.: ОАК, 1909-1910, с. 118].

В январе 1911 г. В.В. Шкорпил обратился в ИАК с рапортом [1911 г., д. 7, л. 8-9], в котором предлагал «в виду прежних замечательных открытий на Таманском полуострове, а также вследствие тайного кладоискательства, усиливающегося с каждым годом среди населения Кубанской области» провести раскопки на следующих курганах:

1. Нетронутые небольшие курганы около станицы Тамань.
2. Курган известный как «Карabetова гора»¹⁰.
3. Маленькие курганы, расположенные у подошвы хребта, на котором находятся Малая и Большая Близницы, влево от дороги, ведущей в Стеблиевскую станицу.
4. Наконец, предлагалось провести раскопки на самой Большой Близнице, точнее, на её неисследованных частях.

Планируя раскопки таманских курганов в 1911 г., В.В. Шкорпил просил руководство ИАК обратиться к атаману Кубанского войска с официальной бумагой,

⁹ В Рукописном архиве ИИМК РАН имеется письмо В.В. Шкорпила, направленное 23 апреля 1908 г. Б.В. Фармаковскому. В нём содержится следующее описание конской узды из Малой Близницы: «На головах лошадей найдены удила и головная сбруя, украшенная бронзовыми и серебряными бляхами и пластинками в виде голов Медуз и пр., но все эти металлические вещи были до такой степени испорчены окисью металла, что ничего нельзя было разобрать; только на 2-3 бляхах с трудом можно заметить человеческие лица. Сохранились только бусы, найденные на головах двух лошадей: бусы одной лошади (60 штук) сделаны из синего «финикийского» стекла с белыми глазками, бусы же другой – из кости» [1908 г., д. 13, л. 56]. Такое описание, в принципе, позволяет относить конские захоронения к IV в. до н.э., т.е. считать их синхронными основной гробнице кургана [см.: Виноградов, 2004б, с. 96-101], однако вопрос о датировке этих находок может быть решён только после специального изучения всех материалов Малой Близницы, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

¹⁰ Раскопки на Карabetовой горе были проведены в июле 1912 г. Эта изрытая таманскими кладоискателями гора оказалась природным холмом, получившим форму кургана, по заключению В.В. Шкорпила, «благодаря действию вулканических сил» [1912 г., д. 4, л. 74].

чтобы тот, в свою очередь, приказал атаманам Таманской и Вышестеблиевской станиц оказывать археологам всякое содействие. По этому поводу он, в частности, заметил [1911 г., д. 7, л. 20-21]:

«Эту свою просьбу я основываю, во-первых, на замеченном мною недоверии и сомнениях станичных атаманов относительно того, имеет ли заведующий Керченским музеем древностей право заниматься археологическими раскопками на общественных землях казачьего войска, а, во-вторых, на враждебном отношении ко мне тех жителей Тамани и Стеблиевки, которые в последнее время стали производить тайные археологические раскопки. Враждебное отношение последних я постараюсь до некоторой степени смягчить тем, что приму самых главных из них в свою рабочую артель, но для меня было бы в высшей степени важно и желательно и то, чтобы начальствующие лица в упомянутых двух станицах относились ко мне с полным доверием и оказывали мне содействие всякий раз, как это окажется для меня необходимым».

Следует сразу отметить, что нужная бумага на имя атамана Кубанского казачьего войска из Петербурга была направлена незамедлительно [1911 г., д. 7, л. 22], и он издал соответствующие приказы¹¹, а вот реализовать намеченную программу В.В. Шкорпилу не удалось. Как было сказано, основные работы 1911 г. были сосредоточены на некрополях Тузлы и у хутора Кротенко (см. главу 5. 3). На Тузле, конечно, имелись курганы [Соколов, 1919а, с. 51], но этот некрополь вряд ли следует считать исключительно курганным. Во всяком случае, исследователь ни разу не охарактеризовал какой-либо раскопанной им курганной насыпи; во всех случаях говорилось лишь о глубине погребений от современной поверхности.

Проведённые В.В. Шкорпилом в 1911 г. раскопки «Колодьковой могилы» и двух других небольших курганов, расположенных в степи к юго-востоку от Тамани, привели к открытию погребений со скорченными костяками [1911 г., д. 7, л. 273-278; см.: ОАК, 1911, с. 38; Шкорпил, 1914в, с. 71-72], как мы сейчас знаем, относящихся к бронзовому веку. В одном из них был даже обнаружен деревянный сруб, практически во всех погребениях зафиксированы следы окрашенности, куски красной краски и пр. Погребальный инвентарь был очень беден, исследователи нашли лишь пару горшков, сделанных из грубой глины, которую таманские казаки называли «ржаным хлебом», сам В.В. Шкорпил условно именовал такие сосуды «скифскими» [1911 г., д. 7, л. 273, 278].

¹¹ В циркулярном распоряжении от 20 марта 1912 г. атаман обратился к таманцам с требованием искоренить кладоискательство, обещая строго наказывать за это всех: и рядовых казаков, и местное начальство. В июле 1913 г. был отдан приказ проводить неожиданные обыски в домах подозреваемых в разрытии древних могил [Гладкий, 1916, с. 20]. Все эти приказы, однако, не привели к заметному улучшению ситуации.

В январе 1912 г. директор Керченского музея информировал Археологическую комиссию [1912 г., д. 4, л. 36-37]:

«Главное внимание я принуждён обратить на продолжение таманских раскопок, где в течение последних осени и зимы деятельность кладоискателей достигла своего апогея. Сейчас, после моего отъезда из Тамани, несмотря на циркулярное запрещение наказного атамана Кубанского войска разрывать древние гробницы, по всем окрестностям станицы Таманской начались незаконные раскопки казаков, причём расхищались не только сплошные некрополи на равных (т.е. равнинных – Ю.В.) местах, как прежде, но и курганы. Особенно находка золотого венка весом почти в два фунта ... усилила деятельность таманских грабителей. О развитии кладоискательства на Таманском полуострове даёт самое ясное понятие тот факт, что на днях приедет из Темрюка в Тамань специально вызванный судья, которому предстоит пересмотр осмидесяти протоколов, составленных в течение последних месяцев о расхищении древних гробниц. Я дважды телеграфировал по поводу хищнических раскопок в Тамани заведующему Екатеринодарским музеем г. Гладкому, по докладу которого наказной атаман два раза делал распоряжения о принятии самых энергичных мер к прекращению хищнических раскопок в Тамани и её окрестностях. В последнее время казаки перестали разрывать холмы в окрестностях станицы, но я уверен, что в конце лета и осенью по окончании полевых работ, кладоискательство возобновится с прежней силой».

В ноябре-декабре того самого 1911 г., когда директор Керченского музея исследовал малоинтересные для него курганы бронзового века, «счастливики» открыли под Таманью замечательный погребальный комплекс. Они начали разрывать насыпь Зеленского кургана и наткнулись на «жжёный точёк», а затем, вероятно, на гробницу с кремацией, в которой обнаружили очень ценные находки, в том числе часть упомянутого в письме В.В. Шкорпила золотого венка, а также золотой статор Александра Македонского. Для изъятия этих ценностей у кладоискателей были приняты необходимые меры, хотя они к тому времени уже попали в Керчь, в руки торговца древностями И.А. Терлецкого [1911 г., д. 7, л. 135-137], о деятельности которого неоднократно говорилось выше. В.В. Шкорпил вполне понимал, что к доследованию кургана нужно было приступить как можно быстрее.

Надо признать, что Зеленской курган не отличался грандиозностью размеров (диаметр насыпи составлял 53,30 м, длина окружности основания – 192,80 м, высота насыпи – всего 4,50 м). Тем не менее, Археологическая комиссия приняла решение доследовать его [ОАК, 1912, с. 48-49], и это решение было, безусловно, верным. В.В. Шкорпил приступил к раскопкам 31 мая 1912 г. (рис. 97), а 21 июня он уже послал в Петербург телеграмму следующего содержания [1912 г., д. 4, л. 65]:

«Приехал (в) Керчь (на) один день, (чтобы) отправить найденные золотые вещи. Нет физической возможности составить счёт, когда обилие обнаруженных (в) кургане гробниц требует моего присутствия. Буду продолжать раскопки (на) личные средства (в) пределах ассигнованной суммы»¹².

Первая обнаруженная В.В. Шкорпилом гробница была устроена в юго-восточной части насыпи на высоте около 0,90 м от материка. Она была сложена из плит известняка в виде ящика; три плиты перекрывали эту конструкцию (рис. 98). Костяк в этом ящике лежал на плитах пола головой на восток; на голове находился золотой венок с геракловым узлом в центре, поблизости от которой были расположены разнообразные подвески. В ногах стояла чернолаковая пелика с каннелированным туловом, украшенная на горле позолоченной гирляндой из накладной глины. Рядом с погребённым было положено копье, 5-6 дротиков и, вероятно, горит с луком и стрелами. Автор раскопок связывал с горитом находку зооморфного крючка, лежавшего около левой ноги [1912 г., д. 4, л. 211, прим.]. Около правой руки погребённого лежал железный стригиль, на груди находились янтарные и лигнитовые бусы, золотая круглая фибула, украшенная гранатом с вырезанным на нём изображением головы сатира. Вне гробницы, против её юго-западного угла, было открыто захоронение лошади, которая, судя по остаткам краски, имела розовую попону.

К востоку от гробницы воина был обнаружен каменный ящик, на одну треть вкопанный в материк. Сверху на нём лежали обломки гладкой медной пластины, которую В.В. Шкорпил предположительно определил как обивку круглого щита. В самом ящике было обнаружено 342 железных наконечника стрел, железный нож, 93 экземпляра круглых золотых бус, множество узких полосок листового золота и пр. Рядом с этим сооружением с юга и востока лежали костяки двух лошадей, при которых не было никаких вещей [1912 г., д. 4, л. 213-214].

В нескольких шагах к северо-западу от ящика находился земляной склеп с дромосом, впущенный в материк почти на 1,60 м [там же, л. 214-217]. Сверху вся конструкция была перекрыта толстыми брёвнами. Около западной стены склепа стояла чернолаковая гидрия, украшенная на горле двумя позолоченными ветками из накладной глины. Она была почти доверху наполнена золой и пережжёнными костями. Среди праха были найдены: железный перстень, обтянутый золотым листом, части золотого венка, золотые бусы, золотая фигурка сирены, золотой статер Александра Македонского и пр. Кроме погребальной урны, в склепе было найдено большое количество металлической посуды, особый интерес в её составе привлекает набор серебряных сосудов [см.: Гайдукевич, 1949, с. 132, 134-135, рис. 21-22; Максимова, 1979, с. 72-76, рис. 23А].

¹² Для исследования Зеленского кургана В.В. Шкорпилу из ИАК было немедленно переведено 2385 руб. [1912 г., д. 4, л. 68].

В северной поле кургана было обнаружено место тризны с большим количеством разбитой керамической посуды, в том числе чернолаковых тарелок, киликов и асков. Среди этих обломков находились части большой панафинейской амфоры с надписью, которую В.В. Шкорпил реконструировал как [NEA]XMO[Σ, т.е. относил архонту Неайхму – 320/19 г. до н.э. [1912 г., д. 4, л. 93, 217; Bentz 1998: 179, 226, Kat. 4, 119]. М.И. Максимова считала такую интерпретацию возможной, но допускала и иные реконструкции (Демогена, Демоклида), последние относятся соответственно к 317/16 или 316/15 гг. до н.э. [Максимова, 1961, с. 17; Уильямс, Огден, 1995, с. 178]. Здесь же, под северной полой, было открыто место, где в кучу были сброшены обломки остродонных амфор и боспорских черепиц, некоторые из которых имели клейма [1912 г., д. 4, л. 217]. По поводу этих находок В.В. Шкорпил писал В.В. Латышеву [там же, л. 93]:

«Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Решаюсь Вас беспокоить следующими проблемами. При раскопках на Зеленской горе найдено мною в этом году, между прочим, куча разбитых амфор с клеймами и надписями. Эти керамические надписи интересны тем, что их можем точно датировать на основании других находок, известных из кургана».

Материалы керамической эпиграфики, безусловно, имеют принципиальное значение для датировки кургана, не случайно автор раскопок посвятил им специальное исследование [Шкорпил, 1914а, с. 121 сл.]. И.Б. Брашинский относил амфорные клейма этого комплекса к концу IV – началу III вв. до н.э. [Брашинский, 1984, с. 140; см. также: Монахов, 1999, с. 484]. Точная датировка всех комплексов Зеленского кургана, однако, пока ещё не установлена, но ясно одно – В.В. Шкорпилу посчастливилось открыть один из важнейших археологических памятников [см.: ОАК, 1912, с. 48-49; Шкорпил, 1916, с. 22 сл.; Ростовцев, 1925, с. 290 сл.; Полин, 1992, с. 58-60; Уильямс, Огден, 1995, с. 178-179; Pfrommer, 1990, S. 286], который можно отнести к началу того периода боспорской истории, который следует за падением Великой Скифии [Виноградов, 2005, с. 291].

Результаты раскопок Зеленского кургана произвели большое впечатление не только на научный мир, но и на таманских казаков, которые в связи с этим провели сход и приняли на нём специальное решение. Казаки намеревались включиться в раскопки, так сказать, на законных основаниях. Раскопками должны были руководить лица, избранные казаками из своей среды, под наблюдением директора Керченского музея. Ослеплённые блеском недавно открытых сокровищ, станичники предлагали работать бесплатно, надеясь получить лишь 50 % от стоимости вещей, которые они обнаружат в древних гробницах. Оценку вещей должны были производить в Императорской архе-

ологической комиссии. В.В. Шкорпил от этого энтузиазма не ожидал ничего хорошего, свою позицию он разъяснил в письме в ИАК [1913 г., д. 4, л. 257-258]:

«В приговоре таманского станичного сбора я вижу простую увёртку, придуманную бывшим атаманом Самойленко или его вдохновителем приставом Толстопятом с тем, чтобы оправдать себя в глазах наказного атамана, искренно заинтересованного в прекращении таманского кладоискательства и знающего хорошо о расхищении древних гробниц по письмам, отправляемым заведующему Кубанским музеем мною и членом Кубанского музея В.В. Соколовым.

Что же касается самого предложения станичного сбора и просьбы о разрешении казакам производить раскопки под наблюдением директора Керченского музея и уполномоченных от общества, то такое ходатайство, на мой взгляд, следует решительно отклонить, потому что во всей станице не найдётся ни одного казака или “иногороднего”, который согласился бы работать на своих харчах только на основании одного обещания, что он получит часть половинной суммы, присуждённой Императорской археологической комиссией за найденные вещи. Кроме того, я считаю для себя унизительным наблюдать за такого рода раскопками в обществе и под контролем грубых и невежественных лиц, которые будут избраны станичным сбором станицы Таманской».

В 1913 г. В.В. Шкорпил очень много внимания уделил находке, сделанной таманским казаком Ф. Бурло, который летом этого года работал в его археологической артели. Речь идёт об одном из важнейших комплексов времени архаики на Таманском полуострове – погребении у Цокур-Лимана (правильное название – лиман Цокур), содержащем бронзовый топорик, бронзовые наконечники стрел, бронзовую бляху, исполненную в зверином стиле, греческую ойнохою и пр. [1913 г., д. 4, л. 47; см.: ОАК, 1913-1915, с. 145-146]. Директор Керченского музея даже просил казачьего офицера В.В. Соколова, проживавшего в Тамани, проверить правильность информации Ф. Бурло. Тот отвечал, что раскопщику «можно доверять, по крайней мере, рассказ его производит впечатление полного правдоподобия, да и парень он, насколько я знаю, правдивый» [1913 г., д. 4, л. 52]. В.В. Соколов, основываясь на информации из рассказа Ф. Бурло, даже составил схему раскопанного тем погребения с обозначением расположения костяка и сопровождающего инвентаря (рис. 99). Достоверность этого памятника ни у кого не вызывает сомнения [Прушевская, 1917, с. 31 сл.; Ростовцев, 1925, с. 345-349]; М.Ю. Вахтина датирует погребение у Цокурского лимана второй четвертью – серединой VI в. до н.э. [Вахтина, 1993, с. 56].

В 1916 г. было сделано ещё одно важное открытие, оно связано с находкой таманского мраморного саркофага. В связи с этим 2 февраля 1916 г. В.В. Шкорпил послал в Археологическую комиссию телеграмму [1916 г., д. 4, л. 32]:

«Казаками открыт (на) Лысой горе мраморный саркофаг (с) акротериями, розетками, надписью. Произвожу раскопки. Перевезу саркофаг (в) ограду Покровской церкви. (В) скором будущем пошлю описание, фотографии».

На самом деле надписей на саркофаге не было, но само по себе данное открытие от этого не стало менее интересным и важным. Лысая гора, на которой был насыпан курган, расположена приблизительно в километре от Тамани (рис. 100). Местные казаки во главе с А. Деревёнцем производили здесь грабительские раскопки и 1 февраля обнаружили большую каменную гробницу (4,22 × 2,30 м), перекрытую крупными каменными плитами, внутри которой стоял мраморный саркофаг. Этот саркофаг, украшенный акротериями, золочёными розетками и т.д., стал хрестоматийно известным памятником классической древности района Керченского пролива [см.: Гайдукевич, 1949, с. 284; Пятшышева, 1949; Соколов, 1973, с. 72-73]. Описывать его ещё раз не имеет смысла, важнее будет обратить внимание на особенности данного погребального комплекса и некоторые сделанные здесь находки. В.В. Шкорпил по этому поводу писал [1916 г., д. 4, л. 37]:

«При последнем вскрытии саркофага найдены кости двух костяков разбросанными по всему дну. Среди костей остались: костяная рукоять ножа, украшенная на лицевой стороне 18 кружочками, глиняный шарик со следами позолоты и золотая подвеска в виде кисточки, принадлежавшая, по-видимому, к золотым вещам, похищенным таманскими грабителями. На почти ровной крышке саркофага, судя по обильным следам сукровицы и по костям, найденным под длинными сторонами саркофага, лежали другие два костяка».

Из этого описания ясно, что, по мысли исследователя, в гробнице на Лысой горе были похоронены четыре человека, при этом два из них, составлявшие более раннее захоронение, находились в саркофаге, а два других были положены на его крышку позднее [см. также: ИАК, вып. 65, с. 16-171; Гладкий, 1916; Соколов, 19196; Гриневич, 1928; Пятшышева, 1949; Виноградов, 20106]. Не ясно, правда, почему В.В. Шкорпил написал, что кости последних были найдены «под длинными сторонами саркофага». Вероятно, в данном случае это выражение означает, что кости лежали около его основания, в противном случае опытный археолог, конечно, отметил бы факт перекрывания костей саркофагом и в связи с этим дал бы совсем другое заключение.

С данной гробницей связаны две пелики. Одна из них чернолаковая с каннелированным туловом и орнаментом в виде двух гирлянд на горле, сделанных из накладной глины и позолоченных (рис. 101-102); другая – акварельная с изображением двух фантастических существ около треножника [см.: Тункина, 2010, с. 72, рис. 66]. Обе были приобретены у грабителей торговцем древностями

Е. Запорожским и впоследствии выкуплены у него В.В. Шкорпилом. Нет сомнений в том, что обе пелики происходят из данного комплекса, поскольку несколько фрагментов именно этой чернолаковой пелики было найдено при расчистке гробницы археологами [1916 г., д. 4, л. 40]. В.В. Шкорпил связывал чернолаковый сосуд с более ранним погребальным комплексом гробницы, а акварельную пелику – с поздним. Основываясь на этих находках, он датировал гробницу временем Александра Македонского или началом III в. до н.э. [там же, л. 38]. Последняя датировка представляется сейчас явно более предпочтительной.

Однако кроме пелик в Археологическую комиссию В.В. Шкорпил направил ещё два предмета: звёздочку из тонкого золота, найденную в мраморном саркофаге, и бронзовую монету с изображением головы Посейдона на лицевой стороне и проры корабля на оборотной, обнаруженную в насыпи кургана недалеко от гробницы [там же, л. 55]. Выпуск таких монет в Пантикапее, по заключению Д.Б. Шелова, приходится на третью четверть III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, табл. VI. 75], В.А. Анохин относит их к ещё более позднему времени – 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 144]. Последняя хронологическая атрибуция заставляет считать, что монета, обнаруженная в насыпи кургана, попала сюда случайно. Датировка Д.Б. Шелова, напротив, вполне позволяет связывать эту находку с гробницей и предполагать, что она относится к поздним захоронениям, сделанным на крышке саркофага. Оценивая весь происходящий из кургана вещевой материал, можно даже предположить, что погребения здесь начали совершаться в первой четверти III в. до н.э., а закончили в начале третьей четверти этого столетия [Виноградов, 2010б, с. 117-118].

В заключение этого раздела следует обратить внимание, что А.А. Миллер в 1908, 1909 и 1911 гг. провёл раскопки *Елизаветовского курганного некрополя* в дельте Дона, который упоминался выше (см. главу 2.9). В первый год работ он предпринял исследования на 8 небольших курганах, обнаружив в них грунтовые ямы, погребённые в которых лежали головами на запад [ОАК, 1908, с. 131; Миллер, 1910, с. 93-98]. Исследователь датировал открытые им комплексы III–II вв. до н.э. [ОАК, 1908, с. 132]. Сейчас эта датировка признана ошибочной, и Елизаветовский могильник относят к V–IV вв. до н.э. [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 214-227]. В 1909 г. было раскопано ещё 18 курганов [ОАК, 1909-10, с. 141 сл.; Миллер, 1910, с. 98-109], в некоторых из них были обнаружены замечательные находки. В кургане № 1 был найден меч с золотой обивкой ножен [ОАК, 1909-10, с. 145; см.: Артамонов, 1966, с. 78, табл. 324], а в кургане № 6 – золотые пластины с рельефным изображением лежащего оленя [ОАК, 1909-10, с. 145]. В последний раз А.А. Миллер раскапывал Елизаветовские курганы в 1911 г. По его наблюдениям, практически все погребения, обнаруженные в 35 вскрытых им курганах, относятся к VI–I вв. до н.э. [Миллер, 1914, с. 221]. Эта датировка более отвечает действительности, чем предлагавшаяся им ранее, поскольку она хотя бы частично охватывает время существования некрополя.

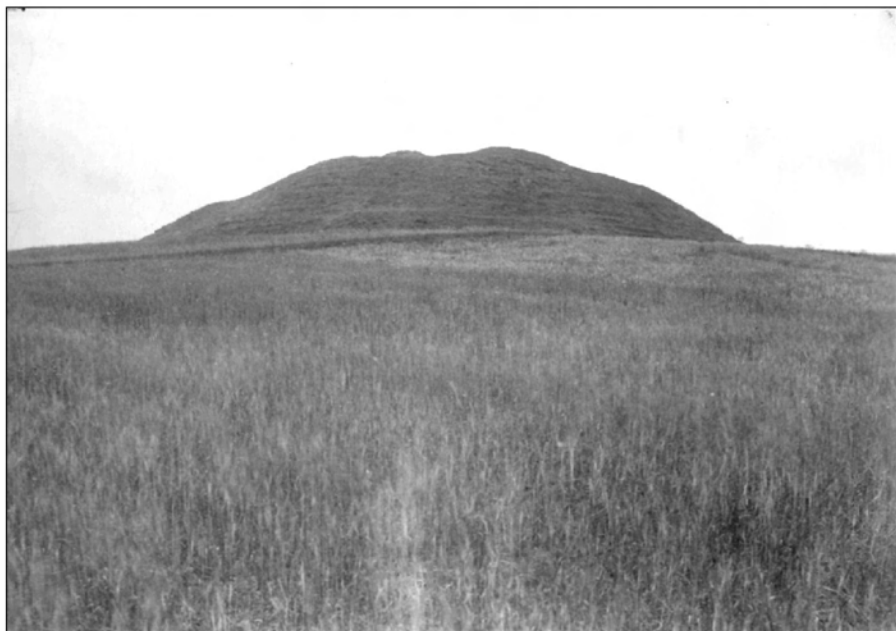

Рис. 93. Юз-Оба. Курган у Чурубашской дороги, вид с севера [1909 г., д. 106, л. 11].

Рис. 94. Юз-Оба. Раскопки кургана у Чурубашской дороги в 1909 г. [1909 г., д. 106, л. 8].

сохранилась правая половина буквы М.

8) Два горла простыя амфоры съ выгравированными вглубь надписями:

а) ΔΙΟΝΥ

ΣΙΟΚΕ

б) ΙΣΑΤ

ΟΡΟ

а) ΔΙΟΝΥ-

ΣΙΟΚΕ. κρηϊνός

б) [Σ]ΙΣΑΤ-

[Χ]ΙΟΡΟ.

9) Две оловянные ручки с надписями: X

а) ΛΕΛΓ

ΘΑΣΙ

ΚΛΕΑ

а) Λεωφορος.

Θασ(ит).

κλειφ(ит)ος?

б) ΑΡ

Соразий франки

ΙΣΤΑΓΟ

б) Αρ(ит)ιδης. ✓

[Θ]ασ(ит).

[Α]ρ(ит)ιδης. X)

10) Большой желтый гонимый звездой загнутой концы и обломки жел. монет.

11) Почти на поверхности кургана найдено горло краснолакового сосуда с одной ручкой (terra

Рис. 95. Описание клейм, найденных в кургане у Чурубашской дороги в 1909 г. [1909 г., д. 10, л. 450].

Рис. 96. Расписной склеп на Васюрийской горе, левый угол [1907 г., д. 6, л. 38].

Рис. 97. Раскопки Зеленского кургана [1912 г., л. 4, л. 657].

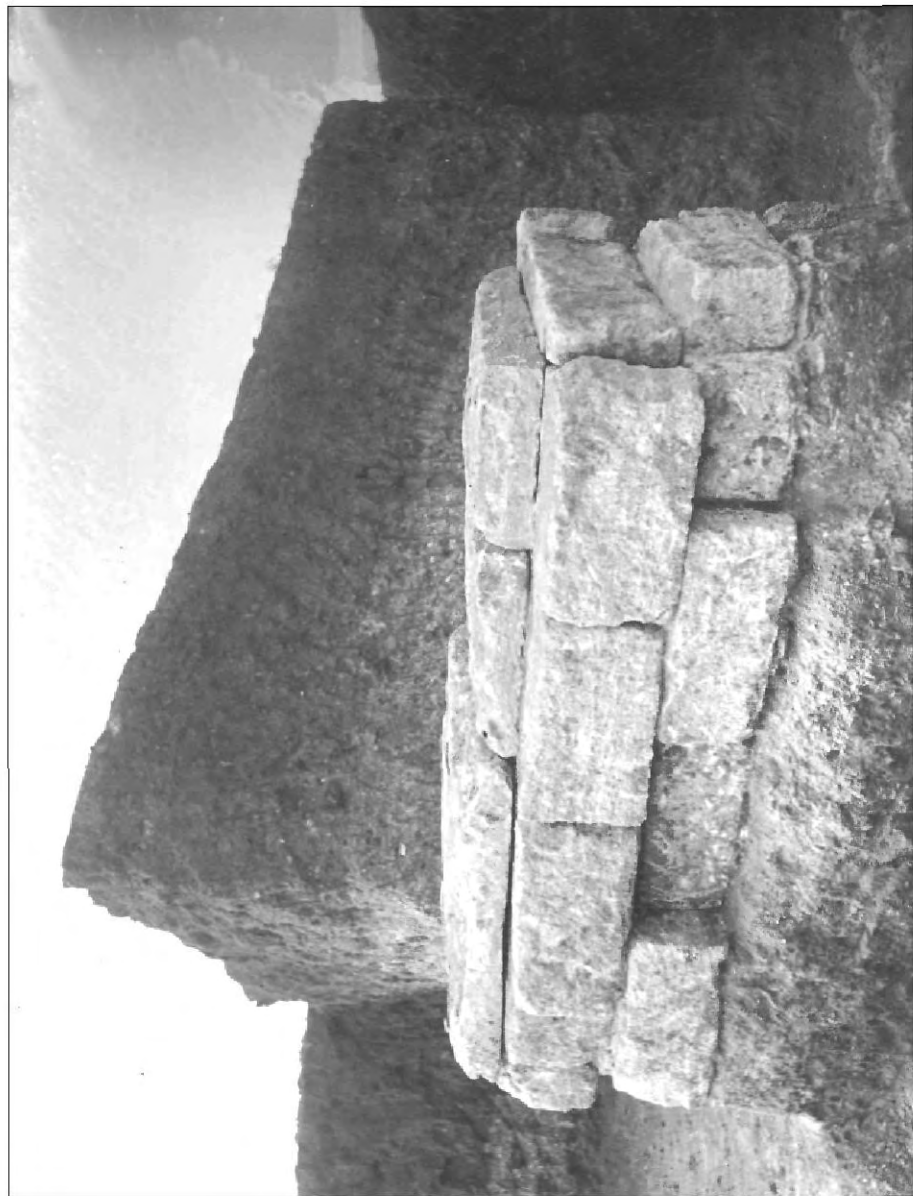

Рис. 98. Каменная гробница Зеленого кургана [1912 г., д. 4, л. 656].

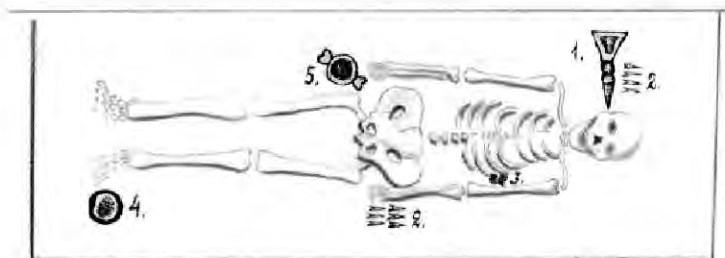
ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛОВЪ

Тавань, (Куб. обл.).

Ноября 10 Янв 1913 г.

Дорогой Владимиръ Владимировичъ!

Посылаю Вамъ, напокой, расписку Фелицы Бураго. Она, по-видимому, оказалась не готовою оуракой каминами, ду-
сманъ рѣшъ комиссисъ засидъ борю. Тѣмъ же камина кажда
въ оуной оураки, а дунаю Фелицѣ можно доураки,
по крайней мѣрѣ, разсѣль ея по-оуной оураки
пошлинъ, по-оуной оураки, да и парекъ она, каминами
его каю, по-оуной оураки. По-оуной оураки раз-
луки камина въ оураки по-оуной оураки.

Черными обозначены места и предметы окрашены:

1. Боевой топоръ.	4. Копильный сосудъ
2. Стрѣлы	5. Кинжалъ (прѣдѣлъ крѣпко по-оуной оураки.)
3. 2 мѣла	

Рис. 99. Схематический план погребения у Цукур-Лимана, составленный В.В. Соловьёвым [1913 г., д. 4, л. 52].

Рис. 100. Курган на Лысой горе под Таманью во время раскопок [1916 г., д. 4, л. 93].

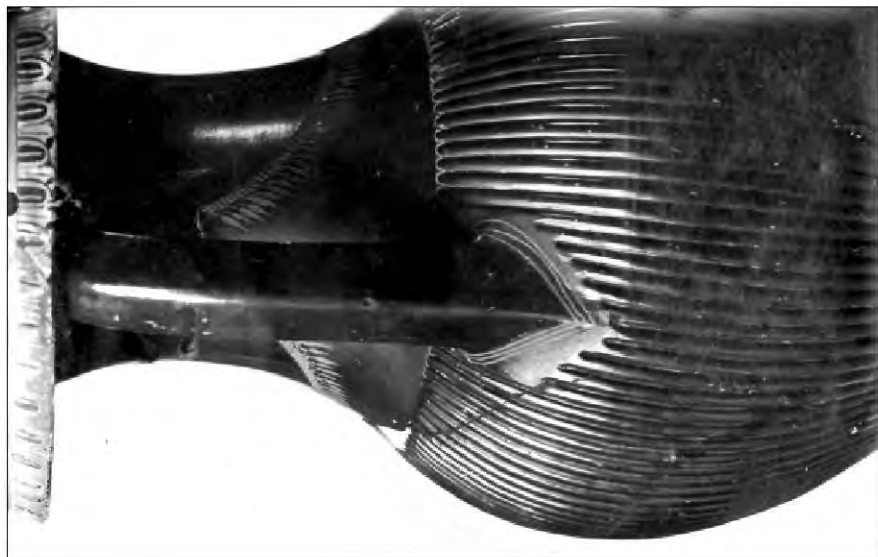

Рис. 102. Деталь чернолаковой пелики [1916 г., д. 4, л. 92].

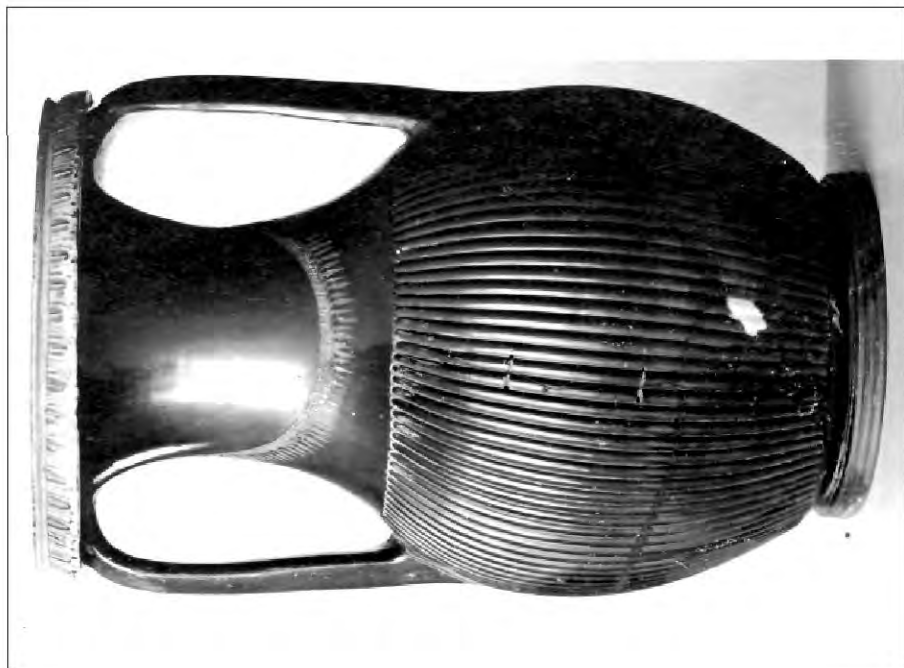

Рис. 101. Чернолаковая пелика из склепа кургана на Лысой горе [1916 г., д. 4, л. 89].

5.5. Раскопки поселений

Изучение Пантикапея

Главным объектом археологических раскопок среди всех городищ Боспора, конечно, оставался Пантикапей. После раскопок К.Е. Думберга, связанных с открытием «пантикапейских терм» или «храма Геркулеса», которые произвели большое впечатление на научную общественность, требовалось продолжение поисков в обозначенном направлении. Не удивительно, что В.В. Шкорпил предпринял исследования на «пепелище» северного склона горы Митридат. Здесь был заложен раскоп площадью более 150 кв. м, мощность культурных напластований достигала 8,5 м; от этого раскопа в северо-западном направлении было сделано несколько мин [1901 г., д. 12. 111; см.: ОАК, 1901, с. 51]. Исследователь дал весьма подробную характеристику всех находок, происходящих из слоя, подсчитав количество обнаруженных амфорных клейм¹³, монет и т.д. В отношении монет он отметил, что их найдено 455 экземпляров, но лишь 94 удалось определить, при этом в верхних слоях «пепелища» фиксировались монеты боспорских царей первых веков н.э., а на глубине двух метров и более те, которые принадлежат «первым временам Пантикапея» [1901 г., д. 12, л. 111-112]. В основании этой насыпи археолог обнаружил лишь два ряда каменных кладок, образующих подобие узкого тротуара [там же, л. 113].

В 1902 г. раскопки «пепелища» были продолжены, но задача изучения руин Пантикапея специально уже никак не была выделена. Более того, из-за несчастного случая (падение одного из посетителей городища в яму) было решено засыпать «особенно опасные места среди развалин, открытых К.Е. Думбергом» [1902 г., д. 32, л. 30-31].

Информируя ИАК о планах работ 1903 г., В.В. Шкорпил считал возможным возобновить систематические разыскания в верхней части северного склона Митридатовой горы. При этом он писал: «Я не буду делать сплошного раскопа, как в 1901 году, но буду копать в глубокой насыпи колодцы и из них проводить мины во все стороны» [1903 г., д. 19, л. 127]. Подобная методика археологических исследований, особенно на фоне масштабных, хорошо организованных и целенаправленных раскопок в Ольвии и Херсонесе, конечно, кажется каким-то жутким анахронизмом. Археологическая комиссия, однако, не указала В.В. Шкорпилу на порочность практикуемых им методов раскопки городища.

Вместе с тем, целенаправленно и систематически изучая некрополь Пантикапея, В.В. Шкорпил делал наблюдения относительно расширения границ города. Так, при раскопках могильника V-III вв. до н.э. под Вторым креслом Митридата (см. выше) он заметил, что городские постройки стали

¹³ Амфорным клеймам из раскопок этого года было посвящено специальное исследование [Шкорпил, 1902, с. 122 сл.].

распространяться сюда не ранее II в. до н.э. [1907 г., д. 6, л. 334; см.: Блаватский, 1951, с. 24]. Археолог продолжал с пристальным вниманием относиться к снятию напластований пантикапейского «пепелища», закладывая здесь огромный раскоп (69,07 × 11 м; см. рис. 103) с целью обнаружения перекрытого им некрополя. В.В. Шкорпил разделил эту насыпь на два крупных пласта, из которых верхний относился к первым векам н.э., а нижний – к более ранним временам [1908 г., д. 13, л. 303-304; см.: Шкорпил, 1911, с. 63].

Археологу не давала покоя и другая мысль, он стал специально присматриваться к склонам горы Митридат, стараясь угадать место, на котором мог находиться древний театр. Сомнений в существовании пантикапейского театра у В.В. Шкорпила не было – в том его убеждали как размеры и величие столицы Боспора, так и свидетельство Полиэна о поездке сюда полководца Мемнона и кифареда Аристоника [Polyaen. Strateg., V, 44, 1]. О своих поисках в этом направлении исследователь сообщил следующее [1909 г., д. 10, л. 28-29]:

«Самым подходящим местом (для поисков театра – Ю.В.) показалась мне впадина на юго-восточном склоне горы, отстоящая приблизительно на 200 шагов от здания бывшего музея в юго-восточном направлении. Впадина эта начинается за теперешней Александро-Невской церковью и, постепенно расширяясь, доходит почти до половины склона горы, до того места, где находится дорога, устроенная когда-то попечением градоначальника Херхеулидзе. Впадина обращена к юго-востоку, подобно театру Диониса в Афинах; отсюда открывается роскошный вид на бухту, пролив и на противоположный берег Таманского полуострова. Нижняя часть впадины застроена негодными лачужками, верхняя засыпана землёй, разбросанной при устройстве вышеупомянутой дороги, поэтому пришлось производить разведки между лачугами и дорогой. В разных пунктах этого пустопорожнего места сделано пять четырехугольных ям, чтобы расследовать насыпь и убедиться, на какой глубине находится материк и не сохранились ли на нём следы каменных скамеек, так как здесь, по моему расчёту, должны были находиться места для зрителей. К сожалению, на материке, находящемся на глубине 1,95–2,10 м, не найдено не только каменных сидений, но даже никаких вырезок или вообще следов, которые бы указывали на существование какой-нибудь постройки. Если даже допустить, что в пантикапейском театре были деревянные сидения, как то видим, напр., в Оропе, то и тогда в материке должны были сохраниться хоть какие-нибудь следы. Впрочем, такое предположение едва ли допустимо в Пантикапее, который славился и славится, с одной стороны, необычайным изобилием хорошего известняка, а, с другой, – недостатком строевого и вообще всякого леса».

Поиски пантикапейского театра, как видим, завершились полной неудачей,

и директор Керченского музея, по всей видимости, несколько охладел к изучению этого городища. По долгу службы он, естественно, осуществлял наблюдение за строительными работами в городе, во время которых порой открывались весьма любопытные объекты. Так, в 1911 г. при разборке старых домов была обнаружена огромная стела с рельефными изображениями (рис. 104).

Последний эпизод деятельности ИАК, в котором проявился научный интерес к руинам Пантикапея, связан с тем, что в 1915 г. М.И. Ростовцев обратился к В.В. Шкорпилу с поручением составить план Керчи «с нанесением на него остатков старых стен» [1915 г., д. 4, л. 21]. Эта очень нужная работа, естественно, требовала привлечения специалистов и немалых средств; в 1918 г. директор Керченского музея телеграфировал в Петроград, что для составления плана необходимо 600 руб. [1918 г., д. 1, л. 5, 13]. Вряд ли стоит много говорить о том, что в условиях разгорающейся Гражданской войны найти такие деньги и переправить их в Керчь было делом абсолютно безнадежным.

Планы раскопок Мирмекия

В 1911 г. В.В. Шкорпил обратился в ИАК с предложением провести раскопки на городище Мирмекий. На месте Керченского Нового карантин он планировал начать исследования ещё в 1910 г., но не смог этого сделать по причине обрушившейся на город эпидемии холеры; в карантине были устроены холерные бараки. Своё намерение керченский археолог мотивировал следующим образом: «В этом месте, где находился древний Мирмекий, нужно непременно произвести обширные археологические расследования, потому что в виду упразднения карантин в Керчи, Керченская городская дума намерена хлопотать перед правительством о передаче ей всего этого места для того, чтобы тут устроить дачное место и купание» [1911 г., д. 7, л. 9]. Раскопки в Мирмекии не были начаты, и, надо думать, главной причиной тому стало то, что разрешение на устройство здесь «дачного места» получено не было.

Изучение поселений азиатского Боспора

На Таманском полуострове целенаправленного изучения городищ или селищ в это время не проводилось. Тем не менее, время от времени местные жители открывали остатки древних построек, и тогда Археологическая комиссия направляла туда В.В. Шкорпила для осмотра обнаруженных объектов. В 1902 г. на северном берегу лимана Цокур было обнаружено основание какого-то здания и даже снят его план [рис. 105; 1902 г., д. 45]. Директор Керченского музея осмотрел это основание и констатировал, что план снят правильно. После этого он предпринял там небольшие раскопки, обнаружив слой сильного пожара, в котором находились «черепки простых амфор, обломки желобчатых сосудов коричневого цвета и пр.» [там же, л. 2]. На основании этой скупой информации постройку можно было бы датировать периодом эллинизма, но найденные здесь две монеты Савромата II свидетельствуют, что она принадлежит римскому времени. Относительно назначения этого сооружения археолог заключил, что оно

не могло быть ни укреплением, ни святилищем, ни зданием «монументального значения». В.В. Шкорпил полагал, что «обнаруженный фундамент представляет остатки какого-то частного здания, построенного на берегу лимана или рыбаками, которые здесь занимались рыболовством, или мореходами, которые, направляясь в бурное время из Черного моря в Корокондаму или в Фанагорию, предпочитали этот кратчайший путь продолжительному или затруднительному плаванию через пролив» [там же, л. 2-3]¹⁴.

Проводя исследования некрополя на Тузлинском мысу, В.В. Шкорпил задался вопросом, к какому древнегреческому городу его следует относить. Он отметил, что на всём протяжении побережья от Тамани до Тузлы и от Тузлы до Бугаза нет ни единого удобного места, к которому древнее поселение можно было бы отнести; на крутом берегу были расположены лишь отдельные хутора и рыбные заводи. Исследователь обратил внимание, что за 30 лет в этом месте море поглотило полосу берега в 20 сажений шириной (т.е. в 42,67 м), и, в принципе, вполне можно было допускать, что какое-то поселение попросту исчезло [1911 г., д. 7, л. 186-187]. Далее он писал:

«Кое-где, напр., возле Тузлинской грязелечебницы и возле хутора Кротенко замечаются площадки с остатками древних жилищ, но они слишком незначительны, чтобы свидетельствовать о существовании на них деревень, не говоря уже о городах, какими были Корокондама, Кепы и др. Не отрицая возможность, что частые волнения этой открытой части Керченского пролива вместе с влиянием дождей, постоянных ветров, морозов и солнца могли совершенно смыть территорию целого города, мы, однако, оставляя пока в стороне сбивчивые известия древних писателей, предпочитаем мнение, что оба некрополя 1911 г. (Тузла и у хутора Кротенко – Ю.В.) принадлежали колонии, занимавшей место теперешней Тамани. Разумеется, при наличном материале мы не в состоянии ещё решить вопроса, называлась ли эта колония Корокондамой или Кепами, или иначе. Расстояние некрополя от колонии не будет противоречить нашему предположению, если мы примем в расчёт отдалённость, напр., Золотого или Куль-Обинского курганов от Пантикапеи и проч.» [там же, л. 187-188].

Вопрос о принадлежности Тузлинского некрополя тому или иному боспорскому городу до сих пор окончательно не решён. М.И. Ростовцев был согласен с В.В. Шкорпилем и полагал, что он был связан с поселением на месте Тамани,

¹⁴ В.В. Шкорпил, по всей вероятности, знал о возможности водного пути из Чёрного моря в Азовское через протоки Таманского полуострова, минуя Керченский пролив. Современные исследователи предлагают именовать эту артерию Боспором Кубанским [Журавлёв и др., 2011].

т.е. с Гермонассой [Ростовцев, 1925, с. 351]. Н.П. Сорокина считала, что данный некрополь принадлежал Корокондаме [Сорокина, 1957, с. 50], хотя последняя, на мой взгляд, вполне могла входить в состав полиса Гермонассы.

Елизаветовское городище на Дону

Этому городищу Археологическая комиссия уделяла внимание ранее (см. главу 2.10). В 1908 г. она поручила А.А. Миллеру провести разведки на Нижнем Дону, в районе Елизаветовского городища, и в 1909 г. здесь были предприняты довольно значительные раскопки [Миллер, 1910, с. 86, 120-122]. В основном они были связаны с исследованием курганного некрополя (см. выше), но раскопки были предприняты и на площади городища [Миллер, 1910, с. 120 сл.]. На этом памятнике в 1908 г. А.А. Миллер заложил траншею площадью более 28 кв. м, обнаружив здесь фрагменты греческих амфор, сероглиняных сосудов, обломки кровельных черепиц и пр. [ОАК, 1908, с. 130]. На следующий год была заложена ещё одна траншея, исследования на которой доведены до материка; мощность культурных напластований на этом участке, как выяснилось, достигала 2,50 м [ОАК, 1909-10, с. 146; Миллер, 1910, с. 122-124]. За два года работ А.А. Миллер не выявил здесь никаких строительных остатков, но обнаруженный им вещевой материал, состоящий из импортной греческой и лепной варварской керамики, очень показателен и характерен для данного памятника. На основании этих находок исследователь сделал правильный вывод: «Обломки амфор и чернолаковой посуды позволяют связать городище с курганным могильником в одно целое по времени и культуре» [ОАК, 1909-10, с. 147]. Другой вывод А.А. Миллера не выдержал проверки временем; он отождествил Елизаветовское городище с Танаисом [Миллер, 1910, с. 124], что, как считалось ранее (см. главу 2.10) и было подтверждено позднее, не соответствует истине [Шелов, 1970, с. 9; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 18].

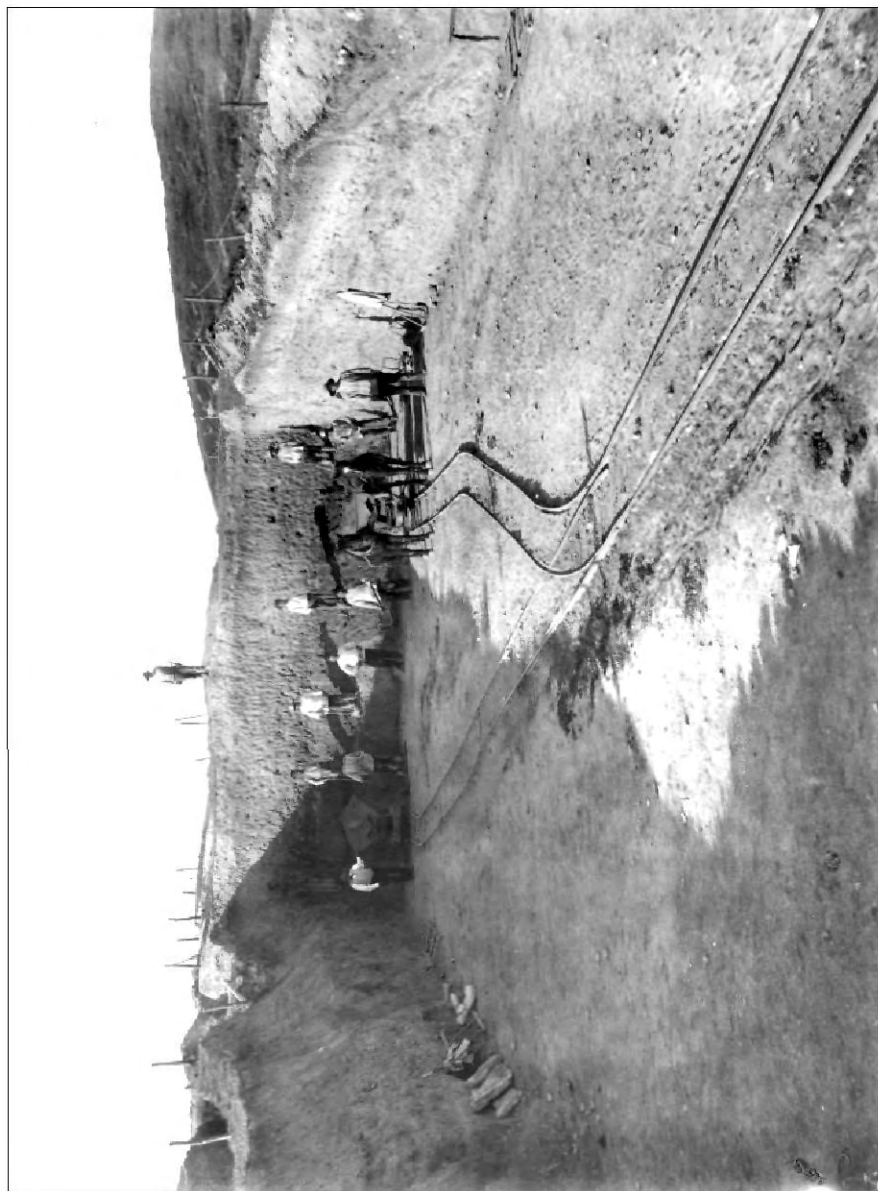

Рис. 103. Раскопки пантикапейского «петелища» в 1908 г. [1908 г., д. 13, л. 58].

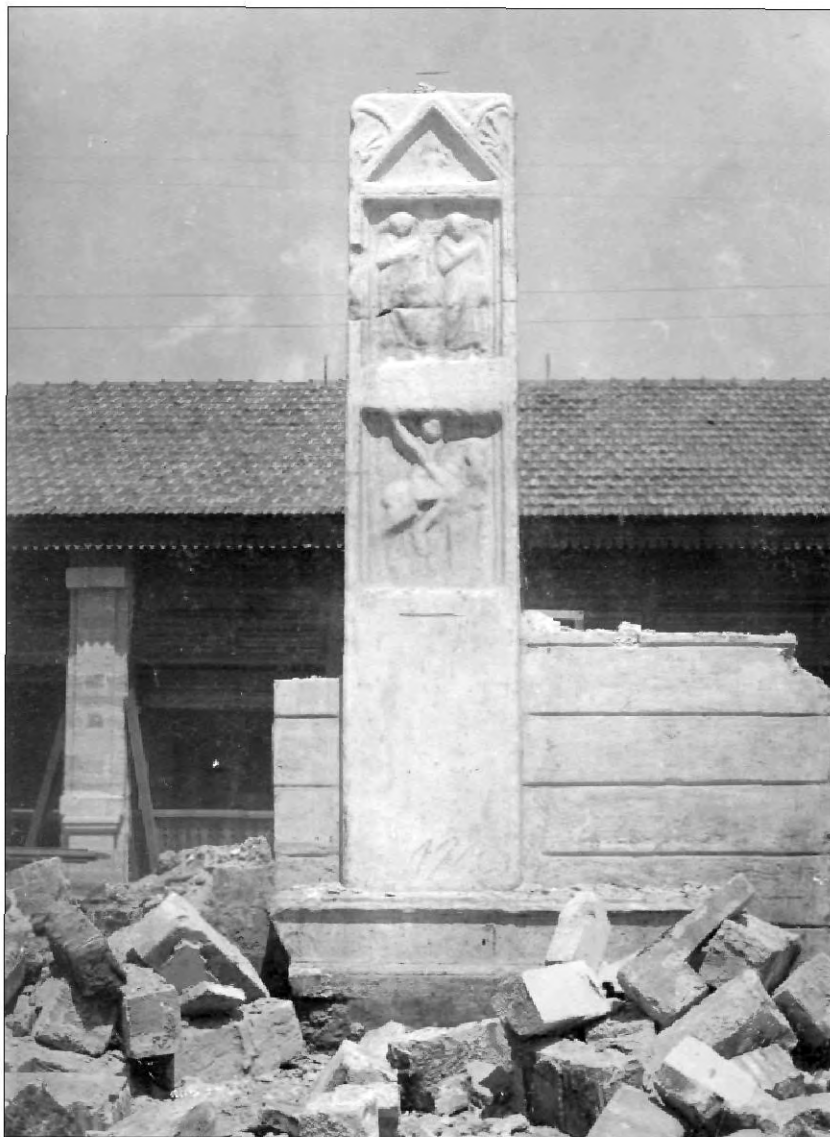

Рис. 104. Стела, обнаруженная в Керчи в 1911 г. [1911 г., д. 7, л. 235].

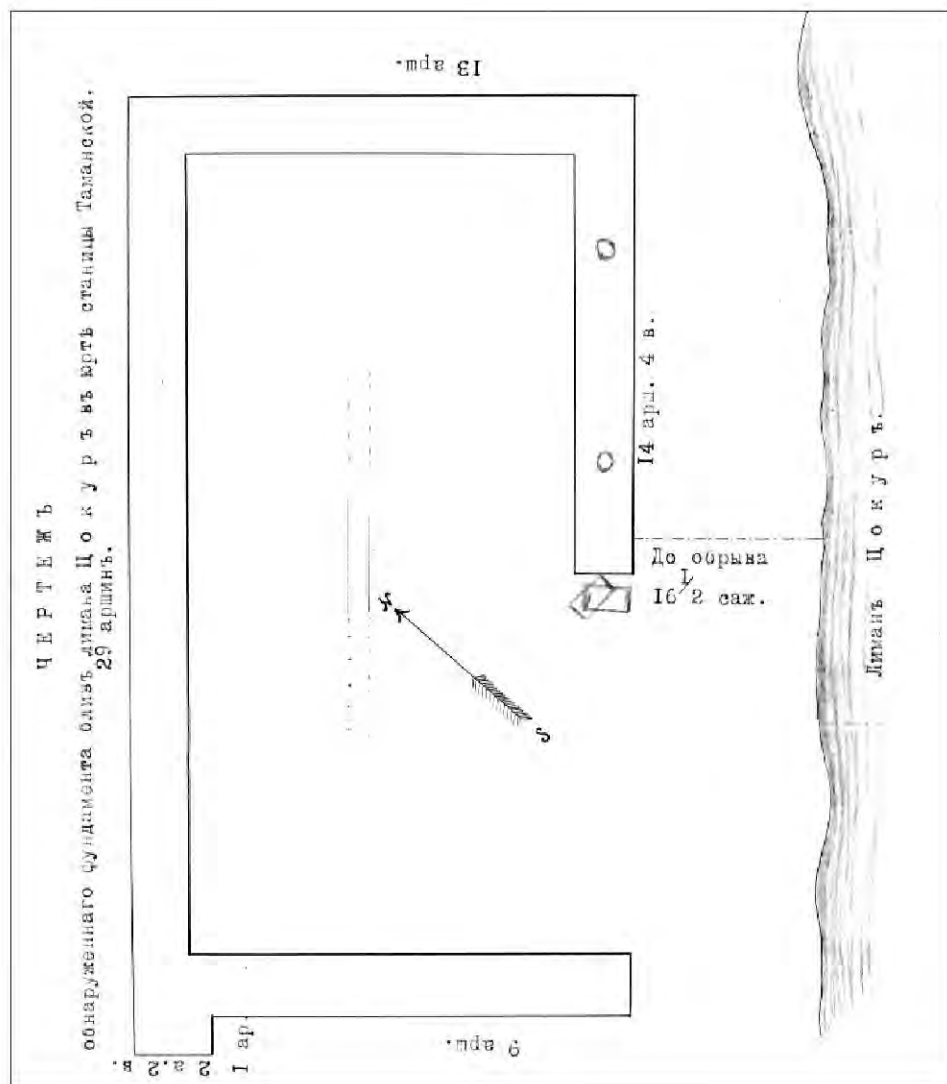

Рис. 105. План постройки, обнаруженной на берегу Цокур-Лимана [1902 г., л. 45, л. 8].

5.6. Некоторые итоги

Кратко резюмируя всё сказанное о деятельности Императорской археологической комиссии по изучению древностей Боспора Киммерийского в 1886–начале 1917 гг., когда во главе её стоял А.А. Бобринский, следует признать, что, несмотря на потрясения первой русской революции и даже начавшейся Первой мировой войны, она в целом развивалась достаточно позитивно. Успехи этого времени прежде всего следует связывать с изучением грунтовых некрополей Пантикапея, Мирмекия, на мысе Тузла и у хутора Кротенко. Очень интересные открытия были сделаны также в некоторых курганах: комплексы Зеленского кургана, склеп с мраморным саркофагом в Тамани и некоторые другие.

В изучении боспорских городищ, к сожалению, никакого прогресса за тридцать обозначенных лет не произошло. «Термы» и «храм Геркулеса», раскопанные К.Е. Думбергом в Пантикапее, свидетельствуют не о выдающихся археологических открытиях, а, скорей, о слабости методики исследований и почти детской наивности интерпретаций. Неудача поисков пантикапейского театра, предпринятых В.В. Шкорпиллом, в этом отношении тоже достаточно показательна. К концу деятельности Императорской комиссии городище Пантикапей всё ещё оставалось мало изученным [Блаватский, 1964, с. 8]. Явный застой в этой области весьма рельефно выступает на фоне масштабных раскопок, предпринятых Археологической комиссией в Херсонесе Таврическом (с 1888 г.) и в Ольвии (с 1901 г.) [см.: Стоянов, 2009; Виноградов, Мусин, 2009].

К концу XIX в. заметный прогресс стал ощущаться в сфере публикации памятников античной культуры, обнаруженных в Северном Причерноморье. Важным проявлением новых тенденций стало начало издания серии «Русские древности в памятниках искусства», осуществляемое И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым. Два первых выпуска этой серии, посвящённые, соответственно, классическим древностям юга России и древностям скифо-сарматским, появились в 1889 г. (Толстой, Кондаков, 1889а; 1889б). Эти выпуски, безусловно, способствовали расширению интереса к изучению открытых к тому времени памятников классической культуры, а также в популяризации археологических знаний среди образованной публики России.

Позитивный сдвиг произошёл и в сфере публикации отчётов о раскопках, которые стали осуществляться с 1901 г. в рамках «Известий Императорской археологической комиссии» [Ростовцев, 1925, с. 178]. Первыми в этом издании были опубликованы краткие заметки К.Е. Думберга [Думберг, 1901; 1902], а затем более обстоятельные отчёты В.В. Шкорпила. Материалы некрополей стали даваться последовательно, с описания всех открытых погребений, что делает их вполне пригодными для современных исследователей [Шкорпил, 1903; 1904; 1905; 1907; 1909а; 1909б; 1910; 1911; 1914в]. Явный прогресс заметен также в сфере изучения боспорских древностей. В изданиях ИАК и некоторых других

стали появляться отдельные исследовательские статьи [Шкорпил, 1902; 1914а; 1914б; Беньковский, 1904; Ростовцев, 1904; 1912; 1914б; 1916; Фармаковский, 1904; Спицын, 1909; Радлов, 1912; Руднева, 1912; Энман, 1912; Алексеевская, 1915; Прушевская, 1917]. В серии «Материалов по археологии России» начали публиковаться работы более крупного формата. Среди них – исследование Ю.А. Кулаковского о боспорских расписных катакомбах [Кулаковский, 1891; 1896], исследование С.А. Жебелёва, посвящённое одной категории фигурных украшений боспорских деревянных саркофагов [Жебелёв, 1901], работа С.С. Лукьянова и Ю.П. Гриневича, посвящённая поздним краснофигурным вазам [Лукьянов, Гриневич, 1915]. Э.Р. фон Штерн исследовал керамические находки, происходящие из Феодосии [Штерн, 1906]. Огромное значение имел выход в свет крупной монографии М.И. Ростовцева о боспорских расписных склепах [Ростовцев, 1914а], которая и в наши дни остаётся в своём роде непревзойдённым, эталонным исследованием. Следует отметить также, что Императорская археологическая комиссия оказала полное содействие Г. Кизерицкому и К. Ватцингеру в подготовке издания «Надгробия Южной России», значительная часть которого посвящена боспорским материалам [Kieseritzky, Watzinger, 1909]. Это издание до сих пор не потеряло своего научного значения [см.: Боспорские надгробные рельефы, 1990, с. 4; Матковская и др., 2009].

Для изучения классической истории Северного Причерноморья понастоящему эпохальным событием стала публикация эпиграфических памятников, происходящих из этого региона. Знаменитые «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*» (IOSPE), три тома которых были подготовлены В.В. Латышевым (т. I – 1885 (I² – 1916); т. II – 1890; т. IV – 1901)¹⁵, вошли в золотой фонд отечественной науки [Ростовцев, 1925, с. 153-154; Жебелёв, 1955, с. 11]. Столь же эпохальное значение имело издание текстов античных авторов, писавших об этом регионе. Публикация древних текстов, знаменитая «*Scythica et Caucasica*», осуществлённая параллельно на древнегреческом (латинском) и русском языках, была подготовлена тем же В.В. Латышевым: том I (1890–1900) посвящён греческим авторам, том II (1904–1906) – латинским. Очень значимо также издание сборника научных трудов этого исследователя [Латышев, 1909], которым, как сразу же было признано, Императорская археологическая комиссия «оказала большую услугу всем, кому дорого и интересно историческое прошлое нашей обширной территории» [Новосадский, 1910, с. 298]. Необходимо подчеркнуть, что важность этой услуги ничуть не теряется с годами, даже через 100 с лишним лет после того, как она была оказана.

Российские археологи стали всё более активно включаться в мировой на-

¹⁵ Боспорские материалы опубликованы в томах II и IV. Том III был посвящён клеймам (амфорным и черепичным), а также граффити; он был подготовлен Е.М. Придиком, но так и не опубликован [Ростовцев, 1925, с. 154].

учно-исследовательский процесс, о чём отчасти говорилось выше. В начале XX в. стали собираться международные конгрессы историков [Лебедев, 1992, с. 259], первый из них прошёл в Афинах в 1905 г. (рис. 106), второй – в Каире (1909 г.) и третий – в Лондоне (1913 г.). Доклады российской делегации на последнем из них были изданы в 34 томе «Материалов по археологии России», три из них имеют немалое значение для изучения античных древностей Северного Причерноморья [Ростовцев, 1914в; Придик, 1914; Фармаковский, 1914]. И.А. Бороздин, как бы подводя итог деятельности ИАК на этом этапе, писал, что работы российских антиковедов стали входить «в общую историю античной культуры, которую уже нельзя теперь строить без русского археологического материала, представляющего весьма часто всемирно-историческое значение» [Бороздин, 1915, с. 2].

Рис. 106. С.А. Жебелёв в театре Диониса в Афинах [ФА, I 65490].

Глава VI.

ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ К АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

6.1. После февраля 1917 г.

События февраля привели к изменению политической ситуации в России, крушению российской монархии. На деятельность Археологической комиссии они поначалу не оказали особого влияния [Пескарёва, Рябинин, 1984, с. 306], но, разумеется, теперь она уже не могла гордо именоваться Императорской. Вскоре учреждение получило название Российской государственная археологическая комиссия (РГАК), но во главе её по-прежнему стоял граф А.А. Бобринский, без изменений остался и весь штат сотрудников. В «Положении о Российской археологической комиссии», принятом на пленарном собрании 18 и 23 мая 1917 г., содержится совсем немного отличий от «Положения об Императорской археологической комиссии» 1859 г. [1917 г., д. 71; см.: Платонова, Мусин, 2009, с. 1067 сл.]. В § 3 этого документа, правда, подчёркивается, что в её управление входит не только Керченский музей древностей, но и Херсонесский, и «другие Музеи и склады древностей».

Ситуация военного времени, приближение немецкой армии к Петрограду требовали принятия необходимых мер, в частности связанных с возможной эвакуацией Археологической комиссии. В начале сентября 1917 г. к эвакуации в Москву были подготовлены два ящика с ценными золотыми и серебряными вещами, общий вес которых составлял 2 пуда и 20 фунтов [1917 г., д. 60, л. 4]. Сюда, естественно, входили находки из Керчи и Тамани. Впоследствии в список имущества комиссии, подлежащего вывозу, были включены архивные материалы и книги [там же, л. 23, 82]

Если февраль 1917 г. практически не затронул находящуюся в Петрограде Археологическую комиссию, то «на местах» ситуация для археологов была значительно сложнее. Смута в стране нарастала, что самым непосредственным образом стало сказываться на состоянии охраны памятников, борьбе с их разграблением и т.д. В конце апреля 1917 г. В.В. Шкорпил писал в Археологическую комиссию, «что на Таманском полуострове *под влиянием последних событий* (выделено мною – Ю.В.) началось повсеместное раскапывание древних гробниц, с которым я, лишившись поддержки со стороны станичного атамана, не имею возможности бороться. Теперь я принуждён ограничиваться лишь зорким наблюдением за доставкой древних вещей из Тамани в Керчь и покупкою более

ценных предметов, которые бы иначе попали в заграничные музеи» [1917 г., д. 4, л. 4-5].

Недостаток средств приводил не только к ограничению масштабов археологических раскопок в Керчи и на Тамани, но и к проблемам со штатом сотрудников Керченского музея древностей. В связи с этим В.В. Шкорпил писал в Петроград в начале апреля 1917 г. [1917 г., д. 4, л. 22]:

«Сообщаю пока для сведения, что мне удалось уговорить сторожа Ивана Сикоева остаться на месте до выяснения вопроса об увеличении жалованья, и что я временно, до разыскания мужчины, назначил сторожем Музея Керченского мещанку Елизавету Литвинову. Афанасий Миколаевский оставил своё место и поступил в городскую милицию, где он будет получать 75 рублей в месяц. Когда найду подходящее лицо для замещения должности сторожа Музея, отправлю рапорт об этом на имя председателя Комиссии».

Несмотря на непростую и продолжающую усложняться ситуацию, В.В.Шкорпил не падал духом и даже старался проводить раскопки на некоторых памятниках. В частности, весной 1917 г. в степи под Керчью, между Вокзальным шоссе и садом Езерского, был случайно открыт древний некрополь. По этому поводу директор музея информировал Археологическую комиссию [1917 г., д. 4, л. 11-12]:

«Опасаясь, что оставшиеся в Керчи “счастливицы”, *при теперешнем бездействии властей* (выделено мною – Ю.В.), начнут расхищать это древнее кладбище римского времени, имею честь просить Археологическую Комиссию отпустить мне тысячу рублей на исследование упомянутого некрополя и на разведки, которые я намерен произвести летом этого года в некоторых местах на южном склоне Митридатовой горы».

Деньги на раскопки и разведки в количестве 1 200 руб. археологу были выделены [там же, л. 13].

Для понимания ситуации, в которой оказалась боспорская археология, весьма показательны события, разыгравшиеся тогда в Тамани вокруг знаменитого мраморного саркофага. В марте 1917 г. казаки Таманской станицы, участвовавшие в грабительских раскопках на Лысой горе (о них см. главу 5.4), написали письмо самому председателю Государственной Думы М.В. Родзянко [1916 г., д. 4, л. 81]. В нём они объясняли «гражданину председателю», что добытые в кургане камень и гробницу с мраморным саркофагом обнаружили случайно. Никаких драгоценностей при этом не было найдено, но тем не менее губернатор Кубанской области Бабич привлёк их к ответственности

и наложил наказание¹. Казаки просили затребовать саркофаг, представляющий большую редкость, в Археологическую комиссию и выдать им вознаграждение по цене, которая будет ею установлена. В заключение казаки просили, чтобы им были разрешены раскопки вблизи места, где был обнаружен саркофаг, поскольку там должен находиться ящик с драгоценностями, относящимися к погребению.

Это обращение было переправлено в Археологическую комиссию, из неё, в свою очередь, в Керчь В.В. Шкорпилу. К нему была сделана важная приписка, имеющая уникальный для археологической документации гриф «секретно». Приведу эту приписку полностью [1916 г., д. 4, л. 83]:

«Такое обращение вышеперечисленных лиц встревожило Императорскую Археологическую Комиссию, которая стала опасаться и за возможность благополучного вывоза его (саркофага – Ю.В.) из Таманской станицы. Поэтому Комиссия просит Вас сообщить, нельзя ли теперь же вывезти саркофаг в Керчь, чтобы обезопасить его от всяких насильственных случайностей и, если перевозка возможна, то куда именно вывозить саркофаг: прямо ли в Керчь (в Музей) или, быть может, удобнее в Керченской крепости?

Археологическая Комиссия будет Вам весьма признательна за возможно скорое сообщение ей Ваших соображений по настоящему делу».

В.В. Шкорпил с ответом не затянул, и в начале мая 1917 г. писал в Петроград [1916 г., д. 4, л. 85-86]:

«В ответ на запрос Археологической Комиссии от 27 апреля 1917 г. № 366 имею честь сообщить, что, по крайней мере, в настоящее время нет оснований тревожиться за целостность саркофага. Прежнее волнение возникло среди казаков, на мой взгляд, потому, что заведующий Кубанским музеем (И. Гладкий – Ю.В.) сообщил в частном письме своему агенту В. Соколову, будто Археологическая Комиссия разрешила увезти саркофаг в Екатеринодар, и просил высказать свои соображения относительно способа и мер, какими было бы удобнее доставить мраморный памятник в Кубанский музей. Этого и не хотят допустить находчики саркофага, не забывая наказания, наложенного на них по распоряжению Бабича, и зная, что в случае отправки саркофага в Екатеринодар, не получат никакого вознаграждения.

¹ Наказание на таманских казаков действительно было наложено весьма серьёзное. Станичный атаман Сурма получил строгое дисциплинарное взыскание. Казаки были лишены званий, которые некоторые из них имели (урядник, приказной), и привлечены к уголовной ответственности [Гладкий, 1916, с. 20-22].

Приблизительно через месяц после отправки прошения на имя Председателя Государственной Думы, произошёл в Тамани случай, сильно встревоживший меня и заставивший выехать в Тамань. 18-го апреля я получил от В. Соколова письмо, в котором он просит у меня разрешения открыть саркофаг для обозрения публики, так как опасность от морозов миновала, и ходят слухи, что его думают открыть другие. Когда я на другой день по получении этого письма прибыл в Тамань, я застал уже две стенки ящика-навеса снятыми, но саркофаг я нашёл невредимым, в том виде, в каком он был поставлен на теперешнем его месте, и крышку, остальные две стороны навеса и проволочную ограду нетронутыми. Сторож Вознесенской церкви, на которого возложена также охрана саркофага, стоящего перед окном сторожки, заявил, что в ограду церкви явилась толпа, которая при содействии милиции отвинтила доски, составляющие две стенки ящика для того, чтобы публика имела возможность осматривать саркофаг. Вскрывши ящик и передавши все доски сторожу, толпа мирно разошлась.

Для того, чтобы предупредить на будущее время порчу саркофага, необходимо, на мой взгляд, обещать гражданам станицы Таманской, подавшим прошение Председателю Государственной Думы, выдать вознаграждение за находку саркофага по доставлении его в Петроград, как предполагают сами просители, но при непременном условии, чтобы они взяли на себя полную ответственность за целость саркофага, пока он будет находиться в Тамани, и чтобы они участвовали, конечно, за особую плату, в доставке саркофага в Керчь. (Упаковка и отправка саркофага будет происходить под моим личным наблюдением и при содействии техника, который будет руководить поднятием и установкой тяжёлых ящиков, в которых будут упакованы отдельно нижняя часть саркофага и крышка его). Я уверен, что такое обещание Комиссии и надежда казаков на получение вознаграждения вполне обеспечат целость саркофага до тех пор, когда окончательно выяснится вопрос о будущем месте саркофага в Эрмитаже, когда прекратится неурядица на железных дорогах и явится первая возможность предоставить в моё распоряжение особый вагон для отправки столь изящного и ценного памятника в Петроград.

В заключение имею честь просить Археологическую Комиссию не разрешать таманским казакам производства раскопок на Лысой горе возле Тамани без надзора с моей стороны, а также вести всю переписку и переговоры с находчиками саркофага через меня, в виду недоверия и даже враждебного отношения, с каким казаки относятся к наказному атаману».

Дело, связанное с таманским саркофагом, на этом не завершилось, и 14 июня В.В. Шкорпил вынужден был вновь обратиться по этому вопросу в Археологическую комиссию [1916 г., д. 4, л. 88]:

«Имею честь уведомить Археологическую Комиссию, что 9-го сего июня ко мне явились, по моей просьбе, три депутата от имени 13 граждан станицы Таманской, подавших прошение Председателю Государственной Думы относительно вознаграждения за находку каменной гробницы в Лысой горе, и заявили, что они согласны заботиться о сохранности мраморного саркофага, пока он будет находиться в Тамани и принять участие в перевозке его в Керчь, когда это окажется возможным. Представители находчиков Андрей Деревенец, Михаил Корецкий и Андрей Моцира сообщили мне, что они и раньше наблюдали за целостью саркофага и что они позволили себе раскрыть ящик над ним лишь потому, что желали показать свою находку товарищам, приезжавшим с фронта, но что они просят снова закрыть ящик на зиму, чтобы саркофаг не пострадал от морозов. В заключении депутация заявила, что лица, подавшие прошение, не думают теперь производить раскопки на Лысой горе, потому что им почти всем, по-видимому, придётся в скором времени уехать в армию, и что они по окончании войны беспрекословно подчинятся распоряжению Археологической Комиссии и будут копать на Лысой горе под моим надзором и руководством».

Революционная ситуация в стране, однако, развивалась столь быстро и трагично, что ни о каких раскопках на Лысой горе не могло быть и речи, В.В. Шкорпил был убит «счастливчиками», а мраморный саркофаг на долгие годы остался в Тамани, откуда был перевезён в Керчь только немецко-фашистскими оккупантами в июле 1943 г. [Пятышева, 1949, с. 6-7].

6.2. После октября 1917 г.

Несмотря на серьёзность происшедших в стране политических перемен, работа Российской государственной археологической комиссии продолжалась в обычном режиме, прежде всего в области изучения классических древностей Северного Причерноморья. Она была подчинена Археологическому отделу Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Совете народных комиссаров, во главе которой стояла Н. Троицкая.

На одном из заседаний Археологической комиссии весной 1918 г. М.И. Ростовцев заявил, что она «в настоящее время является едва ли не единственным археологическим учреждением, продолжающим работу издания археологических трудов, и нуждается в усилении средств на это дело, в виду чрезвычайного повышения типографских расценок. Между прочим, было бы желательно организовать при Комиссии постоянный технический персонал служащих, в виде рисовальщиков и чертёжников» [1918 г., д. 1, л. 1]. Публиковать археологическую литературу, однако, становилось всё более и более трудно; последний том

«Отчётов Археологической комиссии» с информацией о раскопках 1913-1915 гг. вышел в 1918 г. В том же году увидел свет и последний, 66 выпуск «Известий Археологической комиссии».

Последний документ, затерявшийся в личном деле А.А. Бобринского, датирован 20 июля 1918 г. [1886 г., д. 8, л. 65]. Он гласит:

«В Административный Отдел Народного Комиссариата
Имуществ России

Отъезжая сего числа по предложению Археологической комиссии в г. Керчь для ознакомления с настоящим положением подведомственного Комиссии Керченского музея древностей и в Киев, Севастополь, и село Парутино (Ольвия) Херсонской губернии для осмотра древних городищ, на которых Комиссия производит раскопки, я на время отсутствия своего из Петербурга передал заведование делами Комиссии старшему члену Комиссии А.А. Спицыну, о чём имею честь уведомить Административный Отдел Комиссии. Бобринский».

В Петроград из этой поездки А.А. Бобринский уже не вернулся. Ещё ранее, в июне 1918 г. советскую Россию навсегда покинул М.И. Ростовцев [см.: Зуев, 1997, с. 75; Тункина, 1997, с. 93; Бонгард-Левин, 1997, с. 124]. На руководящее положение в Археологической комиссии выдвинулся Н.Я. Марр, сыгравший очень крупную роль в развитии советской археологической науки [о нём см.: Миханкова, 1935; Платонова, 1998; Голубева, 2002; Алпатов, 2004; Медведева и др., 2009], но товарищем председателя оставался В.В. Латышев, а учёным-секретарём комиссии стал Б.В. Фармаковский [Ф. 2, 1919 г., д. 105, л. 2]. В отношении понимания перспектив развития Археологической комиссии в новых условиях чрезвычайно показательным высказывание Н.Я. Марра, которое он сделал на заседании Совета РГАК 27 мая 1919 г. Он считал, что «научная жизнь не стоит в связи с политическим устройством государства» [1919 г., д. 3, л. 18-19]. Время со всей очевидностью показало, что в этом вопросе учёный очень сильно заблуждался.

24 сентября 1918 г., уже в условиях начавшейся Гражданской войны, состоялись выборы Совета Археологической комиссии, в которую единогласно (11 голосов «за») был избран М.И. Ростовцев; А.А. Бертъе-Делагард, С.А. Жебелёв, М.В. Фармаковский получили по одному голосу против, Э.Р. фон Штерн – два голоса против. Тогда же было высказано предложение о желательности избрания в члены Комиссии В.В. Бартольда, А.А. Миллера, Б.А. Тураева и др. [1918 г., д. 1, л. 13].

К тому времени в составе Комиссии уже был создан Отдел древностей античных и древнехристианских, который состоял из секции искусства в древнегреческих городах, секции древностей Скифии, секции эпиграфики и секции

древностей эпохи переселения народов и Византии. Б.В. Фармаковский предлагал включить в Отдел в качестве члена комиссии А.А. Васильева (по секции древностей эпохи переселения и Византии), а в качестве ассистентов – Н.А. Энман (по секции искусства в древнегреческих городах) и С.Д. Рудневу (по секции древностей эпохи переселения и Византии). На должности регистраторов он предлагал К.В. Тревер и Е.О. Прушевскую [1918 г., д. 1, л. 14]. В декабре 1918 г. Б.В. Фармаковский был избран на должность заведующего Отделом древностей античных и древнехристианских, тогда же ассистентом Отдела по секции древностей Скифии стал С.С. Лукьянов [1918 г., д. 20, л. 113-114].

На первом официальном собрании Отдела, состоявшемся 20 ноября 1918 г., Б.В. Фармаковский поблагодарил сотрудников за самоотверженный труд, поскольку те часто даже не получали жалованья и работали «единственно из любви к делу и сознания его важности». Он также выразил надежду, что все сотрудники продолжат свою энергичную работу по выполнению программы, выработанной в связи с проектом сметы [1918 г., д. 36, л. 1]. Об этой программе см. ниже.

В дальнейшем перед Отделом была поставлена задача подготовки и издания краткого исторического очерка деятельности Археологической комиссии с 1859 по 1915 г. [1918 г., д. 36, л. 3]. Большое внимание было уделено также чтению популярных лекций, для чего предполагалось выделить один из залов Дворца Искусств (так тогда назывался Эрмитаж). Лекции, как считалось, следовало начать с января 1919 г. Б.В. Фармаковский должен был рассказать об Ольвии, Н.А. Энман – о Березани. Темы двух лекций С.А. Жебелёва были определены следующим образом – «Археология и её задачи» и «Археологические учреждения». В последнем случае предполагалось ознакомить слушателей «с постановкой дела археологии в зарубежных образцовых учреждениях» [1918 г., д. 36, л. 5]. Кроме популярных лекций, предполагалось также устройство выставок научных материалов.

На заседании 18 декабря 1918 г. был поставлен вопрос о замещении должности члена Комиссии по секции древностей Скифии. На эту должность намечался М.И. Ростовцев, но он «по обстоятельствам времени» не мог «вернуться в Петроград скоро». Ситуация была опасной по той причине, что в руководящих сферах могло сложиться впечатление, что эта должность создана для конкретного человека, что она не является необходимой, а значит, может быть сокращена. С.А. Жебелёв предложил вынести этот вопрос на обсуждение Совета Комиссии [1918 г., д. 36, л. 5-6]².

Ещё раз имя М.И. Ростовцева всплыло на заседании Отдела 19 февраля 1919 г. На этом заседании А.К. Марков сделал доклад о состоянии работы по подготовке первого тома «Сборника античных монет Южной России», над которым он трудился совместно с М.И. Ростовцевым. По предложению послед-

² 27 февраля 1919 г. на должность члена Комиссии по секции древностей Скифии был избран С.С. Лукьянов [1919 г., д. 3, л. 6].

него в первую очередь был подготовлен к печати раздел о монетах Боспора Киммерийского, для которого уже были изготовлены 42 фотографические таблицы. Дело издания, однако, остановилось в связи с национализацией типографии. А.К. Марков признал дальнейшую работу над «Сборником» в отсутствие М.И. Ростовцева невозможной. Античный отдел выразил докладчику благодарность за проделанную работу, а также постановил приостановить печатание данной книги до возвращения соавтора [1919 г., д. 96, л. 5]. М.И. Ростовцев, как известно, в Советскую Россию не вернулся, и, соответственно, очень ценное нумизматическое исследование так и не было опубликовано.

Для издания третьего тома надписей Понта Евксинского предлагалось избрать ассистентом Е.М. Придика [1918 г., д. 36, л. 6]. Обсуждая список книг, которые необходимо было издать в недалёкой перспективе, С.А. Жебелёв указал, что «желательно, прежде всего, издание самостоятельных трудов русских учёных, во избежание наводнения книжного рынка переводной литературой». В.В. Латышев обратил внимание на необходимость создания общего руководства по археологии и истории искусств [там же, л. 6]. Оценивая все приведённые факты, можно признать, что по условиям военного времени деятельность Отдела древностей античных осуществлялась тогда вполне удовлетворительно.

А вот ситуация в Керчи к тому времени стала чрезвычайно сложной. Выше кратко уже говорилось (см. главу 5.3), что в марте 1918 г. В.В. Шкорпилу со стороны Керченского революционного трибунала был предъявлен иск, который мотивировался некими финансовыми нарушениями во время открытия склепов на Госпитальной улице в 1904 г., когда торговцу древностями И.А. Терлецкому была выплачена немалая сумма денег [1904 г., д. 6, л. 133]. Странно, но трибунал интересовало, сколько именно денег получил И.А. Терлецкий. Иск, конечно, был подан «счастливыми», не забывшими «обид», нанесённых им В.В. Шкорпилом во время открытия склепов на Госпитальной улице, а также и в других подобных ситуациях [Боровкова, 1999, с. 143]. Документы, направленные в Керчь из Археологической комиссии, надо думать, рассеяли все подозрения, и В.В. Шкорпил сумел защитить своё честное имя от необоснованных обвинений.

Осенью 1918 г. ситуация стала просто критической. В октябре В.В. Латышев докладывал Совету Комиссии о тяжелейшем положении, в котором оказался В.В. Шкорпил. Керченский археолог получал тогда всего 259 руб. 20 коп. в месяц, а выдача суточных прекратилась с 1 августа. В протоколе заседания Совета имеются некоторые цитаты из письма В.В. Шкорпила. Приведу их полностью [1918 г., д. 1, л. 15]:

«Я лично не имею права передать Музей Крымскому Краевому правительству и хлопотать перед ним об улучшении моей судьбы и моего положения. Поэтому прошу уладить этот вопрос, если это возможно».

«Боюсь, что Крымское правительство прекратит выдачу жалования, по крайней мере, мои бумаги, отправленные по этому поводу в Симферополь, не удостоились до сих пор ответа».

«Музей цел и невредим: и советская власть, и немцы относились до сих пор благосклонно к коллекциям Музея и к памятникам старины, находящимся в ведении Музея».

Директор Керченского музея В.В. Шкорпил погиб от рук грабителя 14/27 декабря 1918 г. [Марти, 1919, с. 144; 1926, с. 43]. Он стоял во главе этого учреждения 17 лет, и сделал для боспорской археологии очень и очень многое. Гибель этого замечательного археолога связана с мезгие «счастливииков», с которыми он вёл непримиримую борьбу [Боровкова, 1999, с. 143; Лазенкова, 2002, с. 150; 2003, с. 52-53]³. Следует признать и то, что потеря столь опытного и преданного делу специалиста ещё более усугубила и без того тяжелейшую ситуацию, сложившуюся к концу 1918 г. в керченской археологии.

6.3. Записка Б.В. Фармаковского о деятельности Отдела древностей античных РГАК

На период с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. все отделы Российской государственной археологической комиссии должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относительно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б.В. Фармаковский. Основной упор в ней сделан, естественно, на изучении Ольвии, но, тем не менее, приведу её почти полностью [1918 г., д. 20, л. 62-64]:

«В почве России сохранилось чрезвычайно много остатков культуры древнегреческой, римской и эпохи от начала нашей эры до появления славян. Многие из этих остатков представляют первоклассные произведения искусства. Многие являются весьма ценными по составу своего материала (многочисленные предметы из золота). В России находятся чрезвычайно живописные руины имевших большое значение городов и поселений.

³ В отчёте о деятельности Керченского музея в 1918-1921 гг., направленном в РАИМК, К.Э. Гриневич писал: «Мне пришлось натолкнуться на факты противозаконного кладоискательства, причём привлечённые мною к ответственности “счастливицы” угрожали расправиться со мною, как с моим предшественником» [Ф. 2, 1921 г., д. 70, л. 16]. К своему машинописному отчёту он даже сделал приписку: «Очень остро стоит вопрос с оружием. По характеру службы карманное огнестрельное оружие обязаны иметь сторожа Музея, надсмотрщики и заведующий» [там же, л. 17]. В связи с этим необходимо напомнить, что оружия для археологов первыми стали просить К.Е. Думберг и В.В. Шкорпил (см. главу 5.1).

Крайне интересны и сохранившиеся древние монументальные гробницы, которые своей архитектурой поражают всех наблюдателей. Россия представляет единственный в мире ансамбль древних античных расписных склепов (в Керчи). Произведения античной художественной промышленности украшают в громадной массе витрины наших важнейших музеев. Все это добыто было в древних могилах. Какой высокий художественный и научный интерес представляют античные памятники, извлечённые из гробниц, обнаруженных в почве России, наглядно показывают и объёмистые томы ... выпшедших в свет изданий Археологической Комиссии, снискавших себе известность в учёном мире. Не менее важны найденные в России в огромном количестве древнегреческие и латинские надписи, которые с поразительной наглядностью рисуют нам всю культурную и социальную жизнь в древних городах, находившихся на почве России. Найденные в России античные монеты также преисполнены глубокого интереса. Многие из них высокой художественной работы, и все они дают ценный материал для истории нашей страны в древнейшие времена.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, как действительно нужна надлежащая постановка дела археологического исследования античных памятников в России и каких важных результатов от неё можно ожидать. Задачи огромны, а выполнить их, можно сказать, до сих пор только более или менее намечалось. Отдел древностей античных, конечно, прежде всего, должен нести (так в документе – Ю.В.) *археологические раскопки*, которые ведутся уже с 1859 года. По обстоятельствам времени, однако, теперь приходится пока ограничиться мерами *охраны открытых раскопками Комиссии развалин древних городов в Керчи, Херсонесе и Ольвии*. В названных местах необходимо сохранить имеющийся штат служащих, занятых охраною древних городов, древних гробниц, а также инвентаря и музеев. Состав и ставки по Керченскому музею древностей определяются в представляемой смете по нормам, установленным Комиссариатом Имуществ России (§ 3, ст. 4, лит. А).

В сумму, испрашиваемую на раскопки Херсонеса (12 630 руб.) входит содержание личного состава (10 230 руб.) по ставкам, установленным Комиссариатом Имуществ Республики, и на необходимые хозяйственные расходы по неотложным раскопкам, ремонтам построек, инвентаря и т.п., по расчету по 200 рублей в месяц (§ 3, ст. 4, лит. Б).

Сумма на раскопки в Ольвии (§ 3, ст. 4, лит. Б) в 5 820 р. слагается из содержания личного состава (4 620 р.), установленного Комиссариатом Имуществ Республики, и неотложных расходов по 100 руб. в месяц.

Многочисленные рассеянные на большом пространстве памятники античной культуры до сих пор не были даже зарегистрированы. Для науки крайне важно провести сохранившиеся памятники в известность

и составить их описание, сфотографировать, зачертить и зарисовать. Необходимо зарегистрировать и развалины античных поселений (городищ) и древние могилы (курганы), рассыпанные по степям.

Прежде всего, в ближайшее же время желательно было бы составить подробную *карту всех имеющихся курганов*. На эту работу надо было бы 3 000 рублей. Далее желательно произвести съёмку *скифских городищ*, что потребует 5 000 р. Подготовка *Сборника с описанием курганов*, которые необходимо сделать в дополнение к карте курганов, потребует 3 000 рублей. *Необходима съёмка с руин мелких греческих поселений*. На всё надо было бы 5 000 руб.

Раскопками, производившимися долгие годы, к настоящему времени собран уже колоссальный материал, властно призывающий исследователей к его обработке. Настоятельно необходимы работы по подготовке к изданию материала, добытого раскопками 1901–1915 года в Ольвии; весь материал в настоящее время находится в Петрограде, в помещении Археологической Комиссии. Необходимость издания этого материала очевидна.

До сих пор работы по подготовке издания древностей Ольвии шли очень медленно, так как Комиссия могла приглашать для ведения регистрационных работ лиц по вольному найму с очень скромным вознаграждением по 35 рублей в месяц. Научная обработка материала до сих пор лежала только на члене Комиссии Б.В. Фармаковском. ... Теперь настоятельно необходимо издание общего сводного труда по Ольвии, без чего многолетние исследования, на которые были сделаны большие затраты, остались бы незавершёнными, а сделанные ранее расходы непроизводительными.

Число предметов, добытых раскопками в Ольвии, доходит до 40 000. С большей части этих предметов должны быть даны рисунки и чертежи, так как эти предметы представляют новый материал для науки.

На чертежи и рисунки по подготовке издания древностей Ольвии надо положить до 10 000 рублей.

В настоящее время, пока невозможны археологические исследования на местах (из-за обстоятельств времени), важно сосредоточить всё внимание на издательской деятельности. Предположено в ближайшее же время приступить к *подготовке издания атласа южно-русских древностей* Древностям Скифии посвящают две публикации (*древности из окрестностей Оренбурга и из Келермеса* ...). Древним античным монетам посвящается труд М.И. Ростовцева *Ряд мелких работ по древностям Скифии, Боспора и Ольвии* будет напечатано в очередных выпусках «Известий Российской Государственной Археологической Комиссии». Начатый печатанием труд М.И. Ростовцева «*Исследования по истории Скифии и*

Боспора» ... преследует идею популяризации знаний по древностям нашего юга.

С целью популяризации знаний отдел предполагает в текущем году организовать практические занятия по предметам древности, находящимся в Археологической Комиссии, с интересующимися молодыми учёными и любителями древности».

Надо признать, что записка Б.В. Фармаковского не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в плане развития изучения древностей Востока. Новым властям эти перспективы как будто представлялись более важными. Вместе с тем, приведённый документ оставляет немало недоумённых вопросов. Ясно, что в сложившейся тогда политической ситуации Б.В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но, вместе с тем, просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. Непонятно также, как можно было провести работы по составлению карты курганов или съёмки планов городищ, поскольку в условиях войны любая из противостоящих сторон приняла бы учёных, составляющих эти карты или снимающих планы, за шпионов со всеми вытекающими из этого последствиями. В тексте записки упоминается Керчь и Керченский музей, но в нём не обозначено даже скромных намерений в отношении продолжения археологических исследований в этом районе.

6.4. 1919 год

Гражданская война продолжалась, и на сотрудников Археологической комиссии в полной мере обрушились все её тяготы и лишения. Мужчины, родившиеся в 1899 г., тогда призывались на всеобщее военное обучение, для чего должны были явиться по адресу: ул. Халтурина (ныне Миллионная), д. 33, в казарму быв. Преображенского полка [1919 г., д. 19, л. 1]. Н.Я. Марр в связи с этим обращался в Особую столичную комиссию по отсрочкам при Комиссариате по военным делам, пытаясь добиться освобождения от военной службы для своих сотрудников [там же, л. 9 сл.]. Население Петрограда активно привлекалось к трудовой повинности, связанной с заготовками дров и т.п. В связи с этим Н.Я. Марр опять же неоднократно просил соответствующие советские органы об освобождении сотрудников Археологической комиссии от таких работ, что отнюдь не всегда имело положительный результат [1919 г., д. 18, л. 13-16]. Тяжёлая продовольственная ситуация заставляла искать пути к спасению, которые раньше могли показаться абсолютно фантастическими. В 1919 г. был составлен список служащих РГАК, «желающих присоединиться к организации, посылаемой за продуктами (к продотряду? – Ю.В.) в Тамбовскую губернию» [1919 г., д. 14, л. 1]. Во главе списка из 43

фамилий стояли Н.Я. Марр, В.В. Латышев, Б.В. Фармаковский, А.А. Миллер и А.А. Васильев.

Этот год в истории Археологической комиссии прошёл под знаком грядущей реорганизации, а также в попытках восстановления связи с учреждениями в Керчи и Севастополе. На заседании Совета Комиссии 27 февраля 1919 г. Н.Я. Марр сделал сообщение о возможности создания Академии археологии (её порой также называли Академией археологических знаний) и объединения библиотеки Комиссии, Эрмитажа и других учреждений для образования единой археологической библиотеки [1919 г., д. 3, л. 7, § 10].

На заседании 27 февраля было решено направить в Крым В.В. Шкорпила [там же, л. 7, § 9], сына погибшего директора Керченского музея [см.: Лазенкова, 2002, с. 151, прим. 9]. В архиве ИИМК РАН сохранился ряд любопытных документов, проливающих свет на организацию запланированной поездки. Прежде всего, это письмо Г.Е. Зиновьеву [1918 г., д. 4, л. 2]:

«Председателю Комитета Рабоче-Крестьянской обороны и
Исполнительному комитета Союза коммун Северной области
Г. Зиновьеву.
Смольный

Российская Государственная Археологическая Комиссия с ведома и согласия народного комиссара по просвещению командировует гр. Владимира Владиславовича Шкорпил в Херсонес (близ Севастополя) и Керчь, Таврической об. по срочному делу, имеющему целью сохранение ценного имущества Республики.

Ввиду ответственного поручения государственного значения, Р.Г.А. Комиссия просит Вас выдать на имя гр. В.В. Шкорпил удостоверение за личной Вашей подписью с предложением учреждениям, организациям и отдельным ответственным работникам оказывать В. Шкорпил всяческое содействие как по пути следования в Керчь, так и к обратному беспрепятственному въезду его в Петроград».

Проект мандата для В.В. Шкорпила был подготовлен 18 февраля 1919 г., т.е. ещё до заседания Совета Археологической комиссии 27 февраля, на котором было принято решение о поездке [1918 г., д. 4, л. 7]:

«Предъявитель сего, гражданин инженер Владимир Владимирович Шкорпил⁴, командировается Российской Государственной Археологической

⁴ Отчество Владимирович указано ошибочно; в других приведённых нами документах оно обозначено верно – Владиславович.

Комиссией в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления контакта с её учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая Комиссия не имеет никаких сведений. В виду крайней необходимости для Археологической Комиссии настоящей командировки, Российская Государственная Археологическая Комиссия обращается ко всем учреждениям и лицам, к которым гражданину В.В. Шкорпила представилась бы надобность обратиться с соответствующими просьбами, не отказать ему в должном содействии по выполнению возложенного на него ею поручения.

Председатель Комиссии Н. Марр
Ученый секретарь Б. Фармаковский
Правитель Канцелярии Б. Миллер».

В Архиве ИИМК имеется и письмо комиссару народного просвещения А.В. Луначарскому, датированное 29 мая 1919 г. [1918 г., д. 4, л. 3]:

«Народному комиссару просвещения

В непосредственном ведении Российской Государственной Археологической Комиссии состоят раскопки и музеи древностей в Херсонесе и Керчи. В этих двух городах при музеях хранится и большое количество имущества, состоящего, м. проч., из инвентаря раскопок (инструментов, вагонеток, рельс, палаток, фотографических аппаратов и т.п.).

В силу обстоятельств переживаемого времени Комиссия не имела возможности сношения с названными своими учреждениями в Крыму в течение более полутора лет. Восстановление сношений с Крымом ныне возлагает на Комиссию долг принять меры к охране её ценного имущества в Херсонесе и Керчи, для чего представляется необходимым теперь же командировать в Крым лицо, которое, ознакомившись на местах с положением дел, могло бы немедленно приступить к осуществлению неотложных мер по охране раскопок, музеев и имуществ в названных местах.

Предполагая командировать в Крым для указанной цели инженера Владимира Владиславовича Шкорпила, Российская Государственная Археологическая Комиссия имеет честь обратиться к Вам, гражданин комиссар, с покорнейшей просьбой не отказать в исходатайствовании для командированного В.В. Шкорпила в виду исключительности обстоятельств переживаемого времени, для более успешного выполнения возлагаемого на

него поручения особого удостоверения за подписью председателя Комитета Рабоче-Крестьянского Совета товарища Зиновьева. Проект такого удостоверения при сём прилагается.

Председатель Комиссии Н. Марр
Ученый секретарь Б. Фармаковский».

Еще раньше, 5 марта 1919 г., А.В. Луначарский обратился с письмом к комиссару по иностранным делам Г.В. Чичерину [1918 г., д. 4, л. 4]:

«Комиссару по иностранным делам

Российская Государственная Археологическая Комиссия командировует гражданина инженера Владимира Владиславовича Шкорпил в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления связи с её учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и в Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая Комиссия не имеет никаких сведений, для сообщения им устава и штата реорганизованной Комиссии, а также плана её научных предприятий (раскопок и археологических разведок, фотографирования, зарисовывания и описания памятников древности и издания учёных трудов) в текущем году.

В виду крайней необходимости для Археологической Комиссии настоящей командировки прошу не отказать в распоряжении о беспрепятственном пропуске В.В. Шкорпил к выезду в Таврическую губ. и к обратному выезду в Петроград.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский».

В архиве сохранилась даже справка о запланированных расходах на поездку [1918 г., д. 4, л. 7]:

«Назначенная инженеру В.В. Шкорпилу под отчёт авансовая сумма в 3 000 рублей слагается из 1 500 рублей суточных (по 50 р. в сутки в течение одного месяца) и 1 500 рублей на расходы по поездке из Петрограда в Крым, по разъездам в Крыму и по исполнению поручения Археологической Комиссии по установлению связей её с её учреждениями в Керчи и Херсонесе.

Председатель хозяйственного комитета В. Латышев».

Приведённые документы дают основание утверждать, что руководители Российской археологической комиссии признавали чрезвычайно важным, не терпящим отлагательства делом восстановление связей с археологическими

учреждениями в Керчи и Севастополе. Более того, в первой половине 1919 г. эта акция рассматривалась ими как вполне возможная. Столь же очевидно, что в Крым направляли сына покойного директора Керченского музея древностей В.В. Шкорпила. Неясным остаётся одно: состоялась ли эта поездка или нет?

Несмотря на тяжёлые, явно не способствующие научным исследованиям условия, перед сотрудниками РГАК порой ставились чрезвычайно необычные задачи. Так, 11 апреля 1919 г. Н.Я. Марр информировал правление комиссии, что специальная экспедиция организуется «в Переднюю Азию, в местности наиболее пострадавшие от войны, для исследования наблюдаемого там передвижения народных масс, каковое явление представляет выдающийся исторический интерес, как пример передвижения племён и возникающих отсюда новых этнических образований». Средства на организацию такой экспедиции выделялись Комиссариатом народного просвещения и Комиссариатом по национальным армянским делам. Н.Я. Марр указывал на желательность использования такого выдающегося момента и участия в экспедиции сотрудников Археологической комиссии. Её отделы должны были выяснить возможности содействия в организации данного мероприятия [1919 г., д. 96, л. 20].

Декрет о создании Российской академии истории материальной культуры был принят на заседании Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г. [см.: Платонова, 1989; 2009, с. 1102-1103]. Н.Я. Марр на заседании Совета РГАК 15 июля заявил, что Академия «в настоящее время должна почитаться уже сформированной», и, соответственно, она должна приступить к принятию в своё ведение некоторых институтов, к организации помещений в предоставленном ей Мраморном дворце и т.д. [1919 г., д. 3, л. 26]. Избирательное собрание прошло 5-7 августа, по его итогам было официально заявлено, что «с этого числа (с 7 августа 1919 г. – Ю.В.) Академия Истории Материальной Культуры должна считаться окончательно сконструированной и фактически начавшей свою деятельность, Российская же Государственная Археологическая Комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации» [1919 г., д. 1, л. 63].

6.5. Некоторые итоги

Две революции 1917 г. и Гражданская война в России привели к огромным переменам в стране. Эти перемены самым непосредственным образом затронули и Императорскую археологическую комиссию. Завершение её функционирования вряд ли следует связывать с тем моментом, когда из названия ушло определение «Императорская». Нет, руководство Комиссии осталось прежним, и её работа осуществлялась по традиционным для этого учреждения направлениям. Эмиграция графа А.А. Бобринского и трагическая смерть директора Керченского музея В.В. Шкорпила стали важными вехами нового времени.

Ликвидация Российской государственной археологической комиссии и создание Российской академии истории материальной культуры являлись уже не простой сменой вывесок. Вся система изучения памятников древности тогда менялась, создавались новые структурные подразделения, определялись новые направления исследований и т.д. Российская археологическая наука вступала в новую эпоху, но положение Боспора в ней поначалу как-то затерялось, стало почти незаметным [см.: Виноградов, 2009б, с. 9 сл.]. Выше было сказано о принципиальной важности изучения взаимоотношений между Археологической комиссией и Керченским музеем, без чего нельзя составить правильного представления о развитии античной археологии в России. В этом отношении следует признать, что заложенные десятилетиями традиции оказались очень прочными, в подтверждение чего можно привести несколько документов, относящихся к более позднему времени.

Хорошо известно, что Красная армия сумела взять Крым в ноябре 1920 г. и Гражданская война здесь фактически была завершена. Однако жизнь стала входить в нормальное русло отнюдь не сразу, а в области боспорской археологии вообще возникла очень трудная, можно сказать, трагическая ситуация. В феврале 1922 г. К.Э. Гриневич направил руководству РАИМК письмо следующего содержания [Ф. 2, 1922 г., д. 59, л. 1]:

«С момента своего учреждения в 1859 г. и до самого периода Гражданской войны 1918 г. Археологическая комиссия в Петрограде имела в своём ведении основанный в 1823 г. Керченский музей древностей⁵, как важную в научном отношении местную археологическую станцию (см. Устав И. Археол. Комм.). По декрету Сов. Нар. Ком. об учреждении Р. Академии Ист. М. К. к ней перешли все дела и *все учреждения* б. Археологической комиссии (цитирую текстуально). Казалось бы, должен был перейти и Керченский музей древностей, однако на деле Музей всецело и исключительно подчинён местному Отделу народного образования. Это отражается на судьбе этого *научного* учреждения: местный Наробраз вмешивается, согласно сообщения директора музея Ю. Марти, во внутреннюю жизнь учреждения и снял с пайка всех надсмотрщиков археологического района, всех сторожей музея и служащих канцелярии, за исключением одного заведующего. Целый ряд полученных от них писем дышат отчаянием и мольбой о помощи. Сторож музея Антон Основский, прослуживший 28 лет, *умер от голода*, надсмотрщики Ив. Анищенко и Леонтий Демиденко, сторож древностей на горе Митридат Савелий Маслинов *опухли от голода* и ждут своей судьбы. Не лучше положение и остальных.

⁵ К.Э. Гриневич указал неверную дату основания Керченского музея древностей, он был открыт в 1826 г.

Академия истории матер. культуры, как преемница, согласно декрета Совнаркома, Археолог. Комиссии, не может и не должна оставаться пассивной к судьбе важного в научном отношении учреждения, связанного прямым образом с Академией. Настоящим прошу Академию поднять в центре вопрос о положении Керченского музея, выяснить всё значение этого учреждения (ведь он не только “Музей”) и обеспечить, вернее, спасти служащих этого музея. Необходимо сделать всё то в срочном порядке.

Пишу эти строки по просьбе заведующего и служащих Керч. Музея, помнящих свою связь с б. Археологической комиссией, преемницей которой является Академия».

В июне 1922 г. в РАИМК обратился директор Керченского музея Ю.Ю. Марти. В своём письме он информировал руководство Академии, что до мая музей получал 8 пайков на 11 человек, в результате чего четверо сотрудников умерли с голода, а ещё четверо пухнут с голода. После мая положение ещё больше ухудшилось, поскольку музею выделено всего 5 пайков. Приведу несколько цитат из этого письма [Ф. 2, 1922 г., д. 59, л. 3]:

«Обращаюсь, минуя все инстанции, непосредственно в Академию матер. культ. Прошу немедленной помощи. Положение вверенного мне музея древностей и всех его отделений катастрофическое. Если не будет оказано в самом непродолжительном времени самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна, и я слагаю с себя ответственность за могущие произойти последствия. ... Если люди вымрут, я новых сторожей на их место не найду. ... Во избежание вымирания наших сторожей (археологов-практиков, специалистов своего дела) прошу ходатайствовать о выдаче Охр. Ис-у полного числа паёв и аккуратной выплаты жалования».

Необходимо признать, что Академия истории материальной культуры в этой ситуации проявила себя как подлинная наследница Археологической комиссии, она не осталась пассивной к положению керченских коллег, в руководящие инстанции страны были направлены письма с просьбой о помощи. Очень хочется думать, что эти просьбы не остались не услышанными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная деятельность Императорской археологической комиссии (1859–1917 гг.) является одной из важных страниц в изучении древностей Боспора Киммерийского. Продолжая традиции предшественников, руководство Комиссии, прежде всего С.Г. Строганов, сделало очень многое для систематизации археологических раскопок, для обозначения их главных приоритетов. Большое значение имело также введение правил, направленных на упорядочение полевой документации. Не всё на этом пути проходило гладко, но в большом деле всегда имеются те или иные издержки. Негативные явления в работе Комиссии отчётливо проявились в то время, когда во главе её стоял А.А. Васильчиков (1882–1886 гг.), но они были в целом ликвидированы при А.А. Бобринском. Однако и этот энергичный руководитель не сумел добиться значительного расширения штатов Археологической комиссии, что тормозило развитие исследований, в том числе и на Боспоре.

Выше неоднократно отмечалось, что изучение боспорских древностей могло нормально развиваться лишь при чётком взаимодействии Археологической комиссии и входившего в её структуру Керченского музея древностей. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что главная нагрузка ежегодных, весьма масштабных раскопок на обоих берегах Керченского пролива ложилась именно на директоров музея: А.Е. Люценко, С.И. Веребрюсова, Ф.И. Гросса, К.Е. Думберга, В.В. Шкорпила. Появление на Боспоре петербургских сотрудников Комиссии (И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков) или киевского профессора Ю.А. Кулаковского, как представляется, воспринималось ими с известной долей ревности. К тому же керченские археологи в ущерб своим планам должны были помогать приезжим специалистам в снятии планов, зарисовках древних гробниц, копировании росписей склепов и т.п. Такое взаимодействие, естественно, не всегда протекало гладко.

Непонимание между петербургским руководством Комиссии и сотрудниками Керченского музея возникло уже в первый год работы Комиссии, но оно, в принципе, достаточно быстро было ликвидировано. К сожалению, со скандалом был связан уход на пенсию Ф.И. Гросса (1891 г.), ещё более серьёзный конфликт стал причиной преждевременной отставки К.Е. Думберга (1901 г.).

Обозначенные факты ни в коем случае нельзя упускать из внимания, но они всё-таки не свидетельствуют о том, что взаимодействие Комиссии и музея носило конфликтный характер. Напротив, оно в целом было позитивным, стимулирующим проведение раскопок на Боспоре в том направлении, которое тогда казалось необходимым и единственно правильным.

Это время было ознаменовано целым рядом ценнейших археологических открытий. Споры нет, что практически все эти открытия были связаны с раскопками боспорских курганов, но без них невозможно представить современную науку. Среди таких памятников следует назвать некрополь Юз-Оба, Большую и Малую Близницы, Семибратние курганы, курган Баксы, Ахтанисовский, Зеленской, Артюховский и пр. Не вина исследователей прошлых лет, что практически все названные памятники, за исключением последнего из названных [Максимова, 1979], до настоящего времени полностью не изучены и не опубликованы.

Раскопки городищ осуществлялись в основном с целью поисков древних «мраморов» или эпиграфических документов. На общем фоне, безусловно, выделяется попытка К.Е. Думберга начать более-менее систематическое изучение Пантикапея, но она не нашла развития. В.В. Шкорпил рискнул найти пантикапейский театр, но, убедившись в бесплодности своих усилий, охладел к раскопкам подобных памятников. Удивительно, но ни один из исследователей Боспора даже на рубеже веков не предложил программы раскопок Пантикапея или Фанагории широкими площадями, с послышной фиксацией находок, нацеливая их на получение конкретных исторических результатов, что было с успехом реализовано Б.В. Фармаковским в Ольвии [см.: Блаватский, 1967, с. 70-76; Карасёв, 1976, с. 19; Виноградов, Мусин, 2009, с. 515]. Трудно поверить, что о прогрессивности этой методики они вообще ничего не слышали.

Революционные потрясения 1917 г. привели к радикальным политическим и социальным переменам в стране. Российская государственная археологическая комиссия, пришедшая на смену комиссии Императорской, тем не менее, продолжала действовать в старом, можно сказать, привычном русле. Кардинальные перемены в организации археологической науки, выразившиеся в расширении штата сотрудников, создании ряда структурных подразделений, постановке новых задач перед исследователями, были связаны с созданием Российской академии истории материальной культуры. Изучение древностей Боспора Киммерийского в её стенах, правда, сначала не было никак обозначено, как будто затерялось среди других неотложных задач [Виноградов, 2009б, с. 9 сл.]. Правда, вскоре время внесло в эту ситуацию свои важные коррективы.

В советское время деятельность Императорской археологической комиссии было принято оценивать достаточно критично, акцентируя внимание на

имевшихся недостатках. К.М. Пескарёва и Е.Я. Рябинин, в частности, писали по этому вопросу: «Археологическая комиссия, работавшая в условиях самодержавного строя в России, постоянно сталкивалась с большими, зачастую непреодолимыми трудностями. Нередко её деятельность оказывалась в прямой зависимости от личных отношений к этому царского окружения и правительственных учреждений» [Пескова, Рябинин, 1984, с. 305-306]. Всё это, конечно, имело место, но и в советское время обозначенное положение отнюдь не изменилось, а если и изменилось, то в сторону усиления государственного и идеологического диктата. Лишь в наше время, когда археология практически никому не нужна, кроме самих археологов, ситуация стала действительно иной.

Y.A. Vinogradov

**Pages of Bosphorus Archaeology History
The Era of the Imperial Archaeological Commission
(1859 – 1917)**

Summary

The Imperial Archaeological Commission (1859 – 1917) played a very important role in the history of Russian archaeology. Its creation by the decree of Alexander II was one of the manifestations of the Age of the reforms to modernize the Russian State. The Commission was an institution with a few staff. It consisted of eight people at first, but it included the Kerch Museum of Antiquities, headed by A.E. Lyutsenko. There is no doubt that of the Archaeological Commission focused its activity on the study of Classical Antiquity mainly and the northern Black Sea region, especially in the area of the Kerch Strait – ancient Cimmerian Bosphorus.

The first chairperson of the Imperial Archaeological Commission was Count S.G. Stroganov (1859-1881). We must recognize that there were serious disagreements between Kerch archaeologists and Petersburg management in the first year of the Commission, but they were quickly resolved. With the active support of S.G. Stroganov excavations of large barrows on the shores of the Kerch Strait started: necropolis of the 4th century B.C. Yuz-Oba, Bolshaya Bliznitsa and Malaya Bliznitsa, complexes of Vasyurinskaya mound, mounds Seven Brothers, Artyukhovsky mound, etc. Commission staff members E.I. Zabelin, V.G. Tiesenhausen and N.P. Kondakov were actively involved in the study of burial mounds. Considerable attention was paid to the Bosphorus cities (excavations held by K.E. Gyorts, I.E. Zabelin and others in Phanagoria, excavations led by A.E. Lyutsenko in Kerch, etc.), but they were aimed at getting ancient “marbles”, i.e. sculptures, reliefs and epigraphic documents. From 1859 “Reports of the Imperial Archaeological Commission”, describing the archaeological research in Russia began to be published.

In 1878, A.E. Lyutsenko resigned, and S.I. Verebryusov took over the post of the Director of the Museum. He proposed the program of Bosphorus Archaeology development, but he did not have time to implement the program of the development in full. S.I. Verebryusov died in 1884. The Commission did not properly organize protection and restoration of the monuments of Bosphorus antiquities. However, the restoration work carried out on the King’s Mound and in the crypt of Melek-Chesmen mound rescued these outstanding monuments for posterity.

A.A. Vasilchikov became the second chairperson of the Imperial Archaeological Commission (1882-1886). He initially relied on S.I. Verebryusov, and then on the

new Director of the Kerch Museum F.I.Gross to study Bosphorus antiquities. N.P. Kondakov continued archaeological excavations in the region. Despite efforts of S.I. Verebryusov and F.I. Gross to be actively engaged in the study of ancient settlements and villages of the Bosphorus, in practical terms, all remained in their old places in that area. Bright archaeological discoveries in the Bosphorus mounds became less frequent, but they continued: Baksy mound (N.P. Kondakov), Malaya Bliznitsa (S.I. Verebryusov), Anapsky mound (V.G. Tiesenhausen). We should note that under leadership of A.A. Vasilchikov not a single issue of “Reports of the Imperial Archaeological Commission” was published. The combined volume for 1882-1888 was released only in 1891, and its chairperson, of course, should be blamed for it. The trend of registration archaeological documentation designated in the time deserved critical evaluation. Descriptions of the excavated objects were given summarily, without disassembling the archaeological complexes.

The third chairperson of the Imperial Archaeological Commission was Count A.A. Bobrinsky (1886-1917). He corrected negative trends and he even participated in excavations in the Bosphorus. In particular, he found the tomb in the mound of Mirza Kekuvatsky. The chairperson of the Archaeological Commission invited Professor Y.A. Kulakovsky from Kyiv to Kerch. He proposed him to study painted crypts. Y.A. Kulakovsky accepted the offer, and his activity was not limited by excavating crypts.

In 1891, F.I. Gross left his post of the Director of the Kerch Museum. It was accompanied by a real scandal. Through patronage of V.G. Tiesenhausen his post was given to K.E. Dumberg. This energetic person proposed to the management of the Commission a program of the Kerch Museum, and the entire system of Bosphorus reforming, providing adequate protection of Bosphorus antiquities, etc.

Gradually having accumulated experience of a field researcher, K.E. Dumberg discovered many wonderful sites: Lion mound, the crypt of Demeter, Akhtanizovskiy mound, etc. Conducting large-scale excavations in the ancient city Panticapaeum was also linked to his work. He interpreted some of the discovered objects as thermae, a temple of Hercules, the house of a Plasterer, etc. All these interpretations are rather conventional. Because of a serious conflict that broke out in the direction of the Commission, K.E. Dumberg left his post in the spring of 1900. V.V. Shkorpil was appointed as the Director of the Kerch Museum. New people came to the Imperial Archaeological Commission: V.V. Latyshev, B.V. Farmakovskiy, S.A. Zhebelyov. They predetermined the development of Russian Classical Archaeology. Since 1912, M.I. Rostovtsev became a freelance member of the Commission.

V.V. Shkorpil focused on the study of necropoleis on both sides of the Strait. He struggled against marauding excavations. A number of important discoveries in the Bosphorus mounds of the Taman Peninsula are associated with his name – Zelenskoy barrow and the barrow of Lysaya mound. Studying cities followed the methodology worked out earlier. One must admit that even at the time the method of wide area

excavations, successfully applied by B.V. Farmakovsky in Olbia was not applied in the Bosphorus. The reasons for this situation are not entirely clear.

Positive shift occurred in the field of publishing reports on the excavations carried out in 1901 in the frames of “Proceedings of the Imperial Archaeological Commission”. Publications of special studies on Bosphorus Archaeology and History began to appear in great numbers. Russian scientists successfully participated in international conferences.

World War I naturally led to the decrease in the intensity of archaeological excavations in Russia. After the February Revolution in 1917, the Archaeological Commission was renamed the Russian State Archaeological Commission (RSAC), but no changes in its composition and activity happened. They took place after the events of the October Revolution. In summer 1918, in conditions of the Civil War, A.A. Bobrinsky left Soviet Russia. Even before him, M.I. Rostovtsev emigrated. In December 1918, V.V. Shkorpil tragically died at the hands of robbers in Kerch. N.Y. Marr took leadership position in the Commission. Soon the Department of ancient and early medieval antiquities was created in the structure of RSAC. B.V. Farmakovsky became the Head of the Department. New times required new organization of science. In April 1919, the Russian Academy of the History of Material Culture was established, and the activities of the Archaeological Commission were completed.

ОБЩАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И., Ачкинази И.В., Голофаст Л.А.* Раскопки зольника римского времени у подножья горы Митридат в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 7-11.
- А.Л.* Раскопки в курганах, находящихся на предполагаемой местности древней Нимфеи // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. II, 1. М., 1869. С. 54-55.
- Алексеев А.Ю.* Хронография европейской Скифии. СПб., 2003.
- Алексеев А.Ю.* К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 37-48.
- Алексеевская Л.М.* Лира из Керчи // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 140-152.
- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Артамонов А.А.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага – Ленинград, 1966.
- Ашик А.Б.* Веспорское царство. Ч. I. Одесса, 1848а.
- Ашик А.Б.* Веспорское царство. Ч. II. Одесса, 1848б.
- Ашик А.Б.* Веспорское царство. Ч. III. Одесса, 1849.
- Балабанова М.А.* Обычай искусственной деформации голов у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001. С. 107-122.
- Беньковский П.* О терракотовых повозках из Пантикапея // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 63-72.
- Бич О.И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 87-90.
- Блататский В.Д.* Б.В. Фармаковский – исследователь античного мира // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 8-13.
- Блататский В.Д.* Материалы по истории Пантикапея. План города // МИА. 1951. № 19. С. 9-62.
- Блататский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953.
- Блататский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Блататский В.Д.* Античная полевая археология. МИА. 1967. № 146.
- Бонгард-Левин Г.М.* Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман. М., 1997. С. 124-144.
- Боровкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Древности Керчи. 4. Керчь, 1999.
- Бороздин И.* Учёные заслуги М.И. Ростовцева // Отд. оттиск из книги: Отчёт о 3-м присуждении медалей им. гр. А.С. Уваровой и праздновании 50-летнего юбилея Московского археологического общества. М., 1915. С. 1-16.

- Боспорские надгробные рельефы. 1990. Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л.
- Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984.
- Бутягин А.М.* Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. ТД тематической науч. конф. СПб, 1996. С. 45.
- Бутягин А.М.* Средневековый некрополь Мирмекия // Боспорские чтения. IV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 38-41.
- Бутягин А.М.* К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб, 2005. С. 101-107.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Мирмекий в свете новых археологических открытий. СПб, 2006.
- Бутягин А.М., Чистов Д.Е.* Святыхлища Мирмекия VI-IV вв. до н.э. // Боспорские чтения – VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святыхлища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 46-55.
- Васильева Р.В.* Главное археологическое учреждение Царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859-1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. СПб, 2000. С. 177-187.
- Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж–Белгород, 1991. С. 3-11.
- Вахтина М.Ю.* Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 51-58.
- Вахтина М.Ю.* Еще раз о погребении в кургане Темир-гора и некоторых вопросах греческой колонизации Киммерийского Боспора // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 31-35.
- Вахтина М.Ю.* Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей юга Российской империи // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 402-486.
- Виноградов Ю.А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99-120.
- Виноградов Ю.А.* 1993. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 38-51.
- Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. № 3. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. С. 98-128.
- Виноградов Ю.А.* Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // АВ. 2001. № 8. С.311-315.
- Виноградов Ю.А.* Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // МИАК. 2003. Вып. 3. С. 77-92.
- Виноградов Ю.А.* «Там закололся Митридат...» Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб, 2004а.
- Виноградов Ю.А.* Курган Малая Близица (история изучения и датировка) // БИ. 2004б. Вып. VII. С. 89-111.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 2005. С. 211-296.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. 2007а Вып. XVII. С. 5-20.
- Виноградов Ю.А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб, 2007б.
- Виноградов Ю.А.* Археологи и власти. Один штрих к вечной проблеме // Боспор и Северное

Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб, 2008. С. 82-87.

Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009а. С. 248-401.

Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК – РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. 2009б. № 4. СПб, 2009б, С. 7-36.

Виноградов Ю.А. Об исследованиях И.Е. Забелина на городище Фанагория в 1872 г. // ДБ. 2010а. Т. 14. С. 39-45.

Виноградов Ю.А. Курган на Лысой горе под Таманью // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010б. С. 113-118.

Виноградов Ю.А. Острый курган под Керчью (об одном забытом памятнике Боспора) // Боспорские чтения. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011а. С. 49-54.

Виноградов Ю.А. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб, 2011б. С. 185-191.

Виноградов Ю.А., Горючаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). Труды ИИМК РАН. Т. XXV. СПб, 2009.

Виноградов Ю.А., Мусин А.Е. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 487-521.

Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 127-134.

Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб, 2007. С. 220-224.

Власов В.П. Лепная керамика первых веков н.э. из зольника Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 56-58.

Власова Е.В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб, 2004. С. 158-174.

Власова Е.В. Семьбратние курганы. Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб, 2005. С. 70-74.

Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 211-315.

Гайдукевич В.Ф. Археологическое изучение Мирмекия // МИА. 1941а. № 4. С. 96-109.

Гайдукевич В.Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-горе // СА. 1941б. VII. С. 45-60.

Гайдукевич В.Ф. Академик Сергей Александрович Жебелёв как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941в. VII. С. 7-12.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. Л.–М., 1949.

Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. I. М.–Л., 1955. С. 23-147.

Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 58. С. 9-148.

- Гайдукевич В.Ф.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1959.
- Гайдукевич В.Ф.* Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 28-37.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы, эллинистическая усадьба, Илурат. Л., 1981.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.
- Гёры К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
- Гжегжулка С.* «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Ч. I. Варшава, 2010.
- Гладкий И.* Хищнические раскопки близ станицы Таманской, Кубанской области, в 1916 г. Екатеринодар, 1916.
- Голубева О.Д.* Н.Я. Марр. СПб, 2002.
- Горбунова К.С., Передольская А.А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.
- Горончаровский В.А.* Между империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб, 2003.
- Горончаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 150-187.
- Горончаровский В.А.* Семибратние курганы: анализ конструкции и инвентаря погребальных сооружений // Боспорские чтения. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 84-93.
- Горончаровский В.А., Иванчик А.И.* Синды // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010. С. 218-234.
- Григорьев В.В.* Жизнь и труды П.С. Савельева. СПб, 1861.
- Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927.
- Гриневич К.Э.* Мраморный таманский саркофаг // ТСАРАНИОН. 1928. Вып. IV. С. 162-177.
- Гриневич К.Э.* Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 1946. № 2. С. 160-164.
- Гриневич К.Э.* Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н.э.) // Археология и история Боспора. Т. I. Симферополь, 1952. С. 129-147.
- Гурулёва В.В.* С.Г. Строганов – первый президент Императорской археологической комиссии // Хранитель, исследователь, учитель: К 85-летию В.М. Потина. СПб, 2005. С. 163-169.
- Данилов И.* Правительственные распоряжения относительно древностей с императора Петра I, особенно в царствование императора Александра II // Вестник археологии и истории. 1886. Вып. VI. С. 3-50.
- Денисова В.И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981.
- Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб, 1999.
- Древности Геродотовой Скифии. Вып. I. СПб, 1895.
- Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001
- Дирин А.А.* Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 1896. Т. XIX. С. 121-131.
- Длужневская Г.В.* Императорская Археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859-1917) // ЗИИМК.2006. № 1. С. 112-118.
- Думберг К.Е.* Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1899 г. // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 80-90.
- Думберг К.Е.* 1902. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. // ИАК. Вып. 2. С. 40-60.
- Жебелёв С.А.* Пантикапейские Ниобиды. МАР. 1901. № 24.
- Жебелёв С.А.* Введение в археологию. I. История археологических знаний. Пг., 1923.
- Жебелёв С.А.* Василий Васильевич Латышев // Византийский временник. 1926. Т. XXIV. С. 105-110.
- Жебелёв С.А.* Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // АГСП. I. М.-Л., 1955. С. 5-22.

- Журавлёв Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауер У.* Боспор Кубанский // Боспорские чтения. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 106-114.
- Эрнштедт Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. I. М.-Л., 1955. С. 248-285.
- Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5-17.
- Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 97-106.
- Засецкая И.П.* Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. 2010. Вып. 38. С. 123-159.
- Зинько Е.А.* Склеп Деметры. Симферополь, 1994.
- Зинько Е.А., Буйских А.Б., Русяева А.С., Савостина Е.А., Стриленко Ю.Н., Ягги О.* Склеп Деметры. Памятники археологии Керченского историко-культурного заповедника. Киев, 2009.
- Зуев В.Ю. М.И.* Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 50-83.
- Зуев В.Ю.* К юбилею Александра Ефимовича Люценко // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. I. СПб, 2007. С. 8-13.
- Иванова А.П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
- Извлечение. Извлечение из всеподданнейшего отчёта об археологических разысканиях в 1853 году. СПб, 1855.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Карасёв А.Н.* Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 5-7.
- Карасёв А.Н. Б.В.* Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 13-21.
- Карейша Д.В.* Археологические разыскания близ древних Пантикапеи, Фанагории и Херсонеса (1845–1846) // ЖМВД. 1846. Ч. 16. № 11. С. 284-310.
- Карейша Д.В.* Археологические разыскания вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове (1847–1848) // ЖМВД. 1848. Ч. 21. № 3. С. 425-450.
- Книпович Т.Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. М.-Л., 1949.
- Книпович Т.Н.* Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху // СА. 1958. XXVIII. С. 7-14.
- Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5-101.
- Кобылина М.М.* Скульптура // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 212-214.
- Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Копейкина Л.В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 147-159.
- Коровина А.К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174-187.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кузнецов В.Д.* Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. XIV. С. 105-122.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория: история исследования и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 5-15.
- Кузнецова Т.М.* Загадки Темир-горы // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции. Ч. 2. СПб, 2002. С. 79-90.
- Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба. МАР.1891. № 6.

- Кулаковский Ю.А. Две керченские катакомбы с фресками. МАР.1896. № 19.
- Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев, 1906.
- Лазаревский Я. Александропольский курган // Записки Императорского русского археологического общества. НС. Т. VII. СПб, 1895. С. 1-46.
- Лазаревский Я.М. Курганы Таманского полуострова // Известия Императорского археологического общества. Т. II. СПб, 1861. С. 28-32.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. «Почтенный» археолог А.Е. Люценко // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК. СПб, 2001а. С. 287-292.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. «Археологическая» судьба К.Е. Думберга // Боспорские чтения. II. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001б. С. 72-77.
- Лазенкова Л.М. Карл Думберг и его идея строительства Керченского музея древностей // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. ММНК. СПб, 2002а. С. 334-340.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. В.В. Шкорпил // Боспорские чтения. III. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002б. С. 145-152.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Основатели, исследователи. Керчь, 2003.
- Латышев В.В. ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Чёрного моря. СПб, 1909.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. СПб, 1992.
- Лукиянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. 1915. МАР. № 35.
- Максимова М.И. Панафинейская амфора из Зеленского кургана // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 15-20.
- Максимова М.И. Львиные псевдоскарабеи // ТГЭ. 1962. № 7. С. 122-132.
- Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55-58.
- Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // АГСП. I. М.-Л., 1955. С. 297-324.
- Малеин А. Карл Карлович Гёрц (1820–1883). Биографический очерк. СПб, 1912.
- Марти Ю.Ю. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. 1913. Т. XXXI. С. 1-88.
- Марти Ю. Памяти В.В. Шкорпила // ИТУАК.1919. № 56. С. 144-147.
- Марти Ю. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь, 1926.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis. II. М., 2000.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
- Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 120-173.
- Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.
- Матковская Т., Твардецки А., Тохтасьев С., Бехтер А. Боспорские надгробия II в. до н.э. – III в. н.э. Ч. I. Киев, 2009.

- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 21-247.
- Миллер А.А.* Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 86-130.
- Миллер А.А.* Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 220-247.
- Миронов А.* Из области археологии // Вестник всемирной истории. 1900а. № 2. С. 256-266.
- Миронов А.* Из области археологии // Вестник всемирной истории. 1900б. № 4. С. 240-248.
- Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. ИГАИМК. 1935. Вып. 154.
- Молева Н.В.* Китейское святилище // Ритуал и ритуальный предмет. СПб, 1995. С. 42-48.
- Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Изд-во Саратовского университета, 1999.
- Муральт Э.Г.* Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Боспора Киммерийского // Записки С-Петербургского археологическо-нумизматического общества. II. СПб, 1850. С. 306-329.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Неверов О.Я.* Античные камни в собрании Эрмитажа. Л., 1988.
- Неверов О.Я.* Коллекция А.В. Новикова // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы. СПб, 1999. С. 58-60.
- Непомнящий А.А.* Подвижник изучения боспорских древностей: Ю.А. Кулаковский // БИ. 2003. Вып. 3. С. 366-375.
- Новосадский Н.* Рец. на кн.: *Латъшев В.В.* ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Чёрного моря. СПб // Гермес. 1910. Т. 7. С. 295-298.
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 93-100.
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 106-122.
- Охрана памятников. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – начала XX. М., 1978.
- Панкратова Е.Г.* И.Е. Забелин как исследователь городища Фанагории // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса, 2008а. С. 36-39.
- Панкратова Е.Г.* Из истории археологического изучения Фанагории на рубеже XIX – XX вв. // Antiquitas inventae. Саратов, 2008б. С. 196-202.
- Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1993. Вып. 2. С. 111-148.
- Паромов Я.М.* Укрепленные дома азиатского Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб, 2001. С. 79-85.
- Паромов Я.М.* Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. 2002а. Т. 5. С. 192-206.
- Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб, 2002б. С. 274-279.
- Паромов Я.М.* Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб, 2004а. С. 287-292.

- Паромов Я.М.* Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. 2004б. Т. 7. С. 309-316.
- Передольская А.А.* Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1936.
- Передольская А.А.* Вазы Ксенофанта // ТОАМ. 1945. Т. I. С. 47-67.
- Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. № 7. С. 46-92.
- Передольская А.А.* Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 45-55.
- Пескарёва К.М., Рябинин Е.А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 4. С. 299-307.
- Петрова Э.Б.* Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000.
- Платонова Н.И.* Российская академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918-1919 гг.) // СА. 1989. № 4. С. 5-16.
- Платонова Н.А.* Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. № 5. С. 371-382.
- Платонова Н.И., Мусин А.Е.* Императорская археологическая комиссия и её преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 1065-1115.
- Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Пономарёв Д.Ю.* Новый могильник с искусственно деформированными черепами на Боспоре // Боспорские чтения VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 210-216.
- Прудик Е.М.* Новые кавказские клады // МАР. 1914. Вып. 34. С. 94-110.
- Пругло В.И.* К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3. С. 64-77.
- Пругло В.И.* Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М., 1977. С. 177-182.
- Прушевская Е.О.* Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 31-58.
- Пучков А.А.* Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России. СПб, 2004.
- Пятьшьева Н.В.* Таманский саркофаг. М., 1949.
- Радлов Н.Э.* Две панафинейские амфоры, найденные в южной России в 1911 г. // ИАК. 1912. Вып. 45. 76-91.
- Ростовцев М.И.* Древние костяные шашки с юга России // ИАК. 1904. Вып. 10. С. 109-124.
- Ростовцев М.И.* Пиксида расписного склепа кургана Васюринской горы // ЗООИД. 1912. Т. XXX. С. 136-150.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1914а.
- Ростовцев М.И.* Стекланные расписные вазы позднеэллинистического времени и история декоративной живописи // ИАК. 1914б. Вып. 54. С. 1-26, 1119-120.
- Ростовцев М.И.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914в. Вып. 34. С. 79-93.
- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. 1916. Т. 25. С. 1-24.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР. 1918. Вып. 37.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. (Л.), 1925.

- Руднева С.Д.* Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 104-110.
- Сабатье П.П.* Керчь и Воспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб, 1851.
- Савостина Е.А.* Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2. С. 84-100.
- Самоквасов Д.Я.* Могилы русской земли. М., 1908.
- Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5-107.
- Силантьева Л.Ф.* Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тезисы докладов научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1967. С. 46-48.
- Савельев П.С.* Известия о курганах и городищах // Известия Императорского археологического общества. Т. I. СПб, 1859. С. 148-151.
- Соколов В.* Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 1919а. № 56. С. 39-53.
- Соколов В.* Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них // ИТУАК. 1919б. № 56. С. 60-63.
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.
- Сокольский Н.И.* Валы в системе обороны Боспора // СА. 1957. № 27. С. 92-106.
- Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-17. М., 1969.
- Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. Труды Государственного исторического музея «Памятники культуры». Т. 26. М., 1957.
- Спаский Г.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846.
- Стицын А.А.* Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. // ИАК. 1905. Вып. 17. С. 115-126.
- Стицын А.А.* Фалары южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 18-53.
- Стародубцев В.М.* Новые возможности археологического исследования на мысе Ак-Бурун // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб, 2004. С. 156-160.
- Стародубцев В.М.* Ак-Бурунский некрополь в документах инженерного департамента // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб, 2005. С. 112-117.
- Стёганцева В.Я., Рысин М.Б.* Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 661-782.
- Стоянов Р.В.* Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Там же. С. 522-555.
- Сысов В.М.* Евгений Дмитриевич Фелицын // МАК. 1904. IX. С. I-VII.
- Тизенгаузен В.Г.* Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове (Письмо К.К. Гёрцу) // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. II, 1. М., 1896. С. 39-46.
- Тихонов И.Л.* Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб, 2004. С. 95-117.
- Тихонов И.Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ.

Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб, 2007. С. 220-244.

Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24-59.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 45-99.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. СПб, 1889а.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. Древности скифо-сарматские. СПб, 1889б.

Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и учёные труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб, 1992. С. 172-288.

Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М., 1997. С. 84-123.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб, 2002.

Тункина И.В. История изучения // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010. С. 23-128.

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб, 1995.

Фанагория. По материалам Таманской экспедиции Института археологии РАН. М., 2008.

Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.

Фармаковский Б.В. Заметка о времени сосуда, найденного в одной могиле с костяными тессерами // ИАК. 1904. Вып. 10. С. 125-127.

Фармаковский Б.В. Архаческий период в России // МАР. 1914. Вып. 34. С. 15-78.

Фармаковский Б.В. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921а.

Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Записки Российской академии истории материальной культуры. Вып. 1. Пг., 1921б.

Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.

Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб, 2006.

Фундуклей И. Обзор могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев, 1848.

Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962.

Цветаяева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. № 19. С. 63-86.

Цветаяева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 227-250.

Черненко Е.В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 190-198.

Чистов Д.Е. Некоторые проблемы изучения Мирмекия второй половины V – начала III вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции. СПб, 2006. С. 193-201.

Шаров О.В. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // БИ. 2009. Т. XXII. С. 283-323.

Шауб И.Ю. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 27-33.

- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб, 2007.
- Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. М., 1956.
- Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.). МИА. 1961. № 98.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М., 1985. С. 5-187.
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 150-168.
- Шкорпил В.В.* Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 3. С. 122-165.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. // ИАК. 1903. Вып. 7. С. 74-93.
- Шкорпил В.В.* Отчёт об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 73-177.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 17. С. 1-76.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1-66.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. 1909а. Вып. 30. С. 1-50.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // ИАК. 1909б. Вып. 30. С. 51-98.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 12-47.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 62-91.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 1913а. Вып. 47. С. 1-41.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // ИАК. 1913б. Вып. 47. С. 42-72.
- Шкорпил В.В.* Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // ИАК. 1914а. Вып. 51. С. 119-128.
- Шкорпил В.В.* Названия гончарных мастеров в керамических надписях // ИАК. 1914б. Вып. 51. С. 129-139.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914в. Вып. 56. С. 1-74.
- Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 7-35.
- Шкорпил В.В.* Из архива Керченского музея древностей. VII. Павловский курган // ИТУАК. 1918. № 55. С. 97-109.
- Шмидт Р.В.* К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. 1941. VII. С. 268-279.
- Штерн Э.Р.* Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // ЗООИД. 1900. Вып. XXIII. С. 1-21.
- Штерн Э.Р.* Феодосия и её керамика. Одесса, 1906.
- Шульц П.Н.* Раскопки кургана Кара-Оба в 1968 г. // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. III. Киев, 1968. С. 140-144.
- Шульц П.Н.* Курганы Кара-Оба близ Керчи (раскопки 1967–1969 гг.) // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 55-62.
- Щеглов А.Н.* Тавры и греческая колонизация в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 204-218.
- Энман Н.А.* Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 92-103.
- Яковенко Э.В.* Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 54-60.
- Яковенко Э.В.* Курганы на Темир-горе // СА. 1972. № 3. С. 259-267.
- Яковенко Э.В.* Скифи Східного Криму в V–III ст. до н.э. Київ, 1974.

- Яковенко Э.В.* Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 140-145.
- Яковлев П.С.* Императорская археологическая Комиссия // Вестник археологии и истории. 1888. Вып. VII. Отд. 3. С. 20-22.
- Bentz M.* Panathenäische Preisamphoren. Eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6.– 4. Jahrhundert v. Chr. Basel, 1998.
- Bouzek J.* Studies of Greek pottery in the Black Sea Area. Prage, 1990.
- Cook R.M., Dupont P.* East Greek Pottery. London, New York, 1998.
- Fless F., Lorenz A.* Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // Bilder und Objekte als Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Rahden, 2005. S. 17-25.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporianische Reich. Berlin, 1971.
- Gardner E.A.* Ornaments and armour from Kertch in the New Museum in Oxford // JHS. 1884. Vol. 91. P. 35-47.
- Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin, 1909.
- Markle M.M.* The Makedonian sarissa, spear and related armour // AJA. 1977. Vol. 83. 3. P. 323-339.
- Montpéroux de D.* Voyage autor du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. V. Paris, 1843.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden, 2001.
- Parlasca K.* Gepapyris – nicht Dynamis. Die Bronzebüste einer bosporianischen Königin in Sankt Petersburg // Eurasia Antiqua. 2009. Bd. 15. S. 241-257.
- Pfrommer M.* Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit. Archäologische Forschungen. Bd. 16. Berlin, 1987.
- Pfrommer M.* Untersuchungen zur chronologie Früh- und Hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990.
- Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the Collection. Malibu.
- Rostowzew M.* 1931. Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1993.
- Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Blisniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1990. Bd. 111. S. 105-137.
- Shefton B.* The krater from Baksy // The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens. Cambridge, 1982. P. 149-181.
- Vickers M.* Scythian treasures in Oxford. Oxford, 1979.
- Vickers M.* Scythian and Thracian antiquities in Oxford. Oxford, 2002.
- Vinogradov Yu.A., Butyagin A.M., Vakhtina M. Yu.* Myrmekion – Porthmeus. Two “small” towns of the Ancient Bosphorus // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II. Thessaloniki, 2003. P. 803-840.
- Vinogradov Ju.G.* Die bosporianischen Herrscher // Rostowzew M. Scythien und der Bosphorus. Bd. II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993. S. 223-224.